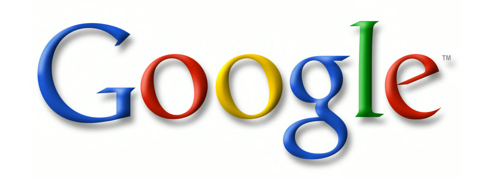
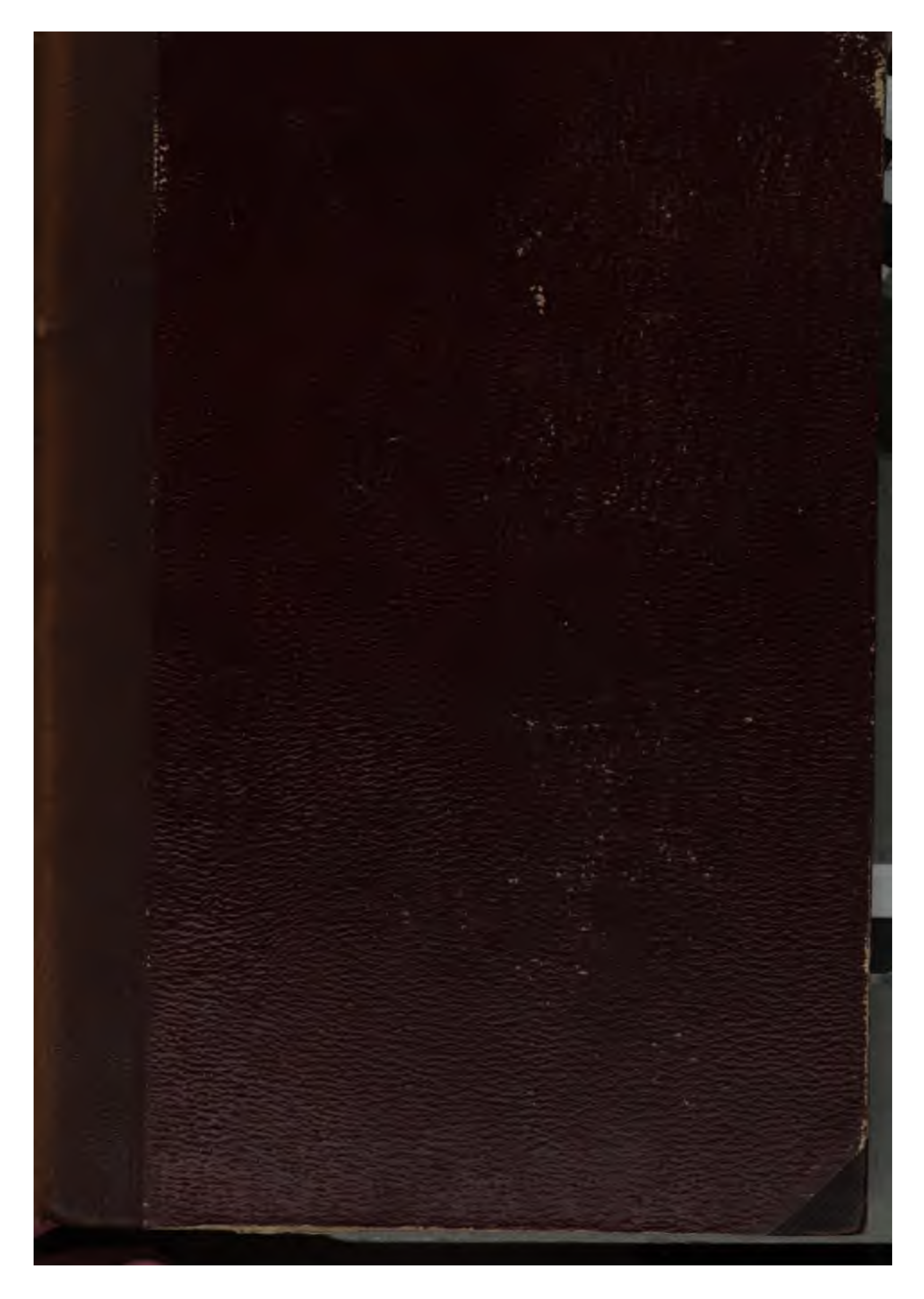

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ЧАСТЬ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 12 Ноября 1853 года.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

СОСѢДЪ.

I.

Не знаю существуетъ ли теперь, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, существовалъ домъ Кузьмы Тихоновича Парѳенина, человѣка холостаго, пожилаго и до крайности робкаго.

Съ жильцами своими обращался Парѳенинъ робко, и не много смѣлѣе съ дворникомъ, котораго называлъ по имени и отчеству. Робость произошла въ Кузьмѣ Тихоновичѣ отъ грубаго обхожденія съ нимъ товарищей по гимназіи, пристававшихъ къ нему, лѣтъ сорокъ назадъ, съ утра до вечера; домъ же съ надворнымъ строеніемъ перешелъ къ нему по наслѣдству отъ отца. Просыпаясь каждое утро съ пѣтухами, Парѳенинъ не зажигалъ свѣчи, а ожидалъ, съ примѣрнымъ терпѣніемъ, очень поздняго иногда появленія свѣта; со свѣ-

томъ же выходилъ въ халатѣ на дворъ, заглядывалъ въ подвалъ къ дворнику, взбирался на чердакъ и пересчитывалъ, отъ нечего дѣлать, печныя трубы, стропилы. На обратномъ пути въ собственный покой, то есть четырехъугольную камору съ однимъ окномъ, посѣщалъ домовладѣлецъ службы жильцовъ, ихъ кухню, людскую, прачечную и конюшню. Жильцовъ своихъ особенно уважалъ Парѳенинъ; и было за что! Подобныхъ имъ не часто встрѣчалъ Кузьма Тихоновичъ.

Домъ Кузьмы Тихоновича состоялъ изъ двухъ съ половиною этажей, съ девятью окнами въ каждомъ на лицевую сторону, и весь этотъ домъ занималъ нѣкто Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій. Впрочемъ «фонъ» рѣдко писалъ самъ Иванъ Михайловичъ, а любилъ чтобы писали другіе. Гарецкій былъ дюжъ, осанистъ, величавъ,важенъ и высокъ ростомъ. Одѣвался онъ чисто, богато одѣвался! одна часовая цѣпь чего стоила! а запонки, а табакерка съ какимъ-то эмалевымъ ландшафтомъ, а перстень съ изумрудомъ и бриллiантами! Сверхъ того, по поступи, по голосу, по самой стрижкѣ волосъ Ивана Михайловича, замѣтенъ былъ не простой чиновникъ, не обыкновенное лице, а лице значительное по всему. Онъ аккуратно каждый день ѣздилъ въ присутствіе, а возвращался въ четвертомъ часу, и обѣдалъ въ четыре. Супруга фонъ-Гарецкаго, Олимпіада Аверкіевна, урожденная княжна Половская, чуть ли не важнѣе была самого Ивана Михайловича. Подлинно сказать, Олимпіада Аверкіевна была настоящая дама, изъ самыхъ деликатныхъ по обращенію. Въ настоящее время, отъ прежней красоты, молодости и пышныхъ формъ, если были таковыя, оставались въ ней, правда, одни кости, кожа, да ногти; волосъ не оставалось. Но за то кожа сохранила всю свою прозрачность, всю свою свѣ-

жесть и бѣлизну; вѣроятно и кости сохранили свои достоинства. Короче, супруга Ивана Михайловича наводила трепетъ на Кузьму Тихоновича однимъ взглядомъ. Встрѣчаясь съ нею, домовладѣлецъ останавливался, снималъ свой картузъ, улыбался, и дотрогиваясь лѣвою рукою до угла рта, спрашивалъ: «Въ добромъ ли здравіи пребывать изволите, ваше высокородіе?» На это привѣтствіе отвѣчала обыкновенно Олимпіада Аверкіевна: — Благодарю васъ, хозяинъ, но въ Аглаичкиной комнатѣ все таки пахнетъ чѣмъ-то не хорошимъ; пожалуйста, похлопочите чтобъ этого не было.

Тутъ Кузьма Тихоновичъ слагалъ всю вину на дворника, увѣряя, что непріятный запахъ происходитъ отъ кислой капусты, и обязывался тотчасъ же истребить ее. Но какъ дворникъ былъ человѣкъ мало уступчивый, то и завязывался у него по этому случаю страшный споръ съ домовладѣльцемъ, оканчивавшійся тѣмъ, что Парѳенинъ приглашалъ дворника кушать все, кромѣ капусты, а первый спрашивалъ, что именно ему кушать, какъ не капусту, и противники съ ворчаньемъ расходились въ разныя стороны.

Аглаю Ивановну, то есть дочь Ивана Михайловича, крайне любилъ Кузьма Тихоновичъ, а равно и всѣ жившіе въ домѣ, не исключая и прислуги. Дѣвицу эту одарило небо красотою и умомъ и добротою сердца чрезвычайною. О дурномъ запахѣ комнаты своей говорила она Парѳенину такъ нѣжно, такъ ласково, что онъ, слушая ее, готовъ былъ бы самъ съѣсть весь капустный запасъ дворника. Да могъ ли онъ справиться съ этимъ разбойникомъ, съ этимъ грубіяномъ?

— Навязала же на меня нелегкая этого чорта, прости Господи! ворчалъ не рѣдко Кузьма Тихоновичъ. — А попробуй, прогони его! вѣдь не пойдетъ, Голіаѳъ про-

*

клятый, не пойдетъ отсюда, что ни есть досаднѣйшаго, либо надѣлаетъ бѣдъ; извести готовъ, такой.

Кромѣ Аглаи Ивановны, было еще трое дѣтокъ у Гарецкихъ: два мальчика и дѣвочка; при нихъ двѣ няни, одна дурная собою, благородная дѣвица, лѣтъ двадцати девяти, двѣ горничныя, да горничная при старшей барышнѣ, еще двѣ при барынѣ. Съ прачками же, поваромъ, кучерами и прочею прислугою гнѣздилось въ домѣ Парѳенина человѣкъ до двадцати дворовыхъ людей, принадлежавшихъ Ивану Михайловичу.

Жили Гарецкіе не совсѣмъ открыто, но и не скупо. По воскресеньямъ на кухнѣ готовился столъ, персонъ на шестнадцать; пирожное же брали въ кандитерской, и столъ убирали апельсинами, виноградомъ и вареньями. Вина присылалъ погребщикъ Ланге, цѣны умѣренной, правда, но сортовъ здоровыхъ, неподрумяненныхъ. Слылъ Гарецкій въ своемъ петербургскомъ кругу не очень умнымъ человѣкомъ, но очень дѣльнымъ, самостоятельнымъ. По мнѣнію общему, слишкомъ высокихъ мѣстъ ему достичь было не легко, однако, послужи онъ еще лѣтъ тридцать... Впрочемъ, все это вещь посторонняя; довольно того, что много встрѣчалось Ивану Михайловичу такихъ людей, которые за честь почитали поклониться ему въ публикѣ, а пожать ему руку за особенное счастіе.

Кузьма Тихоновичъ, замѣчавшій все и провѣдывавшій обо всемъ, зналъ на перечетъ все знакомство почетныхъ жильцовъ своихъ, и завѣрялъ сѣдельнаго мастера, жившаго въ сосѣднемъ домѣ, что много хорошихъ господъ ѣздитъ къ фонъ-Гарецкимъ. Первый — баронъ Кронбруншпицъ, очень, очень умный и ученый человѣкъ, такой красивый изъ себя, румянецъ во всю щеку, и бѣлый такой. Потомъ Богданъ Богдановичъ

Герцфетъ, изъ нѣмцевъ, но очень, очень умный и богатый человѣкъ. Кромѣ барона и Богдана Богдановича, ѣздятъ еще къ фонъ-Гарецкимъ князь Грибкинъ-Ослабушевъ, и видно что знатный, потому что и зиму и лѣто ходитъ въ башмакахъ; также еще Рѣпенинъ, генералъ статскій. Про прочую же мелочь и говорить не стоитъ, а все таки люди значительные, хотя и молодые. Между послѣдними нравился Кузьмѣ Тихоновичу болѣе всѣхъ Корнелій Егоровичъ Лучезарскій, молодой человѣкъ, образованный, милый, обходительный. По мнѣнію Парѳенина, послѣдній всѣмъ былъ бы пара Аглаѣ Ивановнѣ, только не хватало у него состоянія, и чинъ, казалось, былъ не большой. Впрочемъ, Иванъ Михайловичъ обходился съ Корнеліемъ Егоровичемъ очень ласково и принималъ его къ себѣ запросто, какъ близкаго. Корнелій Егоровичъ носилъ такое тонкое бѣлье, что почти все насквозь было видно; и цѣпь носилъ золотую, толстую, и часы плоскіе, и очки золотые. Лѣтомъ же, что день мѣнялъ молодой человѣкъ галстухи, мѣнялъ часто самые сюртуки, одинъ лучше другаго. Когда семейство фонъ-Гарецкихъ отправлялось на гулянье, въ четверомѣстной коляскѣ, впереди, то есть спиною къ кучеру, всегда сидѣла Аглая Ивановна, рядомъ съ Корнеліемъ Егоровичемъ. Всѣ, даже люди, говорили, что всѣмъ бы онъ ей пара, да состоянія не хватаетъ, и чинъ, кажется, малый; старые господа за такого не отдадутъ.

Комнаты Ивана Михайловича были отдѣланы отличнѣйшимъ манеромъ. Гостиная, въ особенности, казалась очень богатою домовладѣльцу: вездѣ шелкъ и гардины и мебель; припасъ позолоченый, а на креслахъ и диванахъ такія узорчатыя плетеныя штуки, чтобы головами не замарали матерію; все такъ умно придумано! Въ клѣткѣ рѣдкостный попугай, зеленый, съ красною

головкою, словно человѣкъ какой нибудь разговариваетъ; и по французски говоритъ, и по нѣмецки говоритъ, и по русски также. А житье-то ему какое! питается чистымъ сахаромъ, и попрыскиваютъ его бѣлымъ, чистымъ виномъ. Иванъ Михайловичъ, сказывали, самъ купилъ птицу на биржѣ, и заплатилъ дорого.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя сѣдельнымъ мастеромъ отъ Кузьмы Тихоновича Парѳенина о семействѣ Ивана Михайловича фонъ-Гарецкаго. Свѣдѣнія эти казались вѣрными, потому что, дѣйствительно, постояннымъ гостемъ его былъ Корнелій Егоровичъ Лучезарскій; наѣзжали не рѣдко и баронъ Кронбруншпицъ, и дѣйствительный статскій совѣтникъ Рѣпенинъ, и Богданъ Богдановичъ Герцфетъ. Послѣдняго называлъ Иванъ Михайловичъ большимъ плутомъ, потому что у Богдана Богдановича была такая странная физіономія, и глаза какъ у кошки, и выражался онъ, хотя не чисто по русски, но сладко и съ улыбкою. О чести своей онъ говорилъ со слезами на глазахъ, состояніе же нажилъ порядочное, а какъ нажилъ, неизвѣстно. Богданъ Богдановичъ любилъ отличнѣйшія вина, держалъ роскошный столъ, ѣздилъ въ каретѣ; родовыхъ же у него не было ни души, а за покойною женою взялъ не много. Какимъ образомъ попалъ Богданъ Богдановичъ въ бары, было тайною для всѣхъ. При встрѣчѣ съ барономъ, Герцфетъ каждый разъ крѣпко обнималъ и цѣловалъ барона, называлъ его «мой безподобный», и знакомъ онъ былъ съ нимъ, повидимому, давно. Оба, кажется, родились въ Вестфаліи. У барона былъ, на какомъ-то морѣ, какой-то островъ, которымъ онъ страхъ чванился. На этомъ островѣ, по словамъ барона, люди доживали обыкновенно до ста лѣтъ, и хлѣба родились самъ двадцать. Главный же доходъ острова состоялъ изъ сыра, необыкно-

веннаго вкуса, доведеннаго, агрономическими знаніями барона, до невозможнаго совершенства. Слушая разсказы про чудеса острова, дальній родственникъ Олимпіады Аверкіевны, князь Грибкинъ-Ослабушевъ, недовѣрчиво покачивалъ головою и подмигивалъ дѣйствительному статскому совѣтнику Рѣпенину, который въ отвѣтъ щурилъ глазки и взводилъ ихъ къ потолку.

Дѣйствительно, есть, кажется, гдѣ-то на Балтійскомъ морѣ, такіе острова, на которыхъ люди родятся такіе точно, какъ баронъ Кронбрўншпицъ, а именно: высокіе, полные, бѣловолосые, съ бѣлыми же рѣсницами, съ пушкомъ на розовыхъ щекахъ и 35-ти лѣтнемъ подбородкѣ, съ толстыми губками, съ бѣлыми зубками, съ оловянными глазками и дѣтскимъ голоскомъ. Все у нихъ какъ-то и очень велико, и очень мягко, и очень кругло. Дотронешься до ихъ щеки, останется на нѣсколько минутъ бѣлое пятно: такая нѣжность! Острова эти изобилуютъ знаменитыми агрономами, составляющими цѣлые томы всякихъ экономій. А сколько пользы приносятъ эти экономіи, вычислить невозможно. Благодаря знакомству своему съ барономъ, Иванъ Михайловичъ завелъ въ деревняхъ своихъ девятипольное хозяйство, и на раздробленныхъ поляхъ не сѣялъ развѣ однихъ только бусъ, да бисеру! Коровъ замѣнилъ онъ овцами; послѣднимъ настроилъ какихъ-то залъ, только что не съ хорами; свиней кормилъ солодомъ, поилъ пивомъ; барона же угощалъ портеромъ, и не простымъ, а англійскимъ, предорогимъ. Больше всѣхъ восхищалась и превозносила барона княжна Евгенія Аверкіевна, родная и меньшая сестра Олимпіады Аверкіевны, то есть, хотя и меньшая, однако же дѣвица черезъ чуръ зрѣлая, лѣтъ этакъ тридцати девяти, чтобъ не сказать сорока, а можетъ быть гораздо болѣе. Княжна жила од-

на, но изъ приличія не держала стола, и чаю мало держала, а ходила ежедневно кушать къ сестрѣ. Евгенія Аверкіевна носила немилосердый корсетъ, давилась имъ до нельзя, чистила зубы поташемъ, волосы притягивала къ макушкѣ, для сглаживанія морщинъ на лбу и вискахъ. Душилась княжна вервеномъ, сама вышивала себѣ юпки англійскимъ швомъ, украдкой понюхивала табакъ, и любила безъ памяти арію Мейербера: Parmi les pleurs! Квартиру или квартирку свою отдѣлала княжна со всею роскошью, доступною, по ея мнѣнію, одинокой дѣвицѣ. Въ какую бы сторону ни обратился взоръ на этой квартиркѣ, вездѣ встрѣчалъ онъ воздушную кисею и зелень, зелень и воздушную кисею. И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть проще и эѳирнѣе гостинодворской, дешевенькой кисеи и натуральной зелени! Все это было пропитано вервеномъ, и голубой диванчикъ, и четыре табуретки съ кисточками, и скамеечки съ клѣточками, и больше ничего! Въ спальню княжны не проникалъ свѣтъ дневной, почему и пахло въ этомъ таинственномъ убѣжищѣ сыростью. Ежегодно, въ день своего ангела, княжна приглашала къ себѣ близкихъ родственниковъ и самыхъ короткихъ знакомыхъ, на чашку шоколату съ бріошами; послѣ же шоколата подавали двѣ горничныя коробочку конфектъ, изъ кандитерской à la Renommée. Между родными или самыми короткими знакомыми являлся къ ней и баронъ, которому Евгенія Аверкіевна крѣпко жала за это руку и приговаривала: que vous êtes gentil! или: à la fin des fins vous voilà! и тому подобное.

Съ какою дѣтскою радостью предложила бы княжна барону половину своего полувоздушнаго убѣжища, съ зеленью и кисеею! Но баронъ былъ не таковъ, и Аглая Ивановна казалась ему привлекательнѣе во сто кратъ. У Аглаи Ивановны были сверхъ того кое какіе мужички,

и землица, весьма удобная для раздробленія на девять полей. Иванъ Михайловичъ, какъ большая часть отцевъ многочисленныхъ семействъ, не очень хлопоталъ о замужествѣ дочери, и всю свою надежду онъ полагалъ на старшаго сына, капризнаго мальчика лѣтъ десяти. На немъ одномъ сосредоточили родители всю нѣжность и заботы. Чего не привозилъ ему ежедневно отецъ! то каску съ бѣлымъ хвостомъ, то барабанъ, то гусарскую лядунку, то лошадь въ телячьей шкурѣ; всякимъ же лакомствамъ мѣры не было. Книгъ не возилъ, боясь испортить зрѣніе; за то, появись только въ игрушечныхъ лавкахъ что нибудь издающее звукъ, Иванъ Михайловичъ безъ торга пріобрѣталъ штуку со звукомъ, и бережно отвозилъ ее домой. «Музыкантъ будетъ!» говаривалъ старикъ фонъ-Гарецкій, когда сынокъ его посредствомъ новаго инструмента производилъ оглушительный шумъ по цѣлому дому. Остальныя дѣтки могли бы и не существовать; о нихъ заботились нянюшки, и заботилась Аглая Ивановна. Старшая дочь Ивана Михайловича, по счастью, родилась еще въ ту эпоху, когда Иванъ Михайловичъ служилъ въ губерніи и жилъ въ совершенной простотѣ. Супруга его, хотя и княжескаго, но не богатаго рода, проживавшая постоянно въ деревнѣ, не мечтала еще о величіи, о знатности, и первые годы замужества посвятила не свѣту, а семейнымъ обязанностямъ. До девяти лѣтъ росла Аглая въ скромныхъ стѣнахъ губернскихъ. Игры ея дѣлили дѣти родныхъ домовъ, и какъ веселы были игры, и жизнь какъ весела! Вдругъ пріѣхалъ въ ту же губернію князь Половскій, двоюродный дядя Олимпіады Аверкіевны. Племянницу свою онъ принялъ какъ близкую родственницу, мужа ея обласкалъ, а годъ спустя перезвалъ Ивана Михайловича на службу въ Петербургъ, и доставилъ ему прекрасное

мѣсто. Забилось честолюбіемъ сердце Гарецкаго, вознесся онъ мысленно превыше облаковъ, забылъ прежнихъ друзей, сталъ пренебрегать родствомъ, и поселившись въ столицѣ, совершенно отдѣлился отъ своей родной губерніи. По счастью для стариковъ Гарецкихъ, природа не одарила ихъ способностью распознавать истинное расположеніе людей отъ корыстнаго, и то, что они принимали за дружбу знакомыхъ, было только желаніе знакомыхъ попить, поѣсть и повеселиться на чужой счетъ. Тѣ же, которымъ знакомство съ Иваномъ Михайловичемъ не приносило существенной пользы, и не заглядывали къ нему. Въ числѣ ихъ былъ и знатный родственникъ ихъ, князь Половскій, тотъ самый, который перевелъ Гарецкаго изъ губерніи въ Петербургъ.

Въ такомъ порядкѣ проводили жизнь свою дѣйствующія лица моего разсказа, вплоть до декабря мѣсяца 184... года.

II.

Мы сказали выше, что княжна Евгенія Аверкіевна Половская однажды въ годъ отступала отъ обыкновенія своего; кушать ежедневно чай внѣ дома, и отступленіе это дѣлала она въ день своихъ имянинъ, то есть 24 декабря. Слѣдовательно, 23 декабря 184... года, княжна Евгенія пригласила къ себѣ фонъ-Гарецкихъ и нѣкоторыхъ изъ близкихъ лицъ, а именно: Рѣпенина, барона, князя Грибкина, Богдана Богдановича и Корнелія Егоровича Лучезарскаго. Всѣхъ ихъ предупредила княжна, что не приметъ иначе, какъ en grande tenue. Причину подобнаго предупрежденія обѣщала Евгенія Аверкіевна пояснить въ началѣ имянинняго вечера. Дѣйствительно,

должно было произойти въ этотъ день имянинъ нѣчто необыкновенное, потому что съ ранняго утра двадцат четвертаго числа выпрошены были княжною у Ивана Михайловича парныя старыя сани съ дышломъ, съ Ѳедоткою, заштатнымъ кучеромъ, и приглашена Аглая для закупки всего нужнаго къ угощенію. Объѣзжены были въ это утро и всѣ Милютинскія лавки, и Щукинъ дворъ, и Апраксинъ дворъ, и кандитерскихъ съ двадцат. Накуплено было не много, но достаточно, потому что, по мнѣнію княжны, въ маленькой квартирѣ и у дѣвицы, много кушать неприлично. Отобѣдавъ, по обыкновенію, съ своими и у своихъ, Евгенія Аверкіевна набросила на себя манто, взяла человѣка, выпрошеннаго, между прочимъ, для вечерней прислуги, и отправилась домой. Въ семь часовъ окончился туалетъ перезрѣлой имянинницы и начались окончательныя приготовленія къ торжеству.

Переднюю, очень тѣсную, почистили, помыли; изъ угловъ повытаскали застарѣвшую паутину; изъ за круглой желѣзной печки вымели залежавшійся соръ, а къ притолкѣ дверей прибили стѣнную лампу, добытую на время у Гарецкихъ. Въ единственной пріемной княжны вытрясли пожелтѣвшую кисею, прорванныя мѣста ея прикрыли новыми складками; съ плечъ алебастровой Психеи осторожно смыли губкою слѣды лѣтнихъ мухъ; въ разноцвѣтномъ фонарикѣ, привѣшенномъ къ потолку, зажгли стеариновый огарокъ; гардины оконъ опустили, а дверь въ опочивальню затворили до половины. Въ кисейномъ пріютѣ имянинницы долженъ былъ царствовать въ въ этотъ вечеръ тотъ полумракъ, который располагаетъ сердца мужчинъ къ страстнымъ ощущеніямъ, а женскія сердца къ нѣжной меланхоліи. Сверхъ того, хозяйкѣ квартиры страхъ хотѣлось тѣмъ же полумракомъ скрыть кое какія пятнышки, появившіяся на дѣв-

ственной кисеѣ стѣнъ, на потолкѣ, на коврахъ и коврикахъ, на зеркалѣ, мебели, и даже на лицѣ самой княжны Евгеніи Аверкіевны. Нарядясь въ бѣлое тарлатановое платье, раздутое тремя туго накрахмаленными юпками, она сидѣла уже, раздушенная вервеномъ, противъ зеркальца, когда явился первый гость. То былъ Корнелій Егоровичъ Лучезарскій, привлекательный брюнетъ, съ подвитыми волосами, карими глазами и съ тою улыбкою на устахъ, которою говорятъ: не правда ли, что не любить меня довольно трудно?

Корнелій Егоровичъ держалъ въ лѣвой рукѣ шляпу, а въ правой розовый корнетъ съ конфектами. Приблизясь къ героинѣ праздника, молодой человѣкъ поклонился очень граціозно и поднесъ свой подарокъ, съ объясненіемъ, что, желая доставить ей хотя нѣсколько сладостныхъ минутъ, и не надѣясь достичь цѣли этой собственными средствами, онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ Беранже.

— Вы черезъ чуръ скромны, кокетливо замѣтила имянинница.

— Почему же это? спросилъ, жеманясь, красавецъ.

— Потому что къ чужимъ средствамъ вамъ прибѣгать не нужно.

— Или вы слишкомъ снисходительны, или вы méchante, княжна.

— Посмотритесь въ зеркало, взгляните, какъ вы хороши сегодня.

— Княжна, я краснѣю.

— Будто бы? или вы не привыкли къ такого рода истинамъ?

— Отъ васъ слышу въ первый разъ.

— Не все ли равно вамъ, что я говорю и что думаю? Для васъ мои слова, Mr Корнелій, совершенно ничтожны.

— Вы этого не думаете.

— Право, убѣждена.

— Напрасно, княжна, клянусь вамъ, напрасно...

Лучезарскій, не знавшій какъ бы приличнѣе перейти къ предметамъ менѣе чувствительнымъ, занялся сниманіемъ перчатокъ, установкою шляпы; но, вспомнивъ о весьма обыкновенномъ и давно извѣстномъ средствѣ продолжать нравиться, не говоря даже о любви, сталъ превозносить убранство комнатъ, или, лучше сказать, единственной пріемной комнаты княжны.

— Какъ здѣсь хорошо, какъ мило! воскликнулъ Лучезарскій съ энтузіазмомъ.

— Право?

— Очаровательно, Евгенія Аверкіевна.

— Просто, но чисто по крайней мѣрѣ.

— Очаровательно, а не то, что чисто.

— Да, проговорила княжна сантиментально: сколько отрады даетъ одиночеству подобный уголокъ, сколько передумаешь иногда, сидя на каждомъ изъ этихъ табуретовъ!...

— Это я понимаю!

— А у васъ, Корнелій Егоровичъ, такъ же мило, такъ же уютно?

— О, нѣтъ, княжна, напротивъ. Не принадлежа себѣ почти никогда, я мало обращаю вниманія на тѣ предметы, которыми окруженъ.

— Сердце, а слѣдовательно и все вниманіе внѣ собственныхъ стѣнъ, замѣтила имянинница лукаво.

Молодой человѣкъ потупилъ взоръ.

— Въ самомъ одиночествѣ вы, мысленно, все таки не одни, Корнелій Егоровичъ.

— Какъ... это... княжна?

— О, вы очень хорошо меня понимаете, очень хорошо.

— Право, не совсѣмъ.

— Не уже ли я ошиблась?

— То есть, въ чемъ же-съ?

— Въ томъ, что большею частью васъ владѣетъ другое существо.

— Помилуйте, достоинъ ли я подобной чести?

— Браво, браво, какая неслыханная скромность!

— Ей ей, говорю по убѣжденію... Но позвольте, кажется, кто-то пріѣхалъ; я слышу чей-то голосъ.

— Ахъ, это голосъ дяди; не уже ли онъ такъ рано?

— Дядюшки вашего, князя Павла Дмитріевича? спросилъ Лучезарскій съ безпокойствомъ.

— Да, его!

— И вы не предупредили меня, княжна?

— Зачѣмъ же?

— Но ловко ли мнѣ? Я въ черномъ галстухѣ.

— Что же такое?

— Все таки...

— Полноте, полноте, останьтесь какъ вы есть; дядя не взыскателенъ; я познакомлю васъ.

Княжна медленно привстала съ кушетки, и едва успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ дверямъ передней, какъ въ дверь эту вошелъ старикъ, въ военномъ генеральскомъ сюртукѣ.

— Дядюшка! вотъ мило, такъ мило! сказала имянинница, обнимая вошедшаго: лучшаго подарка вы мнѣ сдѣлать не могли...

Князь Павелъ Дмитріевичъ Половскій, тотъ самый, которому обязанъ былъ Иванъ Михайловичъ Гарецкій своимъ петербургскимъ мѣстомъ, представлялъ типъ почтенныхъ людей прошлаго вѣка. Непринужденная короткость его въ обращеніи приписывалась многими гордости. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, ста-

рикъ не поклонился Лучезарскому, а прежде спросилъ княжну:

— Кто же это у тебя, Евгенія?

— Это очень короткій мой знакомый, дядюшка, Корнелій Егоровичъ Лучезарскій, отвѣчала та.

Молодой человѣкъ почтительно поклонился.

— Какой красивый! замѣтилъ князь: а служитъ онъ?

— При Иванѣ Михайловичѣ фонъ-Гарецкомъ, спѣшилъ сказать чиновникъ.

— Какой фонъ-Гарецкій? такихъ я не знаю! да и есть ли полно такіе?... Гарецкіе, сударь, русскіе, а фонъ нѣмецкое слово; откуда же добылъ онъ себѣ этотъ фонъ?

— Такъ, по крайней мѣрѣ, называетъ себя Иванъ Михайловичъ....

— Глупо дѣлаетъ! Слово «фонъ» чисто нѣмецкое слово, и напрасно...

— Дядюшка, перебила княжна: какъ же вамъ нравится мой пріютъ? не правда ли, что не дуренъ?

— Тѣсноватъ, мой другъ, отвѣчалъ старикъ, усаживаясь на кушетку: а впрочемъ, такъ себѣ, живетъ! А дорого платишь?

— Отгадайте.

— Стоитъ ли, моя милая!

— Пожалуйста отгадайте, дядюшка.

— Вѣкъ такихъ клѣтокъ не нанималъ, такъ и не знаю. Сегодня же случилась со мною небывальщина, и престранная, право.

— Что это, дядюшка? спросила княжна съ притворнымъ безпокойствомъ.

Молодой человѣкъ удвоилъ вниманіе.

— Сегодня, повторилъ старикъ: представься мнѣ, что имянинница невѣстка Луки Васильича. Ну, старый пріятель, нечего дѣлать, ѣду съ поздравленіемъ. Поми-

луйте, говоритъ, и не думала, а вотъ осенью.... И впрямь, какъ вспомнилъ, такъ точно осенью бываетъ имянинница... проѣхался по пустякамъ....

— Вотъ что-съ!

— Да и самъ не понимаю, какъ таки было такъ ошибиться. Забылъ, совсѣмъ забылъ. Аглаичка будетъ у тебя?

— Какъ же, дядюшка, непремѣнно будетъ; я даже удивляюсь, отчего ея нѣтъ до сихъ поръ. Вы видѣли ее сегодня, Корнелій Егоровичъ?

— Я-съ... я-съ, княжна, заѣзжалъ къ Ивану Михайловичу часу въ третьемъ.... (Лучезарскій попунцовѣлъ) и не имѣлъ чести видѣть Аглаи Ивановны.

— Я такъ спросила. Впрочемъ, какое сомнѣніе, дядюшка, и можетъ ли быть чтобы сестра и племянница манкировали сегоднишній вечеръ? Онѣ знаютъ, что и вы, дядюшка, пожалуете.

— То-то, моя милая! Аглаичку я очень люблю, премилая она, кажется, и добрая.

— Очень, очень добрая.

— Лучшая вещь....

— Ангельской кротости, рѣдкихъ свойствъ дѣвица, продолжала княжна, бросая выразительные взоры на молодаго человѣка, который, сидя очень прямо на табуретѣ, не зналъ за что взяться и чѣмъ скрыть возраставшее смущеніе.

— Что же намѣренъ дѣлать Иванъ Михайловичъ съ меньшими-то? спросилъ старикъ: у него вѣдь, кажется, еще двое или трое?

— Два сына и дочь, дядюшка!

— То-то же! я и говорю, съ такимъ запасомъ поневолѣ призадумаешься. Онъ же балуетъ ихъ. Осенью что ли, собрался я какъ-то въ Царское по желѣзной дорогѣ;

вотъ и сижу въ ожиданіи отъѣзда; много военныхъ было въ залѣ. Вдругъ, смотрю, откуда ни возьмись мальчишка, этакой не пригожій; на немъ каска, лядунка тамъ дѣтская, сабля поверхъ рубашки; расхаживаетъ себѣ вдоль да поперегъ; надоѣлъ до смерти. Чей бы это, думаю? Гляжу, и Иванъ Михайловичъ тутъ; очень доволенъ сынкомъ. Ты бы розгами его, говорю, да за указку, а то въ рубашкѣ, лядунка черезъ плечо... сабля тамъ привѣшена.

— Сестра Олимпіада прочитъ Ваню въ военную службу, дядюшка.

— Дѣло хорошее, такъ пора бы и пріучать....

— Онъ такъ еще малъ.

— Сѣчь можно.

— Что вы, дядюшка, за что же?

— За то, милая, чтобы умнѣе былъ, а то, сама посуди: подходитъ то и дѣло; не поклонишься ему, не отстанетъ. Добро бы еще одинъ разъ; по пяти подходитъ! шутка ли жь это? вѣдь надоѣстъ, кому хочешь надоѣстъ.

— Это забавляетъ, дядюшка, Ивана Михайловича.

— А забавляетъ его, такъ самъ и забавляйся съ сынкомъ келейно, въ своемъ кабинетѣ; а въ публичныхъ мѣстахъ не годится, воля твоя. Еще бы вздумалъ онъ посадить мальчишку на лошадь, да возить его такъ повсюду, вѣдь ноги бы отдавилъ подъѣзжая; взялъ такую манеру, мало ли какихъ бы бѣдъ надѣлалъ? Дѣтскія потѣхи пріятны родителямъ, можетъ быть, я самъ этого не испыталъ, не знаю; постороннему же человѣку какое дѣло, готовятъ ли дѣтей въ военную, либо въ статскую службу!

— Я и то, дядюшка, уже нѣсколько разъ говорила сестрѣ, что они балуютъ Ваню.

— Мать въ это, вѣрно, не входитъ, милая, а роденька твой упрямъ, такъ съ нимъ бы попроще какъ нибудь. Собрать бы дѣтскій-то желѣзный хламъ, да и въ печь бы; многимъ угодила бы, право. Изъ всѣхъ дѣтокъ чуть не будетъ ли лучшенькая Аглаичка; она скромная такая.

— Очень скромная.

— Какъ же бы того... замужъ ее поскорѣе....

Лучезарскій вспыхнулъ.

— Почти пора, дядюшка, замѣтила княжна.

— Чего почти, милая, пора настоящая. Ей лѣтъ восемнадцать?

— Да, дядюшка.

— А есть женихъ на примѣтѣ?

Лучезарскій покрылся багровыми пятнами.

— Нѣтъ еще, кажется, нѣтъ.

— Слишкомъ взыскательными опять не нужно быть, продолжалъ князь: чего добраго, засидится; не хорошо; вотъ, хоть бы ты, Евгенія.

— Я, дядюшка, чрезвычайно счастлива.

— Увѣряй....

— Право, чрезвычайно счастлива, дядюшка.

— Пустяки, моя милая, не отчего и быть уже такъ чрезвычайно счастливою; все вдвоемъ веселѣе, сама природа назначила....

— Природѣ какъ угодно, дядюшка, поспѣшила перебить сконфуженная дѣва, а я своего настоящаго положенія не промѣняю ни на какое въ мірѣ.

— Ну, какъ хочешь. Аглаичку же оставлять въ дѣвкахъ не должно; она сдѣлаетъ мужа счастливымъ; для этого все есть у нея; и вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ сына нѣчто въ родѣ картоннаго драгунчика, лучше бы похлопотать Ивану Михайловичу о дочкѣ.

— Вы, дядюшка, нападаете на Ивана Михайловича.

— Нападаю? я?

— Вы, дядюшка, вы.

— Полно, моя милая, нужда мнѣ большая! что хочетъ онъ, то и дѣлай; я такъ говорю, изъ участія къ дѣвочкѣ.

Князь понюхалъ табаку, а княжна, вынувъ изъ ящика три тоненькія разноцвѣтныя папироски, поднесла ихъ старику.

— Не курю, мой другъ, этой дряни, сказалъ тотъ, отводя отъ себя руку родственницы.

Имянинница поднесла тѣ же папироски Лучезарскому, который не зналъ взять ли, или не взять, и курить ли, или не курить при почетномъ гостѣ. Угадавъ недоумѣніе молодаго человѣка, старый князь замѣтилъ, обращаясь къ нему, что хотя онъ и не любитъ табачнаго дыму, но переноситъ его, и потому проситъ не церемониться. Корнелій Егоровичъ граціозно всталъ, взялъ съ поклономъ папироску, и на цыпочкахъ вышелъ съ нею въ прихожую.

— Кто это, милая, у тебя? спросилъ снова старикъ у княжны.

— Нѣкто Лучезарскій, дядюшка.

— Кудревато прозваніе.

— Онъ дворянинъ, дядюшка.

— Знаю, что дворянинъ. А по какому случаю, моя милая, находится онъ здѣсь?

— Но я уже сказала вамъ, дядюшка, что Корнелій Егоровичъ служитъ при Иванѣ Михайловичѣ.

— Да, да, понимаю; стало сегодня у тебя будетъ много этакихъ служащихъ?

— О, нѣтъ, изъ служащихъ одинъ онъ, Лучезарскій....

— А кудревата фамилія.

— Фамилія старая, дядюшка.

— Охъ, наврядъ ли!

— Право, изъ самыхъ старыхъ.

— Мудрено! довелось бы слышать, не первый годъ живу, а не слыхалъ! къ тому же въ старину именовали проще, куда проще.

Въ это время въ прихожей раздался новый шумъ, новый голосъ, который вдругъ затихъ, и, нѣсколько минутъ спустя, явился, въ сопровожденіи Корнелія Егоровича, Богданъ Богдановичъ Герцфетъ, тоненькій человѣчекъ съ лысиною, прикрытою задними волосами, въ застегнутомъ цвѣтномъ фракѣ и съ привѣтливою улыбкою на устахъ. Богданъ Богдановичъ подошелъ къ рукѣ имянинницы, выговорилъ, дрожащимъ отъ сердечнаго волненія голосомъ, свое поздравленіе, и потомъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ князю. Старикъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и нагнулся уже было къ родственницѣ чтобъ спросить и о новомъ гостѣ, но послѣдняя предупредила его, назвавъ тоненькаго господина по имени, отчеству и прозванію.

— Я имѣлъ честь и счастіе встрѣчать ваше сіятельство у его высокопревосходительства Кирилы Александровича, проговорилъ униженно Богданъ Богдановичъ.

— Очень можетъ быть, очень можетъ быть; съ покойникомъ мы часто видались.

— Какъ же-съ, ваше сіятельство, и его высокопревосходительство по вторникамъ давали обѣды.

— Кромѣ того мы видались; я, правду сказать, не люблю этихъ званыхъ обѣдовъ, этихъ сборищъ; не люблю толпы.

— Пренепріятно, правда, истинная правда, ваше сіятельство.

— Вы же какъ знали Кирилу Александровича? спросилъ старикъ.

— Какъ не знать! Да покойникъ, ваше сіятельство, часто удостоивалъ меня особеннымъ вниманіемъ, даже совѣтами моими пренебрегать не изволилъ въ важныхъ дѣлахъ....

— Стало, хлопотали по его дѣламъ?

— Не то чтобы хлопоталъ, а случалось служить опытностью, кое какими ничтожными знаніями по хозяйственнымъ и прочимъ частямъ.

— Кстати, перебилъ князь: покойникъ не задолго до смерти говорилъ мнѣ о какой-то машинѣ, доставленной ему для обработки полей по новой англійской методѣ.

— Ну, именно, именно, ваше сіятельство.

— И жаловался, что никуда не годится; всѣ, говорилъ, земли перепортилъ и....

— Какъ-съ?

— Очень не доволенъ остался Кирила Александровичъ нововведеніями, и, помнится, называлъ какого-то барона....

— Барона Кронбруншпица?

— Ну, да, да, его, его. Пустѣйшій, говорилъ онъ, человѣкъ, хвастунишка, наглый хвастунишка. Вы его знаете?

— Барона-съ? спросилъ Богданъ Богдановичъ, будто бы стараясь припомнить, знакомъ ли онъ съ барономъ. — Да-съ, ваше сіятельство, мы встрѣчаемся съ нимъ, и даже здѣсь, у княжны.

— Какъ, моя милая, ты принимаешь этого пострѣла?

— Почему же нѣтъ, дядюшка? Баронъ прелюбезный человѣкъ, отвѣчала Евгенія Аверкіевна.

— Его, однако же, поругиваютъ, и очень!

— Не знаю кто и за что; я же давно знакома съ нимъ и ничего не замѣтила въ немъ такого предосудительнаго. Баронъ образованный, очень хорошо воспитанный молодой человѣкъ.

— Полно, тотъ ли, что промышляетъ машинами?

— Вѣрно не тотъ, дядюшка!

— А я такъ думаю-съ, что тотъ, княжна, подхватилъ Герцфетъ: другаго барона Кронбрунншпица нѣтъ въ Петербургѣ, и ихъ сіятельство говорятъ именно про ту машину, которую, дѣйствительно, баронъ рекомендовалъ покойному Кирилѣ Александровичу.

— Не рекомендовалъ, а продалъ, замѣтилъ князь.

— Или продалъ-съ, не знаю; только слышалъ я отъ самого покойника.

Появленіе Ивана Михайловича съ супругою, дочерью и старшимъ изъ сыновей, прервало на время начатой разговоръ, и громкія лобзанія начались въ комнатѣ. По всѣмъ пріемамъ прибывшаго семейства, по радости, выразившейся въ глазахъ фонъ-Гарецкихъ, можно было подумать, что князь Половскій прибылъ только что изъ Остъ-Индіи и привезъ имъ пудовъ тысячу золота и прочихъ драгоцѣнностей, такъ ластились родственники къ высокому своему покровителю, такъ увивались они вокругъ стараго князя Павла Дмитріевича.

— Вотъ утѣшили, именно по княжески утѣшили, кричалъ Иванъ Михайловичъ. — Какъ не уважать и не любить такого почтеннаго патріарха, который, можно сказать, души наши притягиваетъ снисходительностью, подобно магниту, который....

— А мы только что говорили о васъ, мой милый, перебилъ князь: и въ противность теперешнимъ словамъ вашимъ, Иванъ Михайловичъ, патріархъ осуждалъ...

— Кого же это, ваше сіятельство?

— Васъ, почтеннѣйшій, васъ, мой милый.

— Можетъ ли статься?

— Право.

— А за какое прегрѣшеніе?

— За слабость вотъ къ этому; драгунъ онъ что ли?...

— Какъ, за моего Ванюшу?

— Именно; баловать изволите черезъ мѣру, а нужно бы малаго сѣчь, да учить...

— Учить учимъ, ваше сіятельство, а до розогъ, благодаря Бога, не доходили еще, что будетъ дальше.

— А что будетъ? что дальше, то хуже.

— Избави Всевышній; кажется, воспитаніемъ дѣтскимъ занимаемся сами.

— То-то и худо. Родители часто бываютъ пристрастны, Иванъ Михайловичъ, часто бываютъ слѣпы къ дѣтямъ, особенно къ фаворитамъ. Для чего бы, напримѣръ, надѣвать на него эту каску и побрякушки? Насъ съ вами въ эти годы одѣвали прилично; ну, поступитъ на царскую службу, тесакъ черезъ плечо, либо саблю привѣсятъ, тогда и носи....

— Охъ! какой же вы строгій, ваше сіятельство.

— Ты не слушай этого стараго, папаша; онъ не смѣетъ мнѣ приказывать, воскликнулъ Ваня, указывая пальцемъ на князя.

— Что ты, что ты это? да какъ ты смѣешь такъ говорить про дѣдушку! поспѣшилъ перебить Иванъ Михайловичъ. — Да знаешь ли что онъ можетъ съ тобою сдѣлать?...

— Ничего не смѣетъ, ничего не смѣетъ.

— Молчи, негодный, молчи,

— Не хочу!

— Такъ подожди же!

— Чего ждать, а этого стараго....

— Оставьте его, мой милый. Въ одну минуту не исправите того, что портили десять лѣтъ сряду, замѣтилъ князь, и обратился къ разговаривавшимъ между собою Олимпіадѣ и Евгеніи Аверкіевнамъ.

Въ это время фонъ-Гарецкій пустился, было, увѣщавать своего фаворита, но видя, что слова остаются безъ дѣйствія, нѣжный отецъ приложилъ широкую ладонь своей руки къустамъ Вани, а помощью другой и колѣна препроводилъ сынка въ темную спальню свояченицы. Долго еще долетали до слуха гостей несвязныя родительскія фразы, перемѣшанныя словами: «молчи, молчи, вотъ я тебя, да еще такихъ задамъ» и проч., и проч. въ этомъ родѣ. Въ квартирѣ дорогой имянинницы, кромѣ слуги, выпрошеннаго хозяйкою на вечеръ, прислуживали гостямъ двѣ горничныя, одѣтыя въ бѣлыя коленкоровыя платья, съ короткими рукавами, изъ подъ которыхъ торчали грубыя и красныя руки. На шеяхъ у горничныхъ были розовенькіе барежевые платочки, а лифы оканчивались большими мысами, обшитыми чѣмъ-то розовымъ же. Суета и жаръ единственной гостиной покрыли лица женской прислуги крупными каплями поту. Дѣвы начали угощеніе шоколатомъ, за которымъ послѣдовали конфекты, крымскія яблоки, апельсины и сладкіе кандитерскіе пирожки. Тѣмъ и долженъ былъ кончиться праздникъ, весьма озаботившій хозяйку. Княжна начинала уже съ безпокойствомъ поглядывать на часы и на гостей, переговорившихъ, повидимому, другъ съ другомъ обо всемъ интересномъ, какъ вдругъ послышался новый стукъ въ прихожей, и въ дверь влетѣли баронъ съ княземъ Ослабушевымъ; послѣдній былъ одѣтъ

больше чѣмъ странно. Женоподобное сорокалѣтнее лице, прическа князя съ проборомъ посреди головы, откидные воротнички рубашки, просторный галстухъ, батистовая манишка, башмаки и тонкій голосокъ, до того казались приторно оригинальны, что и смотрѣть на него было не ловко. Когда же князь заговорилъ и закривлялся, выдѣлывая глазами кокетливыя движенія, на всѣхъ лицахъ выразилось только что не отвращеніе.

— Ужь не баронъ ли это твой? шепнулъ на ухо княжнѣ Павелъ Дмитріевичъ.

— Который, дядюшка? тотъ, что въ башмакахъ?

— Нѣтъ, этого урода я знаю; а румяный, съ бѣлыми рѣсницами и съ этими цѣпями, пристегнутыми къ петлицамъ?... и что у него тамъ?

— Это баронъ, а на цѣпочкахъ ордена....

— Любопытно знать какіе; да вотъ, вижу, вижу; медаль дворянская и еще какой-то крестикъ, не русскій. Ужь не купилъ ли гдѣ нибудь?

— Дядюшка, какіе вы, право, не милосердые къ моимъ друзьямъ.

— Ахъ, моя милая, не передѣлаться же мнѣ въ семьдесятъ лѣтъ.

— Они всѣ премилые люди, повѣрьте.

— Да ты-то не вѣрь; вотъ это-то лучше будетъ, и того лысенькаго, какъ ты его зовешь, Богдановичемъ, кажется?

— Богданъ Богдановичъ.

— Ну, пожалуй, Богданъ Богдановичемъ. И его со двора долой, и барона этого туда же; а чтобы не скучно было, и башмаки на дворъ.

— Довольно, довольно, дядюшка! вы, пожалуй, лишите насъ и Корнелія Егоровича.

— Нѣтъ, не пишу, а знаешь ли, лучше, уберусь самъ; поздно, милая; рано ложусь спать.

— Какъ, уже?

— Да такъ, милая, повѣрь, вамъ же веселѣе будетъ, сказалъ старый князь, медленно приподнимаясь съ кушетки.

— Дядюшка, посидите еще немножко; ну, часочекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, право пора.

— Ну, минуточку, проговорила княжна.

— Нѣтъ, повторилъ Павелъ Дмитріевичъ, пробираясь къ дверямъ.

Видя, что князь уходитъ, все общество вскочило на ноги. Родственники бросились съ крикомъ провожать его въ прихожую, а посторонніе гости вздохнули свободно, и отошли къ противоположной стѣнѣ гостиной, чтобы дать родственникамъ мѣсто пройти въ обратный путь. Съ отъѣздомъ Половскаго началось искреннее веселье и громкій разговоръ. Княжна пожимала плечами, качала головою и взводила къ небу свои благодарственные взоры за избавленіе ея отъ тяжелаго гостя. Иванъ Михайловичъ вытащилъ изъ спальни заплаканнаго отрока въ лядункѣ, баронъ цѣловался съ Богданомъ Богдановичемъ, а князь Ослабушевъ взобрался съ ногами на кресла, боясь простудиться отъ простаго, не паркетнаго пола. Въ углу комнаты разговаривали въ полголоса Аглая съ Корнеліемъ Егоровичемъ.

Новымъ пріѣзжимъ тѣ же двѣ дѣвушки подали шоколатъ и то же угощеніе. Прицѣпясь къ первому встрѣчному, баронъ Кронбруншпицъ завелъ рѣчь о новомъ способѣ прокормленія народа во время голода.

— Недавно, сказалъ агрономъ: мнѣ пришла въ голову прекраснѣйшая мысль, которую непремѣнно приведу въ исполненіе.

— Что, что такое? воскликнулъ Иванъ Михайловичъ, придвигая свои кресла поближе къ оратору, и все таки не выпуская изъ рукъ всхлипывавшаго Ваню.

— Мысль эта, замѣтьте, очень оригинальная, истинно образцовая мысль, продолжалъ баронъ. Богданъ Богдановичъ, Богданъ Богдановичъ! пожалуйте-ка къ намъ! Я, вотъ извольте видѣть, говорю, что недавно....

— Вамъ пришла одна изъ тѣхъ геніяльныхъ мыслей, перебилъ Герцфетъ, привѣтливо улыбаясь и подходя къ говорившему....

— Не геніяльная, но полезная, истинно полезная....

— А именно?

— А именно, вотъ что, повторилъ баронъ. — Вы, князь, не слушайте: васъ это интересовать не можетъ; дѣло идетъ не о новой пудрѣ, придающей лицу нѣжность бархата, а о прозаическомъ способѣ питать бѣдные человѣческіе желудки во время бѣдственнаго неурожайнаго времени; о способѣ, неизобрѣтенномъ покуда ни однимъ ученымъ, ни въ одномъ государствѣ. Итакъ вотъ моя мысль.... Mesdames, и вы, пожалуйста, не обращайте на насъ вниманія, предметъ очень незанимательный.

— Отчего же нѣтъ? Напротивъ, баронъ, вы такъ хорошо говорите, сказала княжна: что самыя незанимательныя вещи становятся крайне интересными.

— Какъ вамъ выразить благодарность мою, княжна?

— Выразите мнѣ ее, принявъ насъ въ число слушательницъ.

— Но мнѣ совѣстно.

— Полноте и продолжайте....

— Нечего дѣлать! повинуюсь. Итакъ, долго, очень долго обсуживалъ я вопросъ, предложенный цѣлымъ человѣчествомъ цѣлому человѣчеству, и о пользѣ цѣла-

го же человѣчества. Изучивъ до тончайшихъ атомовъ всѣ извѣстныя политическія экономіи, я не могъ допустить, чтобы тотъ самый законъ природы, который родилъ возможность голода, не представилъ бы въ то же самое время средства къ облегченію его, и процессомъ обыкновеннымъ. Отказалась земля отъ производительности, утратилъ воздухъ благотворное содѣйствіе своихъ газовъ, охладѣла атмосфера, или жаръ раскалилъ почву — короче, допустимъ, что три стихіи вооружились противъ человѣчества, и согласились испытать его.... Тутъ баронъ перевелъ духъ, скрестилъ руки и окинулъ торжествующимъ взоромъ внимательно слушавшую его публику. Всѣ глаза были устремлены на оратора, всѣ уши, кромѣ Лучезарскаго и Аглаи, разговаривавшихъ въ углу, направлены были на одинъ пунктъ; со всѣхъ устъ готово было сорваться: ну, что же? что дальше? гдѣ способъ? не мучьте.

Баронъ продолжалъ съ разстановкою: Отказались, измѣнили три стихіи! но, но осталась въ резервѣ.... осталась четвертая.

— Вода, крикнулъ Богданъ Богдановичъ.

— Да, вода; но не пустая, не прозрачная жидкость, назначенная закономъ природы для утоленія жажды, а стихія, питающая 38 тысячь породъ рыбъ, 12 тысячь породъ пресмыкающихся, 820 породъ амфибій и безчисленное множество frutti di mare, или fruits de la mer, господа! стихія, готовая всегда и во всякое время подѣлиться своими избытками съ человѣчествомъ, насытить его и насытить до пресыщенія.

— Sublime, крикнула княжна: quelle imagination! c'est grandiose, c'est....

— Позвольте, позвольте, замѣтилъ Богданъ Богдановичъ, завидовавшій уже слишкомъ блистательному

успѣху своего соотечественника: мысль обширная; прекрасно, согласенъ! но гдѣ же общая польза? какъ насытить большое число людей и жителей не прибрежныхъ, а центральныхъ?...

— Ну, это чистая придирка, сказалъ Иванъ Михайловичъ: чистѣйшій крючекъ, любезный Богданъ Богдановичъ, и обрати только побольше рукъ на ловлю, рыбу-то доставить хоть на край вселенной возьмусь, пожалуй, и я; вещь не мудреная....

— Какъ же это? въ соленомъ видѣ или вяленую?

— Какая мерзость! замѣтилъ съ отвращеніемъ князь Ослабушевъ.

— И соленую, и вяленую, подтвердилъ Иванъ Михайловичъ.

— И не соленую, и не вяленую, перебилъ въ свою очередь баронъ: и не соленую, и не вяленую, а превращенную посредствомъ химическаго процесса (о которомъ да позволено мнѣ будетъ не распространяться здѣсь, какъ о вещи не всѣмъ знакомой) въ чистѣйшую муку, въ муку бѣлую какъ рисъ, и вкусную до чрезвычайности.

— C'est prodigieux, c'est prodigieux! повторила съ возрастающимъ энтузіазмомъ княжна.

— Дивно! воскликнулъ Иванъ Михайловичъ, потирая руки.

Богданъ Богдановичъ, не любившій уступать безъ боя своему другу барону полной побѣды, сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій; но агрономъ-ораторъ выдержалъ натиски Герцфета и увѣнчался новыми лаврами въ умѣ фонъ-Гарецкихъ и княжны Евгеніи. Довѣренность послѣднихъ къ знаніямъ барона была такъ велика, что затѣй онъ только какое бы то ни было предпріятіе, посовѣтуй онъ самую нелѣпую вещь, первыми послѣдователями его были бы все таки Иванъ Михайловичъ, супруга

его и своячевица. Но баронъ питалъ надежду извлечь изъ нихъ иныя пользы, почему и старался только приворожить къ себѣ родныхъ Аглаи, сдѣлаться ихъ совѣтникомъ, другомъ, короче, необходимымъ для нихъ человѣкомъ. Разумѣется, проектъ о превращеніи рыбы посредствомъ химическаго процесса въ муку не остался безъ дополнительныхъ объясненій, и ораторъ, тономъ совершенной увѣренности, передалъ слушателямъ всѣ подробности рыбной ловли, опредѣляя притомъ число необходимыхъ рукъ, приблизительное количество пеньки, потребное для неводовъ и сѣтей, число досокъ и гвоздей, равно необходимыхъ для снаряженія лодокъ, барокъ и прочаго. Баронъ остановился на опредѣленіи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ держится рыба, и какихъ именно породъ. Агрономъ не отказался бы, конечно, назвать всѣ породы рыбъ и наличное число ихъ, но, къ сожалѣнію, слушатели барона не были достаточно свѣдущи въ натуральной исторіи, и потому ученый островитянинъ по неволѣ долженъ былъ довольствоваться краткимъ и поверхностнымъ изложеніемъ своихъ геніальныхъ мыслей. Не думайте однако, чтобы Герцфетъ, равно свѣдущій въ разнаго рода экономіяхъ, не цѣнилъ достойно своего соотчича; не думайте, чтобы Герцфетъ не зналъ, что ораторъ шарлатанъ, промышляющій насущный хлѣбъ разными мелочными предпріятіями, въ которыя завлекалъ любителей сельскихъ нововведеній, всегда готовыхъ броситься на всякую безсмысленную вещь, лишь бы вещь эта обѣщала имъ прибыль, и была напечатана, гдѣ бы то ни было. Къ сожалѣнію, между нами очень много владѣльцевъ, основывающихъ будущія богатства свои на ариѳметическихъ выкладкахъ, на теоріяхъ вѣроятности и на всемъ не совсѣмъ понятномъ, не совсѣмъ доступномъ здравому смыслу. Богданъ Бог-

дановичъ былъ не изъ числа послѣднихъ, и гроша своего не рискнулъ бы на проекты барона. Но предложи кто нибудь Богдану Богдановичу управлять дѣлами безъ отвѣтственности, Богданъ Богдановичъ заплачетъ отъ умиленія, прочтетъ цѣлую диссертацію о своемъ безкорыстіи, о своихъ честныхъ правилахъ, и возьмется съ жаромъ за дѣло, которое если и принесетъ пользу, то уже конечно одному ему. Вотъ почему обнимался онъ съ барономъ, цѣловалъ его часто и не упускалъ изъ виду.

Пока въ парадномъ углу пріемной княжны толковали о предметахъ общеполезныхъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ шелъ разговоръ менѣе ученый, но болѣе сантиментальный. Красивый Корнелій Егоровичъ старался доказать прекрасной Аглаѣ Ивановнѣ, что сердечныя чувства должны быть независимы, что запрещать любить не можетъ смертный.

— Но ежели родители не предвидятъ счастья дочери съ тѣмъ, кого она полюбитъ? робко спросила Аглая.

— Этого быть не можетъ.

— Почему же?

— Потому, Аглая Ивановна, что сердце рѣдко ошибается, отвѣчалъ съ жаромъ Лучезарскій: потому что первая любовь есть самая чистая, а чистое чувство можетъ только внушить предметъ достойный, слѣдовательно и не способный составить чье либо несчастіе. Вотъ почему!

— А сколько примѣровъ видимъ мы, Корнелій Егоровичъ?...

— Какихъ это-съ?

— Сколько несчастныхъ замужествъ!

— Будьте увѣрены, что баронъ этотъ не даромъ ѣздитъ каждый день, преслѣдуетъ Ивана Михайловича своими затѣями и путаетъ его въ свои сѣти. Вспомните слова мои, Аглая Ивановна: не сегодня, такъ завтра, нѣ-

мецъ этотъ явится съ формальнымъ предложеніемъ, и тогда простите на вѣки; присутствія моего не потерпитъ баронъ въ вашемъ домѣ.

— Нѣтъ, Корнелій Егоровичъ, этому не бывать, никогда не бывать.

— Дай Богъ!

— Ни батюшка, ни матушка не захотятъ насильно выдать меня за человѣка, который внушаетъ мнѣ отвращеніе. Какая имъ прибыль и какая нужда торопиться моимъ замужествомъ?

— Аглая Ивановна! не уже ли и вы не торопитесь избрать себѣ друга? не уже ли и вы не чувствуете ни малѣйшей наклонности къ тому образу жизни, который сію минуту я предлагалъ вамъ?

— Вы требуете невозможнаго, Корнелій Егоровичъ.

— Невозможнаго!

— Да, и бѣжать отъ родителей я не рѣшусь.

— Что за выраженіе, Аглая Ивановна, и кто смѣлъ бы предложить подобной вамъ дѣвицѣ бѣжать отъ родителей?

— Какъ же объясните вы этотъ поступокъ?

— А вотъ какъ. Иванъ Михайловичъ сказалъ мнѣ однажды: «Корнелій, ты мнѣ по сердцу, и будь у тебя состояніе, я бы слова не сказалъ и Аглаичку мою отдалъ бы за тебя съ радостью.» Слѣдовательно, не отдаетъ васъ Иванъ Михайловичъ потому только, что не желаетъ выдать дочери за человѣка бѣднаго. Не правда ли?

— Увы, правда!

— Но кто мѣшаетъ намъ взять этотъ страхъ на себя и въ остальномъ угодить папенькѣ вашему, то есть соединиться вѣчными узами будто бы безъ дозволенія родителей, и избавить ихъ тѣмъ отъ всякихъ мнимыхъ угрызеній совѣсти?

— Вы прекрасно толкуете слова и желанія отца, замѣтила дѣвушка, улыбаясь: но правила мои непоколебимы, Корнелій Егоровичъ, и на побѣгъ я не рѣшусь.

— Опять побѣгъ!

— Ну, на остальное угожденіе, какъ вы говорите.

— Напрасно же было обольщать меня несбыточными надеждами, Аглая Ивановна; напрасно было поддерживать въ груди моей то пламя, которое можетъ наконецъ изсушить, сжечь ее до тла. Не достаточно ли уже двухлѣтнихъ терзаній и ежеминутныхъ опасеній потерять васъ!

— Не вините меня, Корнелій Егоровичъ, надеждъ я вамъ не подавала.

— Не подавали словесно, но взоры ваши, взгляды, Аглая Ивановна, не говорили ли яснѣе словъ? Отказаться отъ той блаженной будущности, которую сулила мнѣ моя любовь, я не въ силахъ. Уступить права сердца барону! нѣтъ, лучше умереть, тысячу разъ умереть...

Согрѣвъ въ креслахъ ноги, женообразный князь Ослабушевъ, не долго колебался между агрономическимъ разговоромъ большей части гостей и отдѣльнымъ засѣданіемъ Аглаи Ивановны съ Корнеліемъ Егоровичемъ, и присоединился къ послѣднимъ.

Кромѣ наружности, поражавшей оригинальностью, Ослабушевъ былъ не менѣе замѣчателенъ и своимъ домашнимъ бытомъ. Князь, подобно княжнѣ Евгеніи, любилъ кисею, зелень, цвѣты, бархатъ, кружева, батистъ, ажуровые чулки; любилъ поддѣлывать свои формы подъ женскую пышность, носилъ корсетъ, употреблялъ вату въ костюмахъ, обкладывалъ лице и руки телятиною, притирался пудрою, румянился и изучалъ въ зеркалѣ разные томные взгляды, нѣжныя улыбки; пѣлъ баритонныя аріи, и любилъ называться не Гавриломъ Рома-

новичемъ, а просто Ганичкою. Въ карманахъ носилъ онъ постоянно коробочку съ мятными лепешечками, стклянку съ лавровишневыми каплями, а въ деревнѣ устроилъ хоръ пѣвчихъ, часть которыхъ составляли дѣвочки, переряженныя мальчиками. Вообще князь Грибкинъ-Ослабушевъ очень охотно надѣлъ бы на себя распашной капотъ и чепецъ. Вотъ каковъ былъ родственникъ почтеннаго семейства фонъ-Гарецкихъ!

Расположась рядомъ съ Аглаею, князь принялся усердно бранить барона, бранить и Богдана Богдановича, и Ивана Михайловича, и всѣхъ членовъ хозяйственнаго засѣданія.

— И что за манія третировать грязные сюжеты на вечерахъ? пищалъ князь.—У упитаннаго бель-ома этого только и вдохновенія, что огородъ, да рыба; и охота кузинамъ слушать его!...

— А вы, князь, не любите сельскаго хозяйства? спросилъ Лучезарскій.

— Терпѣть не могу, mon cher monsieur; на все свое время; у меня мужички сами занимаются этою дрянью, а я ни во что не вхожу, имѣю занятія болѣе по вкусу.

— А именно?

— Люблю вышивать, страсть моя; читаю много.

— Вышивать, мужчинѣ?

— Пустое предубѣжденіе, mon cher monsieur; руки одинаковы у всѣхъ, и если женщины курятъ табакъ и ѣздятъ верхомъ, не понимаю почему мужчинамъ не держать иголки?

— Не принято, князь.

— Пустяки, вздоръ сущій!

— Можетъ быть вы правы, но, къ сожалѣнію, свѣтское мнѣніе....

— Вкусъ столько же разнообразенъ, сколько разно-

образно мнѣніе, mon cher monsieur. Замышлять же превращеніе рыбы въ муку и предлагать простуду цѣлому народонаселенію коварно, безчеловѣчно, противно благотворительности. И чей же желудокъ переваритъ истертое омерзѣніе, эту гнилость? Надо быть нѣмцемъ, чтобы придумать этотъ способъ, и аспирировать на всемірную индижестію.

— Кто же предлагаетъ то, про что вы говорите, князь? спросилъ Корнелій Егоровичъ, не слыхавшій барона.

— Какъ кто? Стало, вы не внимали ораторству барона.

— По счастію, нѣтъ.

— Подлинно, mon cher monsieur, по счастію. Imaginez, что баронъ предлагаетъ замѣнить хлѣбъ рыбою!

— Не понимаю.

— Да поняли и оцѣнили барона его ame damnée: Богданъ, Иванъ Михайловичъ и обѣ кузины; имъ-то большая надобность марать слухъ...

— Да, князь, не къ добру поведутъ рѣчи барона.

— Къ какому добру! jugez — съ толку собьетъ какъ разъ; не дижерирую я подобныхъ людей! точная кухарка чухонка во фракѣ. Il a quelque chose d'effeminé, не правда ли?

— О чемъ ты тутъ толкуешь? спросилъ подошедшій Иванъ Михайловичъ, ударивъ князя по плечу.

— А ты, parent à belles manières, только бы поувѣчить кого нибудь! Вѣдь чуть не выбилъ плеча изъ суставовъ. Экая милая манера!

— Ну, виноватъ; забылъ, что съ тобою надо обходиться нѣжно, очаровательный Ганя. Создалъ же Господь такую рѣдкую штуку! Пожалуйста надѣнь канзу, да взбей волосы. Аглаичка, заплети ему косу; ей, ей

лучше будетъ; тогда, по крайней мѣрѣ, и плечи твои останутся въ суставахъ и никто не ошибется.

— Дикое вы растеніе, mon parent!

— А ты, моя ходячая теплица, полно лучше ли дикаго....

— Ступайте въ воду, да захватите и обоихъ профессоровъ, Иванъ Михайловичъ. Пора! въ Лапландіи, говорятъ, страшный голодъ; пеньку на первый неводъ пожертвую я.

— Ничего не пожертвуешь, только морочишь, князь; скупенекъ, Богъ съ тобою! Сколько лѣтъ тому назадъ обѣщалъ ананасовъ, а прислалъ небось хоть разъ? Ни разу.

— Рѣпы бы тебѣ, а не ананасовъ; рыбы бы тебѣ сушеной съ твоимъ барономъ....

— Ну, полно, полно, не брани друзей; я тебя ушибъ, баронъ не виноватъ.

— Всѣ вы созданы по одной мѣркѣ, всѣхъ въ океанъ!

— За что такая немилость, Ганя?

— Отравляете всякій вечеръ, всякую минуту, слова не дадите вымолвить путнаго, и только встрѣтитесь съ барономъ, такъ и пойдутъ у васъ ни для кого не занимательные толки, о вещахъ, не только скучныхъ, но и вредныхъ.

— Ну, этого не говори, Ганя. Скученъ можетъ быть для тебя баронъ, но вреденъ, извини меня, быть онъ не можетъ никакъ.

— Князь Гаврило Романовичъ не одинъ такого мнѣнія, замѣтилъ, значительно улыбаясь, Корнелій Егоровичъ.

— Что, любезный?

— Князь Гаврило Романовичъ не одинъ отзывается

о баронѣ не совсѣмъ съ выгодной стороны, повторилъ молодой человѣкъ, возвысивъ голосъ.

— Не ты ли, почтеннѣйшій, раздѣляешь нерасположеніе князя? спросилъ фонъ-Гарецкій надменно: этого недоставало!

— Нѣтъ, не я, Иванъ Михайловичъ, а дядя вашъ, князь Павелъ Дмитріевичъ Половскій.

— Какъ?

— Князь Павелъ Дмитріевичъ Половскій, не далѣе сегоднишняго вечера, такъ немилостиво изволилъ говорить о баронѣ, что не только мнѣ, но и самой княжнѣ Евгеніи Аверкіевнѣ не ловко было слушать.

— Князь Павелъ состарѣлся....

— Однако онъ считается умнымъ и очень почтеннымъ человѣкомъ.

— Считается, считается! кѣмъ это считается?

— Вообще, всѣми, Иванъ Михайловичъ, и репутація князя составлена.

— Вотъ ты такъ не теряй своей подобными сужденіями, а мнѣніе дяди остается при немъ, сказалъ гнѣвно фонъ-Гарецкій. — Барона я люблю, а зависть сильна; всякое преимущество поселяетъ недоброжелательство.

— Я не завидую барону, Иванъ Михайловичъ, и надѣюсь не уступить ему ни въ чемъ.

— Право?

— Право, Иванъ Михайловичъ, никакихъ преимуществъ надъ собою не признаю въ вашемъ баронѣ, отвѣчалъ Корнелій Егоровичъ съ горячностью.

— А куда бы ты дорого далъ, чтобы и тебя назвалъ кто моимъ.

— По крайней мѣрѣ, не рѣшился бы достигнуть этой чести его способами.

Иванъ Михайловичъ насмѣшливо взглянулъ на Лу-

чезарскаго, и засунувъ руки въ карманы панталонъ, отошелъ къ кушеткѣ, на которой баронъ разговаривалъ въ полголоса съ княжною. Супруга фонъ-Гарецкаго слушала въ это время длинный разсказъ Богдана Богдановича объ одномъ новомъ происшествіи, въ которомъ самъ разскащикъ игралъ благороднѣйшую роль. Олимпіада Аверкіевна говорила меньше всѣхъ, и большую часть времени употребляла на подслушиванье всего того, что говорилось вокругъ нея. Въ этомъ процессѣ находила супруга Ивана Михайловича гораздо болѣе пользы и удовольствія, чѣмъ въ разглагольствованіи. Во весь этотъ вечеръ не пропустила Олимпіада Аверкіевна ни одного слова, сказаннаго барономъ, ни одного звука, вылетѣвшаго изъ устъ Богдана Богдановича, а равно и бесѣда Корнелія Егоровича съ Аглаей Ивановною не ускользнула отъ слуха слишкомъ внимательной супруги фонъ-Гарецкаго. Иванъ Михайловичъ воображалъ, что пользовался полною довѣренностью супруги своей; въ сущности же изъ всѣхъ мыслей и намѣреній ея онъ зналъ только тѣ, которыя она желала сдѣлать ему извѣстными.

Рѣчь о сушеніи рыбы возобновлялась еще нѣсколько разъ до окончанія празднества; но въ полночь первый тронувшійся съ мѣста былъ князь Ганя; потомъ Богданъ Богдановичъ; за нимъ послѣдовала семья Ивана Михайловича, къ которой присоединился Корнелій Егоровичъ. Отъ многочисленнаго общества остался въ кисейномъ пріютѣ княжны одинъ баронъ, разумѣется, въ сообществѣ самой хозяйки.

Баронъ казался задумчивымъ, княжна казалась несчастною; оба довольно долго вздыхали молча.

— Дожидаться цѣлый день, это ужасно, это невыносимо, начала въ полголоса Евгенія Аверкіевна, жалоб-

нымъ голосомъ. — Подобное обращеніе оскорбляетъ, унижаетъ женщину....

— А вы.... я повторяю вамъ, что вы компрометируете себя, княжна, и компрометируете немилосердо, отвѣчалъ баронъ. — Что за манера дѣлать всѣхъ повѣренными тайнъ? Это... это просто переходитъ границы...

— И вы жалуетесь?

— Надѣюсь, что имѣю полное право.

— И вы довольно безотыдны чтобы упрекать — кого же? Меня — въ пристрастіи, въ чувствахъ. Бездушный человѣкъ! За какія преступленія суждено мнѣ было встрѣтиться съ вами? О рокъ, о немилосердый рокъ!

— Опять трагедія!

— Не трагедія, а стыдъ, баронъ, стыдъ для васъ — вызывать женщину на такую убійственную откровенность; стыдъ вамъ слышать подобную правду. Не вы ли завлекли меня въ ваши сѣти, не вы ли воспользовались моею неопытностью?

— Полноте, княжна, прошли тѣ вѣка, когда въ сорокъ лѣтъ гордились невѣдѣніемъ; прошло то золотое время, когда женщина не поддѣлывала всего, начиная отъ сердца до зубовъ. Какою неопытностью воспользовался я, въ какія сѣти завлекъ васъ? Уже не предлагалъ ли руки и всей будущности?

— Ахъ, какой ужасъ! и я.... я должна слышать....

— Сами начали.

— И я, я должна терпѣть такое униженіе!

— Сами назвались.

— Прочь отъ меня, извергъ, прочь злодѣй! крикнула дѣвица, поднимая руку къ потолку, точно такъ же какъ поднимаютъ руки старикъ де Жермани и Скупой рыцарь.

— Прощайте, княжна, сказалъ баронъ вставая.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не уйдете такъ, вы не уйдете отсюда не окончивъ своего подвига.

— Я кончилъ.

— Какъ! вы называете концемъ ту гнусную насмѣшку, которой запятнали себя сію минуту?

— Второй часъ, и спать пора.

— Вамъ спать, вамъ, сударь, а не мнѣ.

— И вамъ пора бы, спокойно замѣтилъ баронъ: взгляните въ зеркало, княжна; вы, право, немножко страшны въ этомъ видѣ; что подумаютъ горничныя? Лѣвая косичка совсѣмъ отвязалась; поправьте ее, пожалуйста.

Евгенія Аверкіевна бросила презрительный взглядъ на агронома и отчаянною поступью вышла изъ гостиной. Черезъ минуту она возвратилась съ чепцомъ на головѣ; въ лѣвой рукѣ княжна держала рюмку съ водою, а въ правой темную стклянку, съ какою-то спиртуозною эссенціею; въ комнатѣ запахло бобровою струею. Баронъ, развалясь на кушеткѣ, слѣдилъ, улыбаясь, за всѣми движеніями Евгеніи Аверкіевны.

— Вы довольны, вы очень должны быть довольны собою, проговорила дѣва, послѣ новаго молчанія, капая въ рюмку темную жидкость.

— Не довольнѣе чѣмъ былъ вчера, третьягодня и всякій день, отвѣчалъ баронъ.

— Нѣтъ, сегодня есть больше причинъ радоваться.

— Не знаю этихъ причинъ.

— Какъ! не знаете? Я умираю.

— Жаль.

— Говорю вамъ, что умираю.

— Для любви, можетъ быть, и это жаль.

— Для всего, и для васъ въ особенности.

— Ахъ, ужасно!

— Дерзкій!

— Княжна, полноте гримасничать! Вѣдь право скучно; ну, что пользы повторять одну и ту же комедію, по семи разъ въ недѣлю! Въ прошлый четвергъ вы разсердились на то, что я высказалъ откровенно мое мнѣніе на счетъ Аглаи.

— Какъ вы смѣете называть такъ мою племянницу?

— Ну, Аглаи Ивановны.

— Дядюшка совершенно правъ, говоря про васъ что онъ говоритъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ дядюшекъ! Аглая Ивановна чрезвычайно мила, и за согласіе ея отдалъ бы я не только все что имѣю, но и все что когда нибудь пріобрѣту.

— Не быть ей за вами!

— Почему же?

— Не быть, не быть, не быть никогда!

— Понравлюсь, такъ и будетъ.

— Не будетъ!

— Увидимъ!

— Я повторяю въ сотый разъ, что въ предположеніяхъ вашихъ вы такъ ошибетесь, какъ нельзя больше. Племянница не выйдетъ замужъ за того, кого я очерню.

— Вы, княжна?

— Я, сударь.... я, баронъ.

— А зачѣмъ же, въ письмахъ вашихъ, вы предлагаете мнѣ себя, Евгенія Аверкіевна? Или это для того только, чтобы предупредить племянницу, и, жертвуя собою, избавить ее отъ предстоящаго несчастія?

— Письма женщины священны для благородныхъ людей.

— Надѣюсь, что да, иначе я не хранилъ бы ихъ, какъ хранятъ сокровище, княжна!.. Баронъ расхохотался.

Смѣхъ барона превратилъ гнѣвъ старой дѣвы въ изступленіе; губы ея посинѣли, пальцы сжались, грудь издала глухой звукъ; изъ нея готово было вылетѣть проклятіе, можетъ быть и хуже что нибудь; но баронъ позвонилъ, и на помощь ему прибѣжала горничная, въ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ, съ розовою лентою вокругъ мыса.

— Прикажите, душенька, кучеру моему выѣхать, а мнѣ пожалуйте стаканъ воды съ вареньемъ. Впрочемъ, простите, княжна, не обезпокою ли васъ моею просьбою?...

Силясь улыбнуться для горничной, которая, впрочемъ, слышала изъ за двери весь драматическій монологъ своей госпожи, княжна Евгенія отвѣчала, что баронъ не безпокоитъ ея нимало, и что, напротивъ, ей самой хочется варенья.

Перестилая на слѣдующее утро постель своей госпожи, горничная увидѣла на подушкѣ широкое мокрое пятно. Княжна въ эту ночь проплакала подушку насквозь.

III.

Прошло нѣсколько дней послѣ имянинпаго празднества, и въ одно утро Иванъ Михайловичъ вбѣжалъ въ кабинетъ жены, съ лицемъ, пылающимъ отъ гнѣва и съ письмомъ въ рукахъ.

— А знаешь ли, что, наконецъ, придется намъ отъ дорогаго родства бѣжать на край свѣта? проговорилъ фонъ-Гарецкій, задыхаясь.

— Отъ какого родства? спросила равнодушно супруга: не дядя ли Павелъ Дмитріевичъ?

— Пусть бы себѣ онъ, а то нѣтъ, сударыня, пишетъ седьмая вода на киселѣ, Кондратій Захарычъ, изъ своей трущобы, извольте видѣть. И какъ бы вы ду-

мали, о чемъ? увѣдомлять изволитъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Что же тутъ такого необычайнаго?

— Что-съ? А то-съ, что Кондратій Захарычъ, чтобы его разнесла нечистая на сто шестьдесятъ частей, остановиться намѣренъ у насъ, жить у насъ, и жить, повидимому, довольно долго. Вотъ что-съ!

— Какой вздоръ!

— Вздоръ, говорите вы? такъ прочтите письмо! Иванъ Михайловичъ развернулъ посланіе, только что полученное имъ съ почты, и важно передалъ его женѣ, которая прочла его вслухъ.

«Милостивый государь, любезнѣйшій сосѣдъ и роденька, Иванъ Михайловичъ!»

— Какое бонжанрное начало! примолвила Олимпіада Аверкіевна.

— Читайте далѣе.

Фонъ-Гарецкая продолжала:

«Во первыхъ, приношу благодареніе мое за присылку лотерейнаго билета....»

— Что за билетъ?

— Я выслалъ ему билетъ въ польскую лотерею, о которомъ онъ давно просилъ меня. Имѣя привычку самъ брать ежегодно, вспомнилъ я про этого урода и взялъ кстати для него. Но, пожалуйста, читай не прерывая.

«Который по-лу-чилъ благополучно. Вторую же благодарность приношу за приглашеніе ваше пріѣхать погостить къ вамъ.»

— Это что значитъ?

— Что значитъ? повторилъ съ нетерпѣніемъ супругъ: а то значитъ, сударыня, что я, дуракъ, не зналъ чѣмъ наполнить поллиста бумаги, и напиши съ глупа, что бы стоило, молъ, вспомнить сосѣдей и пріѣхать

взглянуть на нихъ, и проч., и проч. Но кто же бы могъ подумать, что этотъ болванъ приметъ за чистыя деньги самую обыкновенную, самую простую фразу и воспользуется ею? ну, спрашиваю, кому придетъ въ голову?

— Пеняйте на себя, Иванъ Михайловичъ.

— Разумѣется, не на чорта какого. Но что тутъ разсуждать? прибавилъ фонъ-Гарецкій, вырывая письмо изъ рукъ супруги: каша заварена, такъ нужно развести ее. Я тотчасъ же отдамъ приказъ отказать ему отъ дому и отвезти въ какой нибудь трактиръ.

— Мѣра дурная!

— Что же прикажете дѣлать?

— Я, на вашемъ мѣстѣ, напротивъ, приняла бы его ласково, и объяснила бы, что домъ нашъ тѣсенъ, лишнихъ комнатъ нѣтъ, почему и должны вы отказать себѣ въ удовольствіи предложить ему квартиру, и я увѣрена, что онъ ни мало не обидится вѣжливымъ отказомъ, и самъ поищетъ, гдѣ бы остановиться.

— Ахъ, матушка, счастлива ты, что характеръ у тебя такой! а я, признаюсь, не способенъ улыбаться, когда кипитъ внутри. Дѣлай, какъ знаешь. Однако, знай, что почтенный гость, по разсчету моему, пожалуетъ сегодня, либо завтра, не позже.... Мнѣ пора ѣхать; предоставляю всѣ хлопоты твоей мудрости. Прощай....

Поцѣловавъ жену, Иванъ Михайловичъ надѣлъ вицмундиръ, приказалъ подать карету и поспѣшилъ уѣхать. Олимпіада Аверкіевна позвала дворецкаго, сдѣлала ему всѣ нужныя наставленія касательно ожидаемаго гостя, и отправилась въ комнату Аглаи. Каждое утро обходила мать всѣхъ своихъ дѣтей. На этотъ разъ, противъ обыкновенія, не ограничилась Олимпіада Аверкіевна спросомъ дочери о томъ, какъ она провела ночь, а приказала ей пододвинуть кресла, скамейку, притворить дверь

и присѣсть. Когда Аглая выполнила приказаніе матери, послѣдняя спросила ее: помнитъ ли она Кондратья Захаровича Солонимскаго?

— Помню, maman.

— Онъ будетъ къ намъ сегодня или завтра, продолжала мать.

— Очень рада.

— Чему?

— Я рада буду видѣть Кондратья Захарыча.

— Я спрашиваю, что тутъ такого радостнаго?

— Онъ, maman, любилъ меня маленькую, и даже помню какъ игралъ со мною.

— Въ настоящую минуту помнить все это не нужно.

— Что же мнѣ дѣлать, maman, когда онъ самъ подойдетъ?

— Ты дѣлай то, что съ барономъ, который тебѣ не нравится; краснѣть некстати: никто ни зъ чемъ не принуждаетъ; мать обязана соблюдать приличія и не допускать дочь до смѣшнаго положенія. Кондратья Захарыча я постараюсь удалить какъ можно скорѣе; а все не принять не ловко.... Ты слышала мою волю?

— Слышала и выполню.

— Пріятно ли, непріятно ли, до этого мнѣ дѣла нѣтъ никакого, отвѣчала Олимпіада Аверкіевна, выходя изъ комнаты.

— Какъ грустно, право, подумала Аглая, оставшись наединѣ сама съ собою: что въ большомъ свѣтѣ каждый обязанъ надѣвать на себя ту маску, какой требуетъ такъ называемое приличіе. Сколько я помню, сосѣдъ нашъ дуренъ, очень дуренъ собою; и не уменъ, говорятъ, да какое дѣло? Баронъ, утверждаютъ всѣ, человѣкъ съ большимъ умомъ и познаніями. Тетушка Евгенія очарована красотою барона, его любезностью и хорошими

манерами; по мнѣ же онъ хуже, несравненно хуже всякаго, рѣшительно всякаго. Что сказать про Корнелія Егоровича? Странно, а прежде онъ нравился мнѣ какъ-то болѣе; я боюсь ошибиться въ немъ. Или предложеніе бѣжать и выйти за него безъ позволенія родителей неблагопріятно подѣйствовало на мой умъ, или.... но что бы тамъ ни было, а прежде онъ нравился мнѣ гораздо болѣе.

Профилософствовавъ еще съ часъ, Аглая сошла въ бель-этажъ и усѣлась за свою работу. Время до обѣда вездѣ длится обыкновенно очень долго, особенно для дѣвицъ, которыя очень рѣдко пользуются свободою и правомъ убивать цѣлое утро въ прогулкахъ по магазинамъ. Хорошо, если для иныхъ принаймутъ предусмотрительные родители une demoiselle de compagnie, дѣвицу, большею частію, опытную и обладающую способностью изобрѣтать развлеченія всякаго рода. Дочь Ивана Михайловича и Олимпіады Аверкіевны не пользовалась особеннымъ расположеніемъ ни отца, ни матери, и предоставлена была собственному произволу, съ правомъ не выходить изъ четырехъ стѣнъ дома.

Въ три часа по полудни являлась обыкновенно, съ рабочимъ бауломъ своимъ, княжна Евгенія. На племянницу смотрѣла тетушка какъ на дѣвочку, и не удостоивала ее даже разговоромъ. За обѣденнымъ столомъ Аглая не смѣла возвысить голоса; къ ней, впрочемъ, и не относился никто, кромѣ Лучезарскаго и изрѣдка барона, и то съ такими приторностями, отъ которыхъ дѣвушка охотно бы отказалась. Въ этотъ день къ обѣду явились Корнелій Егоровичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Рѣпенинъ. Рѣпенинъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, росту средняго, сѣдой, и говорилъ такъ тихо, что сразу разслушать его было очень трудно. Служилъ

онъ нѣкогда въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ проживалъ фонъ-Гарецкій; послѣдній же чинъ получилъ при отставкѣ. Обращался съ нимъ Иванъ Михайловичъ очень свободно и чтобы показать при постороннихъ короткость свою съ нимъ, никогда не употреблялъ титула превосходительства, а называлъ Рѣпенина просто Исидоромъ Елеазаровичемъ. Главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ хозяина дома въ теченіе цѣлаго дня былъ, разумѣется, Кондратій Захаровичъ Солонимскій, этотъ невѣжа, неотесанный провинціялъ, который такъ глупъ, что принялъ за наличную монету приглашеніе бывшаго сосѣда по деревнѣ, какъ будто бы всѣхъ сосѣдей своихъ обязаны звать и принимать къ себѣ порядочные люди, говорилъ фонъ-Гарецкій, съ жадностію глотая куски телятины подъ ланшпигомъ.

— Изъ этого могло бы выйти преживописное описаніе, прошепталъ Рѣпенинъ.

— Что-съ, что вы такое говорите?

— Изъ этого могло бы выйти преживописное описаніе, или журнальное что нибудь, повторилъ Рѣпенинъ, нагибаясь къ уху Ивана Михайловича.

— Да, да, именно для журнала, либо для театральной пьесы, сюжетъ презанимательный; да, да!

— А я, продолжалъ Исидоръ Елеазаровичъ все таки шепотомъ: вчера прочелъ прекрасную статью нашего барона; онъ описываетъ путешествіе свое на Каринскій хуторъ. Гдѣ это мѣсто и кому принадлежитъ, не говоритъ баронъ, но описаніе прекрасное, наблюдательности тьма, этой способности обхватывать, обнимать все, что ни попадется. Напримѣръ, еловая роща: ну, что же значитъ еловая роща? Сколько людей каждый день проѣзжаетъ мимо рощъ и ни одинъ вниманія даже на нихъ

не обращаетъ; а баронъ вычислилъ и объемъ, и качества и всѣ выгоды, которыя владѣлецъ могъ бы извлечь изъ еловой рощи.

— Да, чрезвычайная наблюдательность!

— Какъ же, посудите, говоритъ, для извлеченія постоянныхъ доходовъ изъ своей рощи, посовѣтовалъ бы я владѣльцу раздѣлить ее на 47 участковъ, изъ которыхъ срубать по одному каждогодно, и подвергать продажѣ. По истеченіи 47 лѣтъ роща возобновится до основанія и операція можетъ съ удобностью начаться вновь. Сверхъ того, изъ древесныхъ сучьевъ, посредствомъ того-то и того-то, легко добывать уксусъ, а изъ корней тѣхъ же деревъ выгонять смолу и деготь. Кромѣ того остаются: уголь, годный для самоваровъ, зола для чистки кухонной посуды; шишки же частью можно посѣять, а частью перегнать на скипидаръ, очень полезный противу ревматическихъ, подагрическихъ и другихъ болѣзней, и проч., и проч.; такъ что, право, читаешь и не надивишься, откуда что берется. Бездна познаній, и въ такомъ молодомъ человѣкѣ!

— Истинно непостижимо, истинно непостижимо, замѣтилъ Иванъ Михайловичъ: такого дара я еще не встрѣчалъ рѣшительно ни гдѣ! И какъ можно пріучить глазъ къ такому быстрому извѣдыванію пользъ! Ну, напримѣръ.... да, читали вы, Исидоръ Елизаровичъ, систему приложенія хозяйственной экономіи къ непроизводительнымъ источникамъ совершеннаго безплодія? Рѣдчайшая изъ вещей, мудрѣйшее изъ произведеній этого рода...

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ прочтите, пожалуйста; да вотъ, выйдемъ изъ за стола, Аглаичка принесетъ намъ книгу, она у меня

въ кабинетѣ... на второй полкѣ, въ лѣвомъ шкафѣ... Странно, что вы не пріобрѣли ея, Исидоръ Елизаровичъ!

— Не понимаю какъ это случилось; все читаю, все читаю.

— Такую же вещь грѣшно не читать тому, у кого есть имѣніе.

— Большую ли пользу извлекли вы, Иванъ Михайловичъ, изъ всѣхъ этихъ сочиненій? спросилъ иронически Корнелій Егоровичъ, въ которомъ похвалы барону возмущали желчь.

— Снова, любезный, принимаешься за старое? Эй, дурно кончишь!

— Вамъ гнѣваться на меня не за что, а барона, право, не боюсь, Иванъ Михайловичъ.

— Заслужи, братецъ, прежде такую славу, какую заслужилъ онъ, а потомъ и спорь и разбирай на здоровье, и ряди и суди; теперь же рано еще; люди мы съ тобою покуда не важные.

— Не очень важенъ и онъ.

— Все таки.

— И какъ еще не важенъ!

— По твоему разумѣнію.

— Недавно, въ одной статьѣ, вывелъ онъ такое водяное сообщеніе, что и школьникъ расхохотался бы.

— Географія не его часть; и не ему чета, да ошибаются; хоть бы взять того астронома, который увѣрялъ, что солнце вертится.

— Птоломей, шепнулъ Рѣпенинъ.

— Да, да, Птоломей! такъ вотъ тебѣ, любезный, примѣръ почище; въ водяныхъ же сообщеніяхъ иной разъ сбивается съ толку и самъ мореплаватель; не на всѣхъ же рѣчкахъ поставлены столбы съ надписями: такая-то. У меня въ Куликовѣ три ихъ, или чуть ли не

четыре; весною лѣсъ гонятъ, море моремъ становится, а спроси у любаго старика, какъ прозываются? ни одинъ не скажетъ, головой поручусь.

— Я говорю про главныя сообщенія, Иванъ Михайловичъ, обозначенныя на всѣхъ картахъ.

— Что въ твоихъ картахъ? И тутъ нуженъ, братецъ, особенный навыкъ; у кого глазъ плохъ, и на картѣ споткнется. Бароновская же часть хозяйство; вотъ на чемъ онъ собаку съѣлъ, и врядъ ли кто перещеголяетъ его.

— Какъ же онъ не сдѣлался милліонеромъ, Иванъ Михайловичъ?

— Погоди, не торопись, можетъ и сдѣлается со временемъ.

— Боюсь, чтобъ время-то не ушло.

— Онъ бояться не проситъ никого. Да что съ тобою толковать, любезный! молоденекъ! поживи, послужи, а тамъ и голосъ возвышай... Кончили? спросилъ хозяинъ, вставая; гости и домашніе послѣдовали его примѣру.

Толстой «Системѣ приложенія хозяйственной экономіи къ непроизводительнымъ источникамъ совершеннаго безплодія», посвятили Иванъ Михайловичъ съ Исидоромъ Елеазаровичемъ цѣлые два часа. Первый прочитывалъ второму замѣчательнѣйшія мѣста ея, второй приподнималъ плечи въ знакъ одобренія, и много кое чего записалъ карандашемъ на особой бумажкѣ. Въ томъ числѣ записалъ онъ способъ придавать сильный запахъ швейцарскаго русскому сыру, удобренія полей бульйономъ изъ падали, копченія зайцевъ, варенія соломы въ квасцовомъ растворѣ, для покрытія деревенскихъ избъ и предохраненія ихъ тѣмъ отъ пожарныхъ случаевъ. Тѣмъ временемъ Корнелій Егоровичъ возобновилъ было рѣчь о побѣгѣ, но и на этотъ разъ Аглая Иванов-

на отказалась сопутствовать ему въ скромное убѣжище, въ которомъ сулилъ брюнетъ райское блаженство дочери Ивана Михайловича.

Княжна Евгенія до того измѣнилась въ короткое время, что всѣ встрѣчавшіе ее обнаруживали удивленіе и соболѣзнованіе. Тысячи вопросовъ о здоровьѣ сыпались со всѣхъ сторонъ на похудѣвшую княжну, и краткая фраза: «Право, я ничего особеннаго не чувствую», была постояннымъ отвѣтомъ ея на всѣ вопросы.

Въ семь часовъ отправились фонъ-Гарецкій съ Рѣпенинымъ на вечеръ къ Богдану Богдановичу, Олимпіада Аверкіевна ко всенощной, а княжна попросила Корнелія Егоровича проводить ее до дому. Остались дома Аглая Ивановна и дѣти.

Походивъ по темной залѣ, Аглая приказала подать въ гостиную двѣ свѣчки и позвать съ верху няню съ меньшею сестрою, дѣвочкою семи лѣтъ, которую звали Лидіею. Посадивъ малютку на колѣни, старшая сестра повторила съ нею французскую басенку, растолковала ей нѣсколько картинокъ, и начинала уже скучать, когда человѣкъ пришелъ доложить ей, что пріѣхалъ Кондратій Захаровичъ Солонимскій. Вслѣдъ за слугою торопливо вошелъ и самъ деревенскій сосѣдъ, въ черномъ ергакѣ, отороченномъ алымъ полубархатомъ.

— Уфъ! какъ у васъ хорошо! вскричалъ онъ, остановясь посреди гостиной: какая прелесть! вотъ дворецъ, можно сказать! Ай да сосѣди! Ну, здравствуйте же, моя безподобная Аглая Ивановна, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Дайте-ка ручку; а вы-то какъ похорошѣли! скажите, пожалуйста, какъ похорошѣли, прелесть, прелесть!.

— Очень рада, что вижу васъ, Кондратій Захарычъ, привѣтливо отвѣчала дѣвушка, цѣлуя гостя въ щеку.

— Это что за младенецъ? спросилъ Солонимскій, указывая на Лидію.

— Сестра моя Лидія.

— Ба! быстроглазая какая! Онъ потрепалъ дѣвочку по щекѣ и поцѣловалъ ее въ носъ. — А я, Аглая Ивановна, вѣдь явился не одинъ; думалъ, что бы такое сдѣлать, чтобъ вы мнѣ обрадовались, и придумалъ: привезъ вамъ Лепистинью!

— Какъ, мою кормилицу?

— Именно. А какъ она обрадовалась, когда я сказалъ ей: «Ну, старуха, забирай пожитки, да ѣдемъ въ Питеръ, къ барышнѣ ѣдемъ!» Не повѣрила сначала, все говорила: «Шутите, дразните меня, старуху». Чего шутить! посадилъ да и привезъ. Она прошла на заднее крыльце; дворникъ проводилъ, говоритъ, на парадную лѣстницу не велѣно; и меня насилу пропустилъ, разбойникъ.

— Вы очень добры, Кондратій Захарычъ.

— Не золъ, правда; но по этому еще судить нельзя; довольно, что могъ вамъ сдѣлать удовольствіе; кто же отказался бы?

— Нашихъ нѣтъ дома и не знаю, скоро ли воротятся, проговорила дѣвушка.

— Да вы-то дома-съ, такъ мнѣ и довольно.

— Все таки, Кондратій Захарычъ, мнѣ совѣстно... я право не знаю, мнѣ очень хотѣлось бы предложить вамъ отдохнуть послѣ дороги.

— Прошу на мой счетъ не безпокоиться, перебилъ сосѣдъ: есть уголъ свободный въ домѣ, мнѣ и хорошо.

— То-то и есть, что, кажется, нѣтъ ни одной комнаты.

— Зачѣмъ комната? простой уголъ.

— И угла, кажется, нѣтъ свободнаго, Кондратій Захарычъ.

— А нѣтъ и угла, Иванъ Михайловичъ не откажетъ сосѣду въ диванѣ какомъ нибудь, лишь бы голову гдѣ приклонить ночью; а днемъ нѣтъ нужды. Столица не деревня, домъ наемный, всѣхъ не помѣстишь. Впрочемъ, право, отложите заботу; самъ распоряжусь... Эй, Лукьянъ, а Лукьянъ! крикнулъ пріѣзжій такъ громко, что стоявшій въ прихожей слуга его услышалъ голосъ барина и тотчасъ явился нему въ гостиную.

— Эхъ, братецъ, смотри-ка, какъ ты наслѣдилъ своими валенками! Ну, ужо возьмешь ветошку, да подотрешь хорошенько, а теперь чего стоишь, или не видишь барышни? кланяйся, жирякъ ты этакой, да подойди къ ручкѣ; вотъ такъ; небось не узналъ? Точно узнать трудно васъ, Аглая Ивановна, такъ перемѣнились къ авантажу; чудо, чудо похорошѣли!

— Не покойнѣе ли вамъ будетъ остановиться хоть на сегодняшній день въ гостинницѣ, рѣшилась сказать Аглая, замѣтивъ, что гость располагался уже въ домѣ.

— Что вы, что вы! Да чего добраго, Иванъ Михайловичъ обидится, пожалуй; какъ мнѣ обойти его домъ, когда онъ именно въ письмѣ своемъ пишетъ: «пріѣзжай погостить запросто», и все такое пишетъ радушное, дружеское, можно сказать.

— Ручаюсь вамъ, Кондратій Захарычъ, что батюшка не будетъ въ претензіи.

— Ни, ни, Аглая Ивановна, такъ поступать, воля ваша, нельзя-съ; я коротко знаю Ивана Михайловича; бывало въ деревнѣ...

— То было въ деревнѣ!...

— Все равно, совершенно все равно, что въ деревнѣ, что здѣсь.

— Ахъ какъ не все равно! подумала, вздыхая, дѣвушка.

Не слушая ни какихъ убѣжденій, простодушный сосѣдъ зажалъ пальцами уши, и, поцѣловавъ еще разъ ручку барышни, отправился, въ сопровожденіи Лукьяна, искать себѣ порожняго дивана по всему дому гостепріимнаго Ивана Михайловича. Порожній диванъ отыскался въ хозяйскомъ кабинетѣ.

— Да здѣсь мнѣ будетъ точно въ колыбели! радостно воскликнулъ Кондратій Захаровичъ, обращаясь къ слугѣ: здѣсь мнѣ и перины не нужно, а положи подушку, простыню, да одѣяло. Чемодана сегодня разбирать не для чего; вынь только чистое бѣлье, да сюртукъ, тотъ казинетовый. Ахъ, канальство! нужно бы платье заказать скорѣе, совсѣмъ обносился въ деревнѣ; ну, завтра объ этомъ! Спроси-ка, братъ, Лукаша, горячей водицы, да дай побриться. Эка я отросла бородка!

Пока гость брился, умывался и приводилъ въ порядокъ свою особу, бѣдная Аглая волновалась множествомъ безпокойныхъ мыслей. Она и желала скорѣйшаго возвращенія родителей, и страшилась за слишкомъ довѣрчиваго сосѣда. Страхъ этотъ удвоился, когда Солонимскій возвратился въ гостиную въ своемъ казинетовомъ сюртукѣ, въ такихъ же панталонахъ, такомъ же жилетѣ, и въ сапогахъ съ круглыми носками. Кондратій Захаровичъ былъ добръ, безотвѣтенъ, ученъ на мѣдныя деньги, выросъ въ деревнѣ, и наружность имѣлъ, увы! очень, очень обыкновенную. Русые волосы его подстригалъ Лукьянъ по собственному произволу, не придерживаясь ни модъ и никакихъ другихъ правилъ. Доморощеный портной одѣвалъ Кондратья Захаровича, и одѣвалъ рѣдко въ сукно, потому что въ комнатахъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, было Кондратью Захаровичу жарко; для надворья же, въ стужу, надѣвалъ онъ ергакъ. Въ губернскомъ городѣ такъ привыкли видѣть Соло-

нимскаго съ его прическою и въ его казинетѣ, что никто и не думалъ осуждать подобное пренебреженіе моды; напротивъ того, Солонимскаго любили, называли прекраснѣйшимъ, честнѣйшимъ малымъ, и даже много уважали.

Состояніе Кондратья Захаровича заключалось въ небольшомъ имѣніи, устроенномъ, незаложенномъ, съ чистенькою усадьбою, съ крестьянами достаточными. Во время повальныхъ болѣзней, Кондратья Захаровича избралъ околотокъ попечителемъ, и прозвалъ его безстрашнымъ, такъ совѣстливо и съ такимъ самоотверженіемъ выполнялъ онъ возложенную на него обязанность. Но что значили всѣ похвальныя свойства сосѣда въ глазахъ Ивана Михайловича фонъ-Гарецкаго, который едва признавалъ провинціяловъ за людей, и что могло оправдать присутствіе господина, обстриженнаго ежомъ, въ такомъ фешенебльномъ домѣ, какимъ былъ домъ Ивана Михайловича?

Возвратясь въ гостиную, гость безъ церемоніи попросилъ Аглаю Ивановну приказать поставить самоваръ.

— Смерть прозябъ и проголодался, сказалъ Солонимскій, помѣщаясь подлѣ самой дѣвушки: а видѣли кормилицу?

— Видѣла, Кондратій Захарычъ, и испугалась ея перемѣнѣ.

— Постарѣла?

— Ужасно!

— Ахъ! зачѣмъ я не въ деревнѣ, Кондратій Захарычъ? воскликнула дѣвушка, совсѣмъ позабывшая недавнюю свою тревогу: и зачѣмъ живемъ мы здѣсь; какую пользу приносимъ кому? ровно никакой!

— Это ужь несправедливо.

— Ахъ, очень справедливо!

— Нѣтъ, Аглая Ивановна, всякому свое назначеніе; одинъ служитъ въ столицѣ, другой поближе къ лѣсу; вотъ у насъ, у лѣсныхъ-то, и лица такія, не подъ вашу стать. Посмотрѣвшись въ зеркало, сосѣдъ залился звонкимъ смѣхомъ. — Смотрите, какой я смѣшной; другой столичный и въ лакеи меня не возьметъ, право не возьметъ; сравнить ли вашихъ, примѣрно, людей? какое одѣяніе, какъ напомажены.... ха, ха, ха!...

Посмотрѣвъ внимательнѣе на пріѣзжаго, Аглая затрепетала еще сильнѣе. Солонимскій былъ дѣйствительно такъ мало похожъ на Корнелія Егоровича, барона и прочихъ знакомцевъ Ивана Михайловича, что послѣдній не могъ не сдѣлать сцены бѣдному гостю.

— А какъ мнѣ предупредить его, какъ отстранить угрожающую опасность? спрашивала сама себя добрая Аглая. Мать ея не могла долго промедлить; всенощная кончалась въ началѣ девятаго, а уже пробило восемь. Страхъ, страхъ не ловко, и непріятно, и совѣстно!

Въ гостиную вбѣжалъ Ваня; онъ съ дикимъ воплемъ махалъ по воздуху своею саблею, и налетѣлъ прямо на сосѣда.

— Ваня! сказала дѣвушка: поклонись, душенька, Кондратью Захарычу, нашему доброму сосѣду и другу.

— Неправда! дерзко отвѣчалъ мальчикъ.

— Какъ неправда? спросилъ пріѣзжій, смѣясь.

— Да такъ, что неправда! повторилъ Ваня: я самъ слышалъ, какъ папаша приказывалъ Климычу сказать, что здѣсь нѣтъ мѣста для этого....

— Ваня, Ваня, что ты говоришь? ты вѣчно путаешь! вскричала сестра, вспыхнувъ.

— Нѣтъ, не путаю; папаша говорилъ мнѣ....

— Вы не вѣрьте ему, Кондратій Захарычъ, онъ еще такой ребенокъ.

— Какъ же не ребенокъ! Въ гусары вступлю, вотъ и не буду ребенокъ.

— Помилуйте, Аглая Ивановна, да съ чего вы взяли чтобъ я обижался дѣтскими словами? мало ли что имъ можетъ показаться и послышаться! а ты, Ваня, пріѣзжай-ка ко мнѣ, я тебѣ подарю лошадь.

— Не нужно мнѣ твоей лошади; папаша самъ купитъ.

— Ахъ, какой же ты неласковый!

— Не хочу быть ласковымъ.

— Ну, какъ хочешь.

— Не хочу быть ласковымъ съ такимъ гадкимъ!

Выговоривъ эту любезную фразу, мальчикъ показалъ гостю языкъ и галопомъ поскакалъ вонъ изъ комнаты.

Кусая губы отъ внутренней досады, Аглая старалась всѣми силами разувѣрить сосѣда, и сочинила цѣлую исторію о какомъ-то знакомомъ, на котораго будто бы разсердился отецъ, и котораго запретилъ людямъ принимать въ домъ.

Отъ души смѣялся Кондратій Захаровичъ надъ небывалымъ знакомымъ, называлъ Ваню молодцемъ, а между тѣмъ, разговаривая, перебиралъ пальцами продолговатый кусокъ батисту, по которому вышивала его собесѣдница. Въ этомъ занятіи и застала гостя возвратившаяся отъ всенощной Олимпіада Аверкіевна. Завидѣвъ сосѣда, фонъ-Гарецкая сморщилась, подбородокъ ея задрожалъ, а вѣки глазъ опустились до половины; она, не кланяясь, подошла къ самому столу.

— Олимпіада Аверкіевна! Ну, что скажете? отказался небось отъ приглашенія? вашу ручку! крикнулъ Солонимскій, вскакивая съ своего мѣста.—Что же вы такъ странно на меня смотрите?

— Я не вѣрю общему благополучію нашему, сухо

отвѣчала хозяйка дома. — И какъ жаль, прибавила она еще суше: что Иванъ Михайловичъ лишенъ будетъ удовольствія видѣть васъ у себя!

— Иванъ Михайловичъ? повторилъ сосѣдъ съ удивленіемъ.

— Да, мой мужъ.

— Гдѣ же онъ?

— Уѣхалъ за городъ на нѣсколько дней, и во всемъ домѣ остались только женщины....

— Жаль мнѣ, очень жаль, что Ивана Михайловича не увижу.

— Мнѣ крайне досадно за него, тѣмъ болѣе досадно, что принуждена отказать дорогому гостю въ гостепріимствѣ.

— Maman! по крайней мѣрѣ на эту ночь! робко проговорила дочь.

— Не взыщите, пожалуйста, я такъ занята, такъ занята.... сказала гостю хозяйка.

— О, сударыня, сдѣлайте милость не взыщите только вы съ меня. Знай я, что почтеннаго моего сосѣда нѣтъ въ Петербургѣ, я никогда бы не осмѣлился, никогда и ни изъ чего на свѣтѣ....

Раскланявшись очень вѣжливо съ супругою фонъ-Гарецкаго, Кондратій Захаровичъ вышелъ изъ гостиной, отыскалъ на лѣстницѣ своего Лукашу, и пренаивно спросилъ его, куда дѣваться въ такую позднюю пору. Девятый часъ казался провинціялу очень позднимъ часомъ.

— Развѣ въ томъ покоѣ нельзя? спросилъ слуга.

— То-то и есть, что не ловко оставаться безъ хозяина, возразилъ пріѣзжій, почесывая себѣ темя: кто же зналъ, канальство!... Провѣдать бы отъ дворника, нѣтъ ли по близости трактира?

— Кто съ нимъ сладитъ, баринъ! грубый такой дворникъ, и весь-то народъ безъ остачи....

— Пойдти мнѣ къ нему?

— Развѣ самихъ не охаитъ!

— Напрасно мы заѣхали такъ далеко, Лукашенька, сказалъ бѣдный сосѣдъ, глубоко вздохнувъ. Какъ ни казался простъ сосѣдъ, а понялъ, сердечный, къ чему клонилось отсутствіе Ивана Михайловича, отсутствіе, про которое не знала даже и родная дочь. — Богъ съ ними! подумалъ Солонимскій, сходя ощупью по темной лѣстницѣ.

Затруднительно было положеніе помѣщика, не знакомаго съ удобствами столицъ. Будь Иванъ Михайловичъ порядочный человѣкъ, то и прислуга его не заставила бы пріѣзжаго къ нимъ гостя стоять съ обнаженною головою на крыльцѣ, при 20 градусахъ мороза. Впрочемъ, не долго мерзъ на дворѣ Кондратій Захаровичъ и кто-то вдругъ назвалъ его по имени. Онъ оглянулся и увидѣлъ женскую фигуру съ платочкомъ на головѣ. «Пожалуйте за мною», тихо сказала фигура, маня Солонимскаго пальчикомъ. Слѣпо повинуясь, Кондратій Захаровичъ молча послѣдовалъ за женщиной въ калитку, на дворъ того же самаго дома, изъ котораго изгнанъ былъ за минуту, зашелъ за уголъ, повернулъ въ низкое, темное отверзтіе, опустился на нѣсколько ступенекъ внизъ, потомъ поднялся до перваго, втораго этажа, поднялся еще выше, и, наконецъ, остановился у запертыхъ дверей, обитыхъ изорванною клеенкою.

— Кузьма Тихоновичъ! Кузьма Тихоновичъ! прошепталъ тотъ же женскій голосъ сквозь замочную скважину.

— Кто тамъ? отвѣчалъ сиповатый голосъ.

— Отъ барышни, отъ Аглаи Ивановны.

При этомъ возгласѣ раздались за дверью чьи-то шаги, она растворилась настежъ, и неблаговидный, небритый старикъ, обернутый въ халатъ, проговорилъ, кланяясь: Милости просимъ!

При свѣтѣ сальнаго огарка, Кондратій Захаровичъ легко могъ разсмотрѣть какъ своего вожатаго, такъ и старика. Первымъ была свѣженькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, второй былъ Кузьма Тихоновичъ Парѳенинъ. Послѣднему объявила дѣвушка, что барышня Аглая Ивановна убѣдительно проситъ его уступить комнату свою Кондратью Захаровичу, за что останется она, то есть барышня, крайне благодарна.... А слугу вашего, сударь, прибавила дѣвушка, обращаясь къ Солонимскому: тотчасъ же приведу сюда, и на счетъ ужина похлопочу.

Не успѣлъ еще опомниться Кондратій Захаровичъ, какъ дѣвушка скрылась въ темныхъ сѣняхъ, и остался онъ лицемъ къ лицу съ небритымъ старикомъ въ халатѣ. Оба раскланялись.

— Мнѣ, видно, суждено сегодня всѣхъ собою безпокоить, сказалъ разстроенный до глубины души Солонимскій, стараясь улыбнуться: пріѣхалъ къ старому пріятелю, по его же приглашенію, не засталъ — отправился, какъ на зло, за городъ.

— Кто жь это-съ, не Иванъ ли Михайловичъ фонъ-Гарецкій?

— А! онъ фонъ-Гарецкій теперь?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ Парѳенинъ.

— Ну, такъ онъ, именно; остались въ домѣ однѣ женщины; ночевать постороннему не ловко.

— Странно-съ, что его высокородіе изволили выѣхать не предувѣдомивъ меня; обязанность домохозяевъ тотчасъ же сообщать о томъ въ полицію.

— Вѣрно, нужно было поторопиться.

— Должно быть такъ.

— Но позвольте спросить васъ откровенно, не тревожу ли я и вашу особу, и съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Я-съ? Кузьма Тихоновичъ.

— А фамилія?

— Фамилія? зачѣмъ фамилія! просто Кузьма Тихоновичъ и больше ничего-съ. Домъ этотъ, какъ видите, съ надворнымъ строеніемъ, весь совершенно, до брантмауера, принадлежитъ мнѣ-съ; другихъ отраслей доходныхъ не имѣю-съ, и холостъ, совершенно холостъ-съ, какъ есть-съ!

— Прогоните же и вы меня, Кузьма Тихоновичъ, если я вамъ мало мальски мѣшаю. Кибитка моя на дворѣ, она кстати обита войлокомъ, переспать въ ней ночь ни почемъ, сказалъ Кондратій Захаровичъ, улыбаясь.

— О, нѣтъ-съ, этому не бывать. Аглая Ивановна приказать изволили уступить вамъ мой уголъ, стало въ кибитку вашу отправляюсь я-съ.

— Ну, и этому не бывать, почтенный хозяинъ, а если довольно вы добры, чтобы подѣлиться комнатою, то отправимъ на биваки моего Лукьяна, а сами ляжемъ здѣсь.

— Что дѣло, то дѣло-съ, но уже постелю мою извольте занять вы своею особою.

— Ужь извините.

— Да какъ-съ, что вы?

— Ужь извините! скорѣе соглашусь не спать вовсе.

— Крайне обидите.

— Ни за что не соглашусь.

— Клянусь, обидите.

— Что хотите дѣлайте, хоть на части рѣжьте, а согласія моего не получите, Кузьма Тихоновичъ.

— Ну-съ, такъ ляжемъ оба-съ на полъ.

— Скорѣе такъ.

— Ляжемъ оба, повторилъ домовладѣлецъ, стаскивая тощую перину съ кровати, на полъ.

Вошедшему Лукьяну приказалъ баринъ втащить перину, подушки, чемоданъ и отправляться спать въ кибитку.

— На какое лихо понесетъ меня туда, сударь? отвѣчалъ Лукьянъ, когда барышня, что-ли, велѣла отвести мнѣ вонъ какую свѣтелку, теплую словно баня?

— Ахъ она добрая, Богъ съ нею! воскликнулъ Солонимскій, всплеснувъ руками.

— Подлинно, очень добрая! перебилъ Пароенинъ: такихъ мало на землѣ, могу поручиться; сколько добра творитъ!

Отказавшись отъ принесеннаго горничною ужина, Кондратій Захаровичъ раздѣлся, и, помолясь усердно передъ образомъ, висѣвшимъ въ углу, легъ рядомъ съ хозяиномъ, съ которымъ и завелъ тотчасъ рѣчь о томъ, о семъ, а между прочимъ и о дочери Ивана Михайловича. Замѣтивъ, что на послѣдніе вопросы его Кузьма Тихоновичъ отвѣчалъ несвязно, гость повернулся лицемъ къ стѣнѣ, задулъ свѣчу и умолкъ. Не скоро заснулъ пріѣзжій, и много различныхъ думъ тревожило разстроенное его воображеніе. Пароенинъ часто вскрикивалъ, свисталъ, шипѣлъ какъ змѣя, но не просыпался до самой заутрени.

IV.

Возвратясь съ вечера Богдана Богдановича гораздо за полночь, Иванъ Михайловичъ узналъ отъ супруги о пріѣздѣ бѣднаго сосѣда, и о способѣ, употребленномъ Олимпіадою Аверкіевною, чтобы избавиться отъ докучнаго гостя.

— Что жь, онъ надулся? спросилъ фонъ-Гарецкій.

— Какъ бы не такъ? Посмѣлъ бы!

— Однако?

— Еще бы ему надуться! отвѣчала супруга: отправился, какъ пришелъ, и все тутъ.

— Ты однако обошлась съ нимъ не то, чтобы очень грубо?

— Я просто сказала, что ты уѣхалъ, а мы съ Аглаею не намѣрены пускать къ себѣ въ домъ посторонняго человѣка.

— Ну, посторонній — онъ не совсѣмъ посторонній!

— Близкая родня, что ли?

— И не близкая, а было время....

— Какое время?

— Я говорю, что было время, и Кондратій Захарычъ дѣлалъ мнѣ разныя одолженія....

— Что же, кто мѣшаетъ? Ступай, ищи его по цѣлому городу и помѣсти гдѣ хочешь, хоть въ спальнѣ! я уйду....

— Сердиться, Олимпіадушка, не зачто; отъ словъ моихъ никому ничего не сдѣлается.

— Ты самъ приказалъ выпроводить этого невѣжу.

— На все есть манера....

— И я не выгнала его вонъ!

— Не выгнала, правда, а....

— Что, а?

— А обошлась какъ-то не ловко; онъ завтра же узнаетъ, что я дома, что я никуда не выѣзжалъ, и вся губернія....

— Важность большая губернія!

— Не ловко, не ловко... вотъ какъ не ловко! повторилъ Иванъ Михайловичъ, задумываясь.—Будь я дома, доброю бы манерою объяснилъ ему, что квартира тѣсна, что дѣти съ старшею дочерью занимаютъ весь верхъ, а въ бель-этажѣ, кромѣ спальни, одинъ кабинетъ. Мало ли какими манерами можно было, сохраняя дружественныя отношенія къ Солонимскому, не помѣщать его съ нами.

— Давно ли дорожите вы такъ дружбою всякаго встрѣчнаго? спросила Олимпіада Аверкіевна съ язвительною улыбкою.

— Никогда, кажется, не пренебрегалъ я ни кѣмъ, отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ, нахмуривъ брови.

— Это новость!

— Нѣтъ, не новость!

— Нѣтъ ужь новость, и самая свѣжая!

— А я повторяю вамъ, что въ этомъ отнюдь нѣтъ ничего новаго, и что оскорблять добрыхъ знакомыхъ, я во всю жизнь не имѣлъ привычки.

— Пожалуйста, увѣряйте другихъ, а не меня.

— И васъ увѣряю.

— Не увѣрите!

— Тѣмъ хуже.

— Вотъ ужь не увѣрите!

— Вы, кажется, бѣлены объѣлись! гнѣвно крикнулъ фонъ-Гарецкій.

— Какое прекрасное выраженіе!

— Дѣло не въ выраженіяхъ, а будь хоть каменный, такъ лопнешь отъ досады, говоря съ вами.

— Ахъ, батюшки, какъ грозно!

— Вы всегда выводите меня изъ терпѣнія.

— И не думала.

— И не думаете, а выводите.

— Оставьте меня въ покоѣ, Иванъ Михайловичъ.

— Теперь поздно, когда разгорячился.

— Напейтесь холодной воды.

— Кушайте сами.

— Я не пылю, и глаза мои не лѣзутъ изъ лба, какъ ваши. Право, можно подумать, что васъ отдадутъ подъ судъ за то, что деревенщина какой нибудь, что этотъ неотесанный мужикъ ночуетъ не въ вашей залѣ!... Экое несчастіе!

— А у васъ память коротка, сударыня, возразилъ супругъ.

— Еще новость!

— Такая новость, что завтра же потребуй неотесанный мужикъ, какъ вы его называете, должныхъ ему нами восьми тысячь рублей, такъ вы же заплачете.

— Какъ? восемь тысячь рублей? завопила супруга, расширивъ глаза: да развѣ вы еще не расплатились съ нимъ?

— Разумѣется, расплатился, и съ процентами, то есть выгналъ его на улицу въ декабрскую ночь: благородная расплата! Что же вы язычекъ-то прикусили? или виноватъ я, а вы правы? Ну, тараторьте, кричите во все горло!... Ага, видно доѣхало?... То-то, сударыня, возвышать-то голосъ можно, да только не всегда. За одолженіе платятъ одолженіемъ, а вы поступили по своему, раздѣлывайтесь же съ нимъ сами! Пикни онъ только про долгъ, ужь не допущу я себя до сраму, и завтра же свезу въ ломбардъ все серебро и всѣ ваши побрякушки! Мужиковатъ, неотесанъ Солонимскій, а благороденъ, безкоры-

стенъ и добръ; разъ же раздразнили, такъ управляйтесь сами, какъ знаете! Я ни за что не берусь, и на попятный дворъ.

Расходился Иванъ Михайловичъ только потому, что Олимпіада Аверкіевна притихла; впрочемъ, всѣхъ послѣднихъ угрозъ и не слыхала его супруга. Все это время употребила она на придумываніе средствъ поправить ошибку и приголубить неотесаннаго гостя, котораго нужно было только отыскать.

Изобрѣтательный умъ половины Ивана Михайловича искалъ не долго, и, найдя способъ отсрочить платежъ восьми тысячь, успокоился совершенно и предался полному отдохновенію.

На слѣдующее утро, Олимпіада Аверкіевна позвонила и приказала вошедшей горничной разослать всѣхъ людей на розыскъ Кондратья Захаровича.

— Да они, матушка, и не выѣзжали изъ дому, отвѣчала та.

— Какъ не выѣзжалъ? воскликнули супруги въ одно время.

— Такъ, что не выѣзжали; истинно докладываю.

— Гдѣ же онъ ночевалъ? спросилъ Иванъ Михайловичъ.

— У хозяина нашего.

— У Кузьмы Тихоновича?

— Да-съ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ! Ну, Ѳекла, пошли же ко мнѣ Ванюшку, да прикажи ему подать умываться. Вотъ счастье! ай да Парѳенинъ! молодецъ!

— Не торопись хвалить его, замѣтила Олимпіада Аверкіевна: обязанъ ты штукою этою не ему.

— Такъ кому же?

— Ну, это мое дѣло. Одѣвайся и ступай, пригласи

сосѣда на стаканъ кофе, а я поправлю вчерашній промахъ... И какъ было не предупредить меня, что долгъ еще состоитъ за нами?

— Помилуй, матушка! дивлюсь я иногда твоимъ выходкамъ: то ты вмѣшиваешься во всѣ дрязги, съ позволенія сказать, то опять тебѣ неизвѣстны долги наши и средства! Спрашиваю: ну, чѣмъ бы я заплатилъ восемь тысячь? ну, чѣмъ? Доходами съ деревень? Кто продалъ прошлымъ лѣтомъ хлѣбъ на корню? кто выпросилъ у евреевъ годовую плату за вино?... все таки ты; а куда дѣвала? тебѣ извѣстно, да знаетъ еще сіятельная твоя сестрица. Охъ мнѣ эти....

— Довольно, довольно! перебила супруга, махая руками: точно органъ, заведешь, такъ ужь не остановишь сразу!

— Не пустое несу.

— Знаю, знаю, тысячу разъ знаю, и слышала, и хотѣла бы никогда не слышать! Возьми хозяйство на свои руки, одѣвай дѣтей, плати гувернанткѣ, учителямъ, за квартиру, да и меня одѣвай; поблагодарю, вотъ какъ останусь признательна!

— Не мужское дѣло.

— Не мужское дѣло! а пилить жену за всякій вздоръ, за всякую бездѣлицу!...

— Хороша бездѣлица!

— Замолчите ли вы?

— Молчу, молчу, и прахъ васъ побери! выговорилъ фонъ-Гарецкій, соскочилъ съ постели и убѣжалъ изъ спальни, влача за собою свой полосатый халатъ. Въ кабинетѣ занялся Иванъ Михайловичъ своимъ туалетомъ: взбилъ хохолъ, подфабрилъ бакенбарды и, закуривъ сигару, отправился въ каюту Парѳенина, сохранивъ свое утреннее неглиже. Еще на лѣстницѣ закричалъ супругъ

Олимпіады: «Гдѣ онъ, гдѣ мой добрый, мой милый сосѣдушка? подавайте его сюда; вотъ я его за то, что не остался, что церемонится съ старыми друзьями!»

Услышавъ этотъ голосъ, давно проснувшійся Кондратій Захаровичъ чуть не запрыгалъ отъ радости и, не дождавшись появленія Ивана Михайловича, выскочилъ уже на лѣстницу, поднялъ руки и только что не со слезами восторга бросился на шею фонъ-Гарецкому.

— Браните меня, бейте меня, виноватъ, чистое животное! говорилъ растроганный Кондратій Захаровичъ: дерзнулъ усомниться въ васъ, мой благодѣтель! Всю почти ночь продумалъ.

— Ахъ ты, такой сякой! вотъ, погоди, при всѣхъ осрамлю! отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ, нѣжно цѣлуя сосѣда: какъ же таки тебѣ уйдти отъ того только, что баба моя изъ стыдливости не рѣшилась оставаться съ молодымъ мужчиною подъ одною крышею? Правда, дочь взрослая, ну, да не чужіе же мы, слава Богу!

— Виноватъ, виноватъ, не въ томъ, что не остался, а все таки въ томъ, что усомнился.

— Ахъ ты, негодный!

— Говорю, что казнить надлежитъ.

— И впрямь, казню; вотъ, покажись только на глаза моимъ, увидишь, какую зададутъ тебѣ потасовку. Ну, какъ живешь?... здорово?... Спасибо, что пріѣхалъ; а мы ждали, ждали...

— Получилъ письмо въ среду, выѣхалъ въ четвергъ, Иванъ Михайловичъ.

— А у меня все хорошо?

— Все, благодареніе Богу. Староста было прихворнулъ, да дали знать во время, вылечилъ!

— Еще разъ спасибо. Пойдемъ же къ женѣ.

— Что вы? я еще не одѣтъ!

— Ей нужда большая! баба моя стара, не взыщеть.

— Какое стара, Иванъ Михайловичъ? Вчера какъ вошла въ комнату, да какъ заговорила, я и обомлѣлъ, не зналъ куда дѣваться.

— Чудакъ ты!

— Право, струсилъ, Иванъ Михайловичъ! къ тому же сынишка вашъ, увидѣвъ меня, сказалъ, что будто бы вы говорили чтобы меня не пускать въ домъ.

— Я го-во-рилъ? спросилъ фонъ-Гарецкій, краснѣя.

— Да нѣтъ, штуку-то объяснила Аглая Ивановна; дай Богъ ей всякаго благополучія! она растолковала, что вы говорили это про того, который...

— Про кого же это?

— Ну, помните, напился онъ, что ли. Аглая Ивановна забыла его имя... Богъ съ нимъ, Иванъ Михайловичъ! главное, что вижу васъ, и вижу, какъ вы мнѣ рады.

— Самъ зазвалъ, да не радоваться? вотъ забавно!

— Подлинно забавно, благодѣтель мой, подлинно забавно. Продумалъ всю ночь, до утра продумалъ; и то лѣзетъ въ голову, и другое; чистѣйшая болваниссима сосѣдъ вашъ, ужь такой азинусъ...

— Кузьма Тихоновичъ! здорово, перебилъ фонъ-Гарецкій, замѣтивъ домовладѣльца: и вамъ спасибо за то, что не выпустили моего пріятеля.

— Не я-съ, не я-съ, а Аглая Ивановна, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Пареенинъ.

— Неужьто Аглаичка?

— Ей-ей-съ они; изволили присылать сказать-съ, чтобъ я уступилъ комнату-съ имъ, то есть Кондратью Захарычу.

— Чему же я дивлюсь? сказалъ, улыбаясь, Иванъ Михайловичъ: самъ ты знаешь, братъ, Кондратій, какъ всегда любила тебя моя дочь; просто какъ роднаго бра-

та! искони бѣ имѣла къ тебѣ слабость! и дѣльно сдѣлала жена, что не пустила вчера ночевать! прибавилъ онъ, трепля ласково по плечу таявшаго отъ радости сосѣда.

Вторичный пріемъ, сдѣланный пріѣзжему провинціялу супругою Ивана Михайловича, такъ мало походилъ на первый, что Кондратій Захаровичъ позабылъ вчерашній день и предался настоящей радости, со всею довѣренностью неопытнаго въ свѣтскомъ дѣлѣ юноши. У Аглаи Ивановны цѣловалъ онъ ручки, благодарилъ ее за хлопоты, за предложенный ею ужинъ и за прекрасный и препокойный ночлегъ.

— А если тебѣ, Кондратій Захарычъ, показалась покойна конура Кузьмы Тихоновича и пріятно его общество, то не женируйся, пожалуйста, и ночуй съ нимъ, замѣтилъ фонъ-Гарецкій, очень довольный случаемъ отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ отъ лишняго жильца въ домѣ.

— И дѣйствительно, не лишай сосѣда сообщества забавнаго нашего хозяина, подхватила Олимпіада Аверкіевна: къ тому же, какъ ни мала его комната, а все таки въ ней будетъ и свободнѣе, и не такъ шумно. Не правда ли, Кондратій Захарычъ?

— Пусть будетъ какъ вамъ угодно, отвѣчалъ тотъ, согласный на все: располагайте мною будто собственностью; сдѣлайте милость.

Не понимая истинныхъ причинъ, побудившихъ родителей перемѣнить свои намѣренія относительно гостя, Аглая приписала эту перемѣну доброму побужденію отца, котораго вообще она любила больше чѣмъ мать. Общество гостя не могло казаться молодой дѣвушкѣ тягостнымъ, потому что избавляло ее отъ необходимости оставаться иногда глазъ на глазъ съ барономъ.

Съ пріѣздомъ Солонимскаго препровожденіе времени

въ домѣ Гарецкихъ не измѣнилось ни въ чемъ: старики по прежнему играли въ карты; баронъ по прежнему читалъ диссертаціи, дѣлалъ глазки Аглаѣ и бѣсилъ тѣмъ Лучезарскаго. Сначала Кондратій Захаровичъ не постигалъ истинныхъ намѣреній агронома, но вниманіе Корнелія Егоровича къ старшей дочери фонъ-Гарецкихъ не ускользнуло отъ наблюдательности провинціяла. Однажды утромъ, заставъ Аглаю одну въ гостиной, Соломинскій подсѣлъ къ ней и, послѣ нѣсколькихъ приуготовительныхъ фразъ, спросилъ наконецъ: не уже ли она не думаетъ еще о замужествѣ?

— Отчего вы меня объ этомъ спрашиваете? сказала удивленная дѣвушка.

— Такъ, Аглая Ивановна. Я такъ много люблю васъ, что интересуюсь, отвѣчалъ тотъ.

— За кого же вы хотите чтобъ я вышла, Кондратій Захарычъ?

— Помилуйте, мало ли красивыхъ кавалеровъ ѣздитъ къ вамъ въ домъ?

— Кто же эти кавалеры?

— Баронъ, напримѣръ.

— Этотъ несносный болтунъ?

— Какъ? неужьто онъ вамъ не нравится?

— Избави Богъ меня отъ такого дурнаго вкуса.

— Можетъ ли быть?

— Божусь вамъ, что я не знаю ни одного мужчины приторнѣе, противнѣе барона.

— Ну, напрасно же вы мнѣ не сказали этого ранѣе, Аглая Ивановна.

— А что?

— А то, что, не будь я глупъ и отгадай только настоящія чувства ваши къ нему...

— Что бы вы сдѣлали?

— Я-съ? да я не сталъ бы молчать и слушать его вранье, и такъ бы не уступилъ ему, какъ нельзя лучше.

— Не уже ли все, что онъ говоритъ, неправда, Кондратій Захарычъ? Вѣдь я въ хозяйствѣ ничего не понимаю.

— Мало неправда, а чортъ знаетъ что онъ такое несетъ! И дивлюсь я, Аглая Ивановна, какъ батюшка вашъ до сихъ поръ не приказалъ выгнать его на улицу? Можно ли всякому, съ позволенія сказать, позволять такъ себя дурачить?

— Право, не знаю; баронъ слыветъ, кажется, во всемъ Петербургѣ за умнаго и ученаго человѣка.

— Въ Петербургѣ не мудрено, Аглая Ивановна; въ Петербургѣ-съ о хозяйствѣ судятъ очень разсудительные люди по однимъ книгамъ и журналамъ; да пишутъ-то книги иногда хозяева, подобные барону. Въ ученость не лѣзу, гдѣ мнѣ! а уже что касается до сельскихъ занятій, собственно хозяйственную часть, могу сказать, проглотилъ цѣликомъ и поспорить готовъ. Да знаете ли, что въ этомъ отношеніи не рѣдко приносятъ книги большой, очень большой вредъ?

— Скажите же объ этомъ барону, Кондратій Захарычъ, или, лучше, пристыдите его и докажите, что онъ обманщикъ.

— Будьте спокойны; и какъ скоро вы его не любите....

— Вотъ мысль!

— Право, думалось; виноватъ, такъ, съ глупа, Аглая Ивановна.

— Пожалуйста, въ другой разъ не ошибайтесь.

— Постараюсь, всѣми силами постараюсь. Ну, а что касается Корнелія Егоровича...

Дѣвушка покраснѣла.

— Этотъ молодой человѣкъ кажется мнѣ порядочнѣе, всѣмъ много лучше прочихъ, прибавилъ провинціялъ, не сводя глазъ съ дѣвушки.

— Да.... онъ.... очень добръ.

— И уменъ?

— Да, и уменъ.

— То-то, Аглая Ивановна, тотчасъ замѣтна разница.

— Папенька любитъ Корнелія Егоровича и оттого часто принимаетъ его къ себѣ.

— Натурально; и отчего не принимать подобныхъ людей?

— Онъ точно родной....

— И породниться не грѣшно съ такимъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, Кондратій Захарычъ?

— Я-съ? ничего, право ничего; а такъ замѣтилъ только, что породниться пріятно съ тѣми, кого любимъ и уважаемъ.

— Ради Бога, не подумайте однако...

— Вотъ какія вы! перебилъ съ чувствомъ сосѣдъ: такъ ли должно обращаться съ тѣмъ, кто искренно преданъ вамъ, Аглая Ивановна!

— Но....

— И этого не нужно; я человѣкъ простой; обласканъ былъ й папенькою и маменькою вашими, ѣлъ у нихъ хлѣбъ-соль, принятъ ими подъ крышу... какой же я чужой? Со мною бы надлежало простымъ манеромъ обращаться, безъ всякихъ *но*! Вѣдь нравится вамъ Корнелій Егорычъ...

— Право, Кондратій Захарычъ....

— Право, нравится, и, пошли Господь судьбу, будете счастливы!...

Тутъ провинціялъ глубоко вздохнулъ, уперся локтя-

ми въ колѣни и головою въ ладони. Переставъ говорить, онъ, въ задумчивости, началъ напѣвать что-то, похожее на русскую пѣсню, но потомъ вдругъ опомнился, попросилъ извиненія у дѣвушки и, вставъ, пустился расхаживать вдоль и поперегъ по комнатѣ.

Въ первые дни пребыванія своего въ столицѣ, Кондратій Захаровичъ приварядился весьма прилично. Модный парикмахеръ придалъ прическѣ его благообразный видъ. Перчатокъ Солонимскій не могъ носить, но бѣлье его было и тонко, и бѣло, и сшито въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ.

Провинціялъ рѣдко вмѣшивался въ общій разговоръ, но не улыбался часто, и не молчалъ, когда не нужно было молчать. За отсутствіемъ знанія тончайшихъ свѣтскихъ законовъ, деревенскій сосѣдъ фонъ-Гарецкихъ руководствовался тѣмъ инстинктомъ, который составляетъ свойство всѣхъ не глупыхъ и отъ природы наблюдательныхъ людей. Онъ очень хорошо зналъ, что слѣпое подражаніе львамъ сдѣлало бы его скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ блестящимъ, и не подражалъ ни барону, ни Ивану Михайловичу, ни Корнелію Егоровичу и никому изъ знакомыхъ Гарецкихъ. Короче, гость поставилъ себя на такую ногу, что одинъ агрономъ-ораторъ дозволялъ себѣ иногда тѣнь насмѣшки на его счетъ; и прощалъ степнякъ оратору тѣнь эту потому только, что дикарь ошибался на счетъ чувствъ Аглаи Ивановны къ барону. «Пусть же теперь пріѣдетъ! думалъ Солонимскій, я его отдѣлаю!» И сосѣдъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Вечеромъ того дня, когда узналъ Кондратій Захаровичъ, что въ мнѣніи Аглаи Ивановны баронъ противный мужчина, послѣдній явился въ гостиную Гарецкихъ, въ сопровожденіи Богдана Богдановича.

Олимпіада Аверкіевна вязала что-то тамбурною иг-

лою, Иванъ Михайловичъ прочитывалъ «Сенатскія Вѣдомости», а Аглая Ивановна играла съ сосѣдомъ въ шашки. Лучезарскій сидѣлъ за стуломъ Аглаи и училъ ее играть.

По несчастью для агронома, онъ былъ чрезвычайно веселъ и развязенъ. Поздоровавшись со всѣми, баронъ, не кланяясь Солонимскому, спросилъ его громко, смѣясь, не уже ли игра въ шашки извѣстна жителямъ провинцій.

— Конечно извѣстна. А вы не знали этого, баронъ? спросилъ въ свою очередь, и очень спокойно, Кондратій Захаровичъ.

— Нѣтъ, признаюсь откровенно, не знаю.

— То-то и худо; а лучше было бы вамъ поѣздить по губерніямъ, меньше вздоровъ писали бы вы тогда.

— Вздоровъ! воскликнулъ изумленный баронъ.

— Ну, да, тѣхъ нелѣпицъ, которыя и пишете, и говорите вы, баронъ!

Всѣ глаза устремились и на барона, и на дикаря. Первый покраснѣлъ, второй продолжалъ очень хладнокровно передвигать шашки.

— Или я васъ не понялъ, или вы не помните что говорите? сказалъ агрономъ дрожащимъ голосомъ.

— Не мудрено; русскому языку не научились, оттого и грамотѣ мало знаете.

— Что, что?

— Непонятенъ вамъ нашъ языкъ, повторилъ Солонимскій.

— Иванъ Михайловичъ, а Иванъ Михайловичъ! проговорилъ страшно смущенный баронъ: гость вашъ нездоровъ.

— Мнѣ самому кажется, что съ нимъ случилось что-то необыкновенное, замѣтилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, благодаря Бога, здравствую и въ лицѣ не измѣнился, прибавилъ дикарь.

— Что же ты тамъ несешь, любезный сосѣдъ?

— Не несу, Иванъ Михайловичъ, а отвѣчаю вашему гостю, потому что привыкъ отвѣчать; вотъ и все.

— Но такія дерзости, милостивый государь, пропищѣлъ ораторъ.

— Гдѣ же дерзости, какія дерзости? Назвать вздоромъ вздоръ и безграмотностью безграмотность, только правда; вольно же сердиться за правду.

— Одно воспитаніе ваше можетъ извинить...

— Что извинить? истину?

— Нѣтъ, не истину, а образъ выраженія...

— Да, вотъ что! Выразился я не такъ; такъ простите, баронъ, слова мои возьму назадъ.

— Вы должны были это сдѣлать ранѣе, отвѣчалъ агрономъ, очень довольный благопріятнымъ для него оборотомъ разговора.

— А не сдѣлалъ я этого ранѣе, продолжалъ, не возвышая голоса, Солонимскій: потому что назвать васъ просто хвастуномъ и шарлатаномъ, не хотѣлъ въ присутствіи почтенныхъ людей.

— Иванъ Михайловичъ! заревѣлъ съ неистовствомъ посинѣвшій агрономъ: такихъ дерзостей я не позволю, даже въ вашемъ домѣ.

— Кондратій Захарычъ! сказалъ фонъ-Гарецкій, вставая: вы тотчасъ же попросите извиненія у барона, или...

— Успокойтесь, почтенный сосѣдъ, отвѣчалъ провинціалъ, вставая въ свою очередь: волю вашу выполню съ величайшимъ удовольствіемъ. Выговоривъ это, Солонимскій развязно подошелъ къ пыхтѣвшему отъ бѣшенства агроному и превѣжливо поклонился ему.

— Пожалуйста, баронъ, сказалъ онъ: будьте снисходительны къ словамъ человѣка, который ни мало не желалъ поставить васъ въ такое смѣшное и не ловкое положеніе; смѣшное потому, что безсильная злоба смѣшна, а не ловкое потому, что въ эту минуту вы не знаете какимъ способомъ выйти съ честью изъ не равнаго боя, и какъ доказать всѣмъ здѣсь находящимся, что вы не пишете вздору.

— Воды дайте мнѣ, воды! закричалъ глухимъ голосомъ агрономъ, падая въ кресла и закрывая обѣими руками лице: всякое человѣческое терпѣніе имѣетъ границы, мое же истощилось.

— Что вы, что вы, любезный другъ, почтенный баронъ? воскликнулъ Иванъ Михайловичъ, подбѣгая къ оратору: простите этого сумасброда, этого степнаго человѣка; онъ вѣдь самъ не понимаетъ что говоритъ, натура такая дикая... Придите въ себя... тутъ жена, дочь! Оставьте.

— Опомнитесь, любезнѣйшій! и стоитъ ли того? проговорилъ, наклонясь къ пріятелю, Богданъ Богдановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, хрипѣлъ баронъ.

— Право, опомнитесь! продолжалъ Герцфетъ, пожимая пунцовыя руки агронома, выдѣлывавшія всякіе грозные жесты. — Послѣ мы поговоримъ съ нимъ; я вамъ ручаюсь, что послѣ...

— Баронъ, ради Бога! шептала Олимпіада Аверкіевна, бросая неблагосклонные взгляды на сосѣда, усѣвшагося совершенно спокойно на прежнее мѣсто. Равнодушными по наружности, но внутренно торжествующими свидѣтелями забавной сцены оставались: Лучезарскій и самъ Кондратій Захаровичъ. Послѣдній продолжалъ добродушно улыбаться.

Будто тронутый наконецъ убѣжденіями хозяйки дома, ораторъ, поломавшись минуты съ двѣ, всталъ съ креселъ, провелъ рукою по лбу и, крѣпко пожавъ руки Богдану Богдановичу и фонъ-Гарецкому, обратился къ Олимпіадѣ Аверкіевнѣ и съ чувствомъ сказалъ ей: «Сударыня, для васъ, и только для васъ!» Послѣ этого баронъ приподнялъ голову, закинулъ ее нѣсколько назадъ и, взглянувъ ужасными глазами на провинціяла, важно прошелъ къ угловому дивану, и сѣлъ на него, продолжая глубоко вздыхать.

Иванъ Михайловичъ помѣстился по правую его сторону, а Богданъ Богдановичъ по лѣвую и разговоръ между этими тремя особами продолжался въ полголоса. Между тѣмъ Олимпіада Аверкіевна пододвинула свои кресла къ сосѣду и, состроивъ серьезную физіономію, повела строжайшую укоризненную рѣчь. Не будь супругъ ея должникомъ дикаря, она выгнала бы его вонъ изъ дому; но нужно было смягчиться....

— Съ чего вы взяли обходиться такъ съ нашими друзьями? прошептала фонъ-Гарецкая, нагнувшись къ сосѣду.

— Виноватъ, Олимпіада Аверкіевна, отвѣчалъ, такъ же тихо Солонимскій.

— Но вы поступили дерзко, ужасно дерзко!

— Виноватъ.

— Этого мало.

— Еще разъ виноватъ.

— Вы оскорбили барона.

— Не желалъ.

— Какъ не желали?

— Право, не желалъ, Олимпіада Аверкіевна.

— Насказавъ ему такъ много грубаго?

— Правду сущую!

— Вы повторяете?

— Готовъ повторить сто разъ.

— И думаете, что все это пройдетъ такъ?

— Нѣтъ, не думаю, а надѣюсь, что баронъ исправится.

— Кондратій Захарычъ!

— Что прикажете, Олимпіада Аверкіевна?

— Вы и со мною начинаете....

— Что это?

— Вы и со мною говорите такимъ же тономъ.

— Какимъ же, какъ не учтивымъ?

— Хорошія отношенія наши съ вами не должны бы давать поводу.

— Олимпіада Аверкіевна, отвѣчалъ болѣе серьезно провинціялъ: баронъ этотъ пустѣйшій человѣкъ; прогоните его, иначе онъ раззоритъ Ивана Михайловича.

— Съ чего вы взяли?

— Сужу по распоряженіямъ его по имѣнію....

— Какимъ распоряженіямъ?

— Самымъ нелѣпымъ, простите выраженіе! самымъ безсмысленнымъ; на поляхъ сѣютъ какую-то тимоѳееву траву вмѣсто хлѣба, лѣса рубятъ и жгутъ, коровъ истребили, завели овецъ, овцы падаютъ, все гибнетъ и вмѣсто доходовъ приказчики занимаютъ всюду, чтобы присылать вамъ. Еще годъ, другой, и отъ имѣнія останутся только планы, и тѣ невѣрные....

— Что вы говорите?

— Богомъ вамъ божусь, продолжалъ съ жаромъ Солонимскій.—Подумайте же, почтенная Олимпіада Аверкіевна, стоитъ ли этотъ агрономъ такихъ страшныхъ жертвъ. И что онъ такое, гдѣ онъ служилъ, и чѣмъ заслу-

жилъ довѣренность? Нѣмцы народъ добрый, умный и честный, самъ я знаю, Олимпіада Аверкіевна, и самъ уважаю ихъ, но въ семьѣ не безъ урода: и среди насъ, Русскихъ, прокидывается иногда дрянь такая, что отказался бы....

— Зачѣмъ вы просто не предупредите мужа, Кондратій Захарычъ?

— Куда мнѣ! да Иванъ Михайловичъ и не повѣритъ нашему брату, простяку; не полированъ я, самъ знаю, здраваго же смыслу не занимать стать у барона, добрѣйшая моя Олимпіада Аверкіевна! У васъ же дочь невѣста, и о ней нужно подумать....

— Кондратій Захарычъ, произнесъ полуповелительнымъ голосомъ фонъ-Гарецкій: пожалуйте-ка сюда!

Сосѣдъ всталъ и молча подошелъ къ хозяину.

— Честный ли вы человѣкъ? спросилъ тотъ, разваливаясь на диванѣ.

— А кто смѣлъ бы въ этомъ усомниться? отвѣчалъ Солонимскій, улыбаясь. Лице его приняло то выраженіе, которое любятъ женщины.

— Нѣтъ, отвѣчайте мнѣ, пожалуйста, просто. Вѣдь вы благородный человѣкъ?

— Иванъ Михайловичъ! я васъ слушаю.

— А слушаете, такъ знайте же, сосѣдъ, что минутная вспышка, хотя и не совсѣмъ оправдываетъ поступокъ, однако....

— Но баронъ, вспыливъ, не позволилъ себѣ ничего такого....

— Я говорю не про барона, а про васъ, любезный....

— Не уже ли вы, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, приняли слова мои за минутную...

— Позвольте, позвольте, поспѣшилъ перебить фонъ

Гарецкій: дѣло въ томъ, что неучтивость.... и, лучше сказать.... Да что церемониться! протяни-ка, братъ, руку барону и кончимъ всѣ эти вздоры! сказалъ Иванъ Михайловичъ, поднося руку сидѣвшаго подлѣ него агронома Кондратью Захаровичу.

— Охотно, очень охотно жму ее, отвѣчалъ провинціялъ, смѣясь: и тѣмъ доказываю слѣпое уваженіе къ вамъ и вашему дому.

— И вы, мой другъ, не сердитесь на него, продолжалъ фонъ-Гарецкій, обращаясь къ барону.

— Я не злопамятенъ, отвѣчалъ тотъ, приподнимаясь съ дивана: всякою другою развязкою я боялся бы оскорбить хозяевъ.

— И, право, прекрасно! замѣтилъ Богданъ Богдановичъ, ухмыляясь.

— Боязнь почтенное свойство!

— Что-съ? спросилъ ораторъ.

— Боязнь почтенное свойство! повторилъ Кондратій Захаровичъ, и съ улыбкою отошелъ прочь.

Замѣчаніе это снова повлекло за собою довольно продолжительный и тихій разговоръ между тремя особами, сидѣвшими на диванѣ; изъ него, впрочемъ, ни одного явственнаго слова не долетѣло до слуха остальныхъ лицъ, находившихся въ гостиной.

За чаемъ, къ наличному обществу присоединились остальныя дѣти Ивана Михайловича. На лицѣ меньшой дочери видно было огромное синее пятно, воздвигнутое рукою Вани. Всѣ подробности подвига любимаго сына переданы были бѣдной, но благородной дѣвицею, исполнявшею въ домѣ фонъ-Гарецкихъ должность чего-то средняго между гувернанткою и нянюшкою. Вслѣдъ за дѣтьми явилась и княжна Евгенія Аверкіевна, разряженная впухъ.

— Откуда вы, сестрица? спросилъ Иванъ Михайловичъ, протягивая руку свояченицѣ.

— Изъ дому, отвѣчала та, бросая торжествующій взглядъ на барона.

— Но нарядъ вашъ?

— Я ѣду на вечеръ.

— Къ кому?

— Къ Теревичинымъ; у нихъ soirée и много будетъ гостей; завернула къ вамъ потому, что еще рано. Ты хочешь ѣхать, Аглая?

— Нѣтъ, ma tante, не хочется.

— Напрасно; у Теревичиныхъ будетъ превесело; множество военныхъ приглашено: не можетъ быть скучно.

— Поѣзжай, Аглаичка, сказала мать.

— Право не хочется, maman, и ничего у меня не приготовлено.

— Успѣешь.

— Когда же?

— Помилуй, девяти часовъ нѣтъ; до одиннадцати времени довольно.

— Ахъ, нѣтъ! въ одиннадцать поздно, ma soeur; какъ можно въ одиннадцать! подхватила княжна.— Вѣдь это не балъ, а une petite réunion d'intimes. На балъ позвали бы всѣхъ безъ исключенія, тогда какъ сегодня просили однихъ интимныхъ. Вы, баронъ, ѣдете? то есть получили вы приглашеніе отъ Теревичиныхъ? спросила съ ироническою улыбкою Евгенія Аверкіевна.

— Нѣтъ, княжна, не имѣлъ этой чести.

— Вотъ, видите ли, не много избранныхъ! замѣтила разряженная дѣва.

— Мнѣ бы никогда и не попасть къ этимъ Теревичинымъ! сказалъ Аглаѣ деревенскій сосѣдъ, смѣясь.

— А вы бы хотѣли? воскликнула княжна.

— Кто? я-съ, Евгенія Аверкіевна?

— Да, вы, Кондратій Захарычъ.

— Упаси меня Господи! помилуйте, за какія прегрѣшенія! И кто бы взялся срамиться, представляя въ модный домъ подобнаго мнѣ?...

— Напрасное униженіе; я первая съ удовольствіемъ берусь предупредить Адель.

— Чувствительнѣйше благодарю, княжна.

— Не шутя...

— Не шутя, благодарю.

— Старики Теревичины добрые и почтенные люди, а молодой, то есть сынъ, онъ впрочемъ вашихъ лѣтъ, премилый, прелюбезный; уменъ, брюнетъ; страхъ люблю этотъ genre! и вотъ уже не *фаденъ*, вотъ уже не *фаденъ*! При этомъ восклицаніи княжна снова взглянула на барона.

— Вѣрю вамъ, Евгенія Аверкіевна, а все таки предложеніемъ вашимъ не позволю себѣ воспользоваться. Не одарила меня природа тѣмъ, что необходимо для вашихъ гостиныхъ, и будь балъ у Ивана Михайловича, я и на этомъ балѣ не показался бы, конечно.

— Тѣмъ хуже, Кондратій Захарычъ, замѣтила княжна: потому что вы представить себѣ не можете, какъ присмотрѣлась намъ теперешняя свѣтская молодежь, въ особенности же отцвѣтшая. Отъ приторной любезности переходятъ они обыкновенно къ несносному педантизму, къ смѣшнымъ претензіямъ, къ такой самонадѣянности, отъ которой, право, дѣлается тошно. А свѣжій человѣкъ, положимъ, будь онъ и не блистателенъ, сдѣлаетъ въ салонахъ гораздо болѣе эффекту...

Баронъ, на счетъ котораго пущено было княжною Евгеніею столько острыхъ стрѣлъ, такъ былъ углуб-

ленъ въ собственныя размышленія, что и не почувствовалъ наносимыхъ ему ранъ, и трудъ разгнѣванной дѣвы пропадалъ напрасно. Пробило десять часовъ, потомъ одиннадцать; княжна, любезничая то съ Лучезарскимъ, то съ Солонимскимъ, не трогалась съ мѣста, а въ половинѣ двѣнадцатаго, будто опомнясь, дѣва вскрикнула, взглянула на собственные часы, небольшіе, но совсѣмъ не очень малые, и рѣшилась не ѣхать на petite réunion.

— Тетенька всегда такъ: разрядится какъ павлинъ, да и сидитъ здѣсь! замѣтилъ Ваня, пользовавшійся привиллегіею спать въ гостиной, прислоняясь ко всѣмъ плечамъ и ко всѣмъ колѣнямъ.

— А тебя никто не спрашиваетъ, и никто не проситъ вмѣшиваться въ разговоры большихъ! съ сердцемъ сказала тетенька.

— Развѣ вы большія?

— Еще скажешь какой нибудь вздоръ?

— Вы старыя, а не большія...

— Молчи, дрянной мальчишка!

— Сами посмотрите въ зеркало, точно...

— Ma soeur! уймите же его, пожалуйста!

— Ваня! тебѣ пора спать; поди, простись съ папа и поклонись всѣмъ! сказала мать.

— Да я не хочу, ма-ма-ша.

— Поди, поди, говорятъ тебѣ!

— Ну, что это, скучно; зачѣмъ меня укладывать?

— Уведите его, Матрена Андреевна, шепнула Олимпіада Аверкіевна, обратившись къ бѣдной, но благородной дѣвицѣ, просидѣвшей весь вечеръ въ углу и не произнесшей ни одного слова.

Благородная дѣвица положила на сосѣднія кресла длинную шерстяную полосу, которую вязала въ поть-

махъ, поправила руками платье и направилась къ отроку, лежавшему лицемъ къ дивану. Едва увидѣлъ Ванюша врага своего, какъ ноги его пришли въ страшное движеніе; онъ дико взвизгнулъ, ухватился обѣими руками за отцевское колѣно и принялся лягаться обѣими ногами.

— Не шали, Ваня; экой живой какой! и въ кого ты родился? проговорилъ родитель, очень довольный своимъ дѣтищемъ. — Мамаша приказала, надобно слушаться, мой другъ.

— Это все тетенька, она подучила! кричалъ ребенокъ: сама всѣмъ надоѣла, а другихъ выгоняетъ.

— Ваня, Ваня.

— Не подходите, Матрёнхенъ: вотъ увидите, какъ я васъ убью.

— Ваничка, другъ мой!

— Папаша, я не хочу спать, я не хочу идти отсюда.

— Ну, Матрена Андреевна, оставьте его посидѣть, онъ будетъ умница.

— Вы ужасно его балуете, Иванъ Михайловичъ! воскликнула княжна: ужасно балуете!

— А тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ отрокъ.

— Ахъ, ты, грубіянъ!

— Вотъ не пойду; ну, что взяла?

— Нѣтъ, пойдешь!

— Нѣтъ, не пойду, не пойду, не пойду!

— Онъ будетъ умница, повторилъ фонъ-Гарецкій, прикрывая сына полою своего сюртука, и дѣлая знакъ Матренѣ Андреевнѣ чтобы она отошла.

Въ первомъ часу подали въ гостиную приборы, а за приборами ужинъ. Въ часъ всѣ разъѣхались.

Догнавъ на лѣстницѣ уходившаго сосѣда, Иванъ

Михайловичъ взялъ его за руку и учтиво попросилъ зайти на пару словъ въ кабинетъ. Солонимскій молча послѣдовалъ за хозяиномъ; первый приготовился къ серьезному объясненію, потому что лице и походка послѣдняго дышали какою-то торжественностью.

Заперши за собою дверь кабинета, фонъ-Гарецкій указалъ гостю на кресла, стоявшія рядомъ съ зеленою сафьянною кушеткою, на которую хозяинъ возсѣлъ самъ. Минута прошла въ совершенномъ и обоюдномъ безмолвіи; наконецъ, одумавшись, хозяинъ началъ.

— Мнѣ очень прискорбно, почтенный другъ, сказалъ онъ: что существуютъ между нами кое какія консидераціи, которыя, такъ сказать, связываютъ меня по рукамъ и ногамъ, даже связываютъ самый языкъ.

— Что же это? недугъ, или...

— Вы... вы... опять хотите шутить?

— Нѣтъ; а слово консидерація не русское слово, такъ я и не понялъ... отвѣчалъ Солонимскій.

— Позвольте же выразить чувства мои на нашемъ коренномъ нарѣчіи, Кондратій Захарычъ.

— И какъ хорошо сдѣлаете!

— Извольте! гмъ, гмъ! Тѣмъ лучше, потому что всякій gêne тягостенъ, Кондратій Захарычъ; съ моимъ характеромъ, что съ сердца свалилъ, то и легче.

— Я точь въ точь такой же; сегоднишній разговоръ съ барономъ...

— Про него и хотѣлъ я говорить съ вами.

— Не довольно ли говорено?

— Нѣтъ, не довольно; вы забылись неприлично, сосѣдъ, и... позвольте мнѣ это сказать вамъ... барона я кренно люблю.

— Тѣмъ хуже для васъ.

— Это мое дѣло, любезный.

— Тѣмъ хуже для всего вашего семейства.

— Потише, потише, до семейства касаться неловко.

— Напротивъ, очень ловко тѣмъ, кто любитъ семейство.

— Чувствительно благодаренъ за любовь, насмѣшливо замѣтилъ фонъ-Гарецкій: но предоставьте, почтеннѣйшій, знать, кто полезенъ, а кто вреденъ, мнѣ и моимъ.

— Зачѣмъ такія колкія рѣчи, Иванъ Михайловичъ? мы, благодаря Бога, давно знакомы.

— Я и начиналъ съ того, что скорблю о тѣхъ слишкомъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, которыя ставятъ насъ обоихъ не въ совершенно равное положеніе... Я вашъ должникъ.

— Какъ-съ?

— Я вашъ должникъ, Кондратій Захарычъ, повторилъ фонъ-Гарецкій съ достоинствомъ.

— Вотъ что называли вы консидераціею! теперь понимаю. Стало, коли кто кому долженъ, тотъ считаетъ себя въ неловкомъ положеніи? Не зналъ, клянусь вамъ, не зналъ!

— Обстоятельства мои скоро поправятся, продолжалъ первый, и тогда...

— Не поправятся никогда, Иванъ Михайловичъ!... Не отъ чего имъ поправиться!

— И это дѣло мое.

— Не отъ чего поправиться! повторилъ сосѣдъ. Дѣла плохи, хозяйство еще плоше, коротко знаю! и не взнеси я за васъ повинностей, поступило бы имѣніе въ продажу; вотъ это истина! О моемъ же долгѣ говорить вамъ не слѣдъ: платы у васъ не спрашиваютъ; пустая рѣчь!

Лице фонъ-Гарецкаго измѣнилось отъ послѣднихъ словъ Солонимскаго; чело его утратило часть своей величавости... онъ хотѣлъ возражать, но Кондратій Захаровичъ остановилъ его.

— Вы дослушаете сначала меня, а потомъ я стану слушать, продолжалъ тотъ спокойно. — Ну, что мнѣ въ баронѣ вашемъ, Иванъ Михайловичъ? вѣдь не зависть же заставила меня наговорить ему правды, да еще и какой непріятной правды! Нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, въ слѣпотѣ-то вашей, чего добраго, вы отдали бы ему дочь, а ужь это, мое почтеніе! Дѣтямъ платить собою за заблужденіе родителей не приходится.

— Какъ вы, право, добры ко мнѣ, любезный сосѣдъ! сказалъ иронически фонъ-Гарецкій: хлопотать не только о хозяйствѣ, но и о дочери!

— Вамъ позаботиться о ней было бы приличнѣе.

— Не уже ли?

— Полагаю.

— И вы не шутите!

— Такъ не шучу, что, попробовали бы вы дать барону слово, я заставилъ бы выкашлянуть его обратно.

— Кондратій Захарычъ, вы становитесь забавны.

— Теперь ваша очередь говорить; рѣчь моя кончена, сказалъ равнодушно Солонимскій.

— Полно, говорить ли послѣ всего слышаннаго?

— Какъ угодно!

— Ну, такъ и быть, скажу словечко. Единственное желаніе мое, Кондратій Захарычъ, состоитъ въ томъ, чтобы видѣть старшую дочь мою за ненавистнымъ вамъ барономъ, буде только это согласно съ желаніемъ барона.

— А есть въ виду другой человѣкъ, болѣе достойный.

— Другой?

— Да, другой, благородный, благовоспитанный и по сердцу...

— Да вы, я вижу, попали въ повѣренные.

— Очень лестно для меня.

— Однако, полно, прилично ли брать на себя подобную роль безъ вѣдома родителей?

— Кто хочетъ видѣть ясно, тотъ и безъ неприличныхъ ролей достигнетъ своей цѣли, Иванъ Михайловичъ. Ваша дочь любитъ Лучезарскаго, а не замѣтили вы этого, вина не моя!

— Лу-че-зар-ска-го? Лу-че-зар-ска-го? этого нищаго, этого сорванца?

— Баронъ и не богаче и не лучше Корнелія Егоровича.

— Благодарю за увѣдомленіе, почтеннѣйшій Кондратій Захарычъ. Стало, дурь-то этого пострѣла и не вывѣтрилась еще изъ головы? Погодите же, мой милый, и вы увидите на опытѣ, какъ умѣетъ сосѣдъ самъ разсаживать по своимъ мѣстамъ тѣхъ, которые забываются.

— До меня, Иванъ Михайловичъ, рѣчь эта касаться не можетъ! отвѣчалъ Солонимскій: я мало блестящъ, и головы своей высоко не ношу; не нахожу въ томъ большой надобности; обязанностямъ честнаго человѣка не измѣнялъ никогда, и потому мѣста своего постараюсь не уступать никому. Затѣмъ, позвольте пожелать вамъ спокойной ночи и пріятнаго сна.

— Еще одно словечко, Кондратій Захарычъ.

— Что прикажете?

— Разговоръ нашъ останется, надѣюсь, между нами? сказалъ фонъ-Гарецкій, вставая въ свою очередь.

Не отвѣчая на послѣднюю рѣчь Ивана Михайло-

вича, деревенскій сосѣдъ поклонился и вышелъ изъ кабинета такъ же спокойно, такъ же весело, какъ вошелъ въ него часъ назадъ.

Кузьму Тихоновича засталъ жилецъ его въ глубокомъ снѣ. Домовладѣлецъ въ короткое время душею привязался къ Солонимскому, и не говорилъ съ нимъ иначе какъ съ улыбкою, мало приличною его неблаговидному лицу.

Свято выполнилъ послѣднюю просьбу Ивана Михайловича деревенскій сосѣдъ: о полуночномъ засѣданіи съ нимъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. На слѣдующее утро, въ обычный часъ, явился Кондратій Захаровичъ въ гостиную, и, заставъ Аглаю, точно такъ же какъ вчера, завелъ съ нею разговоръ о вещахъ болѣе или менѣе интересныхъ. Къ обѣду вошелъ въ столовую Корнелій Егоровичъ, и Солонимскій замѣтилъ, что Лучезарскій поклонился ему не такъ, какъ кланялся прежде: поклонъ былъ и натянутъ и сухъ. Вечеромъ сама Аглая показалась сосѣду нѣсколько грустною, менѣе разговорчивою, и даже менѣе любезною. Прибывшаго же барона, Иванъ Михайловичъ пригласилъ не въ гостиную, гдѣ сидѣли Кондратій Захаровичъ и Аглая Ивановна, а въ кабинетъ, куда и отнесли чай, куда вошли и Богданъ Богдановичъ, и Евгенія Аверкіевна, и сама хозяйка дома.

— Гдѣ же Корнелій Егоровичъ? спросилъ провинціялъ дѣвушку.

— Не знаю.

— Онъ, мнѣ кажется, сегодня не въ своей тарелкѣ?

— Я думаю, что можетъ показаться.

— А случилось развѣ что нибудь?

— Вы лучше меня это знаете, Кондратій Захарычъ, отвѣчала дѣвушка.

— Я ничего не знаю.

— Нѣтъ, знаете.

— Повѣрьте мнѣ, ничего, рѣшительно таки ничего не знаю, Аглая Ивановна.

— Папенька Корнелію Егоровичу сказалъ, будто вы говорили ему о любви Корнелія Егоровича ко мнѣ.

— Это совершенная правда.

— Какъ же вамъ не грѣшно, Кондратій Захарычъ?

— Просить за васъ?

— Я не поручала вамъ этого.

— И это правда, но разговоръ коснулся замужества.

— Моего?

— Да, вашего.

— И началъ папа?

— Началъ онъ, но не про Корнелія Егоровича.

— А про кого же?

— Обѣщалъ не говорить.

— Вотъ вы какіе!

— Впрочемъ, онъ сказалъ первый, скажу и я, продолжалъ сосѣдъ: Иванъ Михайловичъ хочетъ выдать васъ, Аглая Ивановна, за барона.

— Боже мой! какое несчастіе!

— Не пугайтесь: не бывать этому пока я живъ.

— Какъ же я откажусь выполнить желаніе папа и мама?

— И не нужно.

— Вамъ легко говорить!

— Повторяю, что не нужно будетъ ослушаніе, если баронъ предложенія дѣлать не станетъ.

— А кто за него поручится? возразила дѣвушка, чуть не плача: кто заставитъ этого несноснаго человѣка отказаться отъ своихъ намѣреній? И нужно же быть довольно несчастной, чтобы нравиться всякому встрѣчному!

— Повѣрьте мнѣ, Аглая Ивановна, возразилъ съ увѣ-

ренностью деревенскій сосѣдъ: есть что-то такое на свѣтѣ, чему вѣрю я, и сильно, и глубоко. Вы не любите барона? ну, я клянусь вамъ, Аглая Ивановна, не бывать свадьбѣ вашей съ нимъ, и все сдѣлается какъ хотите вы! Не спрашивайте о мѣрахъ, какія употребитъ судьба для разрушенія противнаго вамъ союза; я ничего не знаю и опредѣлить не могу, будетъ ли то случай или чудо какое. Все въ волѣ Божіей; а мы съ вами давайте молиться, да вѣрить слѣпо!... лучше будетъ, повѣрьте моей опытности; на себѣ испыталъ, Аглая Ивановна; собственный опытъ—удивительное дѣло!

— Ахъ, если бы слова ваши сбылись, Кондратій Захарычъ!

— Сбудутся! и какъ еще сбудутся...

— Увѣрьте, убѣдите меня, мой добрый Кондратій Захарычъ, проговорила съ улыбкою дѣвушка, протягивая ручку свою сосѣду.

Солонимскій почтительно поцѣловалъ протянутую ему ручку и, подумавъ нѣкоторое время, вызвался передать Аглаѣ собственную свою жизнь. Дѣвушка охотно согласилась слушать дикаря, и согласилась тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ убѣжденіяхъ Кондратія Захаровича надѣялась она почерпнуть и себѣ увѣренность и подкрѣпить собственныя надежды на будущее время.

— Я былъ въ младенчествѣ куда какимъ посредственнымъ, началъ Солонимскій, облокотясь на рабочій столикъ Аглаи: отъ меня ожидали умнаго мальчика, красавца, генія, можетъ быть—неудача страшная! «Могъ бы онъ и не родиться», частенько говаривали гости, подходя къ моей колыбели: «лобъ у Кондраши узокъ, носъ у Кондраши широкъ, и не быть изъ него пути никакого!» Мать плакала, а я и выросъ подъ эту пѣсню.

Вѣрите ли, Аглая Ивановна, мнѣ подчасъ казалось, будто носъ мой укралъ я у кого нибудь, а глупѣе меня человѣка и на свѣтѣ нѣтъ. На двѣнадцатомъ году свезла меня мать въ городъ, къ одному ученому, на воспитаніе. Учитель бралъ къ себѣ дворянскихъ дѣтей и приготовлялъ ихъ къ различнымъ казеннымъ заведеніямъ. Первое время показалось мнѣ хотя и скучно, но сносно. Нраву сдѣлался я робкаго, застѣнчиваго, страннаго какого-то. Вѣроятно, время и новый образъ жизни, который началъ я въ домѣ учителя, исправили бы меня въ короткое время, но товарищи называли меня широконосымъ дуракомъ, учитель узколобымъ ѳалею, жена учителя жалкимъ малымъ. Какой будущности могъ ожидать мальчикъ, котораго пріучали къ той мысли, что онъ напрасно родился? Я сталъ прятаться отъ всѣхъ, просиживать все свободное время въ кустахъ смородины, бѣгать по рощѣ, и не учиться ровно ничему. У отца родились двѣ дочери; обѣ вышли не дурны. На вакантное время присылали за мною изъ деревни мужичка съ подводою. Добрый крестьянинъ кормилъ меня дорогою, покупалъ пряники, орѣхи и другія лакомства. Разговаривая съ нимъ, потому что съ мужичками одними и разговаривалъ я смѣло, пріобрѣлъ я постепенно тѣ свѣдѣнія о ихъ бытѣ, нуждахъ и обо всемъ, что относится къ ихъ жизни; самое хозяйство сдѣлалось для меня дѣломъ понятнымъ, любопытнымъ.

Лѣтъ семнадцати опредѣленъ я былъ въ нашъ уѣздный судъ. Привыкши ставить себя ниже всѣхъ, я въ каждомъ постороннемъ лицѣ воображалъ совершенство, и самый секретарь уѣзднаго суда казался мнѣ существомъ чрезвычайнымъ. Слѣпо выполняя всѣ его приказанія, я то переписывалъ разныя бумаги, то бѣгалъ по порученіямъ, и чинилъ перья на все присутствіе.

Изъ писцовъ, въ самое непродолжительное время, сдѣлали меня повытчикомъ, и пошло! Бывало, попросить ли кто помочь въ правомъ дѣлѣ, помолюсь, да и дѣйствую смѣло. Все удавалось. Этимъ временемъ умеръ батюшка, не сдѣлавъ никакихъ бумажныхъ распоряженій. Сестрамъ выдѣлили по четырнадцатой части. Постой, думаю, пусть выдѣлятъ, а я себѣ на умѣ. Не четырнадцатую часть назначалъ имъ отецъ, подумалъ я, такъ пусть владѣемъ мы всѣ по равной части. Такъ и сдѣлали. То-то были рады, голубушки! Сама мать плакала отъ удовольствія. Что же вышло, Аглая Ивановна? Сестеръ, все таки помолясь, выдалъ я замужъ за добрыхъ людей, матушку успокоилъ и самъ поправился; устроилъ имѣньишко, привелъ въ порядокъ мужичковъ, былъ выбранъ дворянствомъ на мѣсто прежняго судьи, прослужилъ шесть лѣтъ, получилъ крестъ за отличіе, и живу припѣваючи, все таки съ молитвою, да съ полною надеждою на Бога. И ваше дѣло обработаю, исправлю, сами убѣдитесь въ томъ, сказалъ деревенскій сосѣдъ, покачиваясь на стулѣ: надежда на Бога не напрасна!

Выслушавъ до конца и со вниманіемъ сосѣда, дѣвушка почувствовала къ нему ту симпатію, которая иногда въ сердцѣ женщины становится сильнѣе самаго нѣжнаго чувства. Доброта и благородство Солонимскаго глубоко запали въ душу Аглаи. Она вдругъ обняла умомъ своимъ и оцѣнила всѣ достоинства смѣшнаго дикаря, этого неуча, неотесаннаго существа, по словамъ агронома.

Когда барышнѣ доложилъ Климычъ, то есть дворецкій фонъ-Гарецкихъ, что маменька приказали имъ идти почивать и что ужинать могутъ барышня требовать къ себѣ, въ спальню, Кондратій Захаровичъ простился съ Аглаею, и, не заходя въ кабинетъ, куда пронесли

нѣсколько приборовъ, преспокойно отправился въ комнату Кузьмы Тихоновича.

Не имѣя привычки ложиться безъ ужина, Солонимскій отыскалъ своего вѣрнаго Лукашу и, вручивъ ему рубль серебромъ, послалъ въ ближайшій трактиръ за двумя порціями бифштексу съ картофелемъ и парою котлетъ съ горошкомъ. Но въ полночь не достучался Лукаша ни въ одномъ заведеніи, и проголодавшійся провинціялъ принужденъ былъ удовольствоваться кускомъ тешки съ уксусомъ, который предложилъ ему домовладѣлецъ. «Завтра призапастись бы вамъ, Кондратій Захарычъ, колбаскою съ чеснокомъ; отмѣннѣйшую носитъ Нѣмка», сказалъ Парѳенинъ гостю: «всего по тридцати копѣекъ за штуку. Лакомство совершенное эта вещь-съ. Есть кромѣ того и рулетъ изъ свиныхъ ушей и кровяныя-съ съ разными специями.» Поблагодаривъ Кузьму Тихоновича за угощеніе и совѣтъ, Солонимскій передалъ адресъ Нѣмки Лукьяну, а самъ поспѣшилъ прикинуться спящимъ, чтобъ на досугѣ хорошенько обдумать планъ, по которому намѣревался начать свои дѣйствія въ пользу дочери Ивана Михайловича. Въ умѣ провинціяла утвердилась мысль соединить Аглаю съ Лучезарскимъ. Послѣдняго же, по мнѣнію Солонимскаго, дѣвушка и не могла и не должна была не любить страстно.

V.

Планъ, возникшій въ головѣ Ивана Захаровича въ полночь, созрѣлъ къ заутренѣ. Успокоившись на счетъ будущаго счастья Аглаи, Солонимскій уснулъ часа четыре, а послѣ ранней обѣдни всталъ съ постели, умылся, побрился, одѣлся въ лучшее свое платье и послалъ

Лукьяна разв҃ѣдать стороною отъ людей фонъ-Гарецкаго, гдѣ живетъ Павелъ Дмитріевичъ Половскій.

Князь Павелъ Дмитріевичъ, какъ мы уже сказали, жилъ нѣкогда въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ находились помѣстья какъ Ивана Михайловича, такъ и Солонимскаго. Въ настоящее время старый князь, подобно многимъ русскимъ вельможамъ, отдыхалъ, отъ службы и трудовъ, въ Бѣлокаменной, гдѣ долго ожидали его родовыя палаты съ обширнымъ садомъ. Значительное состояніе Половскаго давало ему возможность поддерживать прародительскую привычку держать двери свои настежъ для старинныхъ друзей и всѣхъ желающихъ вкусить его хлѣба-соли, поиграть съ нимъ въ вистъ, побесѣдовать о быломъ, попросить его кое о чемъ. Однимъ словомъ, впускали къ князю всѣхъ безъ изъятія и освѣдомлялись слуги очень учтиво какъ доложить у тѣхъ только лицъ, которыхъ впервые видали. А такъ какъ привычекъ своихъ не измѣнялъ князь и въ Петербургѣ, то этой участи подвергся въ описываемое нами утро и Кондратій Захаровичъ.

— Доложите, пожалуйста, его сіятельству, отвѣчалъ послѣдній толстому привратнику: что желаетъ имѣть честь представиться ему дворянинъ К.....й губерніи, нѣкто Солонимскій.

Гостя не заставили долго дожидаться и тотчасъ же провели его до самаго княжескаго кабинета. Старика хозяина засталъ провинціалъ одѣтаго въ сѣренькій сюртучекъ; голова его была бѣла какъ пухъ, но тщательно причесана; онъ ходилъ еще бодро и безъ палки.

— Простите, ваше сіятельство, что осмѣлился обезпокоить васъ, сказалъ Кондратій Захаровичъ, пріостановясь у дверей: но когда-то вы сами пріучили насъ прибѣгать прямо къ вамъ.

— Прошу пожаловать поближе, отвѣчалъ Половскій, привѣтливо кланяясь и указывая гостю на кресла: присядьте-ка сюда, да и поговоримъ. Я радъ и готовъ служить чѣмъ могу.

— Дѣло покажется вамъ, князь, казуснымъ.

— Что же, что же такое?

— Пришелъ я просить не о себѣ.

— Все равно, все равно. А имя ваше?

— Солонимскій. Имѣлъ счастіе служить уѣзднымъ судьею въ городѣ N.

— Помню! право, кажется, помню. Даже разъ мы съ губернаторомъ обѣдали у васъ...

— Именно, ваше сіятельство, отвѣчалъ обрадованный Кондратій Захаровичъ: еще вашему сіятельству понравились душеные грибы въ горошкѣ съ запеканкою.

— Какъ же, какъ же, и рецептъ я взялъ! замѣтилъ старикъ смѣясь и протягивая руку: ну, выходитъ, старые мы съ вами знакомые; а грибы-то и до сихъ поръ готовятъ у меня, но рѣдко, почтеннѣйшій; доктора запрещаютъ; говорятъ: не по желудку.... разбойники сущіе; а, чай, врутъ.... я думаю, что врутъ!

— Не знаю, князь: ихъ дѣло; а очень счастливъ, что случай этотъ напомнилъ вамъ обо мнѣ.

— Какъ теперь ѣмъ; право, вкусъ сдѣлался грибной. Помнится, положено было и лавроваго листика, и перчику; чудо что за прелесть! Въ англійскомъ бы клубѣ научить поваровъ... Однако прошу садиться, да къ дѣлу, пока не помѣшали.... Вы, кажется, сказывали, что дѣльце у васъ казусное...

— Даже очень, ваше сіятельство.

— Однако, возможно ли помочь?

— Всю надежду полагаю на ваше сіятельство.

— Не мѣстечка ли ищете? Дѣло трудное, куда трудное!

— О, нѣтъ-съ!

— Стало тяжба; попросить кого?

— И не тяжба; просить пришелъ покровительства и защиты для прекрасной дѣвушки.

— Обижаютъ?

— Какъ бы вамъ сказать, ваше сіятельство: въ рукахъ она у родителей.

— У родителей? Ну, власть, батюшка, законная; противу нея возставать не годится.

— Знаю, что не годится; да и не нужно возставать; можно бы употребить другія мѣры, какъ то: польстить самолюбію отца. Высокой особѣ, подобной вамъ, сказать словечко почти то же, что употребить власть.

— Въ чемъ же состоитъ дѣло? Разскажите мнѣ подробности, авось...

— А вотъ, ваше сіятельство, продолжалъ Солонимскій, усаживаясь подлѣ князя.—У дальняго родственника моего и сосѣда по деревнямъ есть дочка, да дѣвица такая, какихъ поискать и поискать, и то только найдешь ли скоро? Дѣвицѣ-то и приглянись молодой человѣкъ, прекрасный, скромный такой, добрый; хорошій, говорятъ, служака. Состоянія нѣтъ, вотъ и вся бѣда. «Не хочу», говоритъ отецъ, «выдавать за нищаго, а хоть насильно, да быть ей за другимъ, кого я выберу.

— Отецъ-то, видно, съ заминкою.

— Въ томъ-то и дѣло, ваше сіятельство, что родители не похожи на дочь. Какъ быть? Мнѣ, признаться, жаль стало бѣдненькую. Подумалъ подумалъ... вспомнилъ прежнія милости ваши къ нашей братьѣ; кстати же и отецъ дѣвицы изъ вашихъ же — вотъ я и явился!

— Поступили-то вы во всякомъ случаѣ хорошо, мой

почтеннѣйшій, лишь бы найдти намъ способъ выручить красавицу, не раздраживъ стариковъ. Дѣло щекотливое, какъ хотите... Ну, какъ, посудите, начать, когда я даже съ ними незнакомъ?

— Постойте-ка, ваше сіятельство; вѣдь штука-то въ томъ, что вамъ они не совсѣмъ чужіе.

— Кто это?

— Да Гарецкіе.

— Какъ! воскликнулъ старикъ: Гарецкій, Иванъ Михайловичъ?

— Ну, онъ.

— Что называетъ себя фонъ?

— Онъ, онъ самый.

— Ба, ба, ба! вотъ забавно! Да мы въ близкомъ родствѣ; недавно еще встрѣтились у той бѣлобрысой княжны, на имянинахъ.

— У Евгеніи Аверкіевны?

— Ну, да. А дѣвица, о которой вы хлопочете...

— Аглая Ивановна.

— Скажи пожалуй! Истинно дѣло-то казусное: пришли просить меня за мою же фаворитку. Вотъ комедія! проговорилъ князь, смѣясь отъ души.—За эту-то красавицу, батюшка, возьмусь я обѣими руками. Она мнѣ страхъ нравится и стоитъ хлопотъ.

— Ахъ, какъ я радъ!

— И я тоже. Да знаешь ли, батюшка, что Иванъ Михайловичъ вѣдь страхъ поглупѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ служитъ въ столицѣ. И Богъ его знаетъ откуда «фону» набрался на старости лѣтъ. Знай я только, что свернетъ ему голову столичная жизнь, ни за что не вытащилъ бы его изъ губерніи; а то узнать нельзя!... Голову только что не заворотилъ назадъ, какъ олень, и голосъ сдѣлался презвонкій. Намедни кричитъ, хохочетъ, толкуетъ обо

всемъ. И сына ведетъ своимъ путемъ прямо въ дураки, почтеннѣйшій. Про жену говорить не стану: эта и съ молоду была ехидна; дрянь была вся семья. А Иванъ-то Михайловичъ удивилъ, просто удивилъ! Скажите мнѣ на милость, кого прочитъ себѣ въ зятья мой роденька?

— Барона Шпихъ, Штихъ, вотъ этакъ что-то.

— Ка-а-къ? барона?

— Да, князь, пустѣйшаго человѣка, отвѣчалъ Солонимскій.

— А зна-ешь-ли, ба-тюш-ка, новость? спросилъ старикъ, вскакивая съ дивана.

— Что же, ваше сіятельство?

— А то, любезнѣйшій, продолжалъ князь, вкладывая руки свои въ карманы: что вѣрные люди увѣряли меня, будто бы баронъ, этотъ самый, про кого говоримъ, вѣдь онъ, любезный, не нашъ, а швабскій какой-то; такъ увѣряли меня, будто бы онъ такой же баронъ, какъ кто бы, примѣрно тебѣ сказать—ну, да какъ Филька, мой форрейторъ!

— Какъ?

— Да такъ, любезнѣйшій!... Просто гуляетъ съ чужимъ видомъ.

— Вотъ забавно!

— Самъ посуди: графъ Семенъ Сергѣевичъ Волговодскій долгое время прожилъ въ Эрфуртѣ и своими глазами видѣлъ этого самаго барона кельнеромъ, то есть слугою въ гостинницѣ. Пріѣхалъ графъ оттуда и говоритъ мнѣ: берегись и не бери совѣтовъ по хозяйству у этого шарлатана—вѣдь онъ самозванецъ. А графъ не изъ такихъ, чтобы солгалъ; я ему вѣрю.

— Хорошъ былъ бы Иванъ Михайловичъ, ваше сіятельство.

— Ему по дѣломъ, да дѣвочку жаль: премилая и прехорошенькая...

— Подлинно, самъ Богъ надоумилъ меня обратиться къ вамъ, князь.

— Конечно, почтеннѣйшій. Намедни, говорю, заѣхалъ я къ той, къ княжнѣ. Сидимъ, говоримъ; засталъ я у нея какого-то молодца, красиваго мужчину... служитъ, сказывала; вдругъ....

— Ужь не Корнелій ли Егоровичъ Лучезарскій?

— Такъ, такъ!

— Стало, ваше сіятельство, вы и жениха знаете.

— Жениха?

— То есть, нѣтъ еще, не совсѣмъ жениха, а избраннаго сердцемъ Аглаи Ивановны.

— Тотъ малый?

— Тотъ, котораго застали у княжны Евгеніи Аверкіевны.

— Охъ, любезный! Да, полно, стоитъ ли онъ дѣвушки? Не пришелся малый мнѣ по сердцу; съ перваго взгляду не показался, замѣтилъ старикъ, морщась.

— Его любятъ.

— Дрянь, кажется.

— Ну, нѣтъ, ваше сіятельство, человѣкъ не дурной; служитъ усердно, ведетъ себя прилично, лицемъ чистъ и одѣтъ прекрасно.

— Все такъ, все такъ, а Богъ его знаетъ, не приглянулся онъ мнѣ; куда не приглянулся!

— Барона-то не повстрѣчали вы тамъ?

— Про то и началъ говорить. Къ родственницѣ-то моей, видно, слетаются и баронъ, и твой хваленый, и еще какой-то плѣшивый, сладкій такой, такъ вотъ къ ручкѣ и лѣзетъ. Когда еще былъ въ строю, помнится, принималъ полкъ; вотъ бывшій-то командиръ и проситъ меня

обратить особое вниманіе на одного писаря; ни дать ни взять тотъ лысый, котораго встрѣтилъ у княжны. Только взглянулъ я на писаря, и покажись мнѣ—мошенникъ... Какъ бы вы думали, любезный? Года не прослужилъ, замарался, до ушей замарался, вышелъ вонъ изъ канцеляріи въ фурлейты. Глазъ привыкъ съ малолѣтства! Про нашего же барона слѣдуетъ развѣдать покороче; а отъ кого?... Постой, постой, почтеннѣйшій, сказалъ старикъ, подумавъ: вотъ мысль пришла счастливая! Подбиться бы намъ къ лысому; онъ, кстати, его пріятель; какъ разъ выдастъ!... Какъ, бишь, зовутъ его?...

— Богданомъ Богдановичемъ.

— Ну, и дѣло въ шляпѣ, сказалъ старикъ, хлопая въ ладоши.

— Не уже ли придумали, ваше сіятельство? спросилъ Кондратій Захаровичъ.

— Да какъ придумалъ тонко, отвѣчалъ тотъ, понизивъ голосъ: сегодня же пошлю за этимъ Богданомъ Богдановичемъ и подпущу ему брандера, а завтра, либо послѣзавтра, навѣдайтесь вечеркомъ ко мнѣ; попьемъ вмѣстѣ чаю и снова потолкуемъ. Смерть люблю подобныя продѣлки, любезнѣйшій! смерть люблю, повторилъ князь, потирая руки. Добудьте только адресъ Богдана, да не забудьте, кстати, приписать мнѣ и прозвище, то есть фамилію; вотъ и начнемъ.

Бѣгомъ пустился Солонимскій отъ князя въ обратный путь, добылъ адресъ Герцфета, занесъ его самъ къ швейцару его сіятельства и отправился въ Казанскій Соборъ помолиться о дальнѣйшихъ успѣхахъ. День былъ ясный; на Невскомъ Проспектѣ румянились морозомъ тысячи прелестныхъ женскихъ личикъ. Сколько чудныхъ ножекъ манило жадные взоры, страстные взгляды; сколько волшебныхъ талій волновали сердца юно-

шей въ то утро. Одинъ Кондратій Захаровичъ проходилъ по тому же Невскому Проспекту, не замѣчая никого и не видя ничего, кромѣ темнаго купола церкви Казанской Богоматери, мелькавшаго между крышами великолѣпныхъ зданій. У крыльца одной кофейной, кто-то чуть не сшибъ съ ногъ Солонимскаго. Онъ оглянулся; предъ нимъ баронъ въ глянцевитой шляпѣ, надѣтой нѣсколько на бокъ, въ бекеши съ серебристымъ бобровымъ воротникомъ.

— Не я ли васъ толкнулъ? спросилъ насмѣшливо агрономъ у нашего провинціяла.

— А хотя бы и вы, бѣда не большая; за каждымъ толчкомъ не угонишься, баронъ; а я рыщу по Петербургу словно бѣглецъ какой нибудь! отвѣчалъ шуточнымъ тономъ Солонимскій.—А знаете ли, чего ищу?

— Что же вамъ надо?

— Нужна эрфуртская гостинница. Не знакома ли она вамъ?...

— Какъ эрфуртская?

— Такъ, просто, эрфуртская гостинница, повторилъ Кондратій Захаровичъ, пристально смотря въ глаза агроному, измѣнившемуся въ лицѣ.

— Я не знаю; никогда не слыхалъ про такую...

— Странно вамъ не знать.

— Почему же странно?

— Потому, что вы вѣдь давно живете здѣсь; да на вашемъ мѣстѣ не только гостинницы, а всѣхъ кельнеровъ зналъ бы я поименно...

Слово «кельнеръ» довершило смущеніе агронома, который сталъ заикаться еще болѣе.

«Фальшъ», подумалъ провинціялъ: «онъ и есть; нѣтъ никакого сомнѣнія», прибавилъ Кондратій Захаровичъ, проходя далѣе. Радуясь, какъ дитя, представившейся

возможности отдѣлаться отъ агронома и отвратить тѣмъ грозу, висѣвшую надъ головою Аглаи, Солонимскій помолился усердно въ Казанскомъ Соборѣ, и вздумалъ полюбоваться блестящимъ столичнымъ обществомъ, вышедшимъ изъ каретъ своихъ на широкія гранитныя плиты Невскаго. Сколько богатствъ и роскоши выставляется въ это время на показъ богатымъ людямъ! Сколько образцовъ всемірныхъ издѣлій смотрится въ ѓигантскія окна всемірныхъ магазиновъ! Тутъ будто льется яркоцвѣтный каскадъ восточныхъ шалей; тамъ ослѣпляетъ блескомъ своимъ глыба серебра; нѣсколько далѣе покоится солнечный лучъ на золотѣ и заслоняетъ его затѣйливый узоръ китайской вазы, полированной яшмы, уголъ малахитоваго пьедестала и волны перламутра. Какъ величаво тянутся вдоль проспекта двумя рядами фасады громадныхъ зданій; сколько сокровищъ вкуса дарятъ они на каждомъ шагу любопытному глазу. Провинціялъ нашъ хотѣлъ не отставать отъ равнодушно шедшей толпы и не отставать не могъ: онъ боялся пропустить что нибудь, боялся проглядѣть картины, статуэтки, даже трости и зонтики съ такими затѣйливыми ручками, какихъ онъ и вообразить себѣ не могъ. Но вотъ досада: новая встрѣча, знакомое лице. Встрѣчалъ его не разъ Солонимскій въ домѣ фонъ-Гарецкихъ и помнилъ Кондратій Захаровичъ, что зовутъ лице это княземъ; но какимъ? вотъ задача! «Но все равно; онъ смотритъ на меня, онъ улыбается; подойду къ нему и поговорю», подумалъ провинціялъ, подходя къ князю Грибкину-Ослабушеву. На князѣ Грибкинѣ надѣта была, въ рукава, синяго цвѣта шинелька съ собольимъ воротникомъ, синяя же бархатная шапочка съ собольимъ околышемъ, изъ подъ которой выползали, только что не на самыя плеча, длинные локоны напомаженныхъ во-

лось. Между двумя бѣлыми отложными воротничками видна была до половины обнаженная шея; на ножкахъ его сіятельства надѣты были бархатныя кеньги, на ручкахъ шелковыя вязаныя перчатки; въ одной изъ нихъ держалъ женообразный Грибкинъ батистовый вышитый платокъ. За его сіятельствомъ шелъ гайдукъ въ ливреѣ и несъ миніатюрную болонку, съ пунцовою лентою вмѣсто ошейника. Узнавъ Солонимскаго, Грибкинъ остановился и кивнулъ головою.

— А меня совсѣмъ затолкали въ этой толпѣ, проговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ: пойдемте, пожалуйста, рядомъ; силъ нѣтъ никакихъ; такіе все невѣжи. Вы же куда, mon cher monsieur? По дѣламъ, или такъ гуляете?

— Теперь гуляю и глазѣю на всѣ эти чудеса, отвѣчалъ Кондратій Захаровичъ.

— Ну, нашли на что смотрѣть; дрянь сущая!

— Помилуйте, какая же дрянь, князь? Да это, просто, единственно хорошо.

— Лубочныя декораціи, mon cher monsieur; въ руки гадко взять; мишура, ветошь, обманъ.

— Даже эти шали?

— Башкирскія какія-то одѣяла, съ татарскимъ рисункомъ, годныя развѣ только для конскихъ попонъ самой сомнительной доброты; почти поручиться можно, что въ нихъ на половину бумаги.

— Можетъ ли быть?

— А вы думали безъ плутни? вотъ забавно! да во всемъ Петербургѣ не найдете настоящаго мериноса.

Не зная коротко князя и не допуская въ людяхъ маніи бранить вѣчно все безъ исключенія, Солонимскій на минуту усомнился въ добромъ качествѣ всѣхъ видѣнныхъ имъ товаровъ и уже началъ вздыхать, какъ

Грибкинъ самъ вывелъ провинціяла изъ мгновеннаго заблужденія.

— Вы, mon cher monsieur, не очень полагайтесь на наружный блескъ всѣхъ этихъ балаганностей, сказалъ князь: все поддѣльно, все безвкусно, хоть выброси.

— Позвольте же спросить, перебилъ Солонимскій: давича остановился я противъ магазина серебряныхъ вещей и полюбопытствовалъ взглянуть на пробныя клейма.

— Что же! и то дрянь!

— Но клейма, князь? 84-я проба на всемъ.

— Повѣрьте, гроша не стоятъ всѣ вещи.

«Ну, ужь неправда», подумалъ Кондратій Захаровичъ.

— Кстати! давно ли вы были у Гарецкихъ?

— Я живу съ ними въ одномъ домѣ.

— А! вотъ какъ; стало часто видитесь?

— Каждый день.

— Ну, каждый день должно быть скучно; изрѣдка, почему и нѣтъ? Иванъ Михайловичъ глупъ немножко, но забавенъ.

— Я не замѣтилъ этого, князь.

— О, очень глупъ, mon cher monsieur! и въ женѣ его не много ума: въ родню пошла.

— Какъ? въ Половскихъ, хотите вы сказать?

— И Половскіе пороху не выдумаютъ, начиная съ князя Павла.

— Ну, ужь нѣтъ, князь, замѣтилъ съ жаромъ Кондратій Захаровичъ: за Павла Дмитріевича я вступлюсь, воля ваша...

— По мнѣ, провались онъ.

— Старикъ самый почтенный, самый благородный.

— Туда ему и дорога.

— Много пользы принесъ онъ службою.

— Воображаю.

— Тысячи людей скажутъ вамъ то же.

— Вралей куча на бѣломъ свѣтѣ.

— Мнѣ досадно за князя.

— Трудъ напрасный, никто его не обидитъ.

— Но вы сказали...

— Чтобы сказать что нибудь.

— Зачѣмъ же дурное?

— Хорошаго мало въ немъ, такъ по неволѣ проболтаешься. Ну, а княжна что дѣлаетъ? возится по прежнему съ барономъ?

— Княжна Евгенія Аверкіевна?

— Кому же быть, mon cher monsieur, и кто захочетъ подобно ей объѣдаться телятиною? Хорошъ и Рѣпенинъ, этотъ мандаринъ съ фистулою въ горлѣ; когда онъ говоритъ, мнѣ кажется будто издали налетаетъ молодой рой пчелъ!

— Упаси Господи попасть къ вамъ на язычекъ, князь! воскликнулъ весело Солонимскій, котораго начинало забавлять злословіе Грибкина.

— Вы слишкомъ снисходительны къ нимъ всѣмъ, mon cher monsieur, отъ этого и кажусь я вамъ злымъ.

— Злымъ, нѣтъ, но немного строгимъ судьею.

— По достоинствамъ и честь воздаю, а достоинствъ мало.

— Богдана Богдановича вы забыли, однако?

— А вы напрасно напомнили.

— Почему же?

— Потому что, противъ привычки моей, вынужденъ хвалить.

— Кого?

— Богдана Богдановича.

— Можетъ ли быть?

— Не иначе.

— За что, князь, къ нему такая милость?

— Вы его вѣрно не любите, mon cher monsieur?

— Признаюсь, князь, не очень долюбливаю.

— Есть причина?

— Нѣтъ пока.

— Точно?

— Это вѣрно.

— Стало предчувствіе?

— Предчувствіямъ не вѣрю.

— А гаданьямъ?

— И гаданьямъ не вѣрю.

— Вы?

— Я, князь.

— Никакимъ?

— Никакимъ рѣшительно.

— Вы чудакъ, mon cher monsieur, и васъ бы стоило проучить на порядкахъ.

— Пожалуйста.

— Хотите?

— Хочу.

— Не шутя?

— Безъ всякихъ шутокъ.

— Ну, позвольте; но, чуръ, не пенять потомъ.

— За что же пенять?

— Мало ли.

— Ничего такого быть не можетъ.

— Эй, не говорите, ради Бога, и не ручайтесь за то, чего не знаете, сказалъ Грибкинъ, грозя пальчикомъ. — Бонапартъ былъ дальновиднѣе насъ съ вами, mon cher monsieur, а и того озадачили. И, кромѣ Бонапарта, начту еще съ полдюжины историческихъ лицъ, не говоря уже про современныхъ свидѣтелей... Знакомы вы?... Да

нѣтъ, вы ни съ кѣмъ не знакомы. Заѣзжайте ко мнѣ на дняхъ, только не раньше часу: до часу я въ постелѣ; мы вмѣстѣ поѣдемъ къ Ѳедотушкѣ...

— Кто это Ѳедотушка, князь?

— Онъ слыветъ дурачкомъ; ну, да вѣдь Павелъ Дмитріевичъ въ свою очередь слыветъ умнымъ, прибавилъ князь: стало изъ общихъ мнѣній толку настоящаго добиться мудрено. По крайней мѣрѣ, Ѳедотушка, взглянувъ на васъ, тотчасъ же разскажетъ все прошедшее, настоящее и будущее. Уменъ ли онъ, глупъ ли, ясновидящій ли, разбирай кто хочетъ: результаты не перемѣнятся; и скажи онъ мнѣ, что я умру черезъ недѣлю, я бы, mon cher monsieur, принялся писать мое духовное завѣщаніе, хотя бы для того единственно, чтобы оставить всѣмъ наслѣдникамъ моимъ по фигѣ.

— Ѣдемъ къ Ѳедотушкѣ вашему, князь! воскликнулъ до крайности заинтересованный Солонимскій.

— Не уже ли теперь?

— Почему же и нѣтъ?

— Далеко немножко.

— Что за бѣда! возьмемъ извощика.

— Ну, на извощикѣ, слуга покорный; мой возокъ въ двухъ шагахъ, но, признаться, не тяжеленько ли будетъ лошадкамъ?

— Везти лишняго человѣка, то есть меня? спросилъ Кондратій Захаровичъ.

— Не васъ именно, а всѣхъ насъ четырехъ?

— Позвольте, князь, предложить извощика для лакея, въ которомъ, конечно, больше вѣсу чѣмъ во мнѣ.

— А мы поѣдемъ одни?

— Помилуйте! какая опасность.

— Все таки.

— Полноте шутить! Не повѣрю чтобъ вы боялись, князь.

— Не то чтобы боюсь, а не ловко какъ-то; мало ли какіе случаи! хватятъ дышломъ сзади...

— Ну, садитесь въ возокъ одни, а я поѣду въ саняхъ за вами вслѣдъ. Согласны?

— Мнѣ совѣстно.

— Чего?

— Совѣстно отпустить васъ однихъ, проговорилъ Грибкинъ, кокетничая.

Не отвѣчая на послѣднее возраженіе князя, Кондратій Захаровичъ нанялъ извощика, доѣхалъ до возка Ослабушева, къ которому тотъ въ это же время подошелъ пѣшкомъ. «Ежели этотъ болтунъ не вретъ и Ѳедотушка его отгадаетъ мое прошлое», подумалъ провинціялъ, «разспрошу его про Аглаю и про все, про все рѣшительно. Ежели же совретъ Ѳедотушка, то-то посмѣюсь я надъ этимъ суевѣромъ, то-то поразскажу про него у Гарецкихъ; по крайней мѣрѣ будетъ чѣмъ позабавить Аглаю Ивановну сегоднишнимъ вечеромъ.

Отворивъ дверцу возка, обитаго внутри мѣхомъ, гайдукъ сначала поправилъ въ немъ медвѣжью полость, подушки, потомъ вынулъ откуда-то круглый замшевый мѣшокъ, надулъ его собственнымъ дыханьемъ и посадилъ на мѣшокъ самого князя, которому и передалъ болонку, а самъ приперъ снова дверцу, взгромоздился на запятки, разставилъ ноги и, ухватившись за кисти, придѣланныя къ задней части кузова, крикнулъ кучеру: «пошелъ къ Таврическому».

Долго пришлось мерзнуть бѣдному провинціялу, слѣдуя за едва двигавшимся возкомъ Ослабушева, и напрасно нанялъ Солонимскій лихаго извощика; дотащилъ

бы его ванька и не озябъ бы тотъ, подскакивая рядомъ съ тощимъ и хромымъ конемъ своимъ, а все таки бѣжалъ бы ванька не отставая отъ князева возка: такъ медленно тащился возокъ съ Невскаго Проспекта подъ Таврическій.

VI.

Давно уже для образованнаго класса людей не существуютъ ни чародѣи, ни чернокнижники, ни волшебства всякаго рода; громко смѣются надъ ними умныя дѣти, и даже няньки въ порядочныхъ домахъ изгнали изъ усыпительныхъ сказокъ своихъ Бабу Ягу и всю поэзію вѣковъ прошедшихъ. Но остались еще, въ видѣ небольшаго исключенія, для суевѣровъ высшаго общества, предсказатели или гадальщики. Эта каста избранныхъ является въ различныхъ видахъ. Иные ходятъ во фракахъ, ѣздятъ въ экипажахъ, наряжаютъ женъ своихъ и тайкомъ принимаютъ къ себѣ въ домъ не старыхъ вдовъ и немолодыхъ дѣвицъ. Всѣмъ имъ говоритъ что нибудь гадальщикъ, смотря на ладони, раскладывая карты; имъ продаетъ гадальщикъ счастье въ видѣ булавки, добытой въ мелочной лавочкѣ, элексира, составленнаго изъ самыхъ невинныхъ веществъ. Имъ же разсказываетъ гадальщикъ нелѣпѣйшія исторіи собственной жизни, встрѣчи свои съ домовымъ, страшные сны, чудныя болѣзни и чуть ли не собственное свое путешествіе на тотъ свѣтъ. Посѣтительницы проводятъ тревожныя ночи, берегутъ булавку, а элексиръ употребляютъ или въ видѣ капель, или въ видѣ притиранья. Этотъ разрядъ предсказателей пріобрѣтаетъ обыкновенно неограниченную довѣренность тѣхъ, въ жизни

которыхъ случалось имъ отгадать что нибудь, и великодушное прощеніе тѣхъ, которымъ предсказанія не принесли большаго несчастія.

За первымъ классомъ гадальщиковъ слѣдуетъ длинный рядъ пожилыхъ вдовъ, съ бородавками, съ пятнами на лицѣ, съ однимъ глазомъ и въ миткалевыхъ чепцахъ, являющихся по первому призыву и за весьма умѣренную цѣну. Ихъ обыкновенно проводятъ въ дома задними крыльцами, дѣвичьими комнатами, и не пускаютъ дальше чайной, или уборной. Ключницы обязаны поить ихъ кофеемъ.

Самое почетное мѣсто между всѣми принадлежитъ предвѣщателямъ, объясняющимся на гадательномъ нарѣчіи. Гадательнымъ называется то нарѣчіе, котораго не понимаютъ ни слушатели, ни самъ ораторъ. Къ числу послѣдняго разряда принадлежалъ и Ѳедотушка, пожилой, безумный уродъ, имѣвшій пріютъ въ грязной лачугѣ дальнихъ родственниковъ. Ѳедотушку, для приличія, кормили бѣлымъ хлѣбомъ, поили деревяннымъ масломъ и, изрѣдка, давали блинковъ; но догадайся кто нибудь поднести Ѳедотушкѣ мясца, Ѳедотушка и покушалъ бы мясца и не отказался бы отъ горѣлки. Спалъ онъ на скамьѣ, безъ всякой подушки, потому только, что не давали подушки бѣдняку; несъ онъ постоянно такую околесицу, что понимать его могли развѣ одни истолкователи сновъ.

Промерзнувъ до костей, Кондратій Захаровичъ вылѣзъ изъ саней своихъ въ ту минуту, когда ѣхавшій впереди его возокъ остановился у воротъ ветхаго деревяннаго домика, оставленнаго, какъ бы нечаянно, между двухъ вновь построенныхъ зданій. Княжескій гайдукъ постучался въ калитку, спросилъ у кого-то, живъ ли Ѳедотушка и, получивъ утвердительный отвѣтъ, воз-

вратился къ возку, изъ котораго и вытащилъ своего господина.

Ослабушевъ, посинѣвшій отъ стужи, едва двигалъ языкомъ и ногами. Прежде вступленія въ сѣни, князь досталъ изъ кармана голубой флаконъ съ уксусомъ и смочилъ себѣ имъ ноздри, руки и виски; а окончивъ всѣ нужныя приготовленія, рѣшился наконецъ войти и въ самое жилище предсказателя. Солонимскій послѣдовалъ за княземъ. Ѳедотушку застали гости на полу, съ масляным блиномъ во рту и рукахъ. Волосы безумнаго были всклочены, борода замаслена деревяннымъ масломъ, рубашка грязна и прорвана во многихъ мѣстахъ; ногти на ногахъ дѣлали бы величиною своею честь любому орангутангу. Несчастный не обратилъ сначала ни малѣйшаго вниманія на вошедшихъ, и на первыя привѣтствія Грибкина отвѣчалъ онъ какимъ-то дикимъ мычаніемъ. Но едва явилась въ комнату Ѳедотушки какая-то пожилая женщина, нѣчто въ родѣ мѣщанки, Ѳедотушка разинулъ ротъ, выплюнулъ находившійся въ немъ кусокъ блина и принялся хохотать во все горло.

— Заставьте его говорить, душенька, сказалъ Грибкинъ, обращаясь къ вошедшей: вотъ я привезъ къ вамъ еще одного барина, прибавилъ князь, указывая на провинціяла.

— Милости просимъ, отвѣчала женщина, кланяясь: милости просимъ.

— Пожалуйста же, расшевелите его.

— Извольте, извольте, баринъ; сейчасъ начнетъ, сейчасъ.

— То-то, поскорѣе бы.

— Сію минуточку. Ѳедотушка, а Ѳедотушка! начала мѣщанка, присѣвъ на полъ, противъ Ѳедотушки: огля-

нись, голубчикъ; видишь господа какіе хорошіе пожаловали къ тебѣ; видишь, сердечный?

Безумный пересталъ хохотать, оглядываясь во всѣ стороны.

— Ѳедотушка, продолжала женщина: скажи, голубчикъ, чего ждать господамъ? слезы-ль лить, либо съ радостью жить вѣки вѣчные?

— Тррррръ пуфъ, промычалъ тотъ.

— Не упрямься, голубчикъ.

— Трррръ пуфъ пуфъ! повторилъ Ѳедотушка.

— Что это значитъ? спросилъ въ полголоса Грибкинъ.

— Это, баринъ, значитъ, что Ѳедотушка хочетъ чего-то, отвѣчала мѣщанка.

— Чего же именно?

— Дайте ему табачку.

— У меня нѣтъ.

— И у меня нѣтъ, сказалъ Кондратій Захаровичъ.

— Я дамъ сейчасъ, сейчасъ дамъ ему табачку, прибавила женщина, доставая изъ кармана потертую бумажную табакерку.—Вотъ тебѣ и табачекъ. Хочешь табачку, Ѳедотушка? Молчишь, бѣдненькій; или не хочешь табачку? табачекъ такой хорошій; понюхай табачку, Ѳедотушка! Все же молчишь; экой какой! и табачку не хочетъ.

— Дайте ему что нибудь другое, сказалъ съ нетерпѣніемъ Ослабушевъ.

— Что же бы дать такое, баринъ? развѣ дать гривенничекъ?

— Ну, гривенничекъ.

— Да нѣту же у меня гривенничка, господинъ; ни грошика нѣтъ.

Князь вытащилъ голубой кошелекъ въ видѣ кучерской шапки, досталъ изъ него новенькую серебряную

монетку и бросилъ ее дураку, который съ жадностью схватилъ ее и положилъ себѣ въ ротъ.

— Смотрите, проглотитъ! воскликнулъ съ испугомъ Грибкинъ.

— Пусть себѣ, пусть себѣ кушаетъ на здоровье; онъ у насъ, сердечный, все можетъ; ему ничего не сдѣлается, отвѣчала мѣщанка съ чувствомъ и вздохомъ. — Разъ переглоталъ ихъ многое множество, а невредимъ остался; видно, и смерть отступается отъ такихъ.

— Однако пора бы ему.

— Вотъ потерпите маленько, скажетъ и вамъ.

Пожевавъ монету, Ѳедотушка досталъ ее пальцемъ изъ за щеки, повертѣлъ въ рукахъ, полизалъ, потомъ положилъ гривенникъ на ладонь и, взглянувъ дико на Солонимскаго, закричалъ во все горло: — Много, много ему, много ему, трррррръ, нуфъ!

— Что это онъ? спросилъ провинціялъ.

— А это, баринъ, подхватила мѣщанка, значитъ большое богатство вамъ достанется.

— Ну, вретъ онъ, вретъ.

— Авось, Богъ дастъ, и правду сказываетъ: такіе люди, баринъ, не обманываютъ никогда.

— Ей же ей, вретъ!

— Ne dites pas, ne dites pas, mon cher monsieur, проговорилъ довѣрчивый князь.

— Неоткуда быть мнѣ богатымъ; развѣ кладъ найду, замѣтилъ, смѣясь, Кондратій Захаровичъ: а вотъ, пусть лучше скажетъ, выйдетъ ли скоро замужъ та особа, о которой думаю.

— Вы собираетесь жениться? спросилъ Грибкинъ.

— Не я собственно.

— Извольте, баринъ, сейчасъ спрошу, сказала женщина пододвигаясь къ Ѳедотушкѣ и гладя его по голо-

*

вѣ. — Ѳедотушка, а Ѳедотушка! пошлетъ ли Богъ судьбу кому, либо не пошлетъ? скажи просто, пошлетъ, либо не пошлетъ?

Послѣ тысячи кривляній, взвизговъ, вскриковъ и ужимокъ, Ѳедотушка взялся подъ бока и затянулъ какую-то адскую пѣсню.

— Вотъ и свадебная пѣсенка, сказала женщина, обращаясь къ Солонимскому: Ѳедотушка сказываетъ, что быть вѣнчанію, непремѣнно быть.

Хотя пѣсня сумасшедшаго столько же походила на свадебную, сколько и на вой вѣтра и на вой волковъ въ октябрскую ночь, но Кондратій Захаровичъ потребовалъ настоятельно отъ мѣщанки, чтобы та разспросила у Ѳедотушки, какого цвѣта будутъ волосы суженаго, черные или русые? На многократные вопросы послѣдней, Ѳедотушка снова расхохотался и уже не однимъ, а двумя пальцами указалъ на Солонимскаго.

— Бѣлокурый? стало баронъ, подумалъ провинціялъ, топнувъ ногою: провалиться сквозь землю всѣмъ колдунамъ, проворчалъ Кондратій Захаровичъ, бросивъ Ѳедотушкѣ серебряный рубль.

— Развѣ довольно съ васъ, баринъ? спросила мѣщанка.

— Довольно, голубушка.

— Чего лучше? богатство, баринъ, предсказалъ Ѳедотушка, и судьбу предсказалъ.

— Знаешь ты какъ собирать деньги съ нашей братьи, дураковъ.

— Гнѣваться не за что, честные господа; никто не неволитъ; а жалуютъ и именитые господа, довольны остаются; иному пропоетъ Ѳедотушка за упокой, такъ и тѣ серчать не изволятъ.

— Отстань, милая; что тутъ еще толковать! а мало рубля, скажи просто; прибавлю еще.

— Мы всѣмъ довольны, баринъ.

— Довольна, стало и говорить не о чемъ, сказалъ Солонимскій, отходя отъ мѣщанки къ дверямъ комнаты.

Сказаннаго князю гадальщикомъ и растолкованнаго женщиною, провинціялъ не слыхалъ и не старался разслышать, такъ занятъ онъ былъ мыслью, что Аглая выйдетъ не за черноволосаго Корнелія Егоровича, а за бѣлокураго барона. На участіе князя Половскаго не очень полагался Кондратій Захаровичъ. Князь былъ, правда, любезный, привѣтливый и веселый старикъ, но гдѣ ему заняться неинтереснымъ для него дѣломъ, и гдѣ помнить обѣщаніе послать за Богданомъ Богдановичемъ! Не однимъ же барономъ заниматься вельможѣ, окруженному съ утра до вечера кучею докучливыхъ гостей, старающихся наперерывъ и разсѣевать старика и занимать его собственными ихъ дѣлами.

Грибкинъ отъ Ѳедотушки отправился домой, а Солонимскій, на томъ же извозчикѣ, возвратился на квартиру фонъ-Гарецкихъ.

Пріемъ, сдѣланный ему Иваномъ Михайловичемъ, былъ такъ холоденъ, что всякій другой на мѣстѣ сосѣда и минуты не остался бы въ гостиной. Но Кондратій Захаровичъ былъ не таковъ; ему хотѣлось поговорить съ Аглаею, и онъ просидѣлъ за столомъ никѣмъ не замѣченный, не обращалъ вниманія на невѣжливость слугъ, обносившихъ его безпрестанно, на отсутствіе пирожнаго, забраннаго съ намѣреніемъ Ванею, на двусмысленныя слова хозяина, бесѣдовавшаго съ барономъ, съ которымъ былъ фонъ-Гарецкій любезнѣе чѣмъ когда либо. Подносъ съ кофеемъ, подобно блюду съ пирожнымъ, равно обошелъ деревенскаго сосѣда, но обѣдъ кончился и всѣ перешли изъ столовой въ гостиную.

Аглая подошла къ Солонимскому и спросила его, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ цѣлый день?

— Хлопоталъ о васъ, отвѣчалъ тотъ въ полголоса.

— Обо мнѣ?

— Да, Аглая Ивановна, взялся за дѣло, такъ отставать не приходится.

— Не прочны надежды ваши, добрый Кондратій Захарычъ, сказала дѣвушка со вздохомъ.

— Отчаяваться не вижу причинъ.

— И радоваться нечему.

— Посмотримъ.

— Не уже ли вы не видите, въ какую милость попалъ баронъ.

— Передъ концемъ своимъ.

— Какимъ концемъ?

— Рано объяснять, а подождите немного, узнаете новенькое.

— На счетъ барона?

— И на счетъ барона.

— Какая польза въ томъ, когда, сегодня утромъ, maman рѣшительно приказала мнѣ обходиться съ нимъ какъ можно привѣтливѣе.

— Исполняйте волю маменьки.

— Худо мнѣ приходится, Кондратій Захарычъ.

— А молились вы?

— Всякій день.

— Богъ не допуститъ.

— Можетъ быть.

— Повторяю, что не допуститъ ни до чего нехорошаго; вспомните когда нибудь сосѣда.

— И безъ того не забуду.

— Благодарю за ласку. Барону не сдобровать; серд-

це мое предчувствуетъ, что, не сегодня, такъ завтра, простится онъ и съ папашею и съ мамашею....

— Кондратій Захарычъ! вы хотите меня утѣшить какъ ребенка; вы знаете, какъ необходимо мнѣ въ настоящее время участіе.

— Надѣйтесь, говорю вамъ.

— Я вѣрю, что вы готовы были бы на большія жертвы, но къ чему онѣ поведутъ? скажите, къ чему?

— Полноте! отбросьте всю эту печаль, Аглая Ивановна, не задумывайтесь, не показывайте и виду, будто боитесь барона, а, напротивъ, дѣлайте ему глазки, да дурачьте его; пусть потѣшится.

— Къ намъ подходятъ гости, шепнула дѣвушка, наклонясь къ сосѣду: заговоримте о чемъ нибудь другомъ.

— Гмъ! сказалъ Кондратій Захаровичъ, и такъ не ловко заговорилъ о другомъ, что сама Аглая чуть не покатилась со смѣху.

Подходившій къ разговаривавшимъ былъ фонъ-Гарецкій. Онъ выступалъ мѣрно и улыбался зло; на концѣ языка фонъ-Гарецкаго висѣла или насмѣшка, или, просто, не доброе слово.

— У тебя, любезный Кондратій Захарычъ, сказалъ онъ сосѣду: завелись съ дочерью моею шуры муры; и о чемъ это вы шепчетесь?

— О своихъ дѣлишкахъ, спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Стало есть общія?

— Есть общія.

— Любопытно было бы знать.

— Есть тайны.... сказалъ провинціалъ, шутя.

— Шалишь, братъ! чтобы были тайны у Аглаи отъ отца и матери.

— И я не посторонній, по дружбѣ и расположенію,

Иванъ Михайловичъ; я бы могъ даже сказать про маленькую слабость, вамъ, впрочемъ, извѣстную, прибавилъ Солонимскій, шутя.

— Какъ же, какъ же, помню; самъ я говорилъ тебѣ, а ты небось и повѣрилъ?

— Почему же нѣтъ?

— Чего бы лучше; во всѣхъ статьяхъ пара! ха, ха, ха!

Слова и смѣхъ хозяина долетѣли до слуха барона и вызвали его на веселость, которая до того разсердила дѣвушку, что та встала и хотѣла уйдти.

— Куда вы, сударыня? спросилъ Иванъ Михайловичъ: или непріятны вамъ шутки отца?

— Не отца, батюшка, а неумѣстный смѣхъ гостей, отвѣчала Аглая.

Въ это время ее вызвали въ другую комнату.

— Ба! еще новости; да, право, благодаря присутствію почтеннѣйшаго сосѣда, я начинаю не узнавать собственныхъ дѣтей моихъ. И что съ ними сдѣлалось!

— Повѣрьте, Иванъ Михайловичъ, перебилъ Солонимскій, смѣясь: любимецъ вашъ, то есть Ваничка, пребываетъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ до пріѣзда сосѣда, и какъ дерзокъ былъ этотъ мальчишка въ первое мое съ нимъ знакомство, точно такъ же дерзокъ онъ и теперь. Представьте себѣ, что вчера, въ присутствіи нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, фаворитъ вашъ чуть не бросилъ въ меня своею игрушкою, а вмѣсто извиненій сказалъ, что кого не любитъ папаша, того не любитъ и онъ.

— Ребенокъ! сухо отвѣчалъ фонъ-Гарецкій.

— Да, и преглупый, прибавилъ сосѣдъ.

— Ну-у, объ этомъ, почтеннѣйшій, предоставьте судить мнѣ.

— И исправлять предоставляю вамъ, Иванъ Михайловичъ.

— Благодарю за позволеніе.

— Благодарить не за что; ваше добро.

— Мы, однако, отбились отъ первоначальнаго разговора, и Ваня попалъ на сцену весьма некстати.

— Не уже ли Аглая Ивановна могла предполагать, что я былъ довольно дерзокъ чтобы улыбнуться на ея счетъ? проговорилъ баронъ жеманно.

— Въ томъ-то и сила, что самое предположеніе не умно, сказалъ фонъ-Гарецкій.

— А не на счетъ Аглаи Ивановны, такъ на чей же, позвольте узнать, господинъ баронъ? спросилъ Солонимскій, подходя къ агроному.

— Нельзя ли безъ объясненій?

— Не тревожьтесь, Иванъ Михайловичъ; пріятель и другъ вашъ человѣкъ деликатный и не допуститъ нашего брата, неуча, до неприличной сцены; у него, кстати, есть вѣрное средство искупать всѣ промахи, прося во время извиненія.

— И умно дѣлаетъ, грозный сосѣдъ.

— А главное, осторожно.

— Я имѣю право не понимать двусмысленностей, милостивый государь, сказалъ агрономъ, стараясь улыбнуться.

— Вы даже, баронъ, имѣете другое право, болѣе уважительное: не понимать русскаго языка.

— Невѣжество ни въ какомъ случаѣ не извинительно.

— Смотря, къ какому классу принадлежитъ человѣкъ; напримѣръ, трактирные слуги.

— Мы не въ трактирѣ! воскликнулъ агрономъ, вспыхнувъ: не понимаю, зачѣмъ и говорить про слугъ и....

— Понесъ ахинею, любезный, опять понесъ, подхватилъ хозяинъ: мы никогда не кончимъ.

— Отчего, помилуйте? кончимъ завтра, можетъ быть, сказалъ Кондратій Захаровичъ, бросивъ на агронома такой взглядъ, отъ котораго тотъ снова зардѣлся багровымъ румянцемъ.

— Куда надоѣло, проворчалъ фонъ-Гарецкій, выходя скорыми шагами изъ гостиной.

VII.

Несправедливъ былъ въ заключеніяхъ своихъ о князѣ Павлѣ Дмитріевичѣ Половскомъ Кондратій Захаровичъ Солонимскій, и не забылъ старикъ даннаго обѣщанія, а тотчасъ же, по полученіи адреса Богдана Богдановича Герцфета, послалъ къ нему прелюбезное приглашеніе. Въ тотъ же вечеръ явился къ князю Герцфетъ въ полномъ парадѣ, то есть цвѣтномъ фракѣ, въ дѣланномъ галстухѣ, бѣломъ жилетѣ и съ накрахмаленнымъ жабо. Богданъ Богдановичъ былъ убѣжденъ, что князь имѣетъ въ немъ нужду и внутренно приготовлялся къ сообщенію о двухъ, трехъ благородныхъ поступкахъ своихъ, долженствовавшихъ упрочить за нимъ выгодное мнѣніе его сіятельства.

Павелъ Дмитріевичъ надѣлъ свой военный сюртукъ съ эполетами и принялъ Герцфета въ парадной гостиной. Послѣ первыхъ и обоюдныхъ привѣтствій, рѣчь зашла, разумѣется, объ агрономіи и объ экономіяхъ вообще; нѣсколько времени спустя, старикъ вдругъ спросилъ у гостя, свободенъ ли онъ отъ службы и другихъ серьезныхъ занятій?

— Какъ вамъ доложить, князь, отвѣчалъ, кривляясь, Богданъ Богдановичъ: отчасти нѣтъ.

— Рѣшительно нѣтъ?

— То есть искренно сознаюсь вашему сіятельству, дорожу своимъ временемъ.

— Похвальное дѣло!

— Мои дѣла, то есть мои собственныя, въ отличнѣйшемъ порядкѣ; хозяйство въ имѣніяхъ идетъ наипрекраснѣйшимъ образомъ; у меня распоряжается мужичекъ, который обязанъ писать ко мнѣ каждую недѣлю и писать обо всемъ. Я, князь, могъ бы сію минуту сказать вамъ безошибочно, сколько сѣна будетъ у меня на будущій годъ, сколько телятъ родится въ какомъ фольваркѣ, сколько мѣръ какого хлѣба придетъ на каждую десятину и все это безошибочно... Конторъ нѣтъ вовсе; конторы вредъ ужасный; что конторщикъ, то воръ, ваше сіятельство.

— И всему этому, Богданъ Богдановичъ, научились вы у пріятеля вашего, барона?

— Какъ у барона? у какого барона? у барона Кронбрунншпица? спросилъ, двусмысленно улыбаясь, Герцфетъ.

— Ну, да, у этого извѣстнаго агронома, прожектера, автора, у этого, наконецъ, универсальнаго человѣка, который, не смотря на свою молодость, достигъ уже общей извѣстности, и въ этомъ никто, мнѣ кажется, отказать ему не можетъ.

— Сколько громкихъ словъ, ваше сіятельство! и извѣстность, и универсальность, и довѣренность!

— А сверхъ всего, и что главное — баронъ! Какъ хотите, Богданъ Богдановичъ, а титулъ даетъ большое преимущество....

— Но только не превышаетъ онъ знанія, князь, замѣтилъ гость язвительно.

— Конечно, согласенъ; однако у барона, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ недостатка и въ этомъ качествѣ.

— Сколько вамъ извѣстно?

— Ну, да, да; говорю что говорятъ другіе, что, вѣрно, и вы говорите, Богданъ Богдановичъ. Ежели не ошибаюсь, баронъ вашъ соотечественникъ?

— Не совсѣмъ, ваше сіятельство.

— Увѣрялъ Иванъ Михайловичъ.

— Иванъ Михайловичъ не дослышалъ, вѣроятно; мы съ барономъ оба Германцы, но Германія обширна.

— У него прекрасное помѣстье?

— Не могу сказать утвердительно.

— Впрочемъ, дѣло не въ томъ; былъ бы только молодой человѣкъ съ истиннымъ достоинствомъ, съ познаніями, да хорошей фамиліи, съ насъ было бы довольно.

— А для чего вашему сіятельству необходимо соединеніе всѣхъ этихъ условій? спросилъ Богданъ Богдановичъ, въ которомъ любопытство начинало брать верхъ надъ прочими чувствами.

Только этого и нужно было для стараго князя, почему послѣдній и принялся окружать гостя заблаговременно сотканными сѣтями.

— Есть у насъ, Богданъ Богдановичъ, кой какой проектецъ, началъ очень серьезно князь Павелъ Дмитріевичъ: и проектецъ этотъ составленъ не однимъ мною, однако участвовать въ немъ не отказываюсь.

Герцфетъ подобралъ ноги свои подъ кресла и корпусомъ нагнулся впередъ. Старикъ продолжалъ:

— Давно хлопочутъ хозяева въ обширной Россіи уравнять по возможности хлѣбные урожаи, и избавить тѣмъ неурожайные края отъ тяжкой необходимости покупать въ дурные годы хлѣбъ по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ. Много проектовъ явилось по этому случаю. Иные предлагали одно, другіе другое, третьи третье, въ сущ-

ности же, ни одинъ изъ предлагаемыхъ проектовъ не оказался годнымъ и ни одинъ въ ходъ не пошелъ.

— Да-съ, мысль обширная!

— Какъ же не обширная, Богданъ Богдановичъ! великая мысль!

— Я самъ много употребилъ времени на соображеніе этой идеи.

— Позвольте, позвольте! боюсь забыть подробности нашего плана, и потому не взыщите, если....

— Сдѣлайте милость, ваше сіятельство; простите, что перебилъ.

— Это ничего, но выслушайте. Нашъ проектъ состоитъ въ учрежденіи компаніи, которая взяла бы на себя всеобщее застрахованіе хлѣбныхъ полей по всей Россіи.

— Прекрасно, князь.

— Мало страхованіе, продолжалъ старикъ: закупку хлѣба въ плодородныхъ губерніяхъ, перевозъ его въ менѣе плодородныя и проч. и проч. Предпріятіе чрезвычайно обширное и полезное для всѣхъ. Понимаете?

— Какъ не понимать, ваше сіятельство!

— Отъ подробностей избавлю васъ, Богданъ Богдановичъ, потому что подробности вы сами придумаете и сообразите лучше нашего, и остается сказать о послѣднемъ и, можно сказать, главномъ пунктѣ.

Старикъ перевелъ дыханіе; гость млѣлъ отъ любопытства.

— Главный пунктъ, сказалъ Павелъ Дмитріевичъ: состоитъ въ выборѣ человѣка, на котораго могла бы компанія возложить какъ выполненіе предпріятія, такъ и всѣ прочія заботы. Человѣкъ этотъ, какъ вы сами должны понять, долженъ, во первыхъ, быть человѣкомъ честнымъ, потому что совѣсти его довѣрены будутъ

страшные капиталы; во вторыхъ, съ большими познаніями, съ кредитомъ и... съ извѣстнымъ именемъ.

— Все такъ, все такъ.

— Кого же теперь избрать, какъ не барона, Богданъ Богдановичъ? спросилъ князь.

— Гмъ, гмъ!

— Кого же другаго, спрашиваю?

— Не знаю, князь.

— Не уже ли вы съ нами не согласны?

— Не знаю, не знаю, и тысячу разъ не знаю, ваше сіятельство.

— Нѣтъ, Богданъ Богдановичъ, полуслова не достаточны въ дружескомъ совѣтѣ, который испрашиваю у васъ отъ имени многихъ почтенныхъ людей.

— Мнѣ достаточно было бы одного вашего, князь, чтобы оправдать ту честь, которую ваше сіятельство мнѣ дѣлаете; но...

— Что же?

— Но...

— Говорите смѣлѣе; ей ей не выдамъ.

— Но... повторилъ Герцфетъ, скрививъ ротъ на сторону: полно, удовлетворитъ ли баронъ всѣмъ условіямъ компаніи?

— Почему же нѣтъ? по моему мнѣнію да, и вполнѣ...

— То есть, ваше сіятельство, баронъ, правда, молодъ... здоровъ... разсуждаетъ обо всемъ... и... и... и довольно громко, пишетъ много... и много новаго... Допустимъ честность... допустимъ и это качество... но... о... о... о...

— И съ прекраснымъ именемъ, прибавилъ старикъ.

— Ну, это иной вопросъ!

— Иной вопросъ?

— Да, князь, это иной вопросъ, прибавилъ Герц-

фетъ, самодовольно улыбаясь: я, по крайней мѣрѣ, при крещеніи барона не былъ и доказывать не берусь....

— Что доказывать?

— Доказывать дѣйствительность его баронскаго происхожденія.

— Послушайте, мой милый: вы сказали мнѣ такую вещь, которая очень важна для насъ, и, сдѣлайте дружбу, Богданъ Богдановичъ, выведите меня изъ заблужденія, ежели заблужденіе есть...

— Можетъ статься и есть, князь.

— Ушамъ не вѣрю.

— И какъ еще есть!

— Въ такомъ случаѣ давайте улики, давайте ясныя, неопровержимыя доказательства, и если баронъ нашъ не баронъ, будущее мѣсто его вольнà компанія предложить другому, хотя и безъ титла, но достойнѣйшему, Богданъ Богдановичъ. Не срамить же себя избраніемъ бродяги, самозванца, въ директоры предпріятія. Да будь онъ разумнѣйшій, разученѣйшій изъ всѣхъ людей, достаточно этой черты... Какъ прозываться барономъ... носить этотъ титулъ...

— Вольно же, князь, вѣрить первому пришлецу и принимать его всюду.

— Такъ, такъ, согласенъ; но какъ быть? Людей не перемѣнишь скоро, не отучишь отъ старыхъ привычекъ. Подавайте доказательства, и вы увидите, любезнѣйшій Богданъ Богдановичъ, какой порядочный проводъ сдѣлаемъ мы барону изъ нашихъ гостиныхъ... На лбу не написано.

Гость крѣпко задумался; намѣреній князя онъ не могъ отгадать; истинная же причина, побудившая старика Половскаго послать за Герцфетомъ, принять его радушно и повѣрять ему свои небывалыя намѣренія,

была такъ далека отъ ума Богдана Богдановича, что опытный, хитрый Богданъ Богдановичъ самъ вложилъ голову свою въ сѣти, и сталъ путаться въ нихъ, подобно обманутой обезьянѣ. Ни минуты не вѣрилъ онъ возможности осуществить проектъ всеобщаго застрахованія; онъ даже убѣжденъ былъ въ противномъ; но улыбалось Герцфету покровительство князя, близкія съ нимъ сношенія, улыбались частые разговоры съ вельможею, будущая полная довѣренность старика. А кто зналъ, не довела ли бы эта довѣренность до довѣренности, написанной на гербовомъ листѣ, подписанной богатымъ княземъ и засвидѣтельствованной въ гражданской палатѣ? Кто зналъ, не предстояло ли Богдану Богдановичу мѣстечко главноуправляющаго, или главноповѣреннаго какъ имѣніями, такъ и дѣлами вельможи, вѣчно проживавшаго въ столицахъ? Вѣдь всего этого не зналъ еще никто.

— Баронъ не баронъ, сказалъ наконецъ рѣшительно Герцфетъ, вытаскивая ноги свои изъ подъ креселъ и выпрямляя станъ: баронъ — кочующій рыцарь, съ воздушными зàмками пока, вмѣсто настоящихъ, и съ обширными планами не владѣній, а надеждъ.

— Вы шутите, вы смѣетесь, Богданъ Богдановичъ!

— Не шучу и не смѣюсь, князь, а говорю истинную правду.

— Вотъ новость, которая надѣлаетъ порядочнаго шуму! воскликнулъ радостно старикъ, всплеснувъ руками. — Завтра же отправлюсь разгласить ее. Но нужны бы какія нибудь улики.

— Доказательства берусь доставить не ближе мѣсяца. Надо время списаться съ моимъ корреспондентомъ.

— Но паспортъ, паспортъ, любезнѣйшій? Съ какимъ же видомъ таскается этотъ человѣкъ?

— Дѣло легкое въ нашихъ краяхъ, и, къ несчастію, чрезвычайно легкое.

— Растолкуйте мнѣ, Богданъ Богдановичъ. Я не имѣю никакого понятія о подобномъ безстыдствѣ, о подобной смѣлости.

— Видъ будто бы затеряется однимъ студентомъ, вытребуется другой такой же, а съ прежнимъ въ карманѣ проѣзжаютъ границу, двѣ, три, и на четвертой перерождаются въ бароновъ. Много ли бароновъ, одинаково называющихся, проходитъ по міру, остается не замѣченнымъ.

— А какъ поймаютъ?

— Ну, тогда пеняй на себя. Но живи иностранецъ смирно, покойно, не дѣлай скандала, два вѣка проживетъ въ гостяхъ; будутъ и кормить, и поить, и одѣнутъ, пожалуй.

— А вы, пріятель, черезъ мѣсяцъ снабдите меня вѣсточкою и документикомъ? спросилъ Павелъ Дмитріевичъ, звоня въ колокольчикъ.

— Непремѣнно, князь. Обязался и выполню аккуратно.

— А какъ жаль, какъ жаль, что долго дожидаться! Мнѣ бы теперь нужна была хотя маленькая улика.

— Будетъ большая, ваше сіятельство.

— Вотъ скажу спасибо, какое еще спасибо, Богданъ Богдановичъ!

Въ эту минуту вошелъ слуга. Князь приказалъ подавать чай, а между прочимъ мигнулъ ему лѣвымъ глазомъ, что значило принимать всѣхъ, кто бы ни пріѣхалъ. Слуга вышелъ, а разговоръ между старикомъ и гостемъ продлился еще съ полчаса. Первый до того былъ доволенъ пріобрѣтенными имъ свѣдѣніями, что совсѣмъ за-

былъ о проектѣ всеобщаго застрахованія, о которомъ, впрочемъ, только и думалъ его собесѣдникъ.

Минутъ нѣсколько спустя, вошла въ гостиную старуха, лѣтъ шестидесяти пяти, съ болонкою въ рукахъ, и высокій господинъ въ очкахъ, съ чернымъ фальшивымъ хохломъ и густыми черными бакенбардами. Старуху называлъ князь графинею, а господина въ очкахъ просто Матвѣемъ Ѳедоровичемъ. Герцфетъ отвѣсилъ первой низкій поклонъ и пересѣлъ креслами двумя пониже отъ дивана. Богданъ Богдановичъ снова подобралъ ноги свои подъ кресла, соединивъ притомъ колѣна и положа на нихъ свою шляпу. Посидѣвъ въ такомъ положеніи съ четверть часа, и видя, что хозяинъ занимается исключительно старою графинею, Герцфетъ поглазѣлъ на молчаливаго Матвѣя Ѳедоровича и подсѣлъ къ нему, чѣмъ крайне его обрадовалъ, потому что и Матвѣю Ѳедоровичу становилось скучно.

— Кажется, я не въ первый разъ имѣю удовольствіе встрѣчаться съ вами? проговорилъ Богданъ Богдановичъ съ сладчайшею улыбкою.

Господинъ съ чернымъ хохломъ привсталъ и, также сладко улыбаясь, протянулъ, молча, Герцфету свою руку.

— Въ клубѣ, если не ошибаюсь...

— Именно-съ, именно-съ, и довольно часто.

— Ну, какъ же! именно въ клубѣ, повторилъ радостно Богданъ Богдановичъ.

Оба пожали другъ другу руки и помѣстились рядомъ.

— Пустая игра нынѣ въ клубѣ, замѣтилъ Герцфетъ, вздыхая.

— Да-съ, нынѣ большой...

— Давно какъ-то нѣтъ.

— Да-съ, давно нѣтъ...

— Отчего бы это?

— Право, не знаю-съ.

— Вообще какъ-то скупы стали.

— Нельзя же-съ.

— Черезъ чуръ разсчетливы.

— Вѣкъ таковъ-съ.

— Нѣтъ, не вѣкъ, а игра потеряла весь свой интересъ: играютъ больше для препровожденія времени.

— Да-съ, время скоро идетъ.

— А не для выигрыша.

— Оно пріятнѣе.

— То есть, какъ вамъ сказать? съ этимъ я не совершенно согласенъ.

— Конечно.

— Время можно употребить съ большею пользою.

— Разумѣется.

— Чѣмъ убивать часы и вечера за копѣечнымъ преферансомъ.

— Какое сомнѣніе!

— Представься же случай постояннымъ оборотомъ пріобрѣсти честно, я понимаю чистымъ разсчетомъ...

— О! разсчетъ есть!

— Какъ не быть разсчету! Напримѣръ, играйте вы постоянно каждый день, по пяти копѣекъ, на серебро разумѣется...

— На серебро немножко много, замѣтилъ господинъ съ бакенбардами.

— Нѣтъ, на серебро вѣрнѣе счетъ... то играя, какъ я говорю, постоянно, каждый день, съ людьми, которые слабѣе васъ процентовъ на семь... въ годъ (понимаю круглый годъ) это можетъ вамъ принести отъ двухъ... отъ двухъ тысячь... до... двухъ тысячь трехъ сотъ рублей серебромъ. Кушъ изрядный...

— Какъ не изрядный!

— Играйте вы постоянно у себя, понимаю у себя, въ домѣ; и... и... и... перемѣняйте карты каждые шесть робберовъ, вы получите, ми-ло-сти-вый го-су-дарь мой, еще рублей до четырехъ сотъ... итого... приблизительно... три... прекрасно...

— Какъ не хорошо!

— Ну, выключить должно освѣщеніе, мѣлъ, щетки, ремонтъ сукна на столы, частью прислугу, легкій ужинъ, не всегда, разумѣется, и чай... чай дорогъ вообще, и... и... и... притомъ курятъ неумѣренно.

— Курятъ очень, очень много.

— Бездну курятъ; и дамы начинаютъ курить. Я нахожу это неприличнымъ.

— Да, я самъ нахожу это.

— Знаете, какъ странно, неблаговидно, видѣть папироску, или даже пахитоску, во рту у женщины!

— Не женское занятіе!

— Совсѣмъ не женское! не правда ли? а начинаютъ курить многія. Вы бываете у Невзоровыхъ?

— У Невзоровыхъ?

— Да, у Николая Степановича Невзорова.

— Кажется не бывалъ; точно не бывалъ.

— Это жаль. Вамъ бы познакомиться...

— Радъ душею, но какъ же?...

— Просто, отыщите въ клубѣ кого нибудь; вѣрно найдется: у Николая Степановича тьма знакомыхъ...

— Я похлопочу-съ.

— Въ прошлую пятницу встрѣтились мы съ нимъ на аукціонѣ; продавали разныя разности; духовые инструменты пошли ни по чемъ.

— Кому же они нужны?

— Однако, кому нужны, напримѣръ...

— Ну, да, въ такомъ случаѣ.

— Возьмите, кларнетъ съ множествомъ клапановъ и все нейзильберъ, отличная работа... ну, какъ вы думаете?...

— Какъ же, примѣрно?

— Это правда, что тотъ, кто намѣревался поднять цѣну, отлучился на минуту, а въ это время...

— Вы говорите про лотерею, Богданъ Богдановичъ? громко спросилъ старый князь, обращаясь къ Герцфету.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, про аукціонъ.

— Ахъ, кстати! Какую со мною сдѣлали глупую штуку! воскликнула старуха: вотъ штука самая непростительная.

— Что же такое, графиня?

— Представь себѣ, батюшка, что Савельевъ, мой управляющій, пишетъ мнѣ, что на дняхъ должно продаваться съ аукціона сосѣднее имѣніе, съ усадьбою, всѣми угодьями, и лѣсу тысячь двѣнадцать десятинъ. Остался долгъ на сиротахъ; мать умерла. Вотъ я, батюшка, и поручила зятю съѣздить справиться. И дѣйствительно поступало имѣніе-то за небольшую цѣну. Какъ не купить? межа съ межею, озеро общее, у меня же и луговъ не хватаетъ. Назначили срокъ продажи; зять является; что же бы вы думали, князь?... чѣмъ кончилось?

— Не знаю, графиня.

— Явился, батюшка, какой-то родственникъ, что ли, сиротамъ-то, да какъ началъ поднимать цѣну, какъ началъ! зять мой и отступился. Каково?

— Скажите, пожалуйста, графиня, какой предосудительный поступокъ со стороны родственника сиротъ! Не далъ вамъ взять имѣнія даромъ! экой какой! замѣтилъ князь, смѣясь.

— Да, вы смѣетесь, батюшка, а я всю ночь

не спала. Зачѣмъ же назначать такую дешевую цѣну?

— Можно было сдѣлать полюбовную сдѣлку, графиня, съ родственникомъ сиротъ, сказалъ Богданъ Богдановичъ.

— Какъ это, мой батюшка, полюбовную сдѣлку?

— Очень просто-съ, графиня: взять срывъ.

— Не понимаю.

— Ну, я вамъ растолкую, перебилъ князь: Богданъ Богдановичъ...

— Кто, батюшка?

— Они зовутся Богданомъ Богдановичемъ.

— Да, да; ну, что же дальше? какъ это полюбовный срывъ?

— Срывомъ называется нѣчто въ родѣ насильственной взятки. Богданъ Богдановичъ и пеняетъ вамъ, графиня, зачѣмъ не воспользовались вы случаемъ и не сорвали нѣсколькихъ грошей или нѣсколькихъ тысячъ грошей съ тѣхъ сиротъ, которыхъ достоянie продавалось съ аукцiоннаго торга.

— Я, ваше сiятельство, далекъ былъ отъ столь постыдной мысли.

— Полноте, Богданъ Богдановичъ! Не уже ли вы думаете, что я не понимаю разницы между выгоднымъ и безчестнымъ дѣломъ, и дѣломъ хотя и столь же выгоднымъ, но менѣе безчестнымъ? А какъ бы это лучше объяснить вамъ? Ну, короче, такимъ дѣломъ, котораго, примѣрно, я, по старости, а можетъ быть по глупости, не сумѣю сдѣлать. Въ карточной игрѣ называютъ средство это авантажемъ, кажется, а въ дѣлахъ вообще и ловкостью, и тысячью различныхъ прозванiй, но, ни въ какомъ случаѣ, не безчестiемъ; слѣдовательно можно быть спокойнымъ и совершенно спокойнымъ.

Старуха слушала князя, разинувъ ротъ и ничего не понимая. Герцфетъ внималъ старику, стиснувъ зубы и дѣлая видъ, будто ничего не понимаетъ, а господинъ съ бакенбардами и не зналъ, какъ понять слова хозяина, и за кого улыбаться, за князя ли Половскаго, или за новаго знакомца своего, Богдана Богдановича? Кончился разговоръ тѣмъ, что старикъ позабылъ было роль свою и цѣль знакомства съ Герцфетомъ и чуть чуть не надѣлалъ глупостей. Онъ даже порывался спросить у Богдана Богдановича: какому несчастному случаю обязанъ онъ безчестью быть съ нимъ знакомымъ? Но опомнился Павелъ Дмитріевичъ во время, закусилъ себѣ губу, покашлялъ, посморкалъ носъ и, принявъ шуточный видъ, объяснилъ шепотомъ Герцфету, будто бы говорилъ такъ рѣзко о срывахъ единственно для того, чтобы отбить охоту у старой графини вмѣшиваться впредь въ аукціонныя продажи, весьма вредныя для здоровья старухи.

По наружности удовлетворенный, Богданъ Богдановичъ сдѣлалъ видъ, будто бы повѣрилъ объясненіямъ князя, но въ умѣ своемъ онъ положилъ, что какъ въ знакомствѣ его со старикомъ, такъ и во всемъ прочемъ, есть что-то необыкновенное, и едва ли не кроется тутъ какая нибудь ловушка. А когда пугнули звѣрка, подобнаго Герцфету, звѣрокъ уставилъ уши, мотнулъ хвостомъ и сталъ осторожнымъ какъ лиса, которая чуетъ въ одно время и запахъ падали, и присутствіе желѣзнаго капкана.

«Продать и передать вамъ барона я готовъ», подумалъ Богданъ Богдановичъ, сходя съ лѣстницы князя, «но за это не угодно ли сдѣлать и для меня что нибудь, и что нибудь подѣйствительнѣе будущихъ проектовъ и ласковаго пріема? Честь честью, а существенность существенностью.» Въ эту же ночь пришла г. Герцфету

не дурная мысль, и даже очень, очень не дурная. На обдумываніе ея положилъ онъ 24 часа времени; приступилъ же къ исполненію на третьи сутки послѣ вечера, проведеннаго у его сіятельства князя Павла Дмитріевича Половскаго.

VIII.

Какъ ни пристрастенъ былъ въ сужденіяхъ своихъ Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій, но иногда замѣчанія его не лишены были правды. Недавно сказалъ онъ, между прочимъ, деревенскому сосѣду своему, Кондратью Захаровичу Солонимскому, что съ появленіемъ послѣдняго въ домѣ фонъ-Гарецкаго все пошло какъ-то на изворотъ. И дѣйствительно! сколько перемѣнъ произвелъ сосѣдъ! и осталось ли хоть одно лице, близкое Ивану Михайловичу, въ томъ положеніи, въ какомъ находилось оно до появленія Солонимскаго?

Во первыхъ, самъ Иванъ Михайловичъ. Рѣдко заносчивый супругъ Олимпіады Аверкіевны, никогда не прятался въ кабинетѣ своемъ ни отъ кого рѣшительно, никогда не мирилъ никого съ барономъ.

Во вторыхъ, Олимпіада Аверкіевна. Эта достойная особа находила постоянно удовольствіе въ подслушиваніи, но въ подслушиваніи приличномъ, то есть, она подслушивала будто бы случайно, проходя мимо говорившихъ въ полголоса, или притворяясь спящею. Но съ пріѣздомъ гостя, супруга фонъ-Гарецкаго перешла къ способамъ болѣе утонченнымъ, и не рѣдко горничная видала ее стоящею на колѣняхъ и, такъ сказать, приклеенною къ замочной скважинѣ тѣхъ дверей, за которыми разговаривала дочь съ сосѣдомъ. Этого мало: нѣжная

мать подсылала людей поочередно за тѣмъ же дѣломъ, запрятывала дѣвочекъ подъ диваны, ставила ключницу за гардины оконъ, и тому подобное, а усовершенствовала она операціи свои все таки съ появленіемъ Кондратія Захаровича въ собственной семьѣ.

Нужно ли говорить о баронѣ? полагаю, что не нужно; стало и перейдемъ къ давно забытому, нами Корнелію Егоровичу Лучезарскому, бывшему, до пріѣзда Солонимскаго, любимцемъ Ивана Михайловича.

Корнелій Егоровичъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ свѣтскія дамы называютъ trés beau, mais... пожилыя — красивымъ мужчиною, мужчины — экой красавецъ! барышни—très joli, а начальники—красивымъ и чистымъ малымъ. Корнелій Егоровичъ занимался какъ лицемъ, такъ и туалетомъ своимъ, носилъ лаковые сапоги, батистовые воротнички, нарукавники, чистый вицмундиръ, пестрые открытые жилеты, модные, большіе ногти, маленькіе платочки, которые, съ намѣреніемъ, повязывалъ такъ чтобы шея была видна. Смотря на женщину, кто бы она ни была, молодой человѣкъ дѣлалъ глаза свои томными, голосъ нѣжнымъ, фразы мягкими, полными сладости, полными тѣхъ выраженій, которыя такъ и вталкиваются въ самое сердце. Корнелій Егоровичъ служилъ добросовѣстно, служилъ честно, но не былъ служакою и никогда ни въ чемъ не противорѣчилъ никому, за что и любили его товарищи. Молодой человѣкъ писалъ сверхъ того премило стишки, любилъ литературу, театръ, и умѣлъ вклеивать въ рѣчь свою разныя заимствованныя имъ вещи, которыя всегда смѣшили, что весьма было пріятно, какъ для него самого, такъ и для слушателей, а особенно слушательницъ. Близкихъ родныхъ въ столицѣ онъ не имѣлъ, состоянія также, но жилъ чистенько въ трехъ малень-

кихъ комнаткахъ, обклеенныхъ бумажками и меблированныхъ кое чѣмъ, весьма, впрочемъ, приличнымъ. Въ прiемной Лучезарскаго нѣсколько женскихъ работъ свидѣтельствовали о расположенiи къ нему прекраснаго пола. Тутъ были и подушки, вышитыя по сукну и канвѣ, и коврики на полу и столахъ, и табачницы, и корзинка для писемъ и мундштукъ на чубукѣ и нѣсколько кошельковъ различныхъ величинъ и фасоновъ. Дома ходилъ Корнелiй Егоровичъ въ шелковомъ халатѣ, похожемъ на длинный сюртукъ, въ бархатныхъ туфляхъ и такой же шапочкѣ, отдѣланной золотомъ. Лучезарскiй премило игралъ на гитарѣ, премило пѣлъ, и читалъ стихи лучше всѣхъ своихъ товарищей. Къ старшей дочери Ивана Михайловича питалъ красивый юноша то чувство, которое внушали ему и ежедневныя свиданiя съ дѣвушкою, и частыя бесѣды въ сумерки, и гулянья по Невскому Проспекту, разумѣется, въ обществѣ самой фонъ-Гарецкой или княжны Евгенiи, а наконецъ, и миловидность Аглаи Ивановны. Послѣдней минуло семнадцать лѣтъ, а къ тому времени и мысль о женитьбѣ промелькнула въ воображенiи Лучезарскаго. Иванъ Михайловичъ не могъ дать большаго приданаго своей дочери; но молодость рѣдко бываетъ заражена корыстью, и Корнелiю Егоровичу никогда не приходило на умъ обогатиться женитьбою и жить на счетъ жены, дурной или глупой. Съ появленiемъ барона въ домѣ Ивана Михайловича, Лучезарскiй утратилъ частицу надеждъ своихъ на бракъ съ согласiя родителей, и принялся уговаривать дѣвушку бѣжать, хотя на край свѣта, въ хижину, и проч., и проч. Но прiѣхалъ къ фонъ-Гарецкимъ Кондратiй Захаровичъ, и тысячи бѣдъ посыпались неожиданно на голову Корнелiя Егоровича. Стычки перваго съ барономъ завлекли и Лучезарскаго за границу обычнаго

нейтралитета, а черезъ то поколебалась къ нему слѣпая до того довѣренность Ивана Михайловича. Иванъ Михайловичъ въ первый разъ замѣтилъ Лучезарскому неприличность его слишкомъ частыхъ посѣщеній. Когда же Кондратій Захаровичъ намекнулъ отцу Аглаи о пристрастіи послѣдней къ Корнелію Егоровичу, отецъ рѣшительно запретилъ молодому человѣку являться къ нему въ домъ, и положилъ тѣмъ непреодолимую преграду между двумя любящимися.

Какія мѣры могъ предпринять бѣдный Лучезарскій для возстановленія сношеній своихъ съ Аглаею? Подкупать людей было нечѣмъ; возбудить участіе матери? Потерянное время! Тронуть сердце княжны и расположить ее къ себѣ? Упаси Господи! такая попытка удалась бы безъ всякаго сомнѣнія, но удача повела бы совсѣмъ къ другому результату. Слѣдовательно, оставалось, въ свободное отъ службы время, расхаживать вдоль и поперегъ по тремъ маленькимъ комнатамъ и напѣвать подъ звуки гитары:

«Гдѣ ты, о, первое желанье?
Гдѣ ты, прелестная мечта?
Зачѣмъ? и проч.»

То и дѣлалъ Корнелій Егоровичъ, въ продолженіе трехъ безконечныхъ дней, въ которые не смѣлъ онъ показать носа своего ни въ прихожей, ни въ гостиной, ни даже въ кабинетѣ Ивана Михайловича фонъ-Гарецкаго. Какъ искренно возненавидѣлъ бы молодой человѣкъ Кондратья Захаровича, еслибъ зналъ, что ему обязанъ онъ запрещеніемъ являться въ домъ своей возлюбленной! Но, по счастью для сосѣда, знала объ этомъ одна Аглая Ивановна и молчала, а почему молчала, того

не зналъ и самъ сосѣдъ. Какъ бы то ни было, но больше трехъ дней не провелъ, конечно, ни одинъ влюбленный въ совершенномъ бездѣйствіи, а потому и Корнелій Егоровичъ рѣшился начать дѣйствовать не личными попытками пробиться черезъ преграды, а пустить, въ видѣ авангарда, нѣжное, чувствительное, раздирательное посланіе слѣдующаго содержанія.

«Называю васъ, Аглая! просто вашимъ именемъ, потому что всякое прилагательное показалось бы мнѣ и слабымъ и неумѣстнымъ. Къ тому же, не купилъ ли я трехдневнымъ ежесекунднымъ страданіемъ права открыть вамъ душу мою, сердце и сокровеннѣйшіе его изгибы! Не будь я увѣренъ, что вы любите меня, Аглая, я бы не перенесъ испытаній, я бы умеръ, проклиная и людей, и счастье, и васъ, Аглая!

«Аглая! сжальтесь надъ нами: говорю надъ нами, потому что внутреннимъ взоромъ, взоромъ сердца, вижу и грусть на прелестномъ лицѣ вашемъ, и тоску въ глазахъ, недавно мнѣ такъ нѣжно улыбавшихся, и отчаяніе, скрытое отъ всѣхъ, но ясное для меня, Аглая!

«Говорятъ, что мужчины эгоисты въ любви, но я не изъ числа ихъ, и вѣрьте мнѣ, что, въ настоящую минуту, скажи мнѣ кто нибудь: твоя Аглая будетъ счастлива безъ тебя, я бы отказался отъ васъ, я бы похоронилъ все прошлое и... Но нѣтъ, не быть этому! и наступило время дѣйствовать рѣшительно. Убѣжимъ, мой другъ! убѣжимъ! Для счастья нужна любовь, а въ ней нѣтъ у насъ недостатка. Все будущее блаженство *твое*, о, позволь мнѣ назвать тебя просто *ты!* это слово, это выраженіе, первая ступень того необъятнаго счастья, на которое возведу тебя, моя Аглая!

«Твой отецъ запретилъ мнѣ являться къ нему въ домъ, но забылъ онъ, что въ томъ же домѣ живутъ два

существа, оба намъ преданныя. Первый, деревенскій сосѣдъ твой, по врожденной простотѣ своей, будетъ служить мнѣ безгласнымъ телеграфомъ; второй, Пароенинъ, уступитъ камору свою для минутныхъ, но сладостныхъ свиданій нашихъ, на которыя ты, конечно, согласишься. Если же излишняя робость вкрадется къ тебѣ въ сердце, вспомни, Аглая, что ожидаютъ тебя въ таинственной каморѣ и я, и любовь моя, и что въ той же каморѣ услышишь ты снова тотъ голосъ, который такъ любила и... О какъ отрадно любить, когда увѣренъ во взаимности! Сегодня ожидаю отвѣта твоего, Аглая. Голова моя кружится, подробнѣе же писать не могу, но завтра обдумаю все хладнокровнѣе и увѣдомлю обо всемъ! Слѣдуя слѣпо моимъ планамъ, ты можешь и любить и надѣяться; я поклялся остаться тебѣ навѣки вѣрнымъ; исполню мою клятву.

«Аглая, прости, Аглая, люби, Аглая, надѣйся!

«Твой на вѣки

«Корнелій».

Запечатавъ посланіе фольговою облаткою, съ выдавленнымъ на немъ изображеніемъ вооруженной головы римскаго воина, молодой человѣкъ потеръ конвертъ посланія остаткомъ духовъ à la tuberose и послалъ его съ кухаркою къ Кондратью Захаровичу Солонимскому, къ которому написалъ коротенькую записочку, прося передать письмо по адресу.

Красивый Корнелій Егоровичъ ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ перваго письменнаго объясненія своего съ Аглаею. И не зналъ ли онъ, отъ счастливцевъ въ любви, какъ быстро подвигаетъ сердечныя дѣла переходъ любовниковъ отъ робкаго слова *вы* на рѣшительное *ты*. Состоится ли свадьба наша, или не состоится, а по крайней мѣрѣ Аглая долго не забудетъ

перваго существа, заставлявшаго биться дѣвственное сердце ея, думалъ Лучезарскій, проводя складнымъ гребешкомъ по тому мѣсту, гдѣ у военныхъ бываютъ усы.

Дочь Ивана Михайловича стерегъ не древній Аргусъ, не вооруженная стража средневѣковыхъ замковъ, а стерегла мать, Олимпіада Аверкіевна, въ четырехъ стѣнахъ дома Пареенина, слѣдовательно и кухарка Корнелія Егоровича преспокойно прошла дворомъ въ конуру домовладѣльца и безпрепятственно вручила Кондратью Захаровичу Солонимскому записку и съ нею любовное посланіе, адресованное на имя Аглаи Ивановны фонъ-Гарецкой. Принявъ изъ рукъ посланной записку, провинціялъ развернулъ ее и прочелъ:

«Почтеннѣйшій Кондратій Захаровичъ!

«Зная снисходительность вашу, беру смѣлость прибѣгнуть къ вамъ, и просить васъ не отказать мнѣ въ содѣйствіи вашемъ для доставленія въ тайнѣ письма моего по адресу. Вы такъ благородны, что, по свойствамъ души вашей, не захотите лишить насъ съ Аглаею единственной отрады писать другъ къ другу, и тѣмъ оставить въ сердцахъ нашихъ ту вѣчную признательность, которая угаснетъ къ вамъ съ послѣднею минутою жизни... Благодаря васъ заблаговременно, имѣю честь быть, почтеннѣйшій Кондратій Захаровичъ,

«вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

Корнелій Лучезарскій.»

Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на многократное повтореніе мѣстоименія *вы*, Кондратій Захаровичъ прочелъ еще разъ записку, положилъ ее въ карманъ, вмѣстѣ съ запечатаннымъ и раздушеннымъ конвертомъ, и, приказавъ кухаркѣ кланяться барину, взялъ фуражку и отправился къ фонъ-Гарецкимъ.

Аглаю, какъ и всегда, засталъ онъ въ гостиной.

Олимпіада Аверкіевна, кончившая туалетъ свой къ двумъ часамъ, и не предвидѣвшая ранняго визита провинціяла, не выходила еще изъ спальни, а потому и любовное посланіе изгнаннаго Адониса передано было дѣвушкѣ весьма благополучно.

— Что это, и отъ кого, Кондратій Захарычъ? спросила удивленная и испуганная Аглая Ивановна.

— Отъ него, отъ бѣднаго Корнелія Егоровича, отвѣчалъ тотъ.

— О чемъ онъ пишетъ?

— Не знаю; письмо запечатано.

— Но зачѣмъ же онъ пишетъ, Кондратій Захарычъ?

— Вѣрно нужно.

— Я никогда не подавала Корнелію Егоровичу повода обращаться со мною такъ странно.

— Видно, обстоятельства вынудили несчастнаго прибѣгнуть къ поступку для васъ непріятному, Аглая Ивановна; видно такъ, повѣрьте.

Дѣвушка вертѣла въ рукахъ пакетъ, долго еще не рѣшалась сломать облатки, но убѣжденія сосѣда были такъ настоятельны, а искушеніе такъ сильно, что совершенно побѣжденная и тѣмъ и другимъ, дѣвушка, медленно и какъ бы нехотя, отдѣлила римскаго воина отъ конверта и жаднымъ взоромъ побѣжала по четко начертаннымъ строкамъ. Слѣдившій за всѣми движеніями дѣвушки, сосѣдъ сначала грустно улыбался, потому что грустно улыбалась Аглая, но потомъ вдругъ ротъ его закрылся, брови сдвинулись, точно такъ же какъ раскрылся ротикъ Аглаи и сдвинулись ея брови. Когда же скомканное письмо полетѣло на полъ, уста Кондратія Захаровича вдругъ закрылись, но раскрылись за то его глаза, и раскрылись отъ изумленія, при видѣ страшнаго негодованія дѣвушки.

— Не обидѣлъ ли онъ васъ чѣмъ нибудь? было первымъ вопросомъ Солонимскаго.

— Обидѣть? повторила Аглая насмѣшливо, но съ достоинствомъ: нѣтъ, Кондратій Захарычъ, я поступила дурно и наказана за то.

— Не уже ли Корнелій Егоровичъ позволилъ себѣ написать вамъ какую нибудь непріятность, а я, по глупости, думалъ, что онъ говоритъ въ письмѣ только о... о... о томъ... о своихъ чувствахъ.

— И этого слишкомъ довольно, чтобы никогда больше не позволять себѣ распечатывать подобныя посланія. Скажите, пожалуйста, и не пишите, а на словахъ скажите ему, добрый Кондратій Захарычъ, чтобы онъ никогда больше не дѣлалъ подобныхъ выходокъ; иначе я все разскажу маменькѣ. А про это письмо, прибавила застѣнчиво дѣвушка: нельзя ли какъ нибудь сдѣлать такъ, что будто я его не получала.... и даже не читала....

— Помилуйте! очень, очень легко, очень, то есть легко и ничего не стоитъ! воскликнулъ провинціялъ съ восторгомъ. Я просто скажу ему, что письмо прочелъ самъ, распечаталъ самъ, разсердился за дерзость, которую онъ сдѣлалъ, поручивъ мнѣ передать письмо дочери сосѣда и проч.

— Но для этого необходимо вамъ прочесть.....

— Такъ что же? какіе тамъ могутъ быть важные секреты?

— Мнѣ бы не хотѣлось, Кондратій Захарычъ.

— Ну, разскажите что можно, а остальное, если есть такое, такъ пройдетъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, перебила дѣвушка, испуганная сомнѣніемъ сосѣда: вы, пожалуйста, не думайте чтобы Корнелій Егоровичъ смѣлъ писать ко мнѣ что нибудь

такое; напротивъ, я не хотѣла оттого, что онъ называетъ....

— Называетъ вѣрно слишко нѣжно?

— Ахъ! да, нѣтъ, вы все думаете про меня.... Корнелій Егоровичъ, напротивъ, слишкомъ неучтиво отзывается о людяхъ, Кондратій Захарычъ.

— Про батюшку, вѣрно, или про матушку пишетъ; такъ вотъ онъ въ минуту негодованія....

— Въ томъ-то и сила! дурно съ его стороны, что безъ всякихъ причинъ.... Нѣтъ, не читайте лучше письма, Кондратій Захарычъ! Право лучше не стараться такъ скоро разочаровываться на счетъ тѣхъ, кого отличаемъ въ первую минуту, сказала Аглая, поднимая съ полу письмо молодаго Лучезарскаго, и убирая его въ корсажъ своего голубенькаго платья. Слѣпо одобрявшій всѣ дѣйствія хорошенькой дочери фонъ-Гарецкихъ, провинціялъ не старался отгадать причины, заставившей Аглаю не только не показать ему письма, но даже не уничтожить его, какъ бы того слѣдовало ожидать, а бережно сложить его, поднявши съ полу и спрятать въ такое сокровенное мѣсто, какъ дѣвичій корсажъ. Не показала же письма Аглая Ивановна потому, что въ немъ авторъ упоминалъ о врожденной простотѣ сосѣда, почтеннаго Кондратья Захаровича.

Пока любовное посланіе переходило изъ рукъ безгласнаго телеграфа (какъ называлъ Солонимскаго Корнелій Егоровичъ) въ ручки Аглаи, а изъ рукъ Аглаи на полъ гостиной и съ полу гостиной въ корсажъ Аглаи, въ спальнѣ Олимпіады Аверкіевны созрѣвалъ злѣйшій умыселъ противъ слишкомъ довѣрчиваго деревенскаго сосѣда.

Желая какъ можно скорѣе пристроить старшую дочь свою и имѣть удовольствіе называть ее со временемъ ба-

ронессою, супруга Ивана Михайловича всею душою стремилась къ предположенному ею браку. На волокитство Лучезарскаго смотрѣла мать Аглаи какъ на вспомогательный способъ, то есть какъ на средство подвинуть впередъ настоящаго жениха. Возбуждая въ баронѣ ревность, прекрасный Корнелій въ то же время долженъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, раздувать въ немъ то пламя, которымъ обжигаются обыкновенно крылья холостыхъ людей. Но вдругъ, какъ съ облаковъ, свалился уродъ, провинціялъ, дальній родственникъ, владѣтель двухъ сотъ душъ, и помѣшалъ всѣмъ. Не будь долженъ ему Иванъ Михайловичъ восьми тысячь рублей — дѣло иное; но выгнать изъ дому, не расплатясь, предосудительно какъ-то. Слѣдовательно, Олимпіада Аверкіевна рѣшилась уговорить мужа заложить что нибудь за четверть должной суммы и, взнеся ее Солонимскому, рѣшительно очистить домъ отъ его нестерпимаго присутствія. Пока Кондратій Захаровичъ не отбудетъ, свадьба дочери съ барономъ состояться не могла, по мнѣнію фонъ-Гарецкой, подозрѣвавшей въ сердцѣ деревенскаго сосѣда тайную страсть къ Аглаѣ. Въ это утро, какъ нарочно, въ ту самую минуту, когда горничная прибѣжала доложить барынѣ о приходѣ сосѣда въ гостиную, барыня вздумала мыть ноги и уже намылила и держала ихъ въ мѣдномъ тазу, полномъ горячей воды. Всѣ довѣренные люди Олимпіады Аверкіевны разосланы были ею въ различныя мѣста, какъ нарочно въ это утро; отправиться же въ засаду самой, съ промоченными ногами, значило подвергнуться неминуемой простудѣ зубовъ, ушей, значило лечь надолго въ постель, что было еще хуже! А выжить, не только изъ дому, но изъ самаго Петербурга, Кондратья Захаровича, положила было фонъ-Гарецкая рѣшительно и непремѣнно.

Въ четыре часа по полудни возвратился изъ присутствія Иванъ Михайловичъ, а въ четыре съ четвертью, супруга уже уговорила его послать на слѣдующее утро свой жемчугъ съ изумруднымъ фермуаромъ и три дюжины столоваго серебра въ Опекунскій Совѣтъ. До полученія изъ Совѣта денегъ, положено было обоими супругами не начинать никакихъ объясненій съ сосѣдомъ, а, напротивъ, быть съ нимъ какъ можно любезнѣе, чтобы не подать, какъ ему, такъ и всей губерніи, повода къ толкамъ, пересудамъ и осужденіямъ. Дочери же велѣно было, какъ и прежде, по пріѣздѣ сосѣда, обходиться съ нимъ какъ можно ласковѣе, такъ что дѣвушка никакъ не могла понять и догадаться, что родители ея питаютъ къ нему неудовольствіе и даже вражду.

Къ обѣденному столу не явился никто изъ постороннихъ. Послѣ обѣда Кондратій Захаровичъ объявилъ, что отправляется смотрѣть оперу на Большомъ Театрѣ; Иванъ Михайловичъ предался двухчасовому отдохновенію, и въ гостиной остались, кромѣ дѣтей, Олимпіада Аверкіевна съ Аглаею Ивановною. Обѣ занялись своими работами.

Разговоръ коснулся мірской суеты, хлопотъ объ опредѣленіи Вани, воспитаніи меньшихъ дѣтей и до семейныхъ обстоятельствъ вообще. Матери хотѣлось пугнуть дочькой какими непредвидѣнными и вымышленными непріятностями.

— А вѣришь ли, Аглаичка, сказала вдругъ Олимпіада Аверкіевна, переставая работать: что какъ мнѣ ни бываетъ иногда скучно въ этомъ домѣ, а разстаться съ нимъ чрезвычайно грустно.

— Какъ разстаться, maman? спросила Аглая.

— Какъ же, мой другъ! вѣдь отецъ твой рѣшился выйти въ отставку. Развѣ ты этого не слыхала?

*

— Нѣтъ, maman.

— Какъ же! рѣшительно выходитъ; и съ одной стороны прекрасно дѣлаетъ.

— Вотъ новость! но давно ли это рѣшено?

— Вчера, душа моя, вчера вечеромъ. То мѣсто, на которое надѣялся Jean, отдано министромъ другому, а новой ваканціи отецъ твой ожидать не можетъ. Сама ты знаешь какъ дорога петербургская жизнь, сколько требованій! Пока дѣти подростали, мы могли обойтись безъ хорошей гувернантки; послѣдняя, Маланья Григорьевна, брала двѣсти рублей. Не дорого, правда, но Маланья Григорьевна очень хороша какъ няня, къ тому же до восьми лѣтъ и своими средствами обойтись легко. Ну, признаюсь, долго надежда видѣть тебя пристроенною останавливала насъ въ столицѣ; все думали: авось Богъ пошлетъ человѣка получше степныхъ провинціяловъ, подобныхъ Кондратію Захарычу. Въ уѣздѣ же другія требованія; тамъ не нужно ни туалета, ни экипажей, ни ложь въ театрѣ, ничего дорогаго; скучно будетъ, правда, но что же дѣлать, мой другъ!

— За себя я не страшусь деревни, maman, сказала дѣвушка, улыбаясь: и въ деревнѣ можно проводить время очень весело.

— Право?

— Право, maman! Папа подаритъ мнѣ верховую лошадь.

— А съ кѣмъ бы ты ѣздила?

— Мало ли съ кѣмъ? Будто по сосѣдству не найдется никого рѣшительно, кто бы могъ иногда быть моимъ кавалеромъ?

— Какъ не найтись, душа моя, и первый Солонимскій.

— А онъ живетъ близко отъ нашей деревни, maman?

— Развѣ ты не помнишь Куликовской рощи, куда бывало ѣзжали мы за грибами?

— Ахъ, позвольте! Куликовская роща.... Ну, да, теперь припоминаю; такъ точно, maman: Куликовская роща, съ бѣлыми кривыми деревьями, такая сквозная; еще въ срединѣ маленькій старый домикъ, не крашеный.

— Ну, ну, это самое.

— И въ домикѣ этомъ одна старушка подчивала насъ всегда орѣхами въ меду, нарѣзанными продолговато, точно брусочки. Помню, очень помню теперь. Но какъ я была мала тогда!

— А знаешь ли, Аглаичка, кто такова старушка?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мать Кондратья Захарыча.

— Мать? повторила дѣвушка.

— Да, мать; а ты вѣрно думала, что это была скотница или лѣсничиха?

— О, нѣтъ, maman! я не думала ничего такого, а, напротивъ, мнѣ пріятно знать, что у Кондратья Захарыча была матушка такая почтенная старушка....

— То есть почтенная тѣмъ, что кормила гостей орѣхами въ меду и поила дурнымъ чаемъ?... Есть чему радоваться! замѣтила съ презрительною гримасою фонъ-Гарецкая: не уже ли ты, Аглаичка, рѣшилась бы показаться въ свѣтъ съ подобною матушкою?...

— Старость достойна уваженія во всѣхъ видахъ, maman.

— Какъ ни говори, что наружность ничего не значитъ, а все, въ томъ же театрѣ, не отвернешься отъ знакомаго лица, когда оно и прилично одѣто и прилично держитъ себя; а попробуй войти въ ложу какой нибудь Солонимскій и ему подобные, кажется бы сквозь землю провалилась....

— Я не раздѣляю предубѣжденія вашего, maman, къ доброму Кондратью Захарычу и не нахожу его, ни смѣшнымъ, ни непристойнымъ; напротивъ, нѣсколько разъ казался онъ мнѣ гораздо лучше многихъ.

— А кого бы, напримѣръ? кого?

— Что мнѣ скрывать, maman? того же барона.

— Ба-ро-на? повторила мать: и ты рѣшаешься сравнивать барона съ этимъ мужикомъ, съ этою каррикатурою! Ха, ха, ха!... Но вѣдь это уморительно, это, просто, уму непостижимо! Лучше одного изъ лучшихъ кавалеровъ столицы? Да знаешь ли, сударыня, какая разница между этими двумя людьми?

— Знаю, maman.

— Какая же?

— Первый несносенъ, а второй честный и добрый человѣкъ.

— Несносенъ, баронъ? Аглаичка! ты съ ума сошла.

— Нѣтъ.

— Аглаичка! ты съ ума сошла.

— Клянусь вамъ, нѣтъ, maman.

— И говоришь это серьезно?

— Какъ только можно серьезнѣе.

— Повтори, пожалуйста, чтобъ я повѣрила, что ты дѣйствительно рехнулась, и что я слышу это не во снѣ.

— Я повторяю, maman, что хотя Кондратій Захарычъ и не очень хорошъ собою, и одѣвается не такъ изысканно, какъ столичные люди, сказала дѣвушка, смотря прямо въ глаза своей матери: но все таки онъ въ тысячу разъ лучше барона...

— Ну, поздравляю, сударыня! ну, поздравляю! воскликнула Олимпіада Аверкіевна, покрываясь постепенно румянцемъ негодованія.—Вотъ и оставляй дѣвочекъ въ безпрерывномъ обществѣ медвѣдей, нашептывающихъ

имъ свои лѣсныя побасенки! Нѣтъ, полно; довольно грязи въ домѣ и безъ того; со двора его долой, этого неуча, эту неблагопристойную образину! Пріѣзжай только Иванъ Михайловичъ, я его порадую!

— Но отчего же, maman, не перенимала я ничего отъ того же барона, который съ утра до ночи надоѣдаетъ мнѣ, въ продолженіе цѣлаго года? спросила Аглая.

— Надоѣдаетъ! надоѣдаетъ! повторила Олимпіада Аверкіевна, гримасничая: скажите пожалуйста, и откуда берутся у васъ такія милыя выраженія? Надоѣдаетъ... кто же? баронъ! и кому же? дѣвочкѣ, только что выползшей изъ пеленокъ.

— Я не думала разсердить васъ, maman, моею откровенностью.

— Хороша откровенность!

— Не уже ли лучше притворяться?

— Этого недоставало!

— Поэтому я говорю, что какъ бы ни была откровенность несогласна съ мнѣніемъ вашимъ, maman, а все же...

— Мыслей подобныхъ, сударыня, не должны бы вы допускать до себя; вотъ что скверно, вотъ что мерзко...

— Какъ же быть?

— Быть скромнѣе, быть послушнѣе, вести себя пристойно, не искать общества звѣрей, а напротивъ, избѣгать ихъ, сколько возможно. Случится же нечаянно встрѣтиться съ человѣкомъ, подобнымъ Кондратью какому нибудь, не допускать его ближе десяти шаговъ; а скажетъ онъ вздоръ, придти и пересказать матери: вотъ, дескать, что совралъ мнѣ такой-то! Мать бы и знала какъ ей поступить и какъ предохранить дочь отъ тѣхъ

страшныхъ бѣдствій, которымъ подвергаютъ неопытныхъ дѣвченекъ дикіе звѣри.

Олимпіада Аверкіевна, окончивъ монологъ, взглянула на дочь и осталась довольна произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. На глазахъ Аглаи навернулись слезы; она перестала возражать, потупила глазки и украдкою вытирала ихъ платкомъ своимъ. Бѣдной и доброй Аглаѣ больно было слышать такъ много нелюбезнаго и несправедливаго на счетъ бѣднаго и добраго Кондратья Захаровича, сосѣда некрасиваго, не одѣтаго по модѣ, но вѣрнаго и неизмѣннаго. Кондратій Захаровичъ не смотрѣлъ на нее глазами побѣдителя, подобно приторному барону; Кондратій Захаровичъ не оскорблялъ ея слуха письмами, подобными посланію Корнелія Егоровича. Вотъ отчего заплакала дочь и чему обрадовалась мать.

Вечеръ прошелъ для обѣихъ не весело. Баронъ, начинавшій избѣгать встрѣчи съ Солонимскимъ, являлся гораздо рѣже; Богданъ Богдановичъ пріѣзжалъ къ Гарецкимъ обыкновенно вмѣстѣ съ барономъ; Рѣпенина, Исидора Елеазаровича, звали только въ экстренныхъ случаяхъ; княжна Евгенія страдала мигренемъ; Корнелію Егоровичу воспрещенъ былъ входъ въ домъ Ивана Михайловича; а Кондратій Захаровичъ, какъ мы уже сказали, объявилъ во всеуслышаніе о желаніи своемъ посмотрѣть оперу на Большомъ Театрѣ. Въ самомъ же дѣлѣ отправился сосѣдъ къ несчастному любовнику Аглаи, красивому Корнелію Егоровичу Лучезарскому. Его засталъ провинціялъ въ спокойномъ ожиданіи благопріятнаго отвѣта на первое свое любовное посланіе къ дочери Ивана Михайловича. Молодой человѣкъ такъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ, что даже не торопился спросить у вошедшаго Солонимскаго, съ какою именно вѣстью пожаловалъ къ нему послѣдній. Поблагодаривъ

прежде всего за посѣщеніе, красивый Корнелій Егоровичъ усадилъ гостя на диванчикъ, назвалъ его дорогимъ, почтеннѣйшимъ, неподражаемымъ Меркуріемъ, предложилъ трубку, усѣлся съ нимъ рядомъ, и, для приличія, принялся вздыхать, возводить глаза къ потолку и томнымъ взоромъ всматриваться въ черты Кондратія Захаровича.

— Грустна она? рѣшился наконецъ спросить меланхолическимъ тономъ Адонисъ въ бархатной ѳескѣ, отороченной золотымъ снуркомъ. — Воображаю, какъ грустна, бѣдненькая.

— Про кого это вы спрашиваете, Корнелій Егоровичъ?

— Какъ про кого? про Аглаю.

— Не грустна, совсѣмъ не грустна, а скорѣе недовольна, отвѣчалъ гость, не зная какимъ тономъ говорить съ человѣкомъ, котораго любитъ Аглая.

— Недовольна? повторилъ изумленный красавецъ.

— Да, недовольна.

— Кѣмъ?

— Вами.

— Мно-ою?

— Вашимъ поступкомъ.

— Письмомъ, хотите вы сказать?

— Письмомъ, Корнелій Егоровичъ, поспѣшилъ прибавить провинціялъ: то есть не собственно письмомъ, потому что его не читала Аглая Ивановна.

— Не чи-та-ла пи-сь-ма?

— Разумѣется не читала, и я даже только что показалъ его...

— Что же она сдѣлала?

— Она-съ? Она-съ хотѣла сказать маменькѣ и такъ разсердилась, что, не уговори я, быть бы бѣдѣ, Корне-

лій Егоровичъ; непремѣнно вышла бы непріятность; вы знаете характеръ Ивана Михайловича. Какъ бы еще показалась ему тайная переписка молодаго человѣка съ родною дочерью. Дѣло, согласитесь, щекотливое...

— Такъ вотъ какъ нынче стала разсуждать Аглая Ивановна! воскликнулъ Лучезарскій полунасмѣшливо и полусердито: хотѣть жаловаться, заводить исторію изъ того только, что я, дуракъ, глупецъ, позволилъ себѣ ужасную вещь... написать нѣсколько строчекъ...

— Ну, не нѣсколько строчекъ, замѣтилъ Кондратій Захаровичъ.

— Положимъ, цѣлое письмо; что же тутъ, скажите пожалуйста? Добро бы не знала Аглая Ивановна, что я ее люблю, и не говорила сама, что и она меня любитъ; добро бы я сдѣлалъ это съ невинненькою дѣвочкою, не понимающею что такое любовное объясненіе; а то, не учить стать, не въ первый разъ...

— Корнелій Егоровичъ!...

— Нѣтъ, ужь пожалуйста, почтенный Кондратій Захарычъ, вы не заступайтесь за нее: она, по совѣсти, не стоитъ чтобы такъ много хлопотать...

— Корнелій Егоровичъ! повторилъ съ упрекомъ провинціялъ: прилично ли вамъ отзываться такъ непочтительно о такой дѣвицѣ, какова Аглая Ивановна? Въ правѣ ли вы претендовать на благородную особу за то, что не согласилась, по стыдливости, очень свойственной ея полу, и противъ воли родительской, переписываться съ вами, совершенно постороннимъ человѣкомъ?

— Хорошъ посторонній человѣкъ!

— Разумѣется, не родной и еще не женихъ; вотъ, Богъ милостивъ, обручитесь, да благословеніе примете, тогда время будетъ...

— Покорнѣйшій слуга! отвѣчалъ молодой человѣкъ, вставая.

— Ну, это дѣло другое, замѣтилъ Солонимскій, намѣреваясь идти.

— Куда же вы, Кондратій Захаровичъ?

— Пойду домой.

— Нѣтъ, посидите, пожалуйста.

— Право, не могу и не для чего.

— Вы, кажется, разсердились на меня за то, что я выразился не ласково на счетъ любимицы вашей.

— Опять неприличное выраженіе, котораго употреблять не должно, не слѣдуетъ.

— Ну, ну, полно; останьтесь хоть на четверть часа; я объясню вамъ, и вы поймете, что не разсердиться мнѣ на Аглаю, право, невозможно.

Провинціялъ, молча, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Представьте себѣ, Кондратій Захарычъ, ну, какъ не досадно просидѣть цѣлые три дня въ своей квартирѣ безвыходно, продумать трое сутокъ сряду, и въ награду за все это получить, вмѣсто отвѣта на пламенное письмо, какую-то смѣшную претензію.

— Любить никому запретить нельзя, а писать запретить можно и должно, Корнелій Егоровичъ.

— Но кому запретить?

— Вамъ первымъ.

— За что же такая немилость?

— За то, что вы позволяете себѣ выражаться неприлично, говоря о той особѣ, которая...

— Она не слыхала.

— Да слышалъ я-съ, и я же разорвалъ письмо ваше. Видно, по инстинкту не хотѣлъ допустить до него Аглаю Ивановну.

— Вы разорвали?... вы?

— Я, я, и не раскаяваюсь; а позволите вы себѣ, Корнелій Егоровичъ, вторично написать ей, я берусь увѣдомить о томъ Ивана Михайловича и предохранить неопытную дѣвицу отъ безславія.

— Кондратій Захарычъ! право, можно подумать, что все касающееся Аглаи такъ уже близко вамъ...

— Такъ близко-съ, Корнелій Егоровичъ, такъ близко, повторилъ рѣшительно деревенскій сосѣдъ Гарецкихъ: что попрошу васъ, говоря впредь про Аглаю Ивановну, не забывать ея отчества.

— Извольте-съ, извольте-съ, сказалъ насмѣшливо и нѣсколько смутившись красавецъ: а затѣмъ...

— А затѣмъ прошу не гнѣваться за правду и не взыскивать.

— О, нѣтъ-съ, помилуйте, напротивъ, чувствительно благодаренъ рыцарю Аглаи Ивановны.

— Послушайте, молодой человѣкъ, перебилъ тихимъ, но твердымъ голосомъ Кондратій Захаровичъ, взявъ руку нѣсколько испуганнаго этимъ жестомъ Лучезарскаго: за дерзость или насмѣшку, что все равно, платятъ обыкновенно знаете чѣмъ?

— Я-съ, я-съ не позволю себѣ дерзости и насмѣшки; не позволю; слишкомъ хорошо воспитанъ для этого.

— И прекрасно дѣлаете; отлично, отвѣчалъ Солонимскій, надѣвая шубу и фуражку.

Въ послѣднихъ словахъ его было столько ироніи, что другая плата за дерзкую насмѣшку Лучезарскаго была бы совершенно излишнею. Садясь въ сани, Кондратій Захаровичъ улыбнулся какъ-то грустно и продумалъ онъ очень серьезно до той самой минуты, когда сани остановились у подъѣзда дома Пароенина. Вылѣзая изъ саней, провинціялъ глубоко вздохнулъ и про-

изнесъ, говоря самъ съ собой. «И этотъ подлецъ! но она его любитъ, такъ дѣлать тутъ нечего.»

На слѣдующее утро, часовъ около двухъ по полудни, дворецкій фонъ-Гарецкихъ, Климычъ, вручилъ Олимпіадѣ Аверкіевнѣ пачку ассигнацій, привезенныхъ имъ изъ Опекунскаго Совѣта. Обрадованная супруга Ивана Михайловича, схвативъ деньги, побѣжала въ мужнинъ кабинетъ и тотчасъ же заставила супруга своего выполнить данное ей наканунѣ обѣщаніе, въ это же утро выпроводить изъ дому Кондратья Захаровича. Пересчитавъ ассигнаціи, фонъ-Гарецкій позвонилъ и вошедшему слугѣ приказалъ просить къ себѣ сосѣда.

— Но ты, сдѣлай милость, устрой и кончи все такъ, чтобы я не слыхала и не слыхали дѣти, сказала Олимпіада Аверкіевна.

— Такъ не лучше ли мнѣ сходить къ нему? спросилъ супругъ.

— Разумѣется, лучше; но, смотри, не оплошай и не перемѣняй намѣреній.

— Что ты, что ты! вотъ ужь нашла слабаго человѣка.

— То-то, Jean.

— Будь покойна, мигомъ кончу. Выговоривъ это, фонъ-Гарецкій вышелъ вслѣдъ за женою изъ кабинета, и едва переступилъ порогъ прихожей, какъ навстрѣчу ему попался знакомый лакей въ военной ливреѣ.

— Что ты, Сильвестръ? ко мнѣ? спросилъ Иванъ Михайловичъ, останавливаясь.

— Нѣтъ-съ, къ Кондратью Захаровичу Солонимскому.

— Какъ! къ Солонимскому?

— Точно такъ-съ. Ихъ сіятельство князь Павелъ Дмитріевичъ приказать изволили кланяться Кондратью

Захаровичу, узнать, о здоровьѣ, и приказали доложить, что имѣютъ передать имъ лично очень радостную для для обоихъ вѣсть. Такъ ихъ сіятельство и приказали сказать: «доложи-молъ, радостную для обоихъ вѣсть, да кушать приказали просить безпремѣнно.»

Выслушавъ Сильвестра, Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій повернулся медленно назадъ и, еще медленнѣе, возвратился въ обратный путь.

— Что же ты, кончилъ? спросила супруга.

— Нельзя, промычалъ супругъ, запинаясь; да полно и ловко ли будетъ?

— А что?

— Да такъ; чего добраго, какъ выгонишь, такъ, пожалуй, переѣдетъ къ дядѣ твоему и своему задушевному пріятелю князю Павлу Дмитріевичу Половскому.

— Его пріятелю?

— То есть человѣку, ожидающему его съ нетерпѣніемъ, чтобы объявить какую-то радостную для нихъ обоихъ вѣсть, а, кто ее знаетъ, что тамъ за вѣсть такая!

IX.

Мы разстались съ Богданомъ Богдановичемъ Герцфетомъ въ ту минуту, когда онъ, не совсѣмъ понявъ настоящую цѣль его сіятельства князя Павла Дмитріевича Половскаго, самъ придумалъ какой-то планъ, который и намѣревался немедленно привести въ исполненіе. Надо сказать, что хотя Богданъ Богдановичъ и держалъ себя въ свѣтѣ ступенью ниже барона, но зналъ истинную цѣну какъ барону, такъ равно и собственной особѣ, и не только никогда не признавалъ въ пріятелѣ большаго ума, но не рѣдко подсмѣивался надъ нимъ, и

льстилъ самолюбію барона чтобъ извлечь изъ него какую нибудь существенную выгоду. Герцфетъ превозносилъ знанія агронома исключительно передъ тѣми лицами, которыя слѣпо вѣрили ему. Напротивъ того, осуди кто нибудь шарлатана, и тотъ же Богданъ Богдановичъ принимался съ жаромъ порицать пріятеля и доказывать, что всѣ хозяйственныя системы послѣдняго лишены здраваго смысла. А какъ Герцфетъ былъ гораздо хитрѣе и опытнѣе ученаго агронома, то и оставались они оба очень довольны взаимными отношеніями.

Богданъ Богдановичъ, робкій по природѣ, не имѣлъ духу устремить всѣ помыслы свои къ достиженію какой либо опредѣленной цѣли, и не шелъ прямо по предварительно начертанному пути: на это не доставало у него ни твердости, ни смѣлости; но зналъ Богданъ Богдановичъ, что состояніе вещь прекрасная, а что значеніе въ свѣтѣ доставляетъ избраннымъ много преимуществъ, потому досужій Герцфетъ и изыскивалъ всѣ случаи, которые даютъ деньгу и даютъ ходъ. Подобно червяку, онъ проползалъ незамѣтно подлѣ ногъ, уклонялся отъ всякаго рода рисковъ, а изъ пріятелей составилъ себѣ прикрытіе. Богданъ Богдановичъ никогда не гнался за большимъ, но никогда не пренебрегалъ и малымъ, а выгодными предпріятіями называлъ онъ тѣ, которыя были безъ риску для его собственной особы. По пріобрѣтеніи изряднаго состоянія, Герцфетъ женился на дѣвушкѣ, хотя и темнаго происхожденія, но безбѣдной. Смерть, конечно, властна была лишить его супруги, но достояніе супруги осталось при немъ на вѣки. Отъ вторичной женитьбы не отказался бы Богданъ Богдановичъ; онъ даже охотно бы положилъ къ ногамъ второй избранницы нравственныя богатства

свои, то есть сердце, душу и все прошедшее, полное рыцарскихъ подвиговъ, о которыхъ онъ разсказывалъ самъ. Онъ, пожалуй, не погнался бы за очень большимъ приданымъ, потому только, что порядочная невѣста съ состояніемъ и не пошла бы за Богдана Богдановича; но на этотъ разъ не улыбалось ему темное происхожденіе и желательно было Богдану Богдановичу пріобрѣсти женитьбою связи. Вотъ чего хотѣлось въ одно время и Герцфету и барону Кронбруншпицу, счастливцу, въ половину достигшему своей цѣли.

Баронъ посвятилъ часть жизни на изученіе столь много любимой имъ страны, языка и нравовъ русскихъ; баронъ желалъ посвятить любимой странѣ остальные свои годы, но съ тѣмъ, чтобы любимая страна, въ замѣнъ предлагаемаго ей сокровища, дала барону супругу, домъ, и прочія бездѣлицы, ничтожныя въ сравненіи съ тою пользою, которую принесъ уже и намѣренъ былъ постоянно приносить Россіи чужеземецъ своимъ знаніемъ, ученостію и рѣдкою дѣятельностію.

Жилъ Кронбруншпицъ не въ наемной квартирѣ, а въ домѣ богатаго русскаго владѣльца, завлеченнаго агрономомъ въ спекуляціи разнаго рода. Самъ владѣлецъ являлся изрѣдка въ столицу и являлся единственно для того, чтобы, при личномъ свиданіи съ ученымъ постояльцемъ, собрать новый запасъ раззорительныхъ проектовъ. Слѣдовательно, большую часть года пользовался агрономъ тѣмъ комфортомъ, которымъ окружаютъ себя одни очень достаточные люди, и, благодаря прекрасно меблированнымъ комнатамъ, освѣщеннымъ и натопленнымъ на чужой счетъ, могъ разыгрывать въ свѣтѣ роль человѣка съ вѣсомъ. Дважды въ недѣлю, по утрамъ, собирались къ барону любители политическихъ экономій, фабриканты и прожектеры: принималъ ихъ

шарлатанъ въ обширномъ кабинетѣ, уставленномъ шкафами, наполненными множествомъ коробокъ и коробочекъ. Изъ иныхъ выглядывали сушеныя травы, изъ другихъ сыпались, будто нечаянно, сѣмена всѣхъ извѣстныхъ хлѣбовъ. Рядомъ съ коробочками разбросаны были кучи писемъ, будто бы полученныхъ со всѣхъ концевъ вселенной. По словамъ агронома, корреспонденція его превосходила переписку Гумбольдта: такъ была она обширна и сложна. Въ углахъ кабинета стояли модели мельницъ, молотильныхъ, вѣяльныхъ и прочихъ хозяйственныхъ машинъ; цилиндры для промыванія золотаго песку, формы сахарныхъ головъ, и тысячи другихъ предметовъ въ этомъ родѣ. Болѣе всѣхъ любовался ими Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій, не пропускавшій ни одного сборнаго утра у агронома. Чрезвычайно льстило фонъ-Гарецкому то отличіе, которое оказывалъ ему ученый хозяинъ въ присутствіи прочихъ посѣтителей.

На первый изъ таковыхъ съѣздовъ, послѣ совѣщанія своего съ княземъ Половскимъ, пожаловалъ и Богданъ Богдановичъ. Пожаловалъ въ это утро г. Герцфетъ съ намѣреніемъ пустить въ ходъ вновь обдуманный планъ, который объяснится впослѣдствіи. Глаза гостя блистали радостью, лице выражало какое-то внутреннее торжество, и самый поклонъ его агроному преисполненъ былъ той граціи, которая такъ идетъ вѣстникамъ побѣдъ и другихъ чрезвычайныхъ новостей. Въ кабинетѣ барона засталъ Богданъ Богдановичъ Ивана Михайловича, Исидора Елеазаровича и нѣсколько лицъ, изъ числа вѣрившихъ въ ученость и знаніе хозяина.

Въ это посѣщеніе Герцфетъ не называлъ барона иначе, какъ ученѣйшимъ изъ ученыхъ, и счастливѣйшимъ изъ счастливыхъ.

— Ученѣйшій, положимъ, но отчего же называете вы его счастливѣйшимъ? спросилъ наконецъ у Герцфета Иванъ Михайловичъ.

— О! если бы вы знали, если бы вы подозрѣвали... отвѣчалъ тотъ въ полголоса.

— Развѣ новое что нибудь?

— Да еще какое новое!

— Скажите, пожалуйста.

— Тайна Иванъ Михайловичъ.

— Не уже ли для меня?...

— Для всѣхъ, покуда.

— И для барона?

— Почти, почти, мой безподобнѣйшій Иванъ Михайловичъ. Вотъ уже третьи сутки, какъ борюсь я съ самимъ собою, и въ первый разъ въ жизни дружба во мнѣ беретъ верхъ надъ честью...

— Надъ честью?

— Да, Иванъ Михайловичъ, надъ честью, то есть надъ честнымъ словомъ, насильственно вырваннымъ у меня, чтобы молчать, о чемъ молчать я не въ силахъ.

— Насильственное слово недѣйствительно, Богданъ Богдановичъ; самыя клятвы, вынужденныя силою, разрѣшаются закономъ.

— Все такъ, все такъ, но участвуютъ въ тайнѣ высокія лица; чтобы не поплатиться мнѣ за искренность...

— Я не измѣню.

— Кто сомнѣвается въ васъ, Иванъ Михайловичъ!

— И баронъ себѣ не врагъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Герцфетъ, нѣсколько подумавъ: и барону ни въ какомъ случаѣ, ни за что въ мірѣ...

— Что же бы это могло быть? проговорилъ заин-

тересованный фонъ-Гарецкій: не валится ли ему съ облаковъ бочка съ золотомъ?

— Помилуй Богъ! такая тяжесть сшибла бы его съ ногъ, а моя новость и обогатитъ и на ноги поставитъ; сверхъ того, славы сколько, и почестей, почестей!...

— Богданъ Богдановичъ! дурной же вы пріятель; такъ поступать не должны друзья; мнѣ, напримѣръ, хоть языкъ отрѣжь въ подобныхъ случаяхъ, пальцами объяснилъ бы, если дѣло касается пріятеля. Чего вамъ бояться? даю клятву не проболтаться и не проболтаюсь.

— Самому барону?

— И барону не скажу, пожалуй.

— Охъ, не вѣрится!

— Клянусь, не скажу.

— Иванъ Михайловичъ! искушаете вы меня...

— Не дьяволъ, батюшка: искушеній моихъ бояться нечего.

— Знаю, знаю.

— Женѣ ни гу-гу, конечно; будьте покойны.

— И это знаю.

— Знаете, такъ говорите скорѣе, не то искуситель вы...

— Иванъ Михайловичъ! не измѣните мнѣ, а барону нашему выпала счастливая доля; и мѣсяца не пройдетъ, какъ позавидуютъ ему очень многіе.

— Вотъ какъ!

— Да, Иванъ Михайловичъ, продолжалъ Герцфетъ: приготовляетъ ему счастье тепленькое мѣстечко и большой почетъ...

— А именно? Но не лучше ли намъ пробраться въ залу? тамъ никого нѣтъ и подслушивать будетъ не кому; у иного же, сами вы знаете, слухъ бываетъ такъ навостренъ, что и не говоришь, а слышитъ.

Съ этимъ словомъ фонъ-Гарецкій взялъ подъ руку

Богдана Богдановича, и незамѣтно вывелъ его изъ кабинета, въ которомъ, кстати, завязался очень громкій споръ о выгодѣ картофельныхъ посѣвовъ въ обширномъ размѣрѣ. Баронъ, по своему обыкновенію, сулилъ слушателямъ неизчислимые доходы отъ картофеля; во первыхъ, какъ отъ овоща, потомъ отъ картофеля, передѣланнаго въ муку, патоку и вино, и отъ травы, обращенной въ бумагу.

— Сбытъ-то его не вѣренъ, осмѣлился замѣтить одинъ изъ гостей.

— Какъ не вѣренъ? спросилъ агрономъ, вскакивая съ мѣста.

— Не вѣренъ, баронъ, и самъ я по опыту знаю, самъ убѣдился, что продуктъ этотъ часто съ рукъ нейдетъ. Прошлымъ лѣтомъ весь онъ почти погнилъ у меня въ погребахъ.

— Погнилъ, погнилъ? разумѣется, гнилаго никто не купитъ!

— Да погнилъ отъ лежки.

— А лежалъ отчего, позвольте спросить?

— Много родилось его во всѣхъ мѣстахъ.

— Причина недостаточная.

— Чего достаточнѣе! замѣтилъ возражавшій.

— Нѣтъ, недостаточна, милостивый государь, ибо сама природа соединила въ одномъ этомъ продуктѣ безчисленное множество способовъ сбыть его съ выгодою...

— Я всѣ употребилъ.

— Что же-съ? прошу сказать?

— Перетеръ частью на муку.

— Хорошо-съ; что же дальше-съ?

— Мука не сошла съ рукъ; всѣ базары завалены были мукою.

— Потомъ?

— А что же потомъ? Потомъ больше ничего.

— И вы думаете, что все сдѣлали, что все употребили! сказалъ торжествующій ораторъ: и вы находите картофель невыгоднымъ отъ того только, что не умѣли, по собственной винѣ, воспользоваться урожайнымъ годомъ и черезъ тотъ же картофель нажить въ одну зиму милліонъ!

— Милліонъ? повторили всѣ присутствующіе.

— Я говорю милліонъ, чтобы не сказать два, десять, двадцать, прибавилъ съ увѣренностью агрономъ, принимая позу оракула.

— Странно! проговорилъ сквозь зубы тотъ, съ кѣмъ завязалъ хозяинъ жаркій споръ о картофелѣ.

— Странно для васъ, только для васъ; а сію минуту и для васъ не будетъ странно; повѣрьте, не будетъ, и слушайте.

— Слушать, какъ не слушать.

— Такъ вотъ, извольте видѣть: замѣчено и извѣстно всѣмъ и каждому, разумѣется, опытному хозяину, что коль скоро овощь родится изобильно, изобильны въ тотъ годъ и фрукты. Правду я говорю?

— Да, да, дѣйствительно, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Стало, продолжалъ баронъ: въ прошедшее лѣто вы, милостивый государь, могли пріобрѣсти столько плодовъ и фруктовъ, сколько бы ни пожелали; такъ ли?

— Ну, допустимъ.

— А позвольте спросить: въ какую цѣну полагаете вы этотъ товаръ въ дешевое время?

— То есть фрукты?

— Ну, да; въ какую, примѣрно, цѣну?

— Право, опредѣлить не могу; вещь не покупная, такъ не случалось и прицѣняться.

— Не прицѣнялись, не знаете, такъ я вамъ скажу, такъ я вамъ скажу, коротко знаю! Мелкіе фрукты въ изобильный годъ полагать должно въ Россіи отъ двухъ рублей до двухъ рублей двадцати копѣекъ за пудъ. Яблокъ, грушъ и оранжерейныхъ продуктовъ не считаю; останавливаюсь же на мелкихъ единственно для того, чтобы предметъ сдѣлать яснымъ для всѣхъ. Стало, употребивъ, на пріобрѣтеніе тысячи пудовъ ягодъ, отъ двухъ тысячь до двухъ тысячь ста двадцати рублей серебромъ и сваривъ ихъ въ картофельной патокѣ, стоющей вчетверо менѣе, вы получили бы тысячу пудовъ прекраснаго варенья, которое сбыть, надѣюсь, очень легко, уступая его гуртомъ копѣекъ по восемнадцати за фунтъ. Попробуйте вмѣсто тысячи изготовить сто тысячь пудовъ варенья, не подвергающагося, надѣюсь, ни гніенію, ни порчѣ, и я спрашиваю у васъ: могли ли бы вы жаловаться на неурожайный годъ, на безполезность обширныхъ картофельныхъ посѣвовъ? а? Могли ли бы вы? а? Прошу же теперь присовокупить картофельные оттирки, прекрасные для корма скота, и золу отъ дровъ или угольевъ, сожженныхъ во время производства варенья, золу, имѣющую постоянный сбытъ на стеклянные гуты, и барыши ваши, государь мой, будутъ неисчислимы. Все дѣло въ томъ, что умѣйте только извлечь пользу и извлечь ее своевременно, а въ убыткѣ не останетесь, не безпокойтесь...

Во время поучительной рѣчи барона, лице его выражало такъ много самоувѣренности, что слушатели невольно разинули рты и самый возражатель почесалъ себѣ затылокъ и поникъ головою. Торжествовалъ и на

этотъ разъ шарлатанъ, бросавшій вокругъ себя взоры, полные удовольствія. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ съѣздомъ любителей нововведеній, баронъ пріобрѣталъ новыхъ послѣдователей своимъ нелѣпымъ системамъ. Если бы онъ зналъ что происходило въ это время въ двухъ шагахъ отъ него, то есть за стѣною кабинета, если бы онъ подслушалъ разговоръ Ивана Михайловича съ Богданомъ Богдановичемъ, день этотъ записалъ бы баронъ въ реестрѣ самыхъ счастливыхъ дней своихъ. Въ глазахъ фонъ-Гарецкаго блистало пламя, лобъ его сіялъ, а губы сжимались улыбкою надежды на нѣчто очень значительное. Давъ честное слово Герцфету сохранить въ тайнѣ отъ всѣхъ рѣшительно ту новость, которую повѣрилъ ему послѣдній, Иванъ Михайловичъ провелъ еще съ полчаса въ кабинетѣ агронома и незамѣтно скрылся отъ него, подъ предлогомъ крайней надобности.

Хозяйственное преніе на квартирѣ барона продолжалось часовъ до трехъ по полудни, а послѣднимъ гостемъ остался въ ней Герцфетъ. Удержалъ его хозяинъ, замѣтившій, что наружность отца Аглаи прояснилъ не картофель и не способъ обогащенія посредствомъ ягодъ. Съ своей стороны и гость, предвидѣвшій разспросы, приготовился къ удовлетворенію ихъ согласно собственному плану.

Баронъ узналъ отъ Богдана Богдановича, и узналъ, разумѣется, за тайну, что фонъ-Гарецкій пламенно желаетъ назвать барона сыномъ своимъ; а изъявилъ онъ такъ много радости отъ того, что Богданъ Богдановичъ поселилъ въ немъ увѣренность, что баронъ не только не прочь отъ счастія породниться съ почтеннымъ семействомъ Ивана Михайловича, но что не остановится жениться на Аглаѣ Ивановнѣ, ежели даже Аглая Ивановна

принесетъ ему за собою пять сотъ душъ заложенныхъ, но безъ частнаго долга, и значительную лѣсную дачу, въ очень близкомъ разстояніи отъ Курска.

— Какъ? воскликнулъ баронъ, радостно хватая пріятеля за оба плеча: все это сказалъ вамъ самъ Иванъ Михайловичъ?

— Тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, любезнѣйшій баронъ.

— Пять сотъ душъ и лѣсная дача!...

— Близъ Курска! понимаете ли? близъ Курска. Это все равно, что золотая розсыпь.

— Богданъ Богдановичъ! другъ мой! я сегодня дѣлаю предложеніе.

— Испортите все дѣло такою поспѣшностью.

— Но вѣдь самъ отецъ...

— Отецъ не невѣста, влюбленная въ другаго, любезнѣйшій; отецъ не мать невѣсты...

— Да, да.

— Разумѣется, въ благополучномъ окончаніи дѣла сомнѣваться нельзя, но и спѣшить нельзя. Постройте съ мѣсяцъ куры, переломите холодность дѣвушки, наконецъ... наконецъ...

— Что, что наконецъ?

— Нѣтъ, я... я хотѣлъ... я подумалъ вслухъ. А вотъ видите ли, мой драгоцѣннѣйшій баронъ, прибавилъ, двусмысленно улыбаясь, Богданъ Богдановичъ: въ ваши годы я дѣйствовалъ бы немного рѣшительнѣе...

— То есть, вы бы дѣйствовали, вѣроятно, умнѣе меня.

— Не то, что умнѣе, но, простите откровенности, лгать не умѣю, а скажу просто: я бы дѣйствовалъ такъ, чтобы выигрывать навѣрное.

— Научите же и меня по пріятельски, сказалъ умо-

ляющимъ голосомъ румяный баронъ, обнимая пріятеля. — Вѣрите ли, Богданъ Богдановичъ, мнѣ легче написать двадцать томовъ разныхъ разностей, чѣмъ уладить одну женитьбу, особенно когда дѣло идетъ о самомъ себѣ. Ну, посудите: какъ я приступлю къ рѣшительной развязкѣ? Съ кого начать? Съ отца?

— Можно объясниться съ нимъ, но, разумѣется, не о приданомъ—сохрани Богъ! замѣтилъ Герцфетъ.

— Ну, конечно, ужь объ этомъ я говорить не начну.

— То-то. Иначе какъ разъ подумаетъ, что дѣйствуетъ корысть и тому подобное. Начать же объясненіе просто съ любви вашей къ его дочери, съ желанія вступить въ его семейство, намекнуть издалека о кое какихъ надеждахъ, объ ожидаемомъ состояніи, не упоминая притомъ, откуда именно ожидаете вы этой прибыли; потомъ не худо было бы коснуться равнодушія дѣвушки, волокитства того чиновника...

— Лучезарскаго?

— Ну, да, Лучезарскаго. Кстати сказать слова два и о другомъ...

— То есть, объ этомъ пріѣзжемъ, о невѣжѣ.

— Солонимскомъ.

— Ненавижу его и самъ не знаю за что.

— Бываютъ иногда подобныя антипатіи, ни на чемъ не основанныя.

— Именно, именно, и рѣшительно ни на чемъ, поспѣшилъ прибавить агрономъ.

— Тѣмъ болѣе, любезнѣйшій, и должны вы остерегаться вліянія Солонимскаго на будущую невѣсту вашу; а заикнитесь вы только Ивану Михайловичу, попробуйте попросить объ удаленіи этого дикаря, и вы увидите какъ скоро не станетъ его въ домѣ фонъ-Гарецкихъ.

— Непремѣнно скажу; скажу сегодня же.

— Прекрасно, прекрасно сдѣлаете. Но еще сдѣлаете не все, баронъ: изгнаніемъ двухъ противниковъ подвинете вы дѣло, безъ всякаго сомнѣнія, и подвинете его процентовъ на тридцать впередъ; однако же остается семьдесятъ сотыхъ, ровно еще втрое... Не бездѣлица!... Ихъ-то и надлежало бы обезпечить въ будущемъ, и обезпечить ловко, умно и крѣпко на крѣпко.

— Ничего не придумаю, Богданъ Богдановичъ.

— Можетъ ли быть?

— Клянусь вамъ честью моею.

— А подумавши хорошенько, поразсмотрѣвши пристальнѣе все предпріятіе...

— Ни къ чему не поведетъ! повѣрьте. Я вѣдь себя знаю. Не принесетъ дума ни малѣйшей пользы: глупъ и тупъ я на эти дѣла.

— Однако не можетъ же не быть вѣрныхъ средствъ.

— Въ вашемъ воображеніи и есть они...

— Какъ вамъ сказать...

— Хоть по нѣмецки, хоть по санскритски, хоть по еврейски, только скажите, Богданъ Богдановичъ.

— Попадусь я когда нибудь съ своими опрометчивыми совѣтами, мой драгоцѣннѣйшій баронъ; непремѣнно попадусь въ бѣду, и бѣду страшную! Какъ это дожить до сѣдыхъ волосъ и не научиться молчать во время! какъ это лѣзть добровольно въ петлю!

— Ну, пріятель, какую же вы мнѣ дѣлаете честь подобными словами! Или въ самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ за услугу, за одолженіе, за милость, можно сказать, заплатить вамъ...

— Ничего не говорю и рѣшительно ничего не думаю, вѣрьте мнѣ, мой любезнѣйшій другъ; но на моемъ вѣку встрѣчались со мною такія обстоятельства, которымъ...

— Всѣ не должны отвѣчать за одного кого нибудь, Богданъ Богдановичъ.

— Совершенно справедливо.

— И долгъ одного не платитъ цѣлый міръ.

— Еще справедливѣе.

— А если справедливо, за что же отказываете вы мнѣ въ совѣтѣ, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ вся моя будущность?

— Вотъ въ томъ-то и сила, мой дорогой баронъ, перебилъ таинственно Герцфетъ: и что если бъ только «можетъ быть», а то вѣдь не «можетъ быть», а рѣшительно зависитъ будущность. Такъ бы выразиться правильнѣе.

— Тѣмъ болѣе....

— Тѣмъ болѣе и долженъ я быть остороженъ. Мѣра столь же полезна для васъ, пріятель, сколько вредна для меня, въ томъ смыслѣ, что проговоритесь вы когда нибудь, Иванъ Михайловичъ въ правѣ будетъ наплевать мнѣ въ лице и сказать при всѣхъ: «предатель, безнравственный человѣкъ!» и тому подобное... И теперь, о чемъ я хлопочу? не о себѣ же! хлопочу о счастіи пріятеля и счастіи посторонней дѣвушки... Говорю счастіе потому, что вы, баронъ, благородный человѣкъ и выполните въ отношеніи къ прекрасной Аглаѣ Ивановнѣ вашу обязанность, то есть не употребите во зло ни правъ своихъ, ни даже содѣйствія моего въ этомъ дѣлѣ.

— Голову дамъ на отсѣченіе, Богданъ Богдановичъ.

— Никто не сомнѣвается, а я меньше всѣхъ.

— Но способъ, способъ!

— Мѣра рѣшительная, баронъ, и нѣсколько...

— Что это? рискованная?

— О, нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ же останавливаться? Не томите такъ долго!

— Нужно бы, мой любезнѣйшій, продолжалъ съ разстановкою Герцфетъ: поставить дѣвушку въ такое положеніе, чтобы она сама не могла возвратиться вспять. Поняли?

— Кажется, начинаю понимать, отвѣчалъ баронъ, ухмыляясь.

— А поняли, такъ остальное выполнить сами постарайтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Богданъ Богдановичъ, не останавливайтесь на половинѣ дороги. Смыслъ-то мѣры я понялъ; но дѣйствіе, самое дѣйствіе, то есть пружины? подавайте мнѣ эти пружины!

— Куда, подумаешь, мудрено!

— Однако?

— А что же, небось, трудно въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, заставить думать, а тѣмъ болѣе говорить, что любая дѣвица скоро сдѣлается супругою вашею, что все идетъ какъ по маслу, и родители согласны, и невѣста согласна, и...

— Опять сбили съ толку.

— Чѣмъ?

— Какъ же заставить думать, что дѣвушка согласна, когда дѣвушка не хочетъ и смотрѣть?

— Умѣйте же заставить ее дѣлать то, что вы захотите, баронъ.

— А способъ?

— Эхъ, какой вы дитя, мой почтеннѣйшій ученый! Или смѣетесь надо мною, или хотите...

— Богданъ Богдановичъ! воскликнулъ съ жаромъ агрономъ, бросаясь только что не на шею пріятелю: возьмите меня въ ученики и, ради моей же пользы, по-

ступайте со мною какъ съ истиннымъ дитятей. Безъ васъ не дойти мнѣ ни до чего путнаго. Что тутъ церемониться. Будь какимъ хочешь мудрецомъ по ученой части, не дастся способность на дѣла такого рода и останешься круглымъ дуракомъ! Откажете же вы мнѣ...

— Ну, нѣтъ, потерплю самъ, если суждено, подхватилъ Герцфетъ: а васъ не выдамъ и поведу на помочахъ. Сегодня ступайте къ фонъ-Гарецкимъ, будьте любезны съ дѣвушкою, вдвое любезнѣе съ княжною, а съ родителями и такъ и сякъ.

При словѣ «княжна» баронъ нѣсколько смутился и спросилъ: зачѣмъ быть ему любезнымъ съ ея сіятельствомъ?

— Затѣмъ, чтобъ усыпить ревность соперницы, отвѣчалъ Богданъ Богдановичъ, грозя пальцемъ новому ученику своему, который, видя, что разыгрывать долѣе роль рыцаря было бы и неумѣстно и глупо, почелъ за лучшее усмѣхнуться надъ будущею тетушкою своею, какъ смѣялся надъ нею услужливый Богданъ Богдановичъ. Обвороженный дружескою готовностью Герцфета участвовать въ дѣлѣ сватовства, баронъ обязался слѣпо слѣдовать всѣмъ наставленіямъ пріятеля и разстался съ нимъ полный надежды на успѣхъ.

X.

Настроивъ на свой тонъ пріятеля и приготовивъ его къ разыгрыванію той роли, которую назначилъ ему Герцфетъ въ своей драмѣ, Богданъ Богдановичъ выждалъ сумерекъ и отправился ко второму актеру, къ Корнелію Егоровичу Лучезарскому, котораго засталъ въ страшной хандрѣ. Молодой человѣкъ, наговорившій

такъ много вздору Кондратію Захаровичу во время послѣдняго съ нимъ свиданія, понялъ свою ошибку и занемогъ, не на шутку, чѣмъ-то въ родѣ сплина. Въ три дня подурнѣлъ Адонисъ, щеки его подернулись блѣдностью, борода отросла; волосы, не помаженные и не причесанные, утратили свой лоскъ; ногти потускнѣли; короче, онъ показался Герцфету, даже въ сумерки, гораздо менѣе красивымъ, чѣмъ былъ три дня назадъ. Не имѣя еще никогда случая принимать у себя на квартирѣ важныхъ особъ, подобныхъ Богдану Богдановичу, Лучезарскій сначала засуетился, смѣшался, извинялся въ чемъ-то; но потомъ, оправясь и вспомнивъ о короткомъ отношеніи гостя съ семействомъ фонъ-Гарецкихъ, принялся глубоко вздыхать и жаловаться на внезапное ослабленіе силъ, непреодолимую грусть и скуку, постигшія его такъ мгновенно.

— Да, вы страхъ какъ измѣнились въ лицѣ, замѣтилъ гость тономъ состраданія: глаза ваши потухли, губы побѣлѣли; вы должны чувствовать жаръ.

— Право самъ не знаю чему приписать болѣзнь мою, отвѣчалъ Лучезарскій.

— Простудѣ?

— О, нѣтъ, Богданъ Богдановичъ!

— Такъ чему же? Еще на прошлой недѣлѣ видѣлъ я васъ у Ивана Михайловича и видѣлъ такимъ молодцемъ.

— Увы! много перемѣнъ произошло съ той поры.

— Гдѣ это? въ домѣ фонъ-Гарецкихъ?

— Нѣтъ, про домъ я не знаю, но вообще говоря, въ моей то есть судьбѣ.»

— Въ вашей?...

— Да-съ, Богданъ Богдановичъ, право можно подумать, что какой нибудь злой геній поклялся преслѣдовать меня съ нѣкотораго времени.

— Это новость для меня, Корнелій Егоровичъ, совершенная новость.

— Вѣрю, Богданъ Богдановичъ, и гдѣ же вамъ замѣтить, хоть бы, примѣрно, мое отсутствіе у фонъ-Гарецкихъ, сказалъ молодой человѣкъ, горько улыбаясь.

— Вотъ въ этомъ вы и ошиблись, любезнѣйшій, потому что не замѣть я отсутствія вашего, не пріѣхалъ бы провѣдать васъ.

— Можетъ ли быть, Богданъ Богдановичъ, такое вниманіе...

— Весьма понятно, Корнелій Егоровичъ, весьма понятно.

— И лестно для меня.

— Въ сторону комплименты, а поговоримъ лучше о причинахъ тѣхъ перемѣнъ, о которыхъ вы начали было говорить.

— Причина простая, Богданъ Богдановичъ; меня только что не выгнали вонъ изъ дома фонъ-Гарецкихъ.

— Васъ?

— Меня-съ, и ужь не знаю за что. Кажется, преданность моя къ семейству Ивана Михайловича была всегда безпредѣльна.

— Въ особенности къ Аглаѣ Ивановнѣ, замѣтилъ Богданъ Богдановичъ.

— Аглаю Ивановну уважалъ я, отвѣчалъ молодой человѣкъ, потупляя взоръ.

— И не болѣе?

— То есть, не болѣе чего?

— Не болѣе уважали, какъ дочь Ивана Михайловича?

— Вы улыбаетесь, Богданъ Богдановичъ!

— Я радуюсь случаю встрѣтить такого великаго философа въ подобномъ вамъ молодомъ человѣкѣ, Корнелій Егоровичъ. Какъ жить почти неразлучно съ пре-

лестною дѣвушкою, быть ею замѣчену и ограничить чувства свои тѣсною рамкою уваженія — вотъ истинное диво, не слыханное чудо въ нашъ вѣкъ!

Герцфетъ качалъ головою и смѣялся.

— Всякое другое чувство не повело бы ни къ чему, Богданъ Богдановичъ, проговорилъ Адонисъ.

— Смотря по тому, каковъ былъ бы тотъ человѣкъ, кому послала бы на долю судьба сердце дѣвушки, подобной Аглаѣ Ивановнѣ.

— Выпади оно и на вашу долю, было бы то же.

— Ну, нѣтъ! не ручайтесь, молодой человѣкъ, и будь я на мѣстѣ Корнелія Егоровича, имѣй я только его наружность, его молодость и прочее...

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я?

— Хотя бы и вы.

— Не отказался бы, конечно, такъ скоро отъ борьбы, и не легко бы уступилъ побѣду.

— Даже если бъ отецъ любимаго предмета формально отказалъ вамъ отъ своего дома?

— Да помилуйте, любезнѣйшій Корнелій Егоровичъ! воскликнулъ, будто бы увлекаясь, Герцфетъ: да что значитъ отказать отъ дома? просить не жаловать болѣе, и только.

— Бездѣлица!

— Надѣюсь бездѣлица для того, кто истинно любитъ и твердо желаетъ; надѣюсь, что для того одна запертая дверь не значитъ ровно ничего, и остаются для влюбленнаго сорокъ другихъ входовъ.

— Не окна ли, Богданъ Богдановичъ?

— Да-съ, молодой человѣкъ; въ наше время считались входами и не одни окна, и не двери, а трубы печей, каминовъ, крыша съ слуховыми отверзтіями, пустые

сундуки, корзины съ бѣльемъ и тысячи другихъ рессурсовъ, доступныхъ воображенію влюбленныхъ. Впрочемъ, мнѣ бы, конечно, не слѣдовало преподавать вамъ, любезнѣйшій Корнелій Егоровичъ, подобной науки, и, не будь во мнѣ увѣренности, что Аглая Ивановна предпочитаетъ васъ прочимъ своимъ обожателямъ...

— Богданъ Богдановичъ! перебилъ молодой человѣкъ: Аглая Ивановна, кажется, любитъ меня менѣе, чѣмъ вы думаете.

— Право?

— Да-съ, и послѣдній случай...

При этомъ словѣ Герцфетъ сдвинулъ, едва замѣтно, брови и удвоилъ вниманіе. По видимому, откровенность молодаго человѣка обманула ожиданія Богдана Богдановича, который, кажется, не совсѣмъ доволенъ былъ настоящими отношеніями Адониса и дочери Ивана Михайловича фонъ-Гарецкаго. Боясь однакоже измѣнить себѣ, Герцфетъ равнодушно замѣтилъ сначала, что наружность иногда обманчива, что по поступкамъ дѣвушекъ не всегда надлежитъ судить о ихъ настоящихъ чувствахъ, а потомъ спросилъ и о послѣднемъ случаѣ.

Корнелій Егоровичъ безъ малѣйшей застѣнчивости передалъ Богдану Богдановичу всѣ подробности о покровительствѣ Солонимскаго, о любовномъ письмѣ, такъ дурно принятомъ дѣвушкою, объ опасеніяхъ своихъ относительно сватовства барона, о желаніи Ивана Михайловича видѣть, какъ можно скорѣе, дочь свою замужемъ за агрономомъ, и обо всемъ рѣшительно, касающемся до надеждъ и опасеній своихъ.

Во время признанія Адониса, Герцфетъ покачивалъ головою, а по окончаніи признанія, онъ, улыбаясь, спросилъ у Адониса: не уже ли же онъ безъ боя намѣренъ уступить Аглаю Ивановну барону Кронбрунишпицу?

— Я вызову его на дуэль, отвѣчалъ Лучезарскій, становясь въ позу алебастровыхъ рыцарей.

— Эта мѣра не надежна.

— Я, просто... я, просто, готовъ посягнуть на преступленіе.

— За преступленія посылаютъ въ Сибирь.

— Ну, ну, такъ мнѣ остается умереть самому, Богданъ Богдановичъ.

— Въ свое время, да, мой любезнѣйшій, но прежде времени глупо, право глупо.

— Къ чему и къ кому прибѣгнуть въ такомъ случаѣ?

— Къ уму, къ хитрости, къ ловкому и обдуманному плану дѣйствій, однимъ словомъ ко всему, что даетъ вѣрный успѣхъ, не подвергая тяжкимъ работамъ каторжниковъ, а тѣмъ менѣе насильственной смерти. Старайтесь повести дѣло свое такъ, чтобы составить въ одно время и собственное счастіе и счастіе любимой дѣвушки.

— А какъ я это сдѣлаю, Богданъ Богдановичъ, когда у меня даже отнято право видѣться съ Аглаею?

— Ну, это обстоятельство чуть ли не изъ самыхъ ничтожныхъ, замѣтилъ Герцфетъ.

— Вы думаете?

— Увѣренъ, любезнѣйшій.

— И что же?

— Отправляйтесь только сегодня же къ княжнѣ Евгеніи Аверкіевнѣ, да постройте ей куры; она завтра же, ручаюсь вамъ, доставитъ случай и видѣться и до сыта наговориться съ предметомъ вашей любви.

— Какая счастливая мысль, Богданъ Богдановичъ! Вѣдь княжна-то радехонька будетъ отвлечь и разстроить свадьбу племянницы съ барономъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Но какъ же эта мысль не пришла мнѣ въ голову ранѣе? кричалъ Лучезарскій, бросая на полъ свою бархатную ермолку: какъ было не догадаться, что въ дѣлѣ моемъ надежнѣйшею сподвижницею должна быть княжна Евгенія?.... вотъ, какъ подумаешь хорошенько, куда бываютъ глупы влюбленные....

— Оно очень натурально, Корнелій Егоровичъ, больше чѣмъ натурально; потерявши сердце, рѣдко сохраняютъ люди голову; безпорядокъ, происшедшій въ первомъ, сообщается всѣмъ благороднымъ органамъ человѣка; но сама судьба, въ подобныхъ случаяхъ, посылаетъ такимъ больнымъ врачей.

— И моимъ соглашается быть почтенный Богданъ Богдановичъ!

— Дѣлать нечего; участіе пожилыхъ есть только плата ихъ долговъ, потому что въ молодости и меня, въ свою очередь, выручали пожилые. Но семь часовъ, и мнѣ пора, любезнѣйшій Корнелій Егоровичъ. Забѣгу кое куда, а завтра, можетъ быть сегодня, увидимся по прежнему у Ивана Михайловича, сказалъ Герцфетъ, вставая.

— Не знаю, сбудутся ли надежды ваши, Богданъ Богдановичъ.

— Авось!

— Во всякомъ случаѣ благодарности моей выразить не умѣю.

— И не нужно выражать словами; скажете со временемъ спасибо, и все тутъ.

Герцфетъ улыбался, предсказывая Адонису успѣхъ и счастіе, а Адонисъ вѣрилъ ему, и, проводивъ его до самаго крыльца, возвратился, прыгая отъ радости.

Между тѣмъ неутомимый Герцфетъ, не теряя ни минуты, отправился отъ влюбленнаго молодаго человѣка

къ влюбленной княжнѣ Евгеніи, томившейся, уже довольно долгое время, страшными припадками ревности. Невѣстка Ивана Михайловича употребляла всѣ ночи на придумываніе способовъ возвратить любовь вѣроломнаго барона, и цѣлые дни посвящала на осуществленіе придуманныхъ ею средствъ. Но, увы! всѣ мѣры оставались безуспѣшны и новыя слезы текли по слѣдамъ прежнихъ. То казалось княжнѣ, что совершенное равнодушіе возбудитъ въ груди барона искру досады, и княжна едва обращала на него вниманіе; но баронъ не показывалъ досады, а, напротивъ, весело разговаривалъ съ другими, и не обращалъ никакого вниманія на княжну. По временамъ зрѣлая дѣва старалась шутить и казаться совершенно счастливою; но неблагодарный баронъ оставался столько же равнодушнымъ къ веселости дѣвы, сколько былъ равнодушенъ и къ ея невниманію. Не имѣя большой симпатіи къ племянницѣ своей, Евгенія Аверкіевна обращалась съ нею, хотя и ласково, но холодно; теперь же въ Аглаѣ видѣла соперницу, а, встрѣчаясь съ нею ежедневно, могла ли княжна не измѣнять себѣ? Она часто дѣлала такіе промахи, которые замѣчали всѣ посторонніе; съ самою Олимпіадою Аверкіевною княжна обращалась какъ-то иначе. Очаровательная квартира княжны превратилась для нея въ мрачную и душную тюрьму; вѣчная зелень, цвѣтъ постоянства, слишкомъ напоминала непостоянство барона, а складки, появлявшіяся во множествѣ на лицѣ Евгеніи, превращали тоску и грусть въ совершенное отчаяніе. Отъ фонъ-Гарецкихъ возвращалась дѣва тотчасъ послѣ обѣда и до девятаго часа лежала въ темномъ углу своемъ, носившемъ названіе опочивальни. Въ тотъ самый день, когда Богданъ Богдановичъ Герцфетъ принялся за исполненіе вновь придуманнаго плана, княжна Половская возврати-

лась въ кисейный пріютъ свой ранѣе обыкновеннаго. За столомъ у Фонъ-Гарецкихъ, въ этотъ день рѣчь коснулась барона, и Иванъ Михайловичъ задѣлъ чувствительную струну свояченицы, упомянувъ объ отчаяніи тѣхъ особъ, которымъ измѣнитъ агрономъ, при вступленіи своемъ въ законный бракъ. Принявъ колкое замѣчаніе Фонъ-Гарецкаго на свой счетъ, княжна расплакалась, хотѣла было упасть въ обморокъ, но что-то помѣшало ей, почему и оставалось разгнѣванной дѣвѣ бѣжать домой и тамъ уже выплакать досаду свою на супруга сестры.

Неописанно обрадовалась Евгенія Аверкіевна неожиданному посѣщенію Богдана Богдановича. Для грустной обладательницы кисейнаго пріюта было совершенно все равно, Герцфету ли или другому передать частицу тоски своей и своего негодованія, лишь бы подѣлиться настоящимъ горемъ, съ кѣмъ бы то ни было.

Съ живѣйшимъ участіемъ во всѣхъ чертахъ, вошелъ гость въ маленькую пріемную княжны; въ словахъ же гостя было столько милаго, столько сладкаго, что растроганная хозяйка чуть не облилась слезами.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжко, Богданъ Богдановичъ, едва внятно проговорила она, протягивая правую руку Герцфету, а лѣвую поднося къ глазамъ: если бы вы знали....

— Но отчего же, княжна? спросилъ тотъ, крѣпко сжимая руку дѣвы своими руками: какое горе постигло васъ?

— Не спрашивайте.

— Напротивъ, напротивъ! одно откровенное сознаніе облегчаетъ сердце, княжна; иначе бы дружба потеряла всю свою цѣну.

— Дружба не существуетъ болѣе на землѣ, Богданъ Богдановичъ, дружба коварнѣе ненависти.

— Ежели ввѣряютъ ее лицамъ недостойнымъ.

— Кто же не ошибался?

— Ошибаются не всегда.

— Исключенія рѣдки.

— Однако есть они, и смѣю надѣяться, что я....

— Вы мужчина, слѣдовательно и вы такіе же, какъ всѣ, вамъ подобные. Простите меня, Богданъ Богдановичъ, не сердитесь за слова, вырвавшіяся изъ души въ минуты тяжкой скорби.... Но что же вы не садитесь? Какъ я рада, что вижу васъ.

Разговаривавшіе усѣлись рядомъ на диванѣ и споръ продолжался.

— А право, княжна, сказалъ помолчавъ Герцфетъ: можно подумать, что въ воздухѣ появилась какая-то совершенно новая эпидемія; всѣ какъ-то странно больны. Сегодня, кромѣ васъ, посѣтилъ я двухъ пріятелей и обоихъ засталъ точно въ такомъ же расположеніи духа. Обоимъ грустно, оба страдаютъ, порядочно же объяснить своей болѣзни никакъ не могутъ.

— Въ такомъ случаѣ у меня съ ними не одна болѣзнь, Богданъ Богдановичъ.

— Вы увѣрены?

— Къ несчастью, слишкомъ увѣрена, отвѣчала княжна.

— Признакъ той же эпидеміи.

— Что это?

— Увѣренность ваша, Евгенія Аверкіевна.

— Ахъ, какъ вы ошибаетесь!

— Не ошибаюсь, а объясниться не смѣю. Согласитесь, княжна, что въ настоящемъ случаѣ мою откровенность вы бы почли за дерзость, за...

— Нѣтъ, Богданъ Богдановичъ, во мнѣ замерли всѣ женскія свойства, и ежели вы дѣйствительно отгадали настоящую причину тоски моей, то говорите просто, я за то не буду на васъ въ претензіи.

— Княжна! въ сердечныхъ ощущеніяхъ иногда не воленъ смертный, а потому еслы бы и вы, напримѣръ, удостоили кого нибудь вашимъ расположеніемъ, то я не вмѣнилъ бы вамъ этого чувства въ преступленіе.

— Говорите проще, добрый Богданъ Богдановичъ.

— Извольте; къ тому же, княжна, вы должны меня знать; вы бы не повѣрили, если бы недругъ назвалъ Герцфета подлымъ, низкимъ человѣкомъ. Не правда ли?

— О, конечно нѣтъ.

— Сколько разъ въ жизни моей довѣряли мнѣ не только друзья, но люди совершенно чуждые, сокровеннѣйшія тайны свои; сколько разъ цѣлыя состоянія ввѣрялись моей чести, и конечно еще ни разу не дерзнулъ никто...

— Богданъ Богдановичъ! перебила съ нѣжностью дѣва: всмотритесь въ мои глаза, и вы прочтете въ нихъ то мнѣніе и ту довѣренность, которую имѣю я къ вамъ. Зачѣмъ же не приступите вы прямо къ врачеванію тѣхъ ранъ, которыя растравляютъ не только близкіе, но даже самые родные? Да, Богданъ Богдановичъ, не позже какъ сегодня, Иванъ Михайловичъ глубоко оскорбилъ меня, въ присутствіи многихъ.

— Не уже ли при баронѣ?

— Нѣтъ, благодаря Бога, его тамъ не было; но если бы и былъ? Съ нѣкотораго времени пріятель вашъ не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія; онъ такъ занятъ...

— А кто виноватъ, княжна, кто?

— Какъ, кто?

— Я у васъ спрашиваю, Евгенія Аверкіевна, то есть съ вашего позволенія спрашиваю: кто виноватъ, какъ не вы?

— Богданъ Богдановичъ! воскликнула Евгенія Аверкіевна, всплеснувъ руками и принимая позу удивленной и пораженной граціи. Какъ? вы, вы упрекаете меня же?

— Не упрекъ, княжна, а замѣчаніе дружбы.

— Положимъ; но слезы мои, но страданія, но адъ, который кипитъ въ груди? И кто повергъ меня въ эту пучину скорби, какъ не онъ, не пріятель вашъ, не баронъ? И послѣ всего этого обвинять меня же!

Голосъ княжны Евгеніи задребезжалъ, голова опрокинулась назадъ, а рука, вооруженная батистовымъ платкомъ, приблизилась къ переносицѣ. Гость, въ свою очередь, съ нѣжностью нагнулся къ плакавшей хозяйкѣ кисейнаго пріюта, съ нѣжностью же взялъ ее за обѣ руки и, уже не выпуская ихъ, проговорилъ, не переводя духа, цѣлый монологъ утѣшеній, подслащенныхъ собственнымъ опытомъ, примѣрами разительными, возможностью возврата утраченныхъ чувствъ и, наконецъ, увѣреніемъ, что возвратъ этотъ зависитъ отъ самихъ женщинъ.

— Богданъ Богдановичъ! я заплатила бы всѣми благами жизни, если бы можно было увѣриться въ этомъ, сказала Евгенія Аверкіевна, возводя глаза къ потолку.

— Не уже ли вы сомнѣваетесь?

— Да, и имѣю на то полное право. Всѣ средства обратить къ себѣ вѣтренаго Адольфа употребила я, и всѣ эти средства не только не пробудили въ немъ прежнихъ чувствъ, но, напротивъ, отдалили его еще болѣе.

— Но въ чемъ же состояли, княжна, ваши способы?

— Я плакала...

— Дурно.

— Я умоляла.

— Еще хуже.

— Я, я... стыдно сознаться; я рвала на себѣ волосы, въ припадкѣ отчаянія; но и это не разжалобило его, и Адольфъ простеръ жестокость до насмѣшекъ, до сарказмовъ...

— Все это противно настоящимъ мѣрамъ, Евгенія Аверкіевна; вы не знаете свойства мужчинъ, вы не знаете, что за истинную, искреннюю нѣжность, платятъ они всегда равнодушіемъ. Въ противность женскому сердцу, мужское воспламеняется препятствіями, питается постояннымъ сомнѣніемъ и живетъ ревностью. Прибѣгали ль вы, хотя разъ, къ этому оружію?

— То есть ко внушенію ревности?

— Да, княжна.

— Какъ вамъ сказать, Богданъ Богдановичъ? къ большоіі нѣтъ, а къ маленькой...

— Маленькая никуда не годится, вѣрьте мнѣ; маленькою ровно ничего нельзя сдѣлать; напротивъ, замѣтивъ игру, баронъ потерялъ бы способность сомнѣваться, а въ этомъ-то и вся важность. Нѣтъ, княжна, по моему, надлежитъ избрать человѣка, одареннаго всѣмъ, что плѣняетъ женщинъ, а разъ избравъ такого человѣка, обратить все вниманіе на него исключительно, искать частыхъ встрѣчь, быть въ обществѣ съ нимъ чрезвычайно любезною, принимать къ себѣ, и заставить говорить объ этомъ. Тогда, какъ бы ни былъ равнодушенъ предметъ вашихъ настоящихъ чувствъ, самолюбіе его начинаетъ оскорбляться, страдать, ревность волнуетъ, тревожитъ сердце, оно занемогаетъ вновь; а болѣзнь сердца, какъ вамъ извѣстно, княжна, называется

страстью, и новая страсть къ той женщинѣ занимаетъ мѣсто прежней.

— Богданъ Богдановичъ! ваши слова оживили трупъ.

— Не оживили, потому что прелестная княжна не измѣнила еще нашей бѣдной планетѣ, но можетъ быть слова мои навели ее на тотъ цвѣтистый путь, съ котораго столкнули ее завистники...

— Право, я ожила.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, Евгенія Аверкіевна; проектъ мой такъ легко привести въ исполненіе, такъ легко осуществить, и предметъ, долженствующій возбудить ревность пріятеля, готовъ.

— Кто же это?

— Не уже ли вы не догадываетесь?

— Не Корнелій ли Лучезарскій?

— Конечно, онъ, княжна.

— Предметъ не дуренъ!

— И какъ еще хорошъ!

— Глаза Лучезарскаго бываютъ иногда очень выразительны.

— Чрезвычайно.

— Онъ мило поетъ.

— Вообще, очень милъ.

— Но, Богданъ Богдановичъ, замѣтила дѣва, начинавшая улыбаться: Лучезарскій влюбленъ въ Аглаю.

— И изгнанъ за это.

— Онъ не согласится измѣнить своей роли.

— То есть роли влюбленнаго въ вашу племянницу?

— Ну, да.

— Не безпокойтесь, княжна; молодой человѣкъ сдѣлаетъ все, чтобы снова пріобрѣсти право на частыя посѣщенія дома Ивана Михайловича. Вамъ, Евгенія Аверкіевна, легко будетъ склонить родныхъ къ смягче-

нію жестокости въ отношеніи Лучезарскаго. Впрочемъ, это обстоятельство беру я на себя и сегодня же, прямо отъ васъ, отправлюсь къ фонъ-Гарецкимъ.

— Несравненный вы человѣкъ, Богданъ Богдановичъ!

— За что же такая похвала?

— За безкорыстное участіе, за рѣдкія свойства, за верхъ добродѣтели.

— Немножко эгоизма примѣшивается ко всему, княжна, замѣтилъ смѣясь Герцфетъ: мнѣ хочется, чтобы меня непремѣнно любили.

— Я готова обожать васъ.

— Прозаическое, а все таки сердечное чувство.

— Проза часто стоитъ поэзіи.

— Вотъ видите ли, какъ легко прекрасному полу покорять слабый нашъ, довѣрчивый полъ; и скажите мнѣ еще двѣ три подобныя фразы, княжна, клянусь вамъ, не баронъ одинъ станетъ ревновать васъ къ прекрасному Корнелію, но буду ревновать и я.

— Не вѣрю, не вѣрю.

— Честью клянусь.

— Вы слишкомъ умны, чтобы любить.

— То есть, чтобы любить безъ надежды на взаимность?

— Нѣтъ, просто любить.

— Княжна! оставаться у васъ долѣе неосторожно; бѣгу...

— Отъ опасности, не правда ли?

— Отъ опасности показаться смѣшнымъ, потому что смѣшнѣе ничего быть не можетъ, какъ влюбленный старикъ.

Съ этимъ словомъ лысый Герцфетъ прегромко поцѣловалъ ручку ея сіятельства и вышелъ съ разными

ужимками и съ наклоненною головою. Княжна благосклонною улыбкою и прищуренными глазками проводила его до дверей; внутренно же вопрошала у себя Евгенія Аверкіевна, точно ли Богданъ Богдановичъ слишкомъ старъ, чтобы любить и быть любимымъ?

XI.

Дружеское приглашеніе стараго князя Половскаго: откушать запросто, измѣнило, какъ мы видѣли, твердое намѣреніе Ивана Михайловича изгнать деревенскаго сосѣда, а слѣдовательно и деньги, назначенныя фонъ-Гарецкими для уплаты ему части долга, остались въ карманѣ Ивана Михайловича. Непредвидѣвшій подобной напасти, Кондратій Захаровичъ, разумѣется, поспѣшилъ явиться за часъ до обѣда къ его сіятельству. Проведя весь день у него, онъ возвратился довольно поздно въ камору Кузьмы Тихоновича. На слѣдующее утро, Солонимскій зашелъ было къ фонъ-Гарецкимъ, но не былъ допущенъ до гостиной, а вечеромъ, въ прихожей Ивана Михайловича доложили сосѣду, что господа отправились въ театръ, и возвратятся поздно. Горя нетерпѣніемъ сообщить Аглаѣ Ивановнѣ о подтвержденіи надеждъ своихъ касательно скораго удаленія барона, Кондратій Захаровичъ рѣшился написать къ ней записку слѣдующаго содержанія.

«Милостивая государыня!

«Достойная Аглая Ивановна!

«Вчерашняго числа имѣлъ я честь кушать у род-
«ственника вашего, князя Павла Дмитріевича Половска-
«го, который крайне усердствуетъ вамъ и взираетъ ан-
«типатично на общаго непріязненнаго намъ агронома.

«Все, что могу сказать вамъ, состоитъ въ томъ, что, «благодаря Бога, все идетъ сообразно съ желаніемъ на«шимъ и, по милосердію Его, все кончится благополуч«но. Простите мнѣ дерзость писать къ вамъ; но какіе «же способы употребить иначе, когда мнѣ люди отка«зываютъ безпрерывно? и проч. и проч.

Посланіе свое запечаталъ сосѣдъ облаткою и, въ первомъ порывѣ нетерпѣнія, рѣшился было послать съ домовладѣльцемъ; но потомъ, одумавшись, положилъ записку въ карманъ и попытался передать ее самъ, при первомъ свиданіи. Носился съ таинственнымъ письмомъ Кондратій Захаровичъ вплоть до самаго того вечера, на который отправился Богданъ Богдановичъ прямо изъ кисейнаго пріюта княжны Евгеніи Аверкіевны. Увидѣвъ на этотъ разъ яркій свѣтъ въ квартирѣ фонъ-Гарецкихъ и кучу шубъ въ прихожей, деревенскій сосѣдъ не внялъ отказу слугъ и возвысилъ голосъ.

— Вы лжете, негодяи! крикнулъ Кондратій Захаровичъ, бросая шинель свою въ лице Климычу: господа ваши не только дома, но у нихъ много гостей сегодня; а меня не принимать они не могутъ.

— Дѣйствительно-съ не приказали принимать, проговорилъ настойчиво дворецкій.

— А не приказали, такъ ты, братецъ, поди сію минуту къ Ивану Михайловичу и попроси его выйдти сюда; до тѣхъ поръ я просижу здѣсь; вотъ тебѣ и рѣшеніе мое!

Въ эту минуту изъ дверей залы показалась голова бѣдной дѣвицы, проживавшей въ домѣ фонъ-Гарецкихъ, и шепнула слугамъ: «велѣно впустить». Голова спряталась, а Климычъ проворно отошелъ отъ зальныхъ дверей и пропустилъ въ нихъ незванаго гостя.

Кипя негодованіемъ, Солонимскій только что не

вбѣжалъ въ гостиную, и, не поклонившись ни хозяйкѣ, ни Аглаѣ Ивановнѣ, ни барону, ни княжнѣ, ни Богдану Богдановичу, подошелъ прямо къ фонъ-Гарецкому, встрѣтившему его непріязненнымъ взоромъ.

— Ваши лакеи очень дерзки и очень неучтивы, Иванъ Михайловичъ! воскликнулъ провинціялъ: позвольте сказать вамъ, что по прислугѣ судятъ и господъ; да-съ!

— Что за грозный видъ и что за изрѣченія? отвѣчалъ тотъ насмѣшливо.

— Я не позволю обращаться непочтительно со мною, и не только не позволю дворнѣ, но и... Глаза провинціяла окончили фразу, подѣйствовавшую очень скоро на хозяина, который, оглянувшись во всѣ стороны и увидѣвъ одни потупленные взоры, вдругъ спросилъ полуласково: «Что случилось и изъ чего такой гнѣвъ?

— Меня гонятъ вонъ изъ прихожей, отвѣчалъ Солонимскій.

— Полноте! вздоръ какой!

— Не вздоръ, а сущая правда.

— Какой нибудь глупый мальчишка напуталъ.

— Не мальчишка, а вся прислуга.

— Повѣрьте, какое нибудь недоумѣніе, вспыльчивый мой сосѣдушка. Дверь моя бываетъ заперта только тогда, когда я занятъ и вообще когда не расположенъ дѣлить времени своего со всѣми безъ исключенія; сегодня же...

— По нашему, Иванъ Михайловичъ, коли домъ освѣщенъ и чужія шубы въ передней, дверь отперта для всѣхъ.

— Ну, это не можетъ еще служить общимъ правиломъ.

— А не хотите вы принимать меня собственно, дол-

жны объяснить причину, и тогда, если причина основательна, я приму извиненіе и дѣлу конецъ.

Иванъ Михайловичъ снова посмотрѣлъ во всѣ стороны, и тѣ же опущенные взоры и то же глубокое молчаніе надоумили его, что надо быть осторожнѣе и стараться смягчить дикаря.

— Полно, полно, сосѣдушка. Право, подумаютъ, что между нами пробѣжала черная кошка, сказалъ, еще ласковѣе, фонъ-Гарецкій.

— Пусть себѣ думаютъ что хотятъ; мнѣ все равно.

— Довольно, довольно.

— Что тутъ довольно! поступаете вы странно какъ-то.

— Сказалъ, что недоразумѣніе глупыхъ слугъ. Ну, ну, полно, полно.

Солонимскій, постоявъ молча съ полминуты передъ хозяиномъ, повернулся къ нему спиною и медленно отошелъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла за работою Аглая Ивановна. Лице ея покрыто было пунцовыми пятнами.

Кондратій Захаровичъ сѣлъ подлѣ Аглаи, и какихъ усилій стоило ему не говорить ни слова о надеждахъ своихъ избавить ее отъ нѣмца агронома и передать ей таинственно письменное извѣщеніе. Но глаза всѣхъ присутствовавшихъ ни на минуту не отворачивались ни отъ него, ни отъ дѣвушки, и передача письма была бы замѣчена тотчасъ и, вѣроятно, письмо не дошло бы по назначенію.

Желая какъ можно скорѣе вывести Ивана Михайловича изъ затруднительнаго молчанія, Богданъ Богдановичъ предложилъ ему партію въ китайскій бильярдъ, стоявшій въ сосѣдней комнатѣ. Обрадованный возможностью выйдти изъ гостиной, фонъ-Гарецкій принялъ предложеніе и скорыми шагами послѣдовалъ за Герцфе-

томъ. Княжна, воспользовавшись разговоромъ племянницы съ сосѣдомъ, и помня совѣты Богдана Богдановича не казаться убитою холодностью любимаго предмета, развязно подсѣла къ барону и принялась смѣяться кстати и не кстати, надъ всѣмъ и всѣми. Олимпіада Аверкіевна, не сводя глазъ съ своего филе, слѣдила слухомъ за всѣми въ одно время и, по временамъ, клала въ ротъ мятныя лепешки.

Богданъ Богдановичъ въ три удара выигралъ партію на китайскомъ бильярдѣ, а въ началѣ второй спросилъ, будто бы такъ, безъ всякой цѣли, у фонъ-Гарецкаго: куда дѣвался Лучезарскій, и отчего не видать его въ домѣ?

— Онъ не здоровъ, равнодушно отвѣчалъ тотъ.

— Ну, я такъ и думалъ.

— А что?

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— А развѣ кого нибудь интересуетъ Лучезарскій?

— Интересуетъ? Нѣтъ, Иванъ Михайловичъ; но вы сами знаете любопытство или манію кумушекъ провѣдывать обо всемъ, перетолковывать по своему самыя обыкновенныя вещи.

— Ну, Лучезарскій, мнѣ кажется, такъ еще ничтоженъ.

— Въ отношеніи...

— Во всѣхъ отношеніяхъ.

— И съ этимъ согласенъ; но молодой человѣкъ, какъ всѣмъ извѣстно, принятъ былъ въ вашемъ домѣ какъ родной, то есть на короткой ногѣ...

— Какъ ближайшій по служебнымъ дѣламъ.

— Разумѣется не иначе; я-то очень хорошо понимаю и своими глазами видѣлъ отношенія семейства вашего къ Лучезарскому; кумушки же... Но что вамъ до нихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, скажите, пожалуйста: что кумушки?

— Кумушки, продолжалъ Герцфетъ, играя: распространяютъ глупый слухъ, нелѣпый, можно сказать.

— Какой, какой слухъ?

— Слухъ о негодованіи вашемъ на молодаго человѣка, будто бы за дерзость его... за надежду...

— Какой вздоръ! какіе пустяки! Вотъ пустяки!

— Я-то очень хорошо знаю, что вздоръ, и спорилъ до слезъ....

— Но, по видимому, зловредный слухъ этотъ успѣлъ уже распространиться по городу?

— Да, отчасти болтаютъ, и въ трехъ домахъ слышалъ я самъ ни съ чѣмъ не сообразную сплетню.

— Однако, скажите мнѣ, Богданъ Богдановичъ, не касается ли эта сплетня какъ нибудь до моей чести?

— О, нѣтъ! какая мысль, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ! то есть, вы хотите сказать: до доброй славы Олимпіады Аверкіевны?

— Ну, да... да... и... дочери.

— Это дѣло другое, таинственно проговорилъ Герцфетъ: объ Аглаѣ Ивановнѣ поговариваютъ довольно рѣзко, даже, скажу вамъ, очень, очень рѣзко.

Фонъ-Гарецкій опустилъ кій и согнулъ голову.

— Впрочемъ, небрежно прибавилъ Герцфетъ: Лучезарскій скоро выздоровѣетъ, станетъ опять являться къ вамъ въ домъ, а между тѣмъ, кажется, и Аглая Ивановна также скоро не будетъ имѣть надобности въ родительской защитѣ.

— Ахъ, почтенный другъ! дай Богъ, дай Богъ! и исполнись только то, о чемъ сообщили вы мнѣ сегодня утромъ, кажется, минуты бы не колебался.

— Исполнится непремѣнно, смѣю васъ увѣрить, Иванъ Михайловичъ, и доставь баронъ самъ, или добудь

онъ другими путями достовѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительности какъ титла, такъ равно и...

— Не уже ли они сомнѣваются?

— Кто это? старый князь, или вся компанія?

— Да.

— Не сомнѣваются, Иванъ Михайловичъ. Какое же можно допустить сомнѣніе? Но необходима въ столь важномъ дѣлѣ нѣкоторая формальность, соблюденіе наружныхъ формъ, такъ сказать, и на слѣдующій же день, по полученіи черезъ посольство документовъ, будущій зять вашъ получитъ формальное предложеніе стать во главѣ огромнѣйшаго финансоваго предпріятія съ почетнымъ званіемъ директора. Не говорю уже про существенныя выгоды, чести-то сколько, Иванъ Михайловичъ!

— А скоро можетъ это осуществиться? спросилъ фонъ-Гарецкій, потирая руки.

— Какъ бы вамъ сказать? черезъ мѣсяцъ непремѣнно. Князь говорилъ мнѣ, что въ Эрфуртъ написано, имъ или кѣмъ-то другимъ, на прошлой недѣлѣ.

— Я задамъ балъ.

— И обѣдъ на славу.

— И обѣдъ и ужинъ, пожалуй.

— Безгрѣшно можно бы вамъ повеселить друзей, Иванъ Михайловичъ. Что же касается до сплетней и слуховъ, они упадутъ сами собою съ выздоровленіемъ молодаго Лучезарскаго.

— Разумѣется, разумѣется! Да полно, уже не здоровъ ли онъ? можетъ лѣнится, такъ и не является... Олимпіада, другъ мой! воскликнулъ фонъ-Гарецкій, подходя къ дверямъ гостиной и мигая лѣвымъ глазомъ: скажи, мой другъ, точно ли еще боленъ Лучезарскій?

Княжна, услышавшая это имя, бросила косвенный

взглядъ на показавшагося вдали Богдана Богдановича, и въ одинъ мигъ поняла въ чемъ дѣло; почему, не давъ сестрѣ времени отвѣчать, сказала съ живостью, что знаетъ достовѣрно о совершенномъ выздоровленіи Корнелія Егоровича, и даже слышала, что блѣдность идетъ къ нему чрезвычайно.

— Тѣмъ лучше для него, сестрица, замѣтилъ фонъ-Гарецкій.—Мнѣ кажется страннымъ, что молодой человѣкъ давно не былъ у насъ.

— Я пошлю за нимъ, прибавила Евгенія Аверкіевна, звоня въ колокольчикъ.—Послать, Иванъ Михайловичъ?

— Пожалуй, сестрица. Очень радъ буду видѣть его.

Вошедшій слуга получилъ приказаніе княжны идти немедленно за Лучезарскимъ, а Кондратій Захаровичъ, удивленный внезапною перемѣною Ивана Михайловича къ молодому человѣку, бросилъ испытующій взглядъ на Аглаю, въ полной увѣренности, что на лицѣ ея выразится радость. Но на этотъ разъ Солонимскій ошибся, не прочитавъ въ глазахъ дѣвушки ничего особеннаго.

— Какъ она скрытна! подумалъ провинціялъ, глубоко вздыхая.

За часъ до ужина, вошелъ въ гостиную, и вошелъ безъ доклада, блѣдный и интересный Корнелій Егоровичъ. Блѣденъ онъ былъ не вслѣдствіе небывалаго недуга, а вслѣдствіе тревоги, произведенной въ немъ приглашеніемъ Ивана Михайловича. Адонисъ отвѣсилъ низкій поклонъ холодной Олимпіадѣ Аверкіевнѣ и съ таковымъ же обратился было къ ея сіятельству; но Евгенія Аверкіевна съ крикомъ бросилась ему на встрѣчу и осыпала его тысячью комплиментовъ; она же провела Лучезарскаго къ Ивану Михайловичу, провела назадъ въ гостиную и усадила рядомъ съ собою.

Баронъ, не понимавшій въ чемъ дѣло, сначала выпучилъ глаза, а потомъ сталъ лукаво улыбаться и подсмѣиваться надъ торжествующею княжною. Внутренно смѣясь надъ всѣми актерами собственной комедіи, Богданъ Богдановичъ подходилъ попеременно то къ одному дѣйствующему лицу, то къ другому, и совѣтами своими поддерживалъ игру всѣхъ. Развязка этой игры извѣстна была, разумѣется, одному почтеннѣйшему Богдану Богдановичу.

Слѣдуя плану, начертанному имъ, баронъ устремилъ вниманіе свое къ родителямъ Аглаи; княжна кокетничала съ Корнеліемъ Егоровичемъ и тѣмъ усыпляла бдительность сестры своей въ отношеніи молодаго человѣка. Въ свою очередь Лучезарскій, отвлекая княжну отъ барона, не мѣшалъ послѣднему подвигаться впередъ, а фонъ-Гарецкіе стремились всѣми силами къ желанной развязкѣ. Богданъ Богдановичъ остался чрезвычайно доволенъ всѣми, и всѣ остались довольны Богданомъ Богдановичемъ. Недоволенъ былъ одинъ только Кондратій Захаровичъ, не успѣвшій еще, ни словесно, ни письменно, передать собранныя имъ свѣдѣнія Аглаѣ Ивановнѣ. Сѣли ужинать. Солонимскій, увидѣвъ, что общее вниманіе обращено было на жареныхъ перепелокъ, вынулъ таинственное письмо свое изъ кармана и перенесъ его подъ скатерть. Улучивъ удобную минуту, Кондратій Захаровичъ прикрылъ руки салфеткою и толкнулъ колѣна Аглаи Ивановны, которая отъ этого толчка едва не вскочила съ мѣста; лице ея покрылось живымъ румянцемъ.

— Протяните ко мнѣ вашу правую руку, шепнулъ ей сосѣдъ.

— Зачѣмъ это? спросила та.

— Нужно-съ.

— Но зачѣмъ же?

— Нужно-съ; увидите сами.

— Право, не знаю, должна ли я....

— Не извольте бояться; мнѣ надо передать вамъ кое что-съ.

— Но что же такое?

— Записочку-съ отъ меня.

— Отъ васъ? прошептала дѣвушка, робко протягивая ручку свою Солонимскому, и пальчики ея коснулись посланія, которое сначала перешло подъ салфетку Аглаи, а потомъ подъ мысъ ея корсажа

Полный благодарности къ судьбѣ, пославшей возможность выполнить успѣшно передачу письма, Кондратій Захаровичъ вздохнулъ свободнѣе и ѣлъ за ужиномъ съ большимъ противъ прежняго аппетитомъ. Корнелій Егоровичъ вздыхалъ не такъ свободно, украдкою поглядывая на предметъ своихъ пламенныхъ желаній; а баронъ съ Богданомъ Богдановичемъ наперерывъ старались поддержать разговоръ, который, впрочемъ, занималъ одного Ивана Михайловича.

Послѣ ужина всѣ перешли опять въ гостиную, и черезъ полчаса гости начали разъѣзжаться. Княжна, надѣявшаяся возвратить себѣ сердце барона способомъ, предписаннымъ ей Герцфетомъ, устроила такъ, чтобы выйдти въ переднюю въ одно время съ агрономомъ и съ красивымъ Лучезарскимъ. Послѣднему предложила она руку, сходя съ лѣстницы, и съ послѣднимъ простилась Евгенія Аверкіевна гораздо нѣжнѣе, чѣмъ съ барономъ.

Войдя въ свою комнату, Аглая Ивановна раздѣлась наскоро, выпроводила горничную, и принялась за посланіе, которое тщательно скрыла отъ наблюдательныхъ взоровъ и родителей и прислуги. Но едва распечатала она записку, какъ позади дѣвушки раздался знакомый

голосъ и сухощавая рука показалась изъ за плеча.... Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, Аглая повернула голову и увидѣла мать.

— Отдайте мнѣ эту записку, сказала послѣдняя, не отнимая руки своей отъ плеча дочери: отдайте сейчасъ, или я вырву, повторила Олимпіада Аверкіевна, голосомъ болѣе строгимъ.

Аглая молчала.

— Ты не слышишь, или не хочешь слышать?

— Нѣтъ, maman; но я не могу выполнить приказанія вашего, едва внятно отвѣчала дѣвушка, отступая шагъ назадъ.

Подобное непослушаніе оказала она въ первый разъ. Но когда мать подошла къ ней и опять спросила письмо, она молча подала его матери.

Олимпіада Аверкіевна возвратилась въ бельэтажъ, занимаемый только ею и супругомъ. Предоставляю читателямъ представить себѣ, какъ провела эту ночь дѣвушка, предметъ романтическихъ чувствъ Корнелія Егоровича, финансовыхъ разсчетовъ барона и безкорыстной привязанности деревенскаго сосѣда!

Настало утро. Проснулся прежде всѣхъ въ своемъ собственномъ домѣ Кузьма Тихоновичъ, и, прежде чѣмъ раскрылъ глаза гость его, въ конуру Парѳенина вошелъ уже суровый фонъ-Гарецкій. Онъ былъ въ своемъ шелковомъ ваточномъ халатѣ, въ сафьянныхъ голубыхъ сапогахъ, шитыхъ серебромъ, и въ шапкѣ, опушенной бобрикомъ.

Завидѣвъ нежданнаго посѣтителя, Кузьма Тихоновичъ пустился было въ извиненія, но Иванъ Михайловичъ, безъ всякой церемоніи, попросилъ его выйдти и потрудиться никого не пускать на лѣстницу, пока самъ онъ не кончитъ весьма важнаго,

какъ онъ говорилъ, объясненія съ Кондратіемъ Захаровичемъ.

Отвѣсивъ очень низкій поклонъ жильцу, домовладѣлецъ запахнулъ полы халата и торопливо вышелъ изъ конуры, осторожно притворивъ за собою дверь; а фонъ-Гарецкій приблизился къ углу, гдѣ, на полу, сладко спалъ сосѣдъ, и ногою толкнулъ его въ бокъ.

— Не угодно ли будетъ проснуться, сказалъ съ обычною дерзостью Иванъ Михайловичъ, повторяя толчекъ: мнѣ мѣшкать нѣкогда, и время глаза-то раскрыть.

Почувствовавъ боль въ боку, Солонимскій сначала безотчетно и безсмысленно взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ фонъ-Гарецкаго, но прикосновеніе повторилось, и взоръ совершенно проснувшагося провинціяла прояснился.

— У васъ довольно странная манера будить добрыхъ людей, замѣтилъ Кондратій Захаровичъ, садясь на постели.

— Добро бы добрыхъ, отвѣчалъ посѣтитель: а съ подобными вамъ церемониться не для чего.

— Какъ?

— Я говорю, что послѣ вчерашняго поступка вашего, всякія церемоніи были бы еще забавнѣе моей манеры будить.

Солонимскій протеръ себѣ глаза, накинулъ на плечи шинель, которою былъ покрытъ, и сталъ на ноги.

— Вы позволили себѣ, сударь, написать письмо къ дочери моей, продолжалъ фонъ-Гарецкій.

— И вамъ это сказала сама Аглая Ивановна?

— Одинъ я, надѣюсь, имѣю право спрашивать.

— Хорошо, согласенъ, и отвѣчаю: да!

— Какъ же вы осмѣлились?

— Хотѣлъ.

— Что?

— Говорю: захотѣлъ и написалъ.

— Вторая наглость не загладитъ первой.

— Наглецъ тотъ, кто торгуетъ счастіемъ родныхъ дѣтей, тотъ, кто изъ низкихъ разсчетовъ жертвуетъ дочерью...

— Я уже просилъ васъ не вмѣшиваться въ дѣла дочери, и повторяю, что не позволю...

— Господинъ фонъ-Гарецкій! вчера имѣлъ я нужду сообщить дочери вашей очень важную для нея вѣсть, а именно: вѣсть о скоромъ удаленіи вашего барона. Сдѣлалъ я это тайно потому, что вы, не смѣя явно отказать мнѣ отъ дому, употребляете всѣ низости для прекращенія самыхъ невинныхъ сношеній моихъ съ Аглаей Ивановной. Сказала она вамъ про письмо, прочитали вы его... мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла; я дѣйствовалъ единственно по внушенію совѣсти, и плевать хочу на весь вашъ гнѣвъ и угрозы!... Вы же осмѣлились коснуться до меня ногою, коснуться до меня соннаго; это все равно, что ругаться надъ трупомъ... Стыдно вамъ и благословляйте дочь за мою умѣренность, иначе, дерзкій человѣкъ!...

— Угрозы? насильство?...

— Вонъ отсюда и сію же минуту... Человѣкъ слабъ, и за себя отвѣчать не можетъ, прибавилъ Солонимскій, хватая мощною рукою своею руку пыхтѣвшаго супруга Олимпіады Аверкіевны.

— Я закричу и позову людей.

— Кого угодно, но только не здѣсь!

— Я, я отплачу вамъ, дикій этакой, и расправлюсь съ вами, неучъ, невѣжа! я...

Послѣднее выговорено было Иваномъ Михайлови-

чемъ на третьей ступени грязной лѣстницы Кузьмы Тихоновича, ожидавшаго почетнаго гостя на третьей ступенькѣ той же лѣстницы, только снизу.

Робкій домовладѣлецъ, до котораго хотя и долетѣли угрозы фонъ-Гарецкаго, но который однако же и не совсѣмъ ихъ понялъ, не зналъ, какое выраженіе придать лицу своему, и что бы такое прибавить ко вторичному поклону, который долженъ былъ онъ отвѣсить богатому жильцу при уходѣ его. Но какъ жилецъ не потрудился даже замѣтить стоявшаго внизу домовладѣльца, то Кузьма Тихоновичъ и почелъ за лучшее прижаться къ периламъ и не прибавлять къ поклону ровно ничего. Месть Ивана Михайловича разыгралась множествомъ ругательствъ и самыхъ жесткихъ словъ, пущенныхъ на воздухъ въ четырехъ стѣнахъ спальни, общей съ Олимпіадою Аверкіевною. Супруга, ожидавшая совсѣмъ другихъ послѣдствій отъ объясненія мужа съ сосѣдомъ, пришла въ ярость, весьма вредную для здоровья Олимпіады Аверкіевны. Кондратій Захаровичъ, съ своей стороны, впалъ въ страшный припадокъ сердечнаго негодованія на Аглаю Ивановну. Сосѣдъ, по простотѣ своей, приписалъ гнѣвъ фонъ-Гарецкаго предательству дѣвушки, выдавшей его, Солонимскаго, такъ безжалостно.

«Зачѣмъ же приняла она письмо мое? зачѣмъ не отдала мнѣ его назадъ? твердилъ онъ безъ умолку, расхаживая скорыми шагами по тѣсной комнатѣ Кузьмы Тихоновича. Платить такъ за истинную преданность, за всѣ дѣйствія мои въ ея пользу, за родственное участіе!... Нѣтъ, это дурно, это не дѣлаетъ ей чести, это, можно сказать, очень не хорошо, и я такъ ошибся въ ней!... Не думалъ, не ожидалъ, никакъ не ожидалъ; и если уже такъ, такъ Богъ съ нею! зла не желаю... о, нѣтъ! упаси

меня Боже! но и вмѣшиваться въ ея дѣла не буду, нѣтъ, не буду!»

Кондратій Захаровичъ наскоро одѣлся, вышелъ изъ дому и, взявъ извозчика, отправился пріискивать себѣ другую квартиру. Вечеромъ прислалъ онъ Пареенину, черезъ трактирнаго слугу, двойную серебряную солонку и записку, въ которой благодарилъ его за оказанное ему гостепріимство, и, не объясняя причинъ, заставившихъ его переѣхать въ гостинницу, просилъ выслать Лукьяна съ чемоданомъ и всѣми прочими пожитками.

Услышавъ отъ Ивана Михайловича объ отъѣздѣ провинціяла, баронъ не обнаружилъ всей радости, которую ощущалъ внутренно, а Богданъ Богдановичъ и Лучезарскій не только остались равнодушными, но даже улыбнулись при этой вѣсти, и улыбнулись изъ приличія. Герцфетъ никогда не обращалъ на него никакого вниманія, а Лучезарскій негодовалъ на Кондратья Захаровича за послѣднее съ нимъ объясненіе, во время изгнанія Адониса изъ дома Ивана Михайловича.

Между тѣмъ совѣщанія Герцфета съ пріятелемъ агрономомъ возобновлялись ежедневно, и понуждаемый первымъ, баронъ рѣшился наконецъ приступить къ формальному предложенію.

Для соблюденія приличій, Богданъ Богдановичъ совѣтовалъ ему предварительно объясниться съ Аглаею, и, получивъ ея согласіе, обратиться уже къ родителямъ. Если же дѣвушка откажетъ, говорилъ Герцфетъ, къ родительской власти прибѣгать не слѣдуетъ, а надежнѣе будетъ употребить другое средство, которое онъ же, Герцфетъ, взялся придумать, обдумать и привести въ исполненіе.

XII.

Переселясь изъ губернскаго города въ столицу, Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій, не выѣзжавшій во всю жизнь изъ провинціи, полагалъ сначала, что достаточно одного родства съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ Половскимъ, чтобы тотчасъ же попасть съ семействомъ своимъ въ высшій петербургскій кругъ, и получить въ столичномъ обществѣ то значеніе, которымъ пользовались фонъ-Гарецкіе въ губерніи. Жестоко ошибся честолюбивый и надменный родственникъ стараго князя: не только не попалъ онъ въ высшій кругъ, но не попалъ ровно ни въ какое общество, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ограничивалась пріѣзжая губернская семья тѣмъ незначительнымъ числомъ знакомыхъ, которые, вслѣдствіе какихъ нибудь разсчетовъ, появляются въ гостепріимныя двери посредственныхъ домовъ столицы. Заглядывали къ нимъ сослуживцы Ивана Михайловича, заѣзжали родственники, пріѣзжавшіе въ Петербургъ по дѣламъ — и только. Нужно ли удивляться особенному благоволенію фонъ-Гарецкаго къ людямъ, подобнымъ барону, Богдану Богдановичу и Исидору Елеазаровичу, людямъ, отчасти чиновнымъ, и отчасти достаточнымъ? Вывозомъ въ свѣтъ старшей дочери называла Олимпіада Аверкіевна еженедѣльныя посѣщенія баловъ Благороднаго Собранія, вечеринокъ у сослуживцевъ супруга (людей, жившихъ жалованьемъ) и ложь втораго яруса Большаго и Александринскаго театровъ. Всюду, кромѣ спектаклей, скучала Аглая Ивановна; молодыхъ людей встрѣчала она только на улицахъ и на театральныхъ подъѣздахъ, а видѣла ихъ изъ окна и

ложи втораго яруса. Единственный молодой человѣкъ, посѣщавшій домъ ея родителей, былъ Корнелій Егоровичъ, и очень естественно, что онъ долженъ былъ сдѣлать на дѣвственное сердце восемнадцатилѣтней Аглаи нѣкоторое впечатлѣніе, потому что онъ былъ хорошъ собою, не совсѣмъ глупъ и одаренъ кой какими пріятными талантами.

Дѣвушка, не лишенная отъ природы здраваго ума, судила обо всемъ довольно вѣрно, и недостатки Лучезарскаго не ускользнули отъ ея врожденной наблюдательности. Сравненіе съ другими, безъ всякаго сомнѣнія, могло совершенно разочаровать ее на его счетъ, но сравненія этого сдѣлать ей было невозможно, по недостатку знакомыхъ мужчинъ. Вслѣдствіе той же наблюдательности, она почувствовала непреодолимую антипатію къ барону, и расположеніе къ деревенскому сосѣду, человѣку честному, доброму, хотя вовсе не привлекательной наружности.

Лысый Богданъ Богдановичъ причисленъ былъ Аглаею къ числу Рѣпениныхъ, то есть къ общему итогу гостей, являющихся покушать и кое о чемъ поболтать, раза по два въ недѣлю. Подобно большей части дѣвицъ, не очень богатыхъ и не совсѣмъ бѣдныхъ, Аглая Ивановна не имѣла ни малѣйшаго понятія о состояніи своихъ родителей. Впрочемъ, пунктъ этотъ въ отечествѣ нашемъ бываетъ иногда такъ загадоченъ, что, не только дѣти русскихъ тороватыхъ владѣльцевъ, а часто и сами владѣльцы не имѣютъ точнаго понятія о настоящемъ положеніи своихъ собственныхъ дѣлъ. Напримѣръ: если вамъ скажутъ, что у такого-то пять, шесть, или двѣ тысячи душъ, не спѣшите считать его богатымъ, потому что, вслѣдъ за этимъ, вы непремѣнно услышите: столько-то сотъ тысячь серебромъ долга! Но не торопитесь

слишкомъ скоро сожалѣть о раззорившемся помѣщикѣ, потому что иногда судьба посылаетъ ему жену экономную, и, въ три четыре года, владѣлецъ сдѣлается скупъ, перестанетъ кормить другихъ, пожалуй перестанетъ и самъ кушать, и, съ помощью всего что даютъ земля, скотъ и птицы, не только уплатитъ сотни тысячь долгу, но наживетъ значительный капиталъ. Рѣдкій помѣщикъ не почиталъ себя, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, раззоренньмъ, и рѣдкій изъ нихъ не превращался подъ старость въ весьма и весьма разсчетливаго человѣка.

Иванъ Михайловичъ *фонъ*-Гарецкій, если вѣрить ему, или просто *Гарецкій*, если вѣрить князю Павлу Дмитріевичу, кончилъ бы, конечно, какъ кончаютъ всѣ, но, по несчастію, Иванъ Михайловичъ сбился съ дороги, и полетѣлъ прямо въ оврагъ. Укусилъ его не кстати ядовитый червячекъ честолюбія; захотѣлось на старости лѣтъ поумничать, поносить голову такъ, какъ носятъ ее лица значительныя, а, посѣщая родную губернію, въ разговорахъ вмѣшивать фразу: «когда еще я былъ маленькимъ человѣкомъ». Вотъ что искусило фонъ-Гарецкаго, и вотъ отчего стали посѣщать его деревенскихъ бурмистровъ становые пристава, съ разнообразными подтвержденіями нижнихъ земскихъ судовъ. Въ надеждѣ на скорое повышеніе, на выгодное мѣсто, короче, въ надеждѣ на его сіятельство князя Павла Дмитріевича, Иванъ Михайловичъ, разставшись съ провинціяльнымъ бытомъ, продалъ все, что могъ продать, продалъ частью и то, чего не могъ продать, а въ столицѣ обзавелся новымъ хозяйствомъ и сталъ жить гораздо выше состоянія. Прошелъ годъ, прошелъ другой; мѣсто, доставленное сіятельнымъ родственникомъ, не измѣняло положенія фонъ-Гарецкаго, а долги его росли вмѣстѣ съ честолюбіемъ, и фонъ-Гарецкій сталъ унывать. Въ подобныхъ обсто-

ятельствахъ кризисъ обыкновенно продолжается не долго.

Всѣ послѣдующіе годы жило почтенное семейство въ ожиданіи скораго повышенія и дожило до горькой минуты. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду тщательно скрывалъ Иванъ Михайловичъ, не только отъ друзей и знакомыхъ своихъ, но и отъ самой супруги, что всѣ родовыя помѣстья его поступили бы подъ опеку, безъ посредничества Кондратія Захаровича Солонимскаго, который выручалъ помѣстья фонъ-Гарецкаго собственными деньгами а, можетъ быть, и деньгами, занятыми Кондратьемъ Захаровичемъ на свое имя. Кромѣ того скрывалъ Иванъ Михайловичъ отъ супруги и прочіе маленькіе должки, сдѣланные имъ въ Петровомъ градѣ, для домашняго обихода. Дочери своей, прелестной Аглаѣ, нѣжный родитель могъ обѣщать приданое, но дать не могъ никакъ, и 500 душъ съ лѣсною дачею близъ Курска были придуманы ловкимъ Богданомъ Богдановичемъ, какъ средство, необходимое для успѣха задуманнаго имъ предпріятія. Въ одинъ изъ вечеровъ, послѣдовавшихъ за переѣздомъ Солонимскаго въ трактиръ, къ Гарецкимъ явился баронъ Адольфъ Кронбрунншпицъ, и попросилъ у Аглаи Ивановны позволенія объясниться съ нею наединѣ. Иванъ Михайловичъ, услышавшій просьбу барона, такъ сильно захлопалъ лѣвымъ глазомъ, что въ одинъ мигъ выползли изъ гостиной Олимпіада Аверкіевна, княжна и Корнелій Егоровичъ. У двухъ послѣднихъ подкашивались ноги, но дѣлать было нечего; Иванъ Михайловичъ не любилъ церемониться съ своими и, пожалуй, въ случаѣ сопротивленія, самъ помогъ бы княжнѣ выйдти изъ гостиной, а Лучезарскому изъ дома. Иванъ Михайловичъ былъ предупрежденъ Богданомъ Богдановичемъ о желаніи барона сохранить всѣ приличія, предварительно сдѣлавъ

предложеніе дочери. Надоѣли фонъ-Гарецкому и казенные и частные долги; пора было ему отдохнуть и сложить на зятя всѣ эти скучныя дрязги.

Подобно мраморному изваянію, неподвижно сидѣла Аглая, въ ожиданіи перваго объясненія любви барона и его брачнаго предложенія. Хотя баронъ и подготовленъ былъ къ холодному пріему дѣвушки, но такого ледянаго не ожидалъ, и замѣтно смутился; голосъ оратора прерывался, губы его дрожали.

«Съ чего бы начать? думалъ агрономъ, медленно подвигая кресла къ Аглаѣ: обыкновенное вступленіе не годится, но первый шагъ сдѣланъ, попытаюсь!»

— Сударыня! началъ агрономъ: давно замѣчаю я, что, не смотря на пламенное стараніе мое быть вамъ угоднымъ и заслужить вашу благосклонность, я не успѣлъ даже заслужить благосклоннаго взгляда вашего; вы.....

— Я не привыкла показывать того, чего не чувствую, баронъ! отрывисто отвѣчала дѣвушка.

— И такъ....

— Всякія объясненія напрасны.

— За что же, сударыня, вы такъ несправедливы ко мнѣ, такъ жестоки?

— Вы мнѣ не нравитесь!

— Но чѣмъ же? (Баронъ покраснѣлъ отъ досады.)

— Не знаю; вообще, кажется.

— Вліяніе враговъ моихъ, сударыня, подѣйствовало на довѣрчивый нравъ вашъ, и завистники успѣли....

— Завидовать вамъ, баронъ? какое скромное предположеніе! Но въ чемъ же?... желаю знать.

— Не думайте, Аглая Ивановна, чтобы я желалъ хвалиться личными преимуществами передъ кѣмъ бы

то ни было; о, нѣтъ! но расположеніе ко мнѣ батюшки вашего....

— Обязанность моя оказывать уваженіе тѣмъ, кого отличаетъ отецъ, но любить....

— Кто же говоритъ теперь про любовь, сударыня, и такъ скоро сдѣлаться достойнымъ этого чувства я никогда не надѣялся; со временемъ, когда нибудь, время поможетъ мнѣ глубокою преданностью, безпредѣльнымъ уваженіемъ и слѣпымъ повиновеніемъ волѣ вашей заслужить....

— Это время наступить не можетъ, и любить васъ я никогда не буду; простите откровенность....

— За что же такой рѣшительный приговоръ, Аглая Ивановна?

— Считаю обязанностью, баронъ, не оставлять въ васъ и тѣни надежды. Настоящихъ убѣжденій моихъ ни что перемѣнить не можетъ, а во всемъ вамъ сказанномъ я твердо убѣждена.

— Не лишайте меня, по крайней мѣрѣ, права надѣяться....

— Надѣяться не на что.

— Вы немилосерды....

— Да, баронъ, немилосерда къ тѣмъ, которые слишкомъ увѣрены въ себѣ, и рѣшаются достигать цѣли своей неблагородными средствами.

— Не уже ли, сударыня, этотъ упрекъ относится ко мнѣ?

— Къ вамъ, баронъ; вы, по вліянію на родителей, желаете получить насильственное согласіе дочери; вы домогаетесь руки дѣвушки, не обращая вниманія на ея чувства.... совершеннаго къ вамъ нерасположенія. Вы видите ясно, что дальнѣйшія объясненія поведутъ къ

большей откровенности, и; можетъ быть, вынудятъ меня, баронъ, выразиться....

— Безпредѣльность любви моей....

— Я счастлива, что не вѣрю ей; въ противномъ случаѣ мнѣ было бы жаль васъ, сказала дѣвушка, отодвигая свои кресла. — Мы кончили, надѣюсь, и я предоставляю вамъ, баронъ, передать мой отвѣтъ всѣмъ, кому вамъ будетъ угодно....

— Напротивъ, Аглая Ивановна, позвольте мнѣ сохранить въ тайнѣ глубокую скорбь, которую вложилъ въ сердце мое вашъ рѣшительный отказъ.

— Очень рѣшительный, могу васъ увѣрить.

— И ни что на свѣтѣ не можетъ перемѣнить его?

— Ни что, баронъ, клянусь вамъ, перебила дѣвушка, направляя шаги свои къ дверямъ родительской опочивальни.

Иванъ Михаіловичъ, Олимпіада Аверкіевна, княжна и Лучезарскій, вошедшіе изъ противоположныхъ дверей, застали знаменитаго барона нашего въ положеніи школьника, только что наказаннаго строгимъ учителемъ, и такого, который улыбкою старается скрыть свой стыдъ. Баронъ, красный какъ ракъ, вертѣлъ въ рукахъ часовой ключикъ и сладко улыбался.

Родитель Аглаи, по чувству приличія, не сталъ тутъ же разспрашивать гостя о подробностяхъ любовнаго объясненія; результатъ этого объясненія слишкомъ ясно видѣнъ былъ въ необыкновенномъ замѣшательствѣ агронома; вслѣдствіе чего Иванъ Михайловичъ и вышелъ тотчасъ изъ гостиной. Минуту спустя, за нимъ послѣдовала Олимпіада Аверкіевна, оставивъ претендента въ обществѣ ея сіятельства княжны Евгеніи и Корнелія Егоровича Лучезарскаго, едва скрывавшаго внутреннее торжество.

Если бы не существовали свѣтскіе законы приличія, княжна Евгенія сплеснула бы руками, сжала бы ноги, и непремѣнно принялась бы скакать вокругъ агронома, приговаривая на распѣвъ: «ну, что взялъ, что взялъ? ну, что взялъ?

Не ручаюсь также, чтобы и Корнелій Егоровичъ, съ своей стороны, не показалъ барону указательнаго пальца и не состроилъ гримасы, въ которой пришлось бы языку играть самую важную роль. Но всего этого выполнить имъ было невозможно, и княжна удовольствовалась вопросомъ, не болитъ ли голова у барона, потому что лице его такъ красно?

— Я нахожу, что здѣсь немного жарко, отвѣчалъ тотъ, утирая лобъ платкомъ.

— По мнѣ такъ холодно, возразила Евгенія Аверкіевна: не правда ли, Корнелій Егоровичъ?

— Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ Лучезарскій усмѣхаясь: баронъ имѣетъ даръ говорить такъ увлекательно, что самъ увлекается, и поэтому....

— Вы думаете, что разговоръ съ Аглаею?... перебила дѣва.

— Да-съ, княжна, ежели не ошибаюсь, третьяго лица въ гостиной не было.

— Аглая Ивановна пробыла со мною одну минуту, сказалъ баронъ.

— Какъ одну минуту? воскликнула Евгенія Аверкіевна: оставлять васъ однихъ.... Quel manque d'attention! Сію же минуту иду къ ней и задамъ порядочный нагоняй.

— Не трудитесь, княжна, я не въ претензіи, и не считаю себя гостемъ въ домѣ Ивана Михайловича.

— Право?

— Я имѣю счастіе пользоваться его дружбою и особеннымъ расположеніемъ.

— Тѣмъ болѣе, баронъ, и непростительно дочери его безпрестанно забывать права ваши на ея вниманіе.

— Какія же права?

— Вы знаете, баронъ, что родительская власть должна быть для дѣтей важнѣе собственныхъ наклонностей; я сама была когда-то въ зависимости отъ отца и матери. Конечно, не помню была ли я въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится племянница, замѣтила лукаво отцвѣтшая княжна.

Не будь въ гостиной Корнелія Егоровича, баронъ отвѣчалъ бы на эти слова можетъ быть дерзко, но присутствіе посторонняго лица удалило всѣ возможныя опасности отъ перезрѣлой княжны Евгеніи, и разговоръ продолжался въ границахъ, начертанныхъ правилами общежитія.... Правила эти соблюдены были въ этотъ вечеръ въ одной только гостиной дома фонъ-Гарецкихъ; въ верхнемъ же этажѣ, и именно въ комнатѣ Аглаи Ивановны, къ словамъ, вылетавшимъ изъ устъ Ивана Михайловича, присоединялись жесты, выражающіе, на сценѣ обыкновенной жизни, необыкновенное расположеніе духа....

— Умничать, умничать, смѣешь ты, дѣвчонка? кричалъ съ одной стороны Иванъ Михайловичъ.

— Хочешь положить насъ въ гробъ? кричала съ другой стороны Олимпіада Аверкіевна, подступая къ дочери, которая, видно, дала обѣтъ отвѣчать въ этотъ вечеръ на всѣ возгласы родныхъ только потупленнымъ взоромъ и покорною неподвижностью.

— Я найду средство заставить васъ, сударыня, быть послушною; я выбью изъ головы вашей, сударыня, всю дребедень, всѣ эти пуфы, которыми заразилъ васъ ужь Богъ знаетъ кто! Начитались вы всякой Бальзаковщины, такъ вотъ посажу я васъ за земледѣльческій жур-

налъ; куплю вамъ этакую какую нибудь энциклопедію, или путешествіе какое нибудь, томовъ въ четыреста, да и стану задавать уроки, чтобы умничанье ваше повыбить изъ головы; а то черезъ чуръ умны стали; наша воля вамъ ни по чемъ; по вашему всѣ неучи, всѣ судятъ криво, однѣ вы поступаете по нынѣшнему, по французскому...

— Книги-то я сожгу, Jean, всѣ книги сожгу сегодня; а въ театръ и носу не покажешь, моя милая. Не хочешь утѣшить родителей, прибавила въ свою очередь нѣжная мать: и мы не станемъ доставлять тебѣ удовольствій. Не примѣръ ли берешь съ другихъ старыхъ дѣвокъ, съ Рѣпейкиныхъ, напримѣръ...

— Чего далеко искать! хороша и сестрица сіятельная!

— Ну, сестру оставьте, Иванъ Михайловичъ.

— Зачѣмъ оставлять, матушка? въ дурные примѣры годится.

— Сестру Евгенію задѣвать не для чего; она ни чѣмъ не виновата.

— А кто ее знаетъ?

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь!

— Ужь, пожалуйста...

— Не умѣла какъ слѣдуетъ воспитать дочки...

— У васъ совѣта спрашивать не стану, Иванъ Михайловичъ.

— Небось, у княжны лучше?

— Опять она...

— Хорошему научитъ...

— Иванъ Михайловичъ! повторяю вамъ, чтобъ вы оставили сестру мою въ покоѣ.

— Не хочу.

— А не хотите, перебила Олимпіада Аверкіевна, раз-

свирѣпѣвъ: отдайте ей капиталъ, и Евгенія присутствіемъ своимъ безпокоить васъ не будетъ!

— Нашли вы, матушка, время говорить о капиталахъ!... Громкое слово!

— Какой бы ни былъ, а взяли, такъ порочить не для чего...

— Деньги сами собою.

— Вы ей должны...

— Ну, что же такое? долженъ, такъ долженъ, а дурной примѣръ остается дурнымъ и слѣдовать ему глупо, вредно, всякому скажу.

— А вамъ бы не пускать въ домъ всякаго сорванца не окружать дочь любезниками.

— Не про Корнелія ли, говорите вы?

— Хоть бы и про него.

— Поди ты, матушка, опасенъ очень этотъ голоногій! небось влюбится въ подобнаго благовоспитанная дѣвица!

— Влюбится или нѣтъ, дѣло постороннее, а толковъ все таки не оберешься.

— Пусть толкуютъ.

— Теперь вы говорите такъ, а вчера вечеромъ...

— Полно горло-то драть, матушка! перебилъ Иванъ Михайловичъ, махая рукою: перенесло же тебя отъ дѣла къ бездѣлью. Ну, зачѣмъ тутъ толковать о Лучезарскомъ? о немъ ли рѣчь? рѣчь о томъ, что, волею или неволею, Аглая должна согласиться на предложенія барона, и, не позже какъ сегодня, дать ему слово.

— Я не дамъ его, отвѣчала дѣвушка рѣшительно.

— Посмотримъ.

Погрозивъ дочери кулакомъ, фонъ-Гарецкій повернулся къ ней спиной, и, выходя изъ комнаты, такъ сильно хлопнулъ дверью, что ручка ея отлетѣла въ сторону.

Четверть часа спустя, сошла въ бельэтажъ Олимпіада Аверкіевна, а на вопросительный взглядъ мужа, пожала плечами, что значило: не соглашается дочь на вступленіе въ законный бракъ съ барономъ Кронбруншпицомъ.

Вечеръ окончился ранѣе обыкновеннаго, и гости разъѣхались въ совершенно различномъ расположеніи духа.

Евгенія Аверкіевна, въ избыткѣ радости, завезла съ этого вечера Корнелія Егоровича на квартиру въ собственныхъ саняхъ, чего не случалось еще съ нею никогда.

XIII.

Оставивъ домъ фонъ-Гарецкихъ, Кондратій Захаровичъ почти цѣлую недѣлю не выходилъ изъ нумера своей гостинницы, и единственнымъ развлеченіемъ его было чтеніе «Монтекристо» Дюма, переведеннаго кѣмъ-то на русскій языкъ. Стараясь всѣми силами забыть Аглаю, деревенскій сосѣдъ поставилъ себѣ за правило считать въ умѣ своемъ всѣ случаи, когда дочь Ивана Михайловича приходила ему въ голову. И когда Солонимскій насчитывалъ до милліона, предутренній сонъ, вступая въ права свои, все таки рисовалъ ему ту же Аглаю, то веселую, то плачущую, то очень довольную тѣмъ, что не видитъ его болѣе, то осыпавшую Солонимскаго упреками за слишкомъ долгую разлуку. Снились ему не рѣдко и дѣйствующія лица романа Дюма; тогда, пробуждаясь, Кондратій Захаровичъ впадалъ въ тяжкое раздумье, хотя сосѣду и казалось, что авторъ «Монтекристо» черезъ чуръ скоро производилъ рыбаковъ своихъ

въ генералы, но, со всѣмъ тѣмъ, не дурно бы было и на самомъ дѣлѣ вдругъ пріобрѣсти такія несмѣтныя богатства. Сколько бы добра сдѣлалъ онъ Гарецкому, если бы ему случилось быть на мѣстѣ Монтекристо. Во первыхъ, онъ заплатилъ бы недоимки Ивана Михайловича, чтобы показать тѣмъ Ивану Михайловичу, какъ мало онъ злопамятенъ; во вторыхъ, отдалъ бы большую часть сокровищъ Аглаѣ Ивановнѣ, и пріискалъ бы ей человѣка по сердцу, чудеснаго, вотъ какого!.. «А скучно не видать Аглаи Ивановны», думалъ чаще всего провинціялъ, безпрерывно вздыхая. Между тѣмъ Кондратій Захаровичъ получилъ отъ своего бурмистра донесеніе слѣдующаго содержанія:

«Кондратій Захаровичъ! Благодатію Божіею въ вотчинѣ вашей состоитъ все благополучно; господская работа идетъ своимъ чередомъ. Аномнясь на сосѣднемъ хуторѣ приключилось пожарище: спалили у Ивана Михайловича ригу, да сгорѣлъ скотный дворъ со скотомъ, да сгорѣла баня со льномъ; должно быть подпалили. Заѣзжалъ приказчикъ, сказывалъ, мужички у нихъ хлѣбцемъ подобрались, просилъ взаймы, такъ безъ приказа милости вашей отпустить изъ магазей не посмѣли; такъ какъ прикажете».

Остальная часть письма касалась собственныхъ дѣлъ Кондратья Захаровича, и интересовала его гораздо менѣе прочаго. Съ первою почтою Солонимскій предписалъ бурмистру своему немедленно отпустить все, чего просилъ приказчикъ фонъ-Гарецкаго, и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Еще нѣкоторое время провелъ провинціялъ въ обществѣ Монтекристо, и не выходя изъ своего нумера. По окончаніи романа, тоска Солонимскаго увеличилась до того, что въ одно утро онъ чуть не послалъ Лукьяна за

подорожною и почтовыми лошадьми. Удержала его мысль, что уѣхать, не простясь съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ, могло бы показаться послѣднему невѣжливостью. «Зайду къ нему сегодня вечеромъ, а завтра забѣгу помолиться Казанской Божіей Матери, и въ путь», сказалъ самъ себѣ провинціялъ, принимаясь за укладку чемодановъ. «Авось узнаю отъ старика что нибудь о фонъ-Гарецкихъ!» думалъ провинціялъ, не слыхавшій о нихъ ровно ничего со времени разлуки.

Часовъ въ восемь Кондратій Захаровичъ побрился, умылся, надѣлъ фракъ и пѣшкомъ побрелъ къ его сіятельству. У подъѣзда узналъ Солонимскій возокъ князя Ослабушева. Рядомъ съ возкомъ стояла другая карета, незнакомая. Въ гостиной его сіятельства нашелъ Солонимскій, кромѣ хозяина и Ослабушева, одну пожилую даму и одного незнакомаго ему господина, съ хохломъ и черными бакенбардами. Первая была старуха графиня, та самая, которую Богданъ Богдановичъ засталъ у Павла Дмитріевича, а второй былъ Матвѣй Ѳедоровичъ, равно встрѣченный Богданомъ Богдановичемъ въ тотъ же вечеръ у Половскаго. Объ немъ мы не успѣли сказать ни слова.

Матвѣй Ѳедоровичъ не былъ проживальщикомъ въ княжескомъ домѣ, потому что нанималъ особую квартиру, но, тѣмъ не менѣе, проводилъ онъ въ гостиной и столовой его сіятельства все свое время, за исключеніемъ часовъ, принадлежащихъ службѣ и клубу. Матвѣю Ѳедоровичу покровительствовалъ старикъ и по привычкѣ, и изъ уваженія къ памяти покойнаго брата своего, князя Кирилы, бывшаго благодѣтелемъ матери Матвѣя Ѳедоровича. Отца послѣдняго не помнилъ никто рѣшительно, ни хозяинъ дома, ни даже самъ князь Кирила, когда былъ живъ.

Павелъ Дмитріевичъ привѣтствовалъ Кондратья Захаровича громкимъ восклікомъ.

— Ну, что, мой милый, дѣлишки-то наши идутъ плохо, изъ рукъ вонъ плохо!

— Какія дѣлишки, князь? спросилъ гость.

— Какъ какія? Я говорю про Гарецкихъ. Неужьто же вы, пріятель ихъ, ничего не знаете?

— Ровно ничего, ваше сіятельство, и не вѣсть сколько времени не видался съ ними.

— Съ Иваномъ Михайловичемъ?

— И съ нимъ, и со всею семьею.

— Вотъ какъ!

— Именно, князь.

— Что такъ?

— Были кое какія причины.

— Ссора?

— Почти.

— Ну, для меня и это новость. Впрочемъ, ничему не дивлюсь. Съ нѣкоторыхъ поръ въ этой почтенной семьѣ происходятъ такія продѣлки, что и говорить-то про нихъ совѣстно; право совѣстно. Отъ родства моего съ Гарецкими отказываюсь рѣшительно...

— Жаль дѣвушку.

— Кого жаль?

— Жаль Аглаю Ивановну, повторилъ Солонимскій со вздохомъ.

— Графиня! слышите ли? сожалѣетъ о дочкѣ Олимпіады Аверкіевны! воскликнулъ старикъ насмѣшливымъ тономъ.

Старуха покачала головою.

— Нѣтъ, мой милый, продолжалъ князь, обращаясь снова къ Кондратью Захаровичу: не только не сожалѣю я объ этой дѣвчонкѣ, а, дайте мнѣ волю, ни минуты не

теряя, засадилъ бы я эту птицу въ такую клѣтку, изъ которой не вылетѣть бы ей; и свѣту Божьяго не показалъ бы ей, безпутной! Да неужьто же вы вправду ничего не знаете?

— Клянусь вамъ, князь, ни о чемъ понятія никакого не имѣю.

— Такъ вы послушайте; мы разскажемъ вамъ. Есть чему подивиться! Какъ было попались мы-то съ вами, мой милый, съ нашимъ, простите меня, глупымъ участіемъ!...

— Одинъ я не ошибся въ нихъ, замѣтилъ Ослабушевъ.

— Ну, вы, князь, дѣло другое. Способъ вашъ простъ: вы браните всѣхъ безъ исключенія.

— Когда хвалить не за что.

— Ну, объ этомъ послѣ; а теперь рѣчь о Гарецкихъ, и, какъ я вижу, сосѣда-то ихъ они очень интересуютъ.

— Признаюсь, ваше сіятельство, горю нетерпѣніемъ.

— Такъ вотъ, мой милый, помните съ какимъ жаромъ начали мы развѣдывать о баронѣ, который оказывается чуть ли не лучшенькимъ изъ всѣхъ.

— Не вѣрится что-то, ваше сіятельство, проговорилъ Солонимскій съ внутреннимъ безпокойствомъ.

— Судите сами, любезный, судите сами, продолжалъ старикъ: и судите со всевозможною снисходительностью.

— Стоитъ ли, Павелъ Дмитріевичъ, распространяться такъ долго о подобныхъ ничтожностяхъ! сказалъ жеманно князь Грибкинъ: вотъ скоро часъ, какъ толкъ идетъ...

— Мнѣ хочется помучить пріятеля.

— Поразите же его однимъ разомъ, и скажите просто, что красавица...

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите! вѣдь вы не знаете предубѣжденій нашихъ къ дочкѣ Ивана Михайловича.

— Куда какъ интересно!

— Ваше сіятельство! перебилъ Солонимскій: все дурное не удивитъ меня, потому что дурное это можетъ только касаться родителей Аглаи Ивановны, но уже никакъ не ея самой.

— Слышите? слышите? воскликнули оба князя.

— Да, ваше сіятельство, за Аглаю Ивановну отвѣчаю я головою своею.

— Не торопитесь, пріятель.

— Повторяю и готовъ повторить....

— Аглая ваша—негодная дѣвчонка, мой милый.

— Князь!...

— Аглая ваша достойна презрѣнія.

— Ваше сіятельство...

— И дѣвушка, которая назначаетъ молодымъ людямъ свиданья ночью, на улицѣ, не....

— Какая пошлость! какой вздоръ! перебилъ съ дикимъ хохотомъ деревенскій сосѣдъ, указывая пальцемъ на стараго князя, который онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Онъ помѣшался! проговорила старая графиня, испуганная смѣхомъ Солонимскаго.

— Онъ просто глупъ! замѣтилъ Ослабушевъ.

— Не глупъ, а только ряхнулся, сказалъ хозяинъ дома, на лицѣ котораго выразились насмѣшка и негодованіе.

— Ряхнулся не я, ваше сіятельство, а безумно вѣрить подобнымъ гнусностямъ... и знай я только того кто осмѣлился....

— Чего же вы молчите, Матвѣй Өедоровичъ! воскликнулъ Ослабушевъ, очень обрадованный случаемъ поссорить кого нибудь.

— Говорю про Гарецкихъ я, князь, а не Матвѣй Ѳедоровичъ, сказалъ старикъ вставая.

— Но вѣсть-то эту привезъ онъ...

Услышавъ свое имя, господинъ съ хохломъ вытаращилъ глаза и вытянулъ шею; онъ по видимому не вслушался въ общій разговоръ и не зналъ о чемъ шла рѣчь. Старая графиня спустила было ноги, чтобы заблаговременно убраться изъ гостиной, но старый князь, замѣтившій, что лице провинціяла принимало выраженіе очень похожее на бѣшенство, поспѣшилъ ласково взять его за обѣ руки и успокоить, увѣряя, что все дѣло не стоитъ принимать такъ близко къ сердцу, и тому подобное.

— У васъ нѣтъ дочери, ваше сіятельство, отвѣчалъ глухимъ голосомъ Кондратій Захаровичъ.

— А вы горяченьки, пріятель.

— Я уважаю Аглаю Ивановну.

— Пусть такъ; зачѣмъ же выходить изъ себя?

— За нее не кому вступиться, князь, когда и вы...

— Я повторяю слова другихъ.

— Чьи слова, чьи слова? кто эти другіе?

— Опять, опять!

— Желалъ бы слышать, какъ при мнѣ осмѣлились бы другіе взводить на честную дѣвушку подобныя сплетни.

— Успокойтесь и услышите сами.

— Я спокоенъ, князь!

— Хорошо спокойствіе, когда пѣна у рта!

— Клянусь что не забудусь впредь никогда въ присутствіи вашемъ, ваше сіятельство; только разскажите, ради Бога, въ чемъ обвиняютъ Аглаю Ивановну! воскликнулъ Солонимскій умоляющимъ голосомъ.

— Точно не забудетесь?

— Клянусь!

— Такъ слушайте же, продолжалъ старикъ, усаживая гостя на кресла, и становясь передъ нимъ.—Одинъ изъ очень правдивыхъ людей, вовсе незнакомый ни съ Иваномъ Михайловичемъ, ни съ барономъ, ни съ Аглаею, видѣлъ своими глазами какъ дожидался, ночью, кто-то закутанный, у воротъ дома Гарецкихъ, и какъ выходила изъ дому дѣвушка, съ позволенія сказать, полуодѣтая, и, понимаете ли, ночью, одна...

— И этого человѣка вы называете правдивымъ, ваше сіятельство?

— То есть того, отъ котораго слышалъ я?

— Да, князь.

— Ручаюсь вамъ за него, мой милый.

— Это я-съ, сказалъ Матвѣй Өедоровичъ, вставая.

— Вы, вы! воскликнулъ Солонимскій.

— Я, и подтверждаю сказанное.

— Но какъ же вы могли, не зная дочери Ивана Михайловича, узнать ее?

— Разскажи лучше ему все подробно, Матвѣй Өедоровичъ, перебилъ князь: а вы, любезный, выслушайте хладнокровно, и знайте, что Матвѣю Өедоровичу ровно нѣтъ никакого дѣла до вашихъ фонъ-Гарецкихъ; вотъ ужь отъ нихъ ему ни жарко, ни холодно.

Не дождавшись отвѣта Кондратья Захаровича, господинъ съ хохломъ преспокойно подсѣлъ къ нему и повторилъ разсказъ, сдѣланный имъ князю, а разсказъ состоялъ въ слѣдующемъ. Недавно, какъ-то поздно вечеромъ, возвращался Матвѣй Өедоровичъ домой, и возвращался въ саняхъ новаго знакомца своего, Богдана Богдановича Герцфета, который часто довозилъ его изъ клуба до дому. Оба они замѣтили закутаннаго человѣка подлѣ воротъ дома фонъ-Гарецкихъ, и, рядомъ съ нимъ, женщину, также закутанную въ свѣтлое манто съ капишо-

номъ, надѣтымъ на голову. Матвѣй Ѳедоровичъ не обратилъ бы на ночное свиданіе ни малѣйшаго вниманія‘ но вскрикнулъ Герцфетъ, и вскрикнулъ такъ громко, что услыхали его разговаривавшіе у воротъ полунощники, и въ тотъ же мигъ разбѣжались въ разныя стороны. Мужчина бросился вдоль улицы, а женщина въ калитку, которая, захлопнувшись, прицѣпила манто. Все это видѣли, какъ Богданъ Богдановичъ, такъ и Матвѣй Ѳедоровичъ, котораго, впрочемъ, первый обязывалъ не разсказывать никому; но, не видя въ томъ большой надобности, Матвѣй Ѳедоровичъ повѣрилъ все происшедшее его сіятельству, князю Павлу Дмитріевичу и гостямъ его для того, чтобы позабавить все общество.

— А какого цвѣта было это манто? спросилъ съ наружнымъ спокойствіемъ сосѣдъ.

— Кажется, песочнаго цвѣта, подбито пунцовою подкладкою, отвѣчалъ господинъ съ бакенбардами.

Помолчавъ съ минуту, Кондратій Захаровичъ спросилъ у Матвѣя Ѳедоровича: кого узналъ Герцфетъ въ убѣжавшемъ мужчинѣ?

— Богданъ Богдановичъ не хотѣлъ сказать о томъ ни полслова, отвѣчалъ тотъ, и даже раскаявался, что назвалъ дѣвицу, но такъ удивленъ былъ происшествіемъ этимъ Богданъ Богдановичъ!

— Онъ поступилъ опрометчиво, называя ее, а вы поступили дурно, разсказывая все, замѣтилъ Солонимскій глухимъ голосомъ.

— Помилуйте! что же за бѣда?

— За честь Аглаи Ивановны могутъ вступиться.

— Это особая статья, пріятель, перебилъ старый князь: и будь Гарецкій поумнѣе, поторопился бы онъ состряпать свадьбу дочки и отправился бы вонъ изъ столицы. Мы же, родственники, о собственномъ безче-

стіи разглашать не станемъ, и Матвѣя Өедоровича попросимъ не разсказывать о томъ никому.

— За долгъ почту, князь.

— То-то, мой милый, намъ повѣрить эту предосудительную тайну ничего, а постороннимъ....

— Ни слова не произнесу, князь, повторилъ Матвѣй Өедоровичъ.

Чтобы положить рѣшительный конецъ непріятному разговору, хозяинъ дома приказалъ подать ломберный столъ, карты, и, боясь новаго объясненія Солонимскаго съ хохлатымъ господиномъ, усѣлся съ послѣднимъ, съ старухою графинею и княземъ Ослабушевымъ играть въ вистъ.

Оставленный самъ съ собою, Кондратій Захаровичъ просидѣлъ съ полчаса въ совершенномъ молчаніи, потомъ отыскалъ шляпу, и, не простясь ни съ кѣмъ, вышелъ изъ княжескаго дома и медленнымъ шагомъ отправился на Литейную. На концѣ этой улицы находилась квартира Богдана Богдановича Герцфета. Богданъ Богдановичъ жилъ настоящимъ нѣмцемъ. Во избѣжаніе всѣхъ лишнихъ расходовъ, разсчиталъ онъ всѣ потребности свои впередъ, и за все платилъ помѣсячно. Хозяйка дома, въ которомъ проживалъ Герцфетъ, обязана была не только меблировать его квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ, но топить ее, освѣщать, кормить самого Богдана Богдановича, смотрѣть за его бѣльемъ, платить прачкѣ, поить Герцфета кофеемъ; служанка же хозяйки снимала съ него сапоги, чистила ихъ, чистила платье, убирала квартиру и исправляла у него должность камердинера. Богдана Богдановича, разумѣется, Кондратій Захаровичъ не засталъ въ девятомъ часу вечера, но рѣшился дождаться и дождался его въ часъ по полуночи.

При первомъ взглядѣ на гостя, Герцфетъ понялъ, что холодный пріемъ былъ бы не у мѣста; вслѣдствіе чего и поднялъ руки, и улыбнулся, и крикнулъ радостно, подходя прямо въ Солонимскому.

— Какими судьбами! да чему я обязанъ честью и счастіемъ видѣть у себя васъ, почтеннѣйшій? проговорилъ Герцфетъ такъ ласково, что провинціялъ счелъ необходимымъ улыбнуться въ свою очередь.

— Я отъ князя Павла Дмитріевича Половскаго, отвѣчалъ Кондратій Захаровичъ.

— Знаю князя: рѣдкій, благородный человѣкъ...

— Тамъ разсказывали при мнѣ про Аглаю Ивановну.

— Ба! ужь говорятъ?

— Про какое-то ночное приключеніе.

— Не слыхалъ, не слыхалъ!...

— Но о чемъ же вы-то думали?

— Я, я, повторилъ Герцфетъ: я думалъ, что говорятъ о предстоящей свадьбѣ Аглаи Ивановны съ барономъ. Что же! партія прекрасная.

— Богданъ Богдановичъ! не разыгрывайте при мнѣ дурака! сказалъ провинціялъ, становясь передъ Герцфетомъ. — Вы очень хорошо знаете, какіе слухи распространяетъ тотъ баринъ, который по ночамъ ѣздитъ съ вами изъ клуба.

— Матвѣй Ѳедоровичъ?

— Да, Матвѣй Ѳедоровичъ!

— Что же распространять можетъ Матвѣй Ѳедоровичъ?

— Экая невинность! Право, смотря на васъ, Богданъ Богдановичъ, можно подумать, что вы вчера родились.

— Я, я ничего не знаю, я ровно ничего не знаю, почтеннѣйшій, и у меня ни о чемъ не разспрашивайте. Матвѣй Ѳедоровичъ разглашаетъ какіе-то слухи, къ не-

му и обратитесь, сказалъ Герцфетъ, какъ бы не желая говорить дурно о друзьяхъ своихъ, хотя и виновныхъ.

— Но кто же объяснилъ вашему Матвѣю Өедоровичу, что женщина, стоявшая въ полночь у воротъ фонъ-Гарецкихъ, зовется Аглаею Ивановною, Богданъ Богдановичъ? спросилъ Солонимскій.

— Я вамъ не говорилъ ничего касательно фонъ-Гарецкихъ, слѣдовательно, зачѣмъ и по какому поводу допрашиваете вы собственно меня? Я уважаю семейство Ивана Михайловича, уважаю супругу его и дочь, а до разсказовъ Матвѣя Өедоровича мнѣ нѣтъ дѣла; гдѣ доказательства, что ему называлъ я Аглаю Ивановну и про какую ночь упоминаете вы?

— Стало солгалъ этотъ хохлатый пѣтухъ?

— Ничего не знаю.

— Богданъ Богдановичъ! назовите мнѣ только мужчину!

— Какого мужчину?

— Ну, того, что стоялъ у воротъ въ ту ночь, что вы знаете. Ради самого Бога, назовите мнѣ только мужчину, и я тотчасъ же оставлю васъ, и во вѣки ни одного слова не произнесу о томъ, что вы назвали мнѣ его.

— Почтеннѣйшій Кондратій Захарычъ! природа допускаетъ видѣнія и я иногда не довѣряю собственнымъ глазамъ, а видѣнія имени не имѣютъ. Оставимъ этотъ разговоръ; онъ ни къ чему не поведетъ. Матвѣй Өедоровичъ болтунъ, и слова своего не сдержитъ; вашему же слову я вѣрю, сказалъ Герцфетъ съ чувствомъ: и передъ Богомъ говорю вамъ: думаю, что глаза меня обманули, и не осуждаю никого.

— Но мужчину! мужчину назовите мнѣ, Богданъ Богдановичъ!

— Посмотрите, какъ вы блѣдны, добрый Кондратій Захарычъ; далеко ли до несчастія! и зачѣмъ вамъ знать? Къ тому же, не сегодня, такъ завтра, дѣвица сдѣлается женщиною, всѣ слухи умолкнутъ; зачѣмъ подымать забытое, ничтожное дѣло?

— Аглая Ивановна не выйдетъ за барона, Богданъ Богдановичъ: она ненавидитъ его.

— Какъ же быть, любезнѣйшій? любитъ ли, не любитъ ли, а замужество иногда спасительное дѣло, мѣра неизбѣжная...

— Богъ мой! не уже ли же и она... и Аглая пойдетъ тѣмъ же путемъ, и такая же какъ многія...

— Я ничего не говорю, и ни-че-го не знаю, Кондратій Захарычъ.

— Истинное расположеніе не ограничивается одними наружными знаками, и умалчивать о проступкахъ друзей, не значитъ желать имъ добра.

— А какое средство имѣемъ мы, добрѣйшій Кондратій Захарычъ, предупреждать зло, которое, по мнѣнію нашему, случиться не можетъ?...

— Вы хотите сказать о поведеніи Аглаи Ивановны?

— Я ничего не хочу сказать!

— Полноте, Богданъ Богдановичъ! не умѣю я подобно вамъ сохранять все свое присутствіе духа, когда на сердцѣ чортъ знаетъ что дѣлается. Не будь мнѣ извѣстно, что тому хохлатому барину врать не изъ чего, признаюсь, не повѣрилъ бы вамъ однимъ; но соображая всѣ прошлыя обстоятельства и несчастную наклонность Аглаи Ивановны къ этому красавцу Лучезарскому...

— Замѣтьте, Кондратій Захарычъ, что о Корнеліи Егоровичѣ упомянули вы, а не я, перебилъ Герцфетъ.

— Положимъ, упомянулъ я, но видѣли его ночью вы съ постороннимъ лицемъ, и, не будь предубѣжденъ

противъ Лучезарскаго Иванъ Михайловичъ, все бы дѣло поправилось. Я знаю его! честолюбіе играетъ первую роль въ этомъ человѣкѣ, и этому порочному чувству готовъ несчастный отецъ пожертвовать дочерью своею.

— Что же за бѣда?

— А какъ узнаетъ баронъ?

— Про ночныя свиданія?

— Стало вы убѣждены, что мужчина былъ дѣйствительно Лучезарскій? спросилъ провинціялъ.

— Повторяю и повторяю тысячу разъ, почтеннѣйшій, я собственно ничего не видалъ и ничего не знаю. Вчера видѣлъ барона въ ложѣ фонъ-Гарецкихъ; третьяго дня видѣлъ барона у фонъ-Гарецкихъ; недѣлю назадъ просилъ меня Иванъ Михайловичъ узнать, точно ли баронъ не поддѣльный, а настоящій баронъ, и сегодня утромъ, изъ угожденія Ивану Михайловичу, ходилъ я справляться въ домъ посольства, но не узнавъ ничего положительно, ходилъ, изъ угожденія барону, въ Совѣтъ, узнать о состояніи Ивана Михайловича. Вотъ все, что могу сказать вамъ откровенно. Въ Совѣтѣ сказали мнѣ, что за Иваномъ Михайловичемъ числится тысяча душъ заложенныхъ, а за Олимпіадою Аверкіевною четыреста; стало, дочь можетъ получить въ приданое...

— Ей назначено триста пятьдесятъ душъ крестьянъ лучшаго имѣнія, перебилъ Солонимскій.

— Я думалъ меньше. Но чѣмъ больше, тѣмъ лучше для пріятеля моего, который истинно прекрасный человѣкъ, прибавилъ Богданъ Богдановичъ, внутренно обрадованный свѣдѣніями, доставленными ему ближайшимъ сосѣдомъ фонъ-Гарецкихъ. Сосѣдъ, не замѣтившій радости Герцфета, оставилъ его квартиру въ полномъ убѣжденіи, что ночной посѣтитель и человѣкъ, избранный сердцемъ Аглаи Ивановны, былъ Корнелій Его-

*

ровичъ Лучезарскій. До самаго утра продумалъ Кондратій Захаровичъ и, конечно, не о Монтекристо продумалъ онъ.

XIV.

Изъ всѣхъ лицъ, находившихся вечеромъ у стараго князя Половскаго, не говорили о ночномъ свиданіи Аглаи Ивановны Матвѣй Ѳедоровичъ и Солонимскій; прочія же лица, слышавшія разсказъ Матвѣя Ѳедоровича, передавали новость эту, и всякій разсказывалъ ее по своему. Князь Павелъ говорилъ о родственникахъ своихъ съ негодованіемъ и отъ души сожалѣлъ о дѣвушкѣ, которую дурной примѣръ родителей, а въ особенности примѣръ тетки, княжны Евгеніи, довелъ до порока. Старая графиня, охая и возводя покраснѣвшіе глаза свои къ небу, нападала уже не на одну дочь Ивана Михайловича, а на современный вѣкъ и на цѣлое поколѣніе. «Въ наши времена,» говорила старуха, «ежели и дѣлали мерзости, то дѣлали ихъ такъ, что стѣны не знали! А на улицѣ, гдѣ на каждомъ шагу и безъ того грозитъ женскому полу неизбѣжная опасность, гдѣ дѣвушкѣ одной, безъ матери, и днемъ-то показаться неприлично, назначать ночныя свиданія.... Да знаете ли, какъ наказала бы я безстыдницу, будь она моя дочь? Да просто на просто»... и проч. и проч. Князь Грибкинъ-Ослабушевъ утверждалъ во всеуслышаніе, что дѣвушка ни чуть не виновата, и достаточно оправдываетъ ее кровь Половскихъ, въ родѣ которыхъ не было ни одной княжны, которая бы... и такъ далѣе. Въ свою очередь Богданъ Богдановичъ, повторяя слишкомъ часто: «Я ничего не знаю, и вы у меня, пожалуйста, ничего не спрашивайте», слишкомъ много говорилъ этимъ молчаніемъ и вредилъ

бѣдной дѣвушкѣ во сто разъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе. Обращался же онъ съ этими фразами, то къ тремъ стамъ членамъ своего клуба, то къ посѣтителямъ Излера и прочихъ публичныхъ мѣстъ. Разумѣется, сами фонъ-Гарецкіе узнали о безчестіи своей дочери позже всѣхъ и случайно. На первый разъ Иванъ Михайловичъ удовольствовался тѣмъ, что качнулъ головою и сказалъ: «Экій вздоръ!» Но собразивъ послѣдствія подобныхъ слуховъ, началъ почесывать себѣ голову и перебирать въ умѣ своемъ, какъ родныхъ, такъ и друзей, для избранія такого человѣка, который могъ бы ему подать добрый совѣтъ. На стараго князя надежда была плоха; баронъ, какъ претендентъ, долженъ былъ самъ ничего не знать о дѣвушкѣ, на которой сватается; къ кому же обратиться фонъ-Гарецкому, какъ не къ Богдану Богдановичу?

Отдавъ Климычу приказаніе никого не принимать, Иванъ Михайловичъ написалъ къ Герцфету записку, въ которой умолялъ его пожаловать немедленно по весьма экстренному дѣлу. Герцфетъ явился тотчасъ же; по лицу его видно было, что онъ уже угадалъ причину приглашенія, а слѣдовательно и отвѣты были готовы. Между прочимъ надо замѣтить, что Иванъ Михайловичъ ни минуты не сомнѣвался въ невинности дочери, и смотрѣлъ на сплетню глазами человѣка, который потому только считаетъ себя обязаннымъ обратить на нее вниманіе, что сплетня эта могла имѣть вліяніе на нотошеніе къ его семейству барона Кронбрунншпица, человѣка щекотливаго и гордаго по природѣ. Фонъ-Гарецкому не называли лицъ, разносившихъ вѣсть о тайныхъ свиданіяхъ дочери, и, посылая за Богданомъ Богдановичемъ, нѣжный родитель Аглаи ни какъ не воображалъ встрѣтиться съ причиною всего зла.

— Вы будете смѣяться надо мною, когда я вамъ сообщу, дорогой мой Богданъ Богдановичъ, на счетъ чего хочу попросить совѣта вашего, весело сказалъ фонъ-Гарецкій, встрѣчая гостя.

— На всѣ добрые совѣты готова дружба моя къ вамъ, Иванъ Михайловичъ, отвѣчалъ тотъ, протягивая обѣ руки свои хозяину.

— Если бы я усомнился въ истинѣ словъ вашихъ, то послалъ бы за кѣмъ нибудь другимъ.

Герцфетъ сладко улыбнулся и поклонился очень низко.

— Вотъ удивлю васъ, мой дорогой, вотъ удивлю! продолжалъ Иванъ Михайловичъ. Онъ взялъ Герцфета подъ руку и ввелъ его въ кабинетъ. — Представьте себѣ, что въ столицѣ находятся сорванцы, которые предполагаютъ, что дочь моя... или, которые даже обвиняютъ дочь въ тайной любви.

— Это не новость.

— Погодите, погодите! вы, можетъ быть, думаете, что я говорю про прежнія сплетни, про склонность будто бы Аглаички къ этому Лучезарскому? О, нѣтъ, вовсе нѣтъ! дѣло-то приняло большую форму и, и... вѣрьте, мой языкъ не поворачивается выговорить...

— И не нужно, Иванъ Михайловичъ; не дальше, какъ вчера говорили о томъ въ клубѣ...

— Неужьто? При баронѣ?

— Нѣтъ, не при немъ, но все равно: баронъ слышалъ и смѣялся надъ слухами; онъ даже говорилъ мнѣ о своемъ желаніи какъ можно скорѣе окончить это дѣло, и окончить его брачнымъ обрядомъ. Полагаю, такой конецъ обратитъ сплетни на голову тѣхъ, которые стараются повредить вамъ.

— Вотъ это, что называется, поступить благородно,

Богданъ Богдановичъ! воскликнулъ фонъ-Гарецкій съ восторгомъ: и, не будь у меня другихъ дѣтей, я показалъ бы другу вашему, а моему будущему роденькѣ, что умѣю цѣнить людей и награждать ихъ.

— Онъ не корыстолюбивъ, Иванъ Михайловичъ, и дайте ему, вмѣсто назначенныхъ вами трехъ сотъ пятидесяти душъ лучшаго имѣнія, гораздо менѣе, вѣрьте мнѣ, баронъ и не поморщится.

— Какъ назначенныхъ? какъ назначенныхъ? Развѣ я назначалъ?

— Кажется, или, очень легко можетъ быть, я ослышался.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то чтобы ослышались, дорогой мой Богданъ Богдановичъ, совсѣмъ не то чтобы ослышались, проговорилъ фонъ-Гарецкій заикаясь: и дѣйствительно, Аглаичкѣ слѣдуетъ около трехъ сотъ пятидесяти душъ прекраснаго имѣнія; но при жизни нашей... то есть пока мы старики живы... вотъ что, конечно, сообразитъ будущій зятекъ мой; онъ вѣрно сообразитъ, что нужно же и намъ старикамъ жить чѣмъ нибудь! Потомъ, вѣдь и у него есть состояніе — цѣлый островъ, говорятъ, есть съ разными огромными заведеніями.

— О, вѣроятно, вѣроятно есть и островъ, и огромныя заведенія, повторилъ Герцфетъ очень серьезно.

— Вы, какъ сосѣдъ барона, коротко знаете...

— Какъ же, какъ же, Иванъ Михайловичъ, очень коротко знаю барона, очень коротко, и слѣпо вѣрю ему

— Я говорю про островъ!

— Про островъ! про какой островъ?

— Про островъ будущаго зятя.

— Вотъ что! Да, точно, вѣдь я и позабылъ, точно баронъ и при мнѣ упоминалъ объ островѣ.

— А вы его не знаете?

— Что это? островъ?

— Ну, да, да, помѣстье барона.

— Нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, острова я не знаю.

— Богъ мой! не уже ли не вы мнѣ говорили, что...

— Что баронъ прекраснѣйшій и преученый молодой человѣкъ, что люблю его чрезвычайно, и прочее? Все это я говорилъ вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ; что же касается до состоянія, даже до званія, то, извините меня, не возьмусь утверждать...

— Какъ до званія! воскликнулъ фонъ-Гарецкій съ недоумѣніемъ.

— Я понимаю чинъ, и даже родовыя достоинства, примѣрно: титулъ, дворянство и прочее. Иногда у иностранцевъ все это бываетъ не совершенно дѣйствительно. А по мнѣ, Иванъ Михайловичъ, прибавилъ Герцфетъ съ чувствомъ: будь простой крестьянинъ, да честенъ, добръ и нравственно благороденъ, я стану любить и уважать его больше всякаго барона.

— Надѣюсь, Богданъ Богдановичъ, что все, что вы говорите, нисколько не относится къ барону? спросилъ фонъ-Гарецкій съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— Да... нѣтъ, какъ это возможно! На счеть пріятеля, я и минуты не вѣрилъ...

— Чему, чему?

— Тому, что разсказывалъ родственникъ вашъ, князь Павелъ Дмитріевичъ, почтенный человѣкъ.

— Мой родственникъ разсказывалъ?

— Ну, да, тамъ вздоръ какой-то! Но стоитъ ли, почтеннѣйшій, убивать дорогое время на всю эту пустошь! Потомъ, Иванъ Михайловичъ, я долженъ сознаться вамъ, что нѣтъ человѣка осторожнѣе меня, относительно подобныхъ обстоятельствъ. Любить, уважать пріятелей

готовъ; окажу имъ всякую услугу, уступлю шагъ передъ собою; но поручусь скорѣе въ деньгахъ, чѣмъ во всемъ прочемъ. Ручаться должно только за себя; не правда ли? Примѣрно, взять хоть званіе: я знаю, что отецъ мой былъ честный человѣкъ, не богатый, правда; что мнѣ онъ оставилъ добрую славу и основательныя понятія обо всемъ; я знаю, что пріобрѣлъ я собственными трудами деньженокъ какихъ нибудь сотни двѣ три тысячь; да благословенна будь память покойной жены моей! та укрѣпила за мною имѣніе, которое я привелъ въ порядокъ, и которымъ пользуюсь. Въ чинѣ моемъ равно поручиться могу, потому что на Руси справокъ долгихъ наводить не нужно, и у русскаго стоитъ только взглянуть на указъ объ отставкѣ. Что же касается до иностранцевъ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ... Однако мы опять отдалились отъ главнаго предмета нашего разговора, отъ прелестнѣйшей Аглаи Ивановны. Мнѣ бы казалось безподобно въ настоящее время... если только вы позволите мнѣ выразить откровенно мысль мою....

— Зачѣмъ же и обратился я къ вамъ, мой дорогой?

— Очень хорошо было бы въ настоящее время Аглаѣ Ивановнѣ показываться почаще въ свѣтъ. Кого встрѣчаютъ всюду, про того обыкновенно осторожнѣе говорятъ.

— Правда, правда сущая...

— Повѣрьте, повѣрьте! И не проведи Аглая Ивановна всего этого времени въ своей комнатѣ, про нее бы, конечно, никто не сочинилъ безсмысленныхъ и не правдоподобныхъ исторій.

— А вѣдь я, Богданъ Богдановичъ, и до сихъ поръ не знаю, что именно выдумали негодяи о моей дочери, сказалъ фонъ-Гарецкій, знавшій очень хорошо, что дочь

его просидѣла подъ замкомъ все время, послѣдовавшее за отказомъ ея барону.

— Сначала, отвѣчалъ Герцфетъ, сплетня приняла было самый неблагопріятный оборотъ для настоящихъ обстоятельствъ.

— Толковали о какой-то тайной связи.

— Да-а-а-съ, и даже о тайныхъ свиданіяхъ.

— Вотъ что забавно, такъ забавно, сказалъ фонъ-Гарецкій, смѣясь: хороши свиданія и удобны они для дѣвушки, окруженной со всѣхъ сторонъ и родными, и слугами, и...

— Помилуйте, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ! кому же вы говорите? надѣюсь, что мнѣ-то уже не нужны всѣ эти подробности.

— Знаю, знаю.

— Однако же, не угодно ли вамъ опровергнуть слухи, распространенные злыми людьми очень искусно. Вѣдь утверждали, что многіе видѣли дочь вашу ночью, съ какимъ-то замаскированнымъ мужчиною, и не только узнали Аглаю Ивановну, но описывали подробно какую-то свѣтлую мантилью съ капишономъ, шнурками, кистями, и будто бы не зимнюю, а лѣтнюю, надѣтую такъ, для предосторожности.

— Скажите, пожалуйста! а вѣдь дѣйствительно есть точно, точно такая у Аглаички....

— Разумѣется, видали люди. Тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, но дурно то, что распространители слуховъ этихъ будто бы не узнали мужчины, и дали тѣмъ возможность отгадывать многихъ, а главное, что однако же послужило въ пользу, утверждали за вѣрное, будто бы я... Понимаете ли какая злость, какое недоброжелательство?... будто бы и я засталъ дочь вашу у воротъ дома съ тѣмъ самымъ мужчиною.

— Ну, ужь это черезъ чуръ! Я воображаю, какую мину вы сдѣлали! Хорошо, что напали на васъ, дорогой Богданъ Богдановичъ; другой, пожалуй, подтвердилъ бы.

— Въ томъ-то и сила, почтеннѣйшій, что подтвердилъ и я, потому что не подтвердить значило испортить все дѣло; непремѣнно бы сказали: онъ пріятель, онъ скрываетъ...

— Какъ! какъ, Богданъ Богдановичъ! вы, вы взяли на себя?...

— Поправить все дѣло, подхватилъ Герцфетъ, понизивъ голосъ: и такъ искусно поправить, что слухи въ сущности больше вредить не могутъ. Выслушайте-ка.

Фонъ-Гарецкій скрестилъ руки на груди, разинулъ ротъ, и Герцфетъ продолжалъ съ таинственнымъ видомъ.

— Штука-то въ томъ, почтеннѣйшій, сказалъ Богданъ Богдановичъ: что весь Петербургъ увѣренъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ дочери вашей съ Корнеліемъ Егоровичемъ, и дойди только подобная вѣсть до барона, все бы кончилось между вами. Когда же меня спросили, точно ли я своими глазами видѣлъ Лучезарскаго въ глухую полночь съ Аглаею Ивановною на улицѣ, я притворился удивленнымъ и отперся сначала, но такъ отперся, какъ отпираются люди, старающіеся отклониться отъ свидѣтельства. Ко мнѣ пристали еще и еще сильнѣе; тогда, будто подумавъ и сообразивъ, я постепенно сталъ сдаваться, сталъ сдаваться и повѣрилъ, по секрету, всѣмъ, что дѣйствительно засталъ дочь вашу, но, уже конечно, не съ Лучезарскимъ, а съ женихомъ, съ барономъ. Дѣло-то и приняло другой оборотъ. Поняли вы теперь, какъ полезно иногда взвести и на себя и на друга небылицу? прибавилъ, ухмыляясь, Герцфетъ, очень довольный своею хитростью. — Баронъ въ претензіи

на публику быть не можетъ за то, что предполагаетъ она въ сердцѣ будущей супруги страсть къ нему же, счастливцу; внутренно же увѣренъ баронъ въ несправедливости этого слуха.

— Все такъ, все такъ, дорогой мой Богданъ Богдановичъ, а, признаюсь вамъ, куда какъ хотѣлося бы мнѣ скорѣе кончить это дѣло.

— Зачѣмъ же и медлить.

— Легко сказать! Подите-ка, да переломите дочь! И самъ не знаю, отъ чего происходитъ ея нерасположеніе къ пріятелю вашему?

— Я думаю, Иванъ Михайловичъ, всѣ дѣвушки таковы и всѣ начинаютъ маленькимъ сопротивленіемъ.

— Ну, Богъ вѣсть, то ли это у Аглаи....

— Ничего другаго быть не можетъ.

— Дай Богъ!

— Повѣрьте, почтеннѣйшій.

— Радъ бы вѣрить!

— А все лучше не засиживаться Аглаѣ Ивановнѣ дома и показываться въ обществѣ.

— Ѣхать развѣ въ театръ?

— Что театръ! Это слишкомъ обыкновенно. Въ ложѣ только видятъ васъ издали; а нужно бы чтобъ и голосъ слышали, и слышали какъ другіе говорятъ съ прекрасною дочерью вашею. Примѣрно: встрѣться съ ней какой нибудь князь Павелъ, да подай онъ ей руку, да пройдись по залѣ; всѣ бы, смотря на такого туза, который прогуливается со внучкою, прикусили язычки.

— И впрямь такъ! истинно такъ, что язычки бы прикусили, повторилъ фонъ-Гарецкій съ гордостью.

— Какъ же иначе? Посудите сами, какой эффектъ произвела бы такая прогулка!

— Но гдѣ же, гдѣ бы, напримѣръ, встрѣтить родственника? Въ театръ онъ не ѣздитъ, на балы и сами мы не ѣздимъ...

— Поѣзжайте сегодня въ концертъ: итальянцы поютъ, не помню кто именно; но будетъ вся столица. Вся знать ѣздитъ къ нимъ, а князь Павелъ и подавно; никогда не пропускаетъ онъ случая послушать хорошую музыку. Тамъ, кстати, встрѣтите какого нибудь Рѣпенина и прочихъ. Дочь-то ваша пойдетъ съ княземъ, а тѣмъ временемъ вокругъ папеньки соберется цѣлое общество. Не дурно, повѣрьте!

— Эхъ! дивный вы человѣкъ, Богданъ Богдановичъ! Клянусь, лучшей головы не встрѣчалъ.

— Помилуйте! маленькій опытъ кого же не сдѣлаетъ умнѣе? И дуракъ потрется въ народѣ, мудрецемъ станетъ... Было бы сердце доброе, а остальное...

Не давъ пріятелю времени договорить скромную рѣчь свою, фонъ-Гарецкій напечатлѣлъ на устахъ его нѣжный поцѣлуй и крѣпко сжалъ Герцфета въ своихъ объятіяхъ. Иванъ Михайловичъ, воскресшій духомъ, сознался искреннему пріятелю, что, не дай онъ, Иванъ Михайловичъ, слова выдать за барона дочь свою, онъ бы желалъ имѣть зятемъ Богдана Богдановича.

— А вотъ напомню вамъ! сказалъ Герцфетъ съ усмѣшкою.

— Теперь нельзя, мой дорогой: данное слово свято.

— А если, да какъ нибудь...

— Быть ничего такого не можетъ!

— Ну, смерть, напримѣръ.

— Избави Боже!

— Я вѣдь такъ, шучу; и вы вѣдь шутите, Иванъ Михайловичъ, замѣтилъ Герцфетъ, вздыхая.

— На счетъ того, что отдалъ бы Аглаичку за васъ?

Нѣтъ, Богданъ Богдановичъ, слово Гарецкаго не пустое слово.

— Смотрите, почтеннѣйшій! Я вѣрю слову...

— Жаль только, что въ настоящемъ случаѣ...

— Шучу, смѣюсь, Иванъ Михайловичъ, а, ей-ей, желалъ бы барону всякаго благополучія, лишь бы не здѣсь отыскалъ онъ его, а подальше. Весь міръ къ его счастію... До свиданія, Иванъ Михайловичъ. Сегодня въ концертѣ будете?

— Во всякомъ случаѣ. Благодарю за совѣтъ, истинно дружескій.

— А я благодарю за слово, за слово истинно для меня драгоцѣнное.

— Шутникъ вы, Богданъ Богдановичъ.

— А преданъ-то вамъ, какъ преданъ вамъ! отвѣчалъ нѣмецъ, откланиваясь.

XV.

Едва вышелъ изъ кабинета Ивана Михайловича Богданъ Богдановичъ, какъ въ противоположныхъ дверяхъ того же кабинета появилась Олимпіада Аверкіевна. Видъ ея былъ и мраченъ, и суровъ. Подслушавъ, по своему обыкновенію, весь разговоръ мужа съ Герцфетомъ, супруга спросила у перваго: чѣмъ намѣренъ онъ кончить всѣ эти ужасы, и желаетъ ли еще ожидать добровольнаго согласія упрямой дѣвчонки на бракъ съ барономъ?

— И самъ не знаю, матушка, что тутъ дѣлать и какъ поступать, отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ, расхаживая по комнатѣ.

— Что же? Медлите, медлите! авось и въ самомъ дѣлѣ дождемся чего нибудь въ родѣ тайныхъ свиданій. Отъ дочери вашей всего ожидать можно.

— Пока она невинна, упрекать ее не должно.

— Что толку въ невинности? Подите, доказывайте цѣлому городу...

— Нѣтъ толку и въ спорахъ нашихъ, матушка! Лучше бы безъ крику и шуму поговорить о дѣлѣ, весьма для насъ важномъ. Богданъ Богдановичъ правъ: прятать дѣвицу не должно. Виноваты всегда отсутствующіе.

— Вы готовы, пожалуй, отдать дочь и за Богдана Богдановича.

— За всякаго отдамъ, и отдамъ съ удовольствіемъ, матушка, лишь бы не слыхать и не видать...

— Никто не мѣшаетъ.

— Напротивъ, всѣ мѣшаютъ; мѣшаетъ и сестра ваша, и... и...

— Опять сестрица...

— Ну, хорошо, хорошо, никто не мѣшаетъ, и кончимъ, пожалуйста, чѣмъ нибудь. Ѣдете вы сегодня въ концертъ?

— Мнѣ совершенно все равно.

— И мнѣ все равно, ѣдете ли. Нужно и я хочу, чтобы ѣхала Аглая. Прошу предупредить ее объ этомъ.

— Прикажите сами, отвѣчала язвительно Олимпіада Аверкіевна.

— Извольте, извольте, извольте! крикнулъ супругъ, выбѣгая изъ кабинета.

Минуту спустя, супруга позвала къ себѣ Климыча, исполнявшаго должность дворецкаго.

— Гдѣ ты ночуешь? спросила Олимпіада Аверкіевна.

— Я-съ, гдѣ ночую, матушка? А гдѣ же мнѣ ночевать, какъ не дома? По милости вашей...

Дворецкій хотѣлъ и продолжать, но барыня прервала

его новымъ вопросомъ, спросивъ у Климыча: что онъ дѣлаетъ ночью?

— Какъ что дѣлаю-съ?... я-съ... я-съ, я сплю-съ. Что же дѣлать ночью-съ, матушка, барыня?

— Спишь? а домъ-то остается такъ, на рукахъ у Фильки какого нибудь, да у пьяницы Степки?

— Матушка! да вѣдь, доложу вамъ, до сихъ поръ Богъ миловалъ, покражь не слыхать было; не пропала кроха господская, хоть умереть сейчасъ, сударыня; за всѣмъ самъ смотрю.

— Вамъ лишь бы ложки сберечь господскія, а честь ихъ вамъ ни почемъ. Велика важность, сохранить домъ отъ воровъ! а по твоему все остальное трынъ трава?.

— Что же, сударыня, остальное-то? Ни разу, кажись, объ остальномъ-то приказывать не изволили.

— Дуракъ! говорю тебѣ, что честь дороже ложекъ.

— Понимаю, матушка, понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Про честь изволите говорить.

— Ну?

— Я докладываю, что честь, молъ, матушка...

— Ну?

— Изволите что приказать на счетъ, молъ, чести, такъ... со всѣмъ усердіемъ, сударыня...

— Старая рохля, дуракъ ты этакой! а еще дворецкій! Неужьто глупой головѣ твоей и объ этомъ приказывать надо? Неужьто ты и самъ догадаться не можешь? Не можешь, самъ отъ себя, безъ приказа, освѣдомиться, все ли исправно, всѣ ли по своимъ мѣстамъ, не бѣгаетъ ли кто за ворота?

— На эвтотъ счетъ, матушка, я за дворомъ крѣпко смотрю; развѣ во время ночное кто случайно выскочитъ въ лавочку. Но вѣдь и дворникъ всегда тутъ.

— Рѣчь не въ томъ, куда выскакиваютъ, а въ городѣ болтаютъ не вѣсть что, а изъ за дѣвокъ какихъ нибудь отвѣчаетъ честь господъ; понимаешь?

— Слушаю-съ, слушаю-съ!

— Я спрашиваю: понимаешь ли?

— Кажись, понимаю, сударыня: изволите говорить про дѣвокъ!

— Го-во-ря-тъ тебѣ, что про домъ нашъ носятся слухи; говорятъ тебѣ, что о домѣ нашемъ идетъ дурная слава, и винятъ господъ, за какихъ нибудь дѣвокъ, которыя выбѣгаютъ по ночамъ на улицу и разговариваютъ чортъ знаетъ съ кѣмъ.

— Я не зналъ, матушка, Олимпіада Аверкіевна!

— Ну, толковать мнѣ съ тобою нѣкогда, проговорила Олимпіада Аверкіевна, а чтобы впередъ ни одна душа въ ночное время за ворота не выходила... или вотъ что, Климычъ, ежели кто нибудь... слышишь? кто бы то ни былъ! понимаешь?...

— Понимаю, матушка!

— Кто бы то ни былъ, повторила фонъ-Гарецкая, да попытаетъ носъ показать изъ дому, строго прикажи дворнику и людямъ схватить просто и привести ко мнѣ. Станетъ противиться, связать руки, ноги связать и ко мнѣ.

— Слушаю, сударыня, и будьте покойны, матушка, точь въ точь выполнимъ приказаніе.

— То-то, смотри у меня.

— Будьте покойны, будьте покойны...

— Всей дворнѣ закажи!...

— Всѣмъ прикажемъ, всѣмъ, какъ есть... проговорилъ старый дворецкій.

Распорядясь внизу, фонъ-Гарецкая направила шаги свои на половину дочери. Еще на лѣстницѣ послышал-

ся ей громкій голосъ супруга, но едва показалась Олимпіада Аверкіевна въ дверяхъ комнаты Аглаи, какъ Иванъ Михайловичъ умолкъ, а дѣвушка потупила глаза, и, не подымая ихъ, подошла къ рукѣ матери.

— Поцѣлуи не у мѣста, когда они противорѣчатъ чувствамъ, сказала фонъ-Гарецкая, отводя руку свою отъ устъ Аглаи.

— Ты ужь не брани ее сегодня, поспѣшилъ прибавить Иванъ Михайловичъ, тономъ болѣе ласковымъ: мы переговорили окончательно; не правда ли, Аглаичка?

— Обязанность моя быть вамъ послушною, хотя бы это стоило мнѣ счастія всей жизни, папенька, отвѣчала та сквозь слезы.

— И гдѣ тебѣ разсуждать о счастіи! перебила нѣжная мать: и что ты смыслишь? давно ли дѣвочки принялись умничать?..

— Полно, полно, сказалъ фонъ-Гарецкій: я сказалъ что мы кончили; что тебѣ еще?

— Кончили, кончили! Нравится мнѣ, что ты, отецъ, торгуешься съ дочерью; право, настаетъ конецъ свѣта; и съ чего взяла она пренебрегать женихами? Не надѣется ли выйдти за какого нибудь посланника? Нѣтъ, сударыня, твоя мать не тебѣ была чета, а пошла же за простаго дворянина...

— Небось, фонъ-Гарецкій не стоилъ княжны Половской? замѣтилъ обиженный супругъ.

— Стоилъ ли, не стоилъ ли, разсудить не трудно и ребенку, назови обѣ фамиліи.

— Чваньтесь, чваньтесь, сударыня! Хорошъ примѣръ ей-то.

— Къ слову пришлось!

— Слово-то не кстати; на кой прахъ раскапывать могилы предковъ! чай, черепа-то зубы скалятъ слушая

васъ; и съ какой стати приплетать ко всякому разговору вашу княжескую кровь? Пошли за простаго дворянина, за дворянина, считающаго тридцать вѣтвей на своемъ потомственномъ деревѣ, такъ и говорить не о чемъ, и жаловаться не на кого. Васъ же, помнится, никто и не принуждалъ, и самъ я не то, чтобы очень упрашивалъ; даже...

— Теперь вы полѣзли въ гору!

— Въ долгу оставаться страхъ я не люблю, и не отстану ни отъ кого...

— Уступаю, уступаю.

— Давно бы такъ, сказалъ насмѣшливо Иванъ Михайловичъ: честь при васъ, никто не отнимаетъ, и дочка, глядя на уступчивость маменьки, возьметъ съ нея примѣръ и грызться съ мужемъ не будетъ.

— Надѣюсь, что баронъ не потребуетъ отъ меня ничего, потому что я противъ воли иду за него, проговорила Аглая.

— Послѣ свадьбы вы тамъ дѣлайтесь, какъ знаете, но до того времени прошу, Аглаичка, помнить мои слова. Не исполнишь ты ихъ, клятвенно подтверждаю, что исполню сказанное мною. Подай ему хотя малѣйшій поводъ къ разрыву, выдамъ за плѣшиваго Богдана Богдановича; хуже будетъ, вѣрь мнѣ.

— Для меня, папенька, все равно.

— А все равно, такъ дѣйствуй по своему.

— Я одинаково не терплю обоихъ.

— Слюбитесь послѣ.

— И ты имѣешь терпѣніе слушать всю эту дерзкую болтовню? подхватила мать.

— Лишь бы вечеромъ не надѣлала дурачествъ, а то языкомъ пусть шевелитъ себѣ въ четырехъ стѣнахъ; самой же со временемъ совѣстно будетъ.

— Да нѣтъ, все таки...

— Право, матушка, надо же и ей на чемъ нибудь выместить капризъ; въ мать пошла; должно вамъ льстить: ваша кровь въ дочкѣ-то! Не дождавшись отвѣта супруги, фонъ-Гарецкій вышелъ изъ дверей комнаты, и медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Вся веселость Ивана Михайловича возвратилась къ нему съ согласіемъ Аглаи на бракъ съ барономъ, которому онъ намѣренъ былъ объявить о томъ на другой день.

— Какъ бы ни пристроить дочку, а лишь бы пристроить, думалъ онъ, и думаютъ такъ, къ несчастію, многіе, очень многіе отцы семействъ.

Въ этотъ вечеръ одинъ пріѣзжій итальянскій бассъ давалъ, съ помощью всегда проживавшихъ въ столицѣ артистовъ, блистательный концертъ, на которомъ самъ Итальянецъ долженъ былъ пропѣть одну каватину и речитативъ. Назначилъ пріѣзжій за билеты не слыханную цѣну, и поѣхали всѣ. Большая часть истинныхъ любителей и любительницъ дорогихъ концертовъ на Руси, конечно, не потрудятся пріѣхать нѣсколько ранѣе назначеннаго часа, но непремѣнно опоздаютъ, для того чтобы не уронить bon genre, и тѣмъ обратить на себя особенное вниманіе.

Замѣтьте, если какая нибудь графиня Т., или княгиня М. признана самою блистательною дамою высшаго общества, пріѣзжайте на балъ или просто на вечеръ, на которомъ неизбѣжно должна быть самая блистательная дама (мужъ ея можетъ и не занимать почетнаго мѣста въ свѣтѣ; мужъ ея даже можетъ не занимать ни какого мѣста и быть совершенно незначительнымъ лицемъ), то графиня Т., или княгиня М. непремѣнно опоздаетъ на балъ, вечеръ и концертъ, и сдѣлаетъ это не нечаянно, а съ намѣреніемъ заставить публику сказать: «вонъ она,

la voilà! А какъ въ самомъ дѣлѣ хороша! вѣдь точно прелестнѣе ея нѣтъ здѣсь; была такая-то, но теперь та устарѣла!» и проч. Впрочемъ, пріѣхать на балъ и вечеръ гораздо позже всѣхъ, я нахожу неучтивымъ, однако же охотно простилъ бы провинившихся въ этомъ довольно невинномъ проступкѣ; но опоздать въ концертъ, и не остановиться у входа, а, съ помощью трехъ четырехъ дамскихъ угодниковъ, пробиваться впередъ — верхъ невѣжливости, верхъ салоннаго преступленія! По мнѣ, никакія наружныя преимущества женщины не искупаютъ подобнаго проступка; никакое извиненіе не заставило бы меня простить виновную! Безпорядокъ, происходящій отъ поздняго пріѣзда въ концертъ, производитъ досаду; вмѣсто чуднаго артистическаго голоса или инструмента, слышишь слова: «позвольте, позвольте; veuillez vous écarter; place! place!» и тому подобное. Нерѣдко, если не всегда, мужчина бываетъ вынужденнымъ уступить свое мѣсто опоздавшей, а мужчина этотъ сидѣлъ рядомъ съ женою, съ невѣстою, съ сестрою, или съ дочерью, робкимъ созданіемъ, еще взволнованнымъ первымъ появленіемъ своимъ въ свѣтъ. Тутъ неизбѣжно предстоитъ ей, несчастной, вмѣсто аріи слушать восторженные возклики, нюхать крѣпкіе букеты духовъ, и не наслаждаться, а проклинать вечеръ, стоившій ей денегъ, и ожиданій!

И такъ въ началѣ девятаго часа прекратился уже въ Михайловской улицѣ тотъ шумъ экипажей, который раздается въ ней въ тѣ дни, когда величественный фасадъ Дворянскаго Собранія блистаетъ необычайнымъ свѣтомъ. Тысячи паръ фонарей окоймили уже и площадь, и тротуары сосѣднихъ улицъ; сошли жандармы съ коней своихъ, и, похлопывая въ ладони, прохаживались дежурные будочники у трехъ затворенныхъ подъ-

ѣздовъ обширнаго дома. Послѣ краткаго молчанія, въ стѣнахъ его вдругъ раздался громъ оркестра, дрогнули окна, дрогнула длинная вереница испуганныхъ экипажныхъ лошадей, и до любопытной толпы, стоявшей на улицѣ, противъ оконъ, долетѣли громкіе пассажи одной изъ оперъ Верди; но вскорѣ смолкли они; поникли главами озябшіе кони и разбрелась толпа тротуарныхъ меломановъ. Въ концертной залѣ раздался новый громъ звуковъ и рукоплесканій; но затихъ и онъ для стоявшихъ на Михайловской улицѣ. Въ самой же залѣ, все вниманіе, весь слухъ блестящаго и многочисленнаго общества обращенъ былъ на италіянскаго basso cantante, представшаго передъ публикою, хотя и съ весьма посредственнымъ голосомъ, но съ необыкновенною увѣренностью въ себѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грудь отказывалась служить артисту, онъ прибѣгалъ къ горлу, а измѣняло оно, голова пѣвца являлась къ нему на помощь; онъ яростно потрясалъ ею, поднималъ обѣ руки, двигалъ ногами и судорожно содрогался всѣмъ тѣломъ. Не знаю по предубѣжденію ли, или почему нибудь другому, но публика руками и голосомъ поощряла кривлянья высокаго таланта, и дарила его чрезвычайно напряженнымъ вниманіемъ. Вдругъ задвигались стулья, скрипъ ихъ усилился, къ скрипу присоединилось нѣсколько голосовъ; безпорядокъ, происшедшій въ заднихъ рядахъ слушателей сообщился среднимъ, наконецъ и въ креслахъ зашевелились многіе; сотни ушей вынуждены были перестать слушать пѣвца, и сотни головъ повернулись... и что же? На эстрадѣ появилась семья фонъ-Гарецкихъ: Иванъ Михайловичъ, въ бѣломъ галстухѣ и черномъ фракѣ, шелъ впереди жены, свояченицы, блѣдной и разряженной Аглаи и барона, раздушеннаго геліотропомъ. Первое привѣтствіе опоздав-

шимъ обнаружилось шиканьемъ. На привѣтствіе это отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ такимъ презрительно надменнымъ взглядомъ, что шиканье утроилось, удесятерилось и нѣсколько отрывистыхъ «silence!» раздалось отвсюду. Понявъ, что взглядъ его не обезоружилъ публики, супругъ Олимпіады Аверкіевны хотѣлъ пріостановиться, но пріостановиться не могъ, потому что какъ онъ, такъ и семья его находилась въ ту минуту въ самыхъ тѣсныхъ траншеяхъ. Попавши между спинокъ креселъ и колѣнъ сидѣвшихъ позади, дамы семейства фонъ-Гарецкаго не могли стоять ни секунды, не хватаясь руками то другъ за друга, то за постороннихъ лицъ; порожнихъ мѣстъ не оказывалось, возвращеніе было невозможно. Олимпіада Аверкіевна кусала губы и злилась, княжна охала, а несчастная Аглая чуть не плакала отъ стыда и отчаянія. Какъ на зло, артистъ не кончалъ своей каватины, Иванъ Михайловичъ продолжалъ метать молніеносные взгляды, а публика продолжала шикать и повторять: «silence!» Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, Иванъ Михайловичъ высмотрѣлъ впереди стараго князя Половскаго, и посредствомъ его вознамѣрился добыть три мѣста для своихъ дамъ, потому рѣшился, во что бы то не стало, добраться до знатнаго родственника, и пошелъ на проломъ. Всеобщее негодованіе усилилось, и усилилось до того, что многіе не ограничились одними словами, но присоединили къ нимъ жесты, и силою преграждали путь ломившемуся впередъ фонъ-Гарецкому. Добрался наконецъ Иванъ Михайловичъ до знатнаго родственника въ то самое время, когда каватина окончилась, и громогласное «браво», съ оглушительнымъ хлопаньемъ, наполнило всю залу. Артиста вызвали нѣсколько разъ; артистъ раскланялся, вышелъ, снова появился, снова раскланялся и снова вы-

шелъ съ согбенною головою, держа обѣ руки на лѣвомъ плечѣ, въ знакъ глубокой признательности. Очень довольный каватиною, а можетъ быть и ея окончаніемъ, старый князь Павелъ Дмитріевичъ Половскій вздохнулъ свободно и повернулся къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ молодой дамѣ, за которой, кажется, ухаживалъ, какъ ухаживаютъ старики его лѣтъ. Уста его уже раскрылись до половины, вѣроятно для того, чтобы сказать ей что-то очень любезное, какъ вдругъ послышался старику знакомый голосъ. Не вѣря ушамъ своимъ, князь оглянулся и увидѣлъ махавшаго ему фонъ-Гарецкаго. Не вѣря на этотъ разъ своимъ глазамъ, знатный родственникъ Ивана Михайловича старался изощрить зрѣніе и отыскать по сосѣдству лице, къ которому могли бы относиться фамильярныя движенія супруга Олимпіады Аверкіевны; но нѣтъ! сосѣдями Половскаго были все тузы и женщины высшаго полета, знакомство съ которыми недоступно было Ивану Михайловичу. Ужь не въ оркестрѣ ли нашелъ онъ пріятеля? подумалъ князь; ему даже показалось, что контрбасъ отвѣчаетъ на эти дружескіе знаки улыбкою; но къ знакамъ присоединилось явственно произнесенное «ваше сіятельство!» Мгновенно вспыхнувъ, старикъ повернулся спиною къ приближавшейся группѣ; и заговорилъ съ пожилымъ генераломъ, грудь котораго увѣшана была множествомъ орденовъ. Почитая маневръ родственника за разсѣянность, фонъ-Гарецкій облокотился на его кресла, а самого его схватилъ за руку.

Потерявъ всякое терпѣніе, князь Павелъ Дмитріевичъ выдернулъ руку свою изъ рукъ Ивана Михайловича, и пресерьезно спросилъ его, что ему угодно?

— Я думалъ, что могу обратиться къ вамъ, какъ къ родному, ваше сіятельство, прошепталъ тотъ.

— Къ сожалѣнію, сударь, намъ не предоставленъ выборъ родныхъ, отвѣчалъ старикъ отрывисто: что же касается до знакомыхъ, то я бы покорнѣйше просилъ васъ выключить меня изъ числа вашихъ. Съ послѣднимъ словомъ князь безъ церемоніи отвернулся отъ побагровѣвшаго Ивана Михайловича, который до того растерялся, что чуть не упалъ.

Какъ тихо ни были сказаны эти слова княземъ Половскимъ, но подобно электрической искрѣ, сообщенной нѣсколькимъ проводникамъ, они разбѣжались по всѣмъ рядамъ, и вокругъ группы фонъ-Гарецкихъ стали раздаваться самыя щекотливыя замѣчанія, самыя нелюбезныя слова.

Покашлявъ нѣсколько разъ и не рѣшаясь просить объясненія у князя, Иванъ Михайловичъ окинулъ взоромъ всѣ предстоявшія головы, чтобы отыскать хотя одно знакомое лице, которое могло бы вывести его изъ такого не ловкаго положенія. Не могли же ни Олимпіада Аверкіевна, ни княжна, ни Аглая оставаться долѣе безъ мѣстъ? а кто бы согласился уступить имъ свои? Насмѣшливыя улыбки, преслѣдовавшія семью его, не обѣщали ничего хорошаго. Но, о счастіе! нѣсколько лѣвѣе Половскаго, между двухъ военныхъ, мелькнулъ Рѣпенинъ.

— Исидоръ Елеазаровичъ! радостно вскрикнулъ фонъ-Гарецкій: ваше превосходительство, ваше превосходительство! повторилъ Иванъ Михайловичъ, только что не бросаясь на Рѣпенина, какъ на послѣднюю, но вѣрную надежду.

Исидоръ Елеазаровичъ долго оставался глухъ на призывъ, но, не имѣя никакихъ средствъ ускользнуть, обернулся наконецъ къ призывавшему его, и съ кислою улыбкою и не протягивая руки своей, сказалъ: «Ахъ, это вы?»

— Спасите меня, почтеннѣйшій Исидоръ Елеазаровичъ! проговорилъ, только что не отчаяннымъ голосомъ, глава блуждавшей по залѣ группы.

— Что такое съ вами случилось?

— Не нахожу мѣстечка для моихъ дамъ; опоздали, къ несчастью.

— Сегодня тѣсновато, и врядъ ли найдете, Иванъ Михайловичъ; поискать бы вамъ въ заднихъ рядахъ.

— Нѣтъ и тамъ.

— Какъ же быть? сухо спросилъ Рѣпенинъ, будто не узнавая ни Олимпіады Аверкіевны, ни сестры ея, ни даже хорошенькой Аглаи Ивановны: какъ же быть?

— Прахъ бы побралъ всѣ концерты! а сегодня и сердце шептало: «не ѣзди»! нѣтъ-съ, потащился...

— Право, не знаю, какъ помочь вамъ; право, не знаю!...

— Нельзя ли, гдѣ нибудь поближе къ вамъ, хотя бы два креслица? усажу княжну съ дочерью, а съ женою мы ужь отправимся назадъ.

— Подлѣ меня сидятъ барыни, отвѣчалъ шепотомъ Рѣпенинъ; а вы рѣшайтесь поскорѣе на что нибудь, Иванъ Михайловичъ; взгляните-ка на капельмейстера: сейчасъ начнутъ; я, правда, и самъ боюсь остаться на ногахъ, ей ей, боюсь: кресла безъ нумеровъ.

— Придется убраться домой, проговорилъ сквозь зубы фонъ-Гарецкій.

— Что дѣлать, что дѣлать, сказалъ Исидоръ Елеазаровичъ; онъ, улыбаясь, слегка поклонился пріятелю своему и сталъ удаляться.

Оставаясь слишкомъ долго безмолвными свидѣтельницами неудачныхъ попытокъ Ивана Михайловича, Олимпіада и Евгенія Аверкіевны осыпали его градомъ

упрековъ, и рѣшились поручить себя покровительству втораго кавалера, то есть барона Кронбрунштица, но, увы! второй кавалеръ давно уже отказался отъ чести служить аріергардомъ; при атакѣ, предпринятой будущими родственниками, онъ бѣжалъ съ поля сраженія.

Сколько историческихъ фактовъ можно привести въ доказательство превосходства женщинъ предъ мужчинами въ случаяхъ послѣдней крайности. Новый фактъ, подтверждающій эту истину, могла бы въ этотъ вечеръ подарить исторіи княжна Евгенія. Въ то самое время, какъ отрядъ фонъ-Гарецкихъ готовъ былъ обратиться въ постыдное бѣгство, она, какъ Боболина, удержала его, и поклявшись побѣдить или умереть, повела силы на послѣдній и рѣшительный проломъ. Опрокинувъ первыя преграды, то есть первые ряды креселъ, героиня наша высмотрѣла слабѣйшій пунктъ укрѣпленія, то есть двухъ безбородыхъ юношей, сидѣвшихъ очень прямо, согнала ихъ со стульевъ, помѣстилась сама, посадила рядомъ съ собою сестру, а между ними двумя, силою усадила племянницу. Взмахъ капельмейстерскаго смычка обратилъ всеобщее вниманіе на эстраду, и, затерявшись въ толпѣ, фонъ-Гарецкій вздохнулъ свободно.

Первая, слишкомъ знакомая публикѣ скрипка, должна была сыграть варіаціи на тему изъ венеціянскаго карнавала. Не знаю почему, но тема эта нравится публикѣ, и сколько артистовъ ни исполняло ее, всѣ безъ исключенія возбуждали симпатію и восторгъ. Послѣ каждаго зѣванья, писка, свиста и шипѣнія скрипки подымался одобрительный голосъ, перчатки лопались, стулья трещали, скрипачъ раскланивался. Но всего этого не замѣчалъ и не слыхалъ фонъ-Гарецкій; въ ушахъ его звучали послѣднія слова знатнаго родственника.

— Но за что же такая немилость? спрашивалъ у са-

мого себя Иванъ Михайловичъ: въ чемъ же я могъ провиниться передъ нимъ и навлечь на себя его негодованіе? Не сообщилъ я ему о помолвкѣ дочери? но помолвки оффиціальной еще не было... Не уже ли сплетня, эта гнусная сплетня? Нѣтъ, быть не можетъ! Старикъ всегда любилъ Аглаичку, всегда ласкалъ ее! А афронтъ ужасный!... такой ужасный, что хоть бѣги изъ Петербурга. Шутка ли сказать при всѣхъ: «прошу исключить меня изъ числа знакомыхъ!...» Не понимаю! Себя не узнаю съ нѣкоторыхъ поръ... а все таки причина есть; и кто знаетъ, не та ли же сплетня? Ну, ужь узнать бы только, кто удружилъ мнѣ ею!... Отблагодарю... ужь такъ отблагодарю...

Вотъ какія слова подбиралъ фонъ-Гарецкій къ варіаціямъ на тему венеціянскаго карнавала. О будущемъ же зятѣ своемъ, то есть о баронѣ, и не вспомнилъ будущій тесть ни разу. Съ нѣкотораго времени агрономъ значительно упалъ въ мнѣніи честолюбиваго и отчасти корыстолюбиваго родителя Аглаи. Первою причиною тому было сомнѣніе, поселенное Герцфетомъ на счетъ существованія острова. Бѣгство агронома изъ отряда равно пришлось Ивану Михайловичу не по сердцу; поступокъ этотъ казался ему крайнею степенью невнимательности, даже признакомъ дурнаго воспитанія. Онъ, конечно, не выказалъ неудовольствія своего при женѣ, своячениц и дочери, но, тѣмъ не менѣе, обѣщалъ себѣ при первой встрѣчѣ съ барономъ задать ему порядочный нагоняй.

Однако справедливо правило, что по одной наружности ни людей, ни поступковъ судить не должно. Бѣжалъ женихъ отъ невѣсты, отъ будущаго тестя, тещи и тетки, все это правда; но кто бы не бѣжалъ на его мѣстѣ! Графъ Семенъ Сергѣевичъ Волговодскій, недавно при-

ѣхавшій изъ за границы, пожаловалъ на этотъ концертъ, и, какъ нарочно, разговаривалъ съ княземъ Половскимъ въ то самое время, когда отрядъ, предводительствуемый фонъ-Гарецкимъ, направлялся прямо на него. Ежели помнятъ мои читатели, то, по словамъ князя, этотъ самый графъ утверждалъ, что знаменитый агрономъ встрѣчался съ нимъ въ Эрфуртѣ кельнеромъ одной изъ лучшихъ гостинницъ, или чемъ-то въ родѣ этого, только совсѣмъ не барономъ.

XVI.

Чуждый всѣмъ столичнымъ удовольствіямъ, Кондратій Захаровичъ Солонимскій продолжалъ томиться въ своемъ 26-мъ нумерѣ одной изъ самыхъ посредственныхъ гостинницъ Большой Мѣщанской. Къ постоянной тоскѣ его присоединилось новое горе, привитое слухами, дошедшими до него въ домѣ князя Павла Дмитріевича. Не хотѣлъ вѣрить деревенскій сосѣдъ фонъ-Гарецкихъ ночнымъ свиданіямъ Аглаи съ Лучезарскимъ, но, но... говорили о нихъ слишкомъ громко и слишкомъ многіе. Отчего же ему, постороннему человѣку, было такъ больно думать о возможности тайныхъ свиданій дѣвушки съ красивымъ молодымъ человѣкомъ? Отчего волновалась кровь Солонимскаго? Конечно не изъ дружбы къ фонъ-Гарецкому или къ Олимпіадѣ Аверкіевнѣ, не изъ участія къ сердечнымъ интересамъ барона. Нѣтъ; всѣхъ ихъ презиралъ Кондратій Захаровичъ; послѣдняго же едва ли не ненавидѣлъ нашъ провинціялъ. До переѣзда своего въ гостинницу, онъ явно покровительствовалъ наклонности Аглаи къ красавцу чиновнику; онъ даже готовъ былъ содѣйствовать ихъ соединенію, и,

по простотѣ души, не сомнѣвался въ будущемъ счастіи дочери Ивана Михайловича. Но, дѣйствуя въ пользу Корнелія Егоровича, ощущалъ ли Солонимскій ту отраду, которую вселяетъ въ насъ доброе дѣло? Улыбался ли Кондратій Захаровичъ при мысли, что когда нибудь черезъ его посредничество Аглая соединится вѣчными узами съ любимымъ ею человѣкомъ и человѣка этого назоветъ мужемъ? Напротивъ! отъ подобной мысли застывала у деревенскаго сосѣда кровь въ жилахъ, выступала ледяная испарина на вискахъ, а сердце стучало не въ тактъ. Дѣло въ томъ, что вмѣсто словъ: «вы представить себѣ не можете, какъ я вамъ преданъ,» Кондратію Захаровичу надлежало бы сказать Аглаѣ: «я такъ люблю васъ, что вы представить себѣ этого не можете»... Тогда, можетъ быть, взаимныя отношенія этихъ двухъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа опредѣлились бы точнѣе, и Солонимскому, вѣроятно, не пришлось бы томиться въ четырехъ стѣнахъ гостинницы такъ долго и безъ всякой цѣли. Но этого сознанія не дѣлалъ ни дѣвушкѣ, ни самому себѣ деревенскій нашъ сосѣдъ; напротивъ, ему казалось, что чувства его къ Аглаѣ—одно живое участіе; а цѣль—способствовать къ будущему ея благополучію.

Съ нѣкотораго времени единственнымъ развлеченіемъ бѣднаго провинціяла были позднія прогулки по самымъ уединеннымъ улицамъ. Невскаго Проспекта избѣгалъ Кондратій Захаровичъ: на немъ могъ онъ повстрѣчать кого нибудь изъ знакомыхъ фонъ-Гарецкаго, а всѣ оня слишкомъ живо напоминали ему недавнее прошлое; магазины присмотрѣлись; женщины не интересовали. Доходя обыкновенно очень скоро до Аларчина моста, Солонимскій поворачивалъ назадъ и умѣрялъ шаги, чтобы возвратиться какъ можно позже, потому что зим-

нія ночи, и безъ того длинныя, казались ему безконечными. За чтеніе другаго романа Кондратій Захаровичъ приняться не могъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ не въ силахъ былъ слѣдить за вымышленными происшествіями слишкомъ даровитыхъ французскихъ романистовъ; препустѣйшій народъ эти Французы!... Страдая объ Аглаѣ, Кондратій Захаровичъ, въ вечеръ знаменитаго концерта, надѣлъ свою теплую шинель, теплыя перчатки, вооружился сучковатою палкою и вышелъ изъ нумера на крыльце. Погода была тихая, морозъ умѣренный, на улицахъ людей мало. Постоявъ съ минуту и подумавъ о чемъ-то, отшельникъ нашъ рѣшился повернуть къ Казанскому мосту. Прошедши Невскій, провинціялъ попалъ на Михайловскую улицу въ ту самую минуту, когда длинные ряды каретъ, стоявшихъ у всѣхъ сосѣднихъ тротуаровъ, пришли въ движеніе и начался шумный разъѣздъ. Не желая подвергаться опасности попасть подъ карету, Солонимскій остановился у перваго подъѣзда Дворянскаго Собранія и, прижавшись къ стѣнѣ, сталъ глазѣть на садившихся въ экипажи дамъ. Яркій блескъ фонарей явственно обрисовывалъ и лица и наряды уѣзжающихъ. Солонимскій узналъ во первыхъ князя Половскаго, потомъ князя Ослабушева; послѣдняго только что не несъ на рукахъ трехъаршинный гайдукъ. Но вдругъ, знакомый форрейторъ, и лошади знакомыя. Солонимскій вглядывается—«карета фонъ-Гарецкаго!» кричитъ жандармъ, и вся семья Ивана Михайловича торопливо выходитъ изъ дверей подъѣзда. Какъ прелестна была Аглая, но какъ грустно и блѣдно было ея милое личико!

«Поклонилась ли бы она мнѣ?» подумалъ Солонимскій, когда дверцы захлопнулись и карета двинулась съ мѣста. За нею послѣдовали другія. Въ свою очередь,

толпа пѣшеходовъ хлынула изъ широкихъ дверей Собранія, и, разсыпавшись, исчезла во мракѣ. Минуту спустя, на опустѣлой улицѣ остался одинъ Кондратій Захаровичъ. Если бы провинціялъ не увидѣлъ грустной Аглаи, онъ побрелъ бы, можетъ быть, въ свою гостинницу, гдѣ его ожидала полуторная кровать, слегка перестланная соннымъ Лукьяномъ; но печальный образъ дѣвушки пробудилъ въ Солонимскомъ непреодолимое желаніе помечтать на просторѣ, и помечтать о такихъ предметахъ, съ которыми не имѣли ничего общаго ни душный нумеръ гостиницы, что на Мѣщанской, ни лѣнивый Лукаша, ни твердая постель, равнодушная свидѣтельница столькихъ тревожныхъ ночей. Кондратій Захаровичъ рѣшился продлить свою прогулку, и, безъ всякой положительной цѣли, продолжалъ идти прямо передъ собою. Скоро миновалъ онъ великолѣпный Михайловскій дворецъ и садъ его, и старый зáмокъ, и Цѣпной мостъ; за нимъ показались не въ дальнемъ разстояніи церковь Святаго Пантелеймона, за нею забѣлѣлся домъ, и, будь этотъ домъ пышнѣе волшебныхъ чертоговъ, не произвелъ бы онъ бóльшаго впечатлѣнія на нашего полуночника. Опустивъ руки и склонивъ печально голову, Кондратій Захаровичъ долго смотрѣлъ на окна квартиры фонъ-Гарецкихъ. Въ иныхъ мелькалъ еще огонь, другія были мрачны, какъ душа Солонимскаго. А сколько свѣтлыхъ воспоминаній пробуждалъ этотъ мракъ въ воображеніи провинціяла!

«Быть такъ близко и не смѣть войдти; цѣнить ее такъ высоко и не имѣть права пожертвовать собою для ея же счастія!» говорилъ самъ себѣ деревенскій сосѣдъ фонъ-Гарецкихъ, не сводя жадныхъ взоровъ съ весьма не изящнаго фасада дома Пароенина. Но тутъ поэтическія мечты вздыхателя прерваны были неожидан-

нымъ явленіемъ. Солонимскому показалось, будто бы отъ воротъ фонъ-Гарецкихъ отошла мужская фигура, завернутая въ нѣчто похожее на плащъ; фигура эта останавливалась на каждомъ шагу, и осматривалась во всѣ стороны. Не вспомни Кондратій Захаровичъ о сплетняхъ, распущенныхъ по городу на счетъ дочери Ивана Михайловича, закутанную фигуру почелъ бы Солонимскій за вора; но у самаго дома Парѳенина, и въ такое позднее время, ночной призракъ произвелъ на умъ провинціяла иное впечатлѣніе. Судорожно сжавъ кулаки, стремглавъ бросился онъ въ погоню за призракомъ. Еще десять шаговъ и передъ окнами Аглаи произошла бы страшная сцена, но въ то самое время, какъ провинціялъ поровнялся съ калиткою парѳенинскихъ воротъ, изъ нея показалась женщина, въ свѣтломъ манто и съ капишономъ. Эта женщина вскрикнула и бросилась назадъ. Солонимскій остолбенѣлъ, а мужская фигура прибавила шагу и скрылась въ отдаленіи. За тою же калиткою раздался страшный лай собакъ, знакомый провинціялу, и два огромные пса выскочили на улицу. Опасности, впрочемъ, Кондратью Захаровичу не предстояло никакой, потому что вѣрные церберы дома Кузьмы Тихоновича узнали своего бывшаго гостя, и если бы жильцы того же хозяина были одинаковаго свойства съ собаками, добрый Солонимскій могъ бы долго еще не выходить изъ своего оцѣпенѣнія, и даже простоять до утра подъ самыми окнами фонъ-Гарецкихъ. Люди, вызванные громкимъ лаемъ изъ квартиры Ивана Михайловича, были Климычъ и два дворника, помнившіе слишкомъ хорошо недавній строгій приказъ господъ, и, не осмѣлившись остановить женщины въ манто съ капишономъ, попавшейся имъ на встрѣчу, они обратили все свое негодованіе на поздняго гостя.

«Держите его, братцы»! повелительно крикнулъ дворецкій, указывая на Солонимскаго двумъ своимъ товарищамъ, и два широкоплечіе мужика схватили Кондратія Захаровича за оба локтя. Опомнившись, послѣдній хотѣлъ было освободиться изъ рукъ дворниковъ, онъ назвалъ себя и позвалъ Климыча, но въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія, тотъ рѣшительно приказалъ дворникамъ тащить его къ барину. Сопротивляться долѣе было бы безразсудно; Солонимскій далъ слово не стараться уйдти, и молча послѣдовалъ за дворецкимъ вверхъ, по знакомой лѣстницѣ въ бельэтажъ. Не въ кабинетѣ, а въ передней встрѣтилъ своего сосѣда Иванъ Михайловичъ. Глаза его смотрѣли дико, на губахъ бѣлѣла пѣна, по лбу катился потъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ былъ въ страшномъ припадкѣ гнѣва. Стоя спиною къ дверямъ залы, изъ которой выглядывала полуодѣтая Олимпіада Аверкіевна, фонъ-Гарецкій только что не бросился на Кондратья Захаровича; онъ бы и бросился на него, если бы лице послѣдняго, по выраженію своему, не обѣщало дать отпоръ, и отпоръ энергическій.

— Ну, ну, что вы скажете теперь въ свое оправданіе? воскликнулъ супругъ Олимпіады Аверкіевны, скрестивъ руки на груди.

Солонимскій сначала пристально посмотрѣлъ на родителя Аглаи и не отвѣчалъ ни слова; онъ не понялъ было вопроса фонъ-Гарецкаго, но потомъ горько улыбнулся и замѣтилъ, что объясняться въ передней находитъ онъ неприличнымъ.

— Неприлично объясняться? повторилъ Иванъ Михайловичъ: вамъ кажется неприлично объясняться со мною въ прихожей, тогда какъ употреблять всѣ мѣры, всѣ низкія, гнусныя мѣры, для обезславленія моей дочери и моей чести, не кажется вамъ дѣломъ неприличнымъ?

— Вы говорите?...

— Я говорю, что теперь глаза мои раскрылись, и настоящій злодѣй семьи моей не увернется и не останется не наказаннымъ.

— Иванъ Михайловичъ! замѣтилъ, съ тою же горькою улыбкою, деревенскій сосѣдъ: сойдите вы съ ума, я извинилъ бы всю ту чепуху, которую вы мнѣ несете, и извинилъ бы потому, что ставлю себя въ ваше положеніе, и сознаюсь, оно ужасно! Но взваливать всю бѣду на посторонняго человѣка, и говоря мнѣ всѣ эти дерзости, стараться увѣрить дворню, что истинный виновникъ я!... Полноте, полноте! Къ такимъ мѣрамъ не прибѣгаютъ оскорбленные отцы. Мѣры эти слабы, глупы, Иванъ Михаиловичъ!

— Ахъ, ты фарисей этакой, ахъ ты іезуитъ проклятый! крикнулъ фонъ-Гарецкій, выступая впередъ. — И смѣть разговаривать со мною такимъ тономъ, и смѣть тутъ же, при людяхъ моихъ, показывать видъ, будто и на самомъ дѣлѣ имѣются у него сообщники...

— О чемъ же вы толкуете съ такимъ бѣшенствомъ? спросилъ Солонимскій.

— О чемъ я толкую? о чемъ толкую я?

— Разумѣется вы.

— Ты не понимаешь?

— Иванъ Михайловичъ! я попросилъ бы васъ быть поучтивѣе...

— Проси помиловать, это будетъ благоразумнѣе, потому что есть случаи, въ которыхъ отцы семействъ въ правѣ мстить за себя. Понимаете ли, господинъ ночной.... какъ бы приличнѣе назвать того, кто, пользуясь сномъ честныхъ людей, пробирается не званный въ ихъ жилище?...

— И эта мѣра жалкая, и эта мѣра глупая, Иванъ

Михайловичъ, потому что люди ваши, схватившіе меня на улицѣ, не повѣрятъ подобнымъ нелѣпостямъ. Воромъ Солонимскаго не называетъ никто, а боитесь вы названія.....

— Какъ! таскаться по ночамъ мимо оконъ моихъ, простаивать у воротъ, будто бы ожидая тайнаго свиданія, и все это изъ того только, чтобы городъ говорилъ объ этомъ, изъ того только, чтобы или обезчестить меня, или отомстить за явное отвращеніе дочери? И онъ же, онъ, продолжалъ фонъ-Гарецкій, указывая на провинціяла, осмѣливается стращать меня какимъ-то названіемъ?... Нѣтъ, любезный! ты меня не знаешь, и не увернуться тебѣ на этотъ разъ, какъ увертывался прежде. А схватили молодца въ полночь, такъ приходилъ же молодецъ зачѣмъ нибудь! Я же за честность выгнанныхъ изъ моего дома людей отвѣчать не намѣренъ....

Слова: «отвращеніе дочери», помѣшали Солонимскому разслушать остальную фразу Ивана Михайловича. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Иванъ Михайловичъ въ присутствіи супруги, дворецкаго, нѣсколькихъ слугъ и сбѣжавшихся горничныхъ, говорилъ молчаливому Кондратью Захаровичу такія дерзости, которыя выслушать безъ возраженій могъ только одинъ преступникъ, уличенный въ злодѣяніи. Удовольствуйся фонъ-Гарецкій наружнымъ смиреніемъ деревенскаго сосѣда, и ограничься фонъ-Гарецкій одними словами, на другой день весь кварталъ почелъ бы ночнаго гостя всѣмъ, чѣмъ захотѣлъ бы ославить его Иванъ Михайловичъ; но супругъ Олимпіады Аверкіевны принялъ молчаніе за робость, и, желая выказать отвагу свою при женѣ и дворнѣ, занесъ было руку, и занесъ ее такъ явно, что жестъ этотъ замѣченъ былъ смиреннымъ Солонимскимъ. Подобно искусному фехтовальщику, обращающему мгно-

веннымъ и ловкимъ движеніемъ оборону въ наступленіе, Кондратій Захаровичъ предупредилъ враждебное движеніе фонъ-Гарецкаго, и обѣ руки его положилъ себѣ въ лѣвую руку.

— Разбойникъ! крикнулъ съ неистовствомъ Иванъ Михайловичъ.

— Прикажите людямъ вашимъ выйдти отсюда, отвѣчалъ твердымъ голосомъ деревенскій сосѣдъ...

— Ты хочешь задушить меня, злодѣй?

— Иванъ Михайловичъ! повторилъ Солонимскій: ежели сію минуту люди ваши не выйдутъ изъ комнаты, я не отвѣчаю ни за себя, ни за васъ, и несчастіе случится прежде, чѣмъ кто нибудь изъ нихъ успѣетъ подойдти.

— Онъ грозитъ, онъ грозитъ!

— Я выполню, что сказалъ, Иванъ Михайловичъ!

— Вонъ идите, ступайте всѣ вонъ, проговорилъ оторопѣвшій фонъ-Гарецкій, обращаясь къ робко переглядывавшейся прислугѣ. Фонъ-Гарецкій въ первый еще разъ на опытѣ убѣдился въ неимовѣрной крѣпости мышицъ сосѣда; пальцы Ивана Михайловича начинали трещать въ рукѣ молчаливаго гостя. Послушная прислуга, не ожидая вторичнаго приказа, высыпала вонъ изъ прихожей. Олимпіада Аверкіевна, весьма равнодушная къ бѣдствіямъ супруга, осталась за дверью залы и простояла тамъ во все время совѣщанія, происходившаго въ прихожей и продолжавшагося съ полчаса. Замѣчательно, что, оставшись глазъ на глазъ съ Кондратьемъ Захаровичемъ, Иванъ Михайловичъ ни разу не возвышалъ своего голоса, и хотя говорилъ съ жаромъ, но весьма умѣренно. До слуха супруги часто долетали слова, произносимыя мужемъ: «этого не будетъ! не бывать этому, пока я живъ, и не видать ему Аглаечки, какъ ушей сво-

ихъ!» но о комъ шла рѣчь, того Олимпіада Аверкіевна разслушать никакъ не могла.

Пробилъ часъ ночи, когда фонъ-Гарецкій вошелъ въ темную залу, а деревенскій сосѣдъ вышелъ изъ прихожей на темную же парадную лѣстницу. Послѣдній былъ страшно угрюмъ, но не золъ. Перешагнувъ за высокій порогъ калитки, у которой неподвижно стояли тѣ же два дворника, Кондратій Захаровичъ медленно побрелъ обратно къ Пантелеймоновской церкви, но вдругъ, какъ бы опомнясь, прибавилъ ходу, и, только что не бѣгомъ, пустился къ Литейной. Въ ушахъ провинціяла звучали еще убійственныя слова: «явное отвращеніе дочери!» «Но за что же и отчего внушаю я ей это ужасное чувство?» спрашивалъ самъ себя Кондратій Захаровичъ. «Не уже ли одна наружность человѣка можетъ поселить отвращеніе? Не уже ли не можетъ выкупить физическіе недостатки ни искренняя привязанность, ни самоотверженіе, ни слѣпая, скотская любовь? да скотская, потому что собака не способна любить хозяина такъ, какъ я ее люблю! А она питаетъ ко мнѣ отвращеніе!»

Вопросы, задаваемые Солонимскимъ самому себѣ, произносились имъ иногда такъ громко, что изрѣдка попадавшіеся ему на встрѣчу прохожіе останавливались и провожали его глазами. Многимъ Кондратій Захаровичъ показался въ эту ночь сумасшедшимъ, многіе готовы были предупредить разъѣздъ и будочниковъ, но первый не попадался прохожимъ, а послѣдніе оставались равнодушными къ мнимому безумію провинціяла, мнимому потому, что въ настоящую минуту умъ его очень здраво соображалъ весьма замысловатый планъ, клонившійся къ достиженію постоянной цѣли его, то есть къ благополучію Аглаи.

XVII.

Изъ всѣхъ недуговъ, ниспосланныхъ небомъ на родъ людской, конечно самый неопредѣленный, самый разнообразный по симптомамъ своимъ — недугъ сердца, или такъ называемая любовь. Съ какимъ множествомъ различныхъ условій сопряжена затѣйливая болѣзнь эта! въ какихъ формахъ не является она глазамъ наблюдателя, и отъ какихъ ничтожныхъ средствъ не излечивается иногда эта, нерѣдко смертельная язва! Сколько героевъ въ старинныхъ романахъ принесли жизнь свою въ жертву тому же чувству, отъ котораго хотя и не умеръ, но рапортовался больнымъ красивый Корнелій Егоровичъ! Еще недавно видѣли мы его и блѣднымъ, и задумчивымъ, и томно посматривавшимъ на дочь Ивана Михайловича. А отчего? Оттого, что Корнелій Егоровичъ любилъ Аглаю Ивановну. и чувствовалъ по этому случаю не собственно боль въ сердцѣ, а нѣкоторую немощь. Немощь эту усилили было въ молодомъ человѣкѣ препятствія — кратковременная немилость Ивана Михайловича, но, съ помощью Богдана Богдановича и содѣйствіемъ доброй княжны Евгеніи, двери дома фонъ-Гарецкихъ снова отворились передъ нимъ, и предметъ любви сталъ по прежнему ежедневно являться передъ глазами влюбленнаго юноши. Возвративъ утраченное счастье, Лучезарскій вспомнилъ о причинахъ возврата и тотчасъ отправился съ благодарственными визитами какъ къ Герцфету, такъ и къ княжнѣ. Первый съ чувствомъ пожалъ руки молодаго человѣка, пропѣлъ при немъ гимнъ собственнымъ добродѣтелямъ, и, попросивъ сохранить въ тайнѣ участіе свое къ нему, выпроводилъ

Лучезарскаго вонъ изъ квартиры, съ совѣтомъ продолжать ухаживать за тетушкою любимой дѣвушки, для возбужденія ревности въ баронѣ, и прочее. Вторая же, то есть тетушка Аглаи, приняла Корнелія Егоровича хоть и съ меньшимъ дружелюбіемъ и безъ пожатія рукъ, но ласково. Перезрѣлую дѣву засталъ Лучезарскій въ страшномъ припадкѣ ревности къ агроному, обратившейся въ хроническую болѣзнь. На благодарственную фразу Корнелія Егоровича, княжна отвѣчала едва замѣтною улыбкою; когда же красавецъ прибавилъ, что не одна благодарность, а и давнишнее желаніе имѣть счастіе посѣтить Евгенію Аверкіевну, было причиною настоящаго визита, княжна протянула ему свою желтоватую ручку, и сказала вздыхая:

— Не вѣрю; вы говорите это такъ, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Клянусь нѣтъ, клянусь нѣтъ! перебилъ чиновникъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ это очень мило съ вашей стороны, и чѣмъ чаще будутъ приходить вамъ подобныя желанія, тѣмъ пріятнѣе будетъ для меня, прибавила дѣва...

— Какъ! вы позволяете?

— Прошу, Корнелій Егоровичъ!

— Отчего же, княжна, не были вы прежде такъ добры ко мнѣ? Сколько томительныхъ вечеровъ уничтожилъ бы вашъ прелестный уголокъ!

— Ахъ! не говорите мнѣ о томительныхъ вечерахъ. Уголъ мой, по несчастію, не обладаетъ свойствомъ сокращать ихъ. Напротивъ...

— И васъ не пощадили они?

— Увы! нѣтъ, не пощадили! отвѣчала дѣва, глубоко вздыхая. — Но что объ этомъ? Поговоримъ лучше о

чемъ нибудь другомъ. Были вы въ театрѣ этимъ временемъ?

— Я почти никуда не ѣзжу, княжна.

— Почему же?

— Не хочется какъ-то.

— Въ ваши годы подобная меланхолія...

— Тоска души не обходитъ молодости, а опытъ сердца уравниваетъ возрасты.

— Стало, вы еще очень любите, Корнелій Егоровичъ?

— Отчего же вы говорите: еще?

— Оттого, отвѣчала нѣсколько холоднѣе дѣва: что очевидныя препятствія должны были бы, укрѣпляя разумъ, ослабить чувства...

— Можетъ быть это и случится, княжна, поспѣшно отвѣчалъ молодой человѣкъ, перепугавшійся внезапной перемѣны ея сіятельства: но для совершеннаго исцѣленія сердца потребна и постепенность, и... и...

— И что же еще?

— И замѣнъ прежнихъ ощущеній новыми, робко и нѣжно проговорилъ Лучезарскій.

Дѣва пристально взглянула на Лучезарскаго и не отвѣчала на неожиданную выходку красавца.

— Совершенное одиночество, продолжалъ тѣмъ же голосомъ Корнелій Егоровичъ: дурное средство къ скорому выздоровленію.

— Зачѣмъ же быть одинокимъ, и въ ваши годы? Сколько развлеченій представляетъ Петербургъ! сколько развлеченій! а общество...

— Общество мужчинъ ненавижу, княжна.

— Кто же говоритъ объ однихъ мужчинахъ?

— Женщинъ не знаю, не знаю ни одной, кромѣ почтеннѣйшаго семейства Ивана Михайловича,

то есть кромѣ васъ, Евгенія Аверкіевна, и Аглаи Ивановны...

— Положимъ, что Аглая не можетъ принадлежать къ числу тѣхъ, о которыхъ мы говоримъ, а я слишкомъ стара...

— Деликатность находитъ всегда средства избавляться отъ докучныхъ людей, княжна, и средство не оскорбительное...

— Отъ докучныхъ, Корнелій Егоровичъ? О комъ же говоримъ мы съ вами?

— Обо мнѣ, Евгенія Аверкіевна...

— И объ Аглаѣ?

— Нѣтъ-съ; но я осмѣлился назвать еще васъ!

— Новый комплиментъ!

— Вы убѣждены въ противномъ.

— И желала бы, но не могу.

— Вы-съ?

— Увы! я, Корнелій Егоровичъ. Къ несчастью, дѣйствительность слишкомъ очевидно противорѣчитъ словамъ вашимъ, и та женщина, обществомъ которой такъ явно пренебрегаетъ одинъ человѣкъ, не можетъ считать себя способною приносить отраду другому.

— Въ вѣкъ нашъ, княжна, очень часто корысть подавляетъ благороднѣйшія свойства въ мужчинахъ.

— Вы говорите о баронѣ?

— О немъ, Евгенія Аверкіевна.

— А желаю знать, какіе виды можетъ имѣть корысть барона и какія такія сокровища улыбаются ему?

— Позволяете сказать откровенно?

— Конечно!

— Баронъ ищетъ не сердца Аглаи Ивановны, а ея приданаго.

— Приданаго? приданаго? насмѣшливо повторила

дѣва.—Искать богатства въ женитьбѣ на племянницѣ! Но не уже ли же баронъ до такой степени глупъ, чтобы вѣрить разсказамъ Ивана Михайловича, или до такой степени бѣденъ, чтобы польститься на какую нибудь деревушку и кучу неоплатныхъ долговъ? Не уже ли баронъ надѣется на блестящую будущность своего будущаго тестя?...

— Онъ вѣритъ общимъ слухамъ, Евгенія Аверкіевна.

— А кто распускаетъ эти слухи, какъ не Иванъ Михайловичъ?

— Но состояніе Ивана Михайловича слишкомъ извѣстно, полагаю.

— То есть число душъ.

— Душъ довольно много.

— Меньше, чѣмъ долговъ, гораздо меньше, а о нихъ не любитъ распространяться мой родственникъ. Слѣдовательно вы видите, Корнелій Егоровичъ, что барона въ одной корысти обвинить никакъ нельзя, а перемѣнѣ его я обязана преимуществамъ племянницы, и въ этомъ случаѣ всѣ средства къ возвращенію дружбы барона оказались безсильными...

— Вы противорѣчите себѣ, княжна, замѣтилъ Лучезарскій, томно улыбаясь.

— Какъ такъ?

— Кто же недавно говорилъ о развлеченіяхъ столицы, о...

— Но я не мужчина, я не довольно молода...

— Вы, надѣюсь, не довольно не молоды.

— Тридцать лѣтъ почти.

— Прекрасный, прелестный возрастъ; возрастъ, въ который женщины достигаютъ полнаго развитія, полноты чувствъ...

— Къ несчастью, Корнелій Егоровичъ, не всѣ смотрятъ на насъ вашими глазами!

— Исключеніе это не можетъ быть велико, ручаюсь вамъ.

— Первый баронъ.

— Забудьте его, Евгенія Аверкіевна, забудьте человѣка недостойнаго чести занимать не только ваше сердце и воображеніе...

— Но кто же поступилъ бы со мною иначе? для кого задушать сердце, уничтожать его воспоминанія, для кого переродиться ему?

— Для тѣхъ, княжна, кто въ состояніи будетъ оправдать жертву...

— Ахъ! зачѣмъ не возрождается разъ утраченная вѣра въ сердцѣ женщины? проговорила съ чувствомъ растаявшая дѣва: зачѣмъ ядовитые плоды кажутся намъ всегда слаще и пріятнѣе...

— Какое страшное предубѣжденіе, какія оскорбительныя мысли!...

— Не обижайтесь, Корнелій Егоровичъ; откровенность моя не служитъ ли уже доказательствомъ, что я уважаю васъ, отличаю отъ всѣхъ прочихъ; но дружба не можетъ придти внезапно; мы были такъ мало знакомы; въ первый разъ говорили вы со мною не одними устами, а сердцемъ, и въ моемъ сердцѣ слова ваши нашли отголосокъ! Предоставьте времени довершить то, что началъ случай; пусть бѣдная душа моя сроднится съ вашею душею, и, кто знаетъ! можетъ быть внутренній взоръ прояснится во мнѣ, и я стану видѣть ясно, и не стану тратить чувствъ, а вручу ихъ всѣ, всѣ, достойнѣйшему... Ахъ! воскликнула вдругъ дѣва, бросивъ нечаянно взглядъ на маленькіе часы, висѣвшіе передъ нею на одномъ изъ роговъ бронзоваго оленя: половина

восьмаго, а ровно въ восемь за мною заѣдетъ сестра: мы отправимся сегодня въ концертъ.

— Простите, княжна, сказалъ Лучезарскій, торопливо вставая со стула: я не зналъ.

— Можетъ быть я должна была бы сердиться на васъ, но не за то, что вы думаете!

— За что же, Евгенія Аверкіевна, спросилъ Лучезарскій съ жаромъ и испугавшись очень мило.

— За то, отвѣчала дѣва жеманно: что вы дѣлаете меня существомъ неблагодарнымъ и заставляете только что не пенять роднымъ за приглашеніе въ концертъ.

— Княжна, вы... вы...

— Я должна избѣгать вашего общества... такъ по крайней мѣрѣ шепчетъ мнѣ разумъ.

— Разумъ бываетъ иногда не правъ.

— А сердце еще чаще, прибавила княжна, провожая двусмысленною улыбкою уходившаго гостя.

Чувствительный разговоръ этотъ, между влюбленнымъ въ Аглаю Лучезарскимъ и влюбленною въ барона княжною, произошелъ за нѣсколько часовъ до насильственнаго свиданія Кондратья Захаровича съ Иваномъ Михайловичемъ. Разумѣется, не воспалилось сердце молодаго человѣка отъ кокетливыхъ и поощрительныхъ полусловъ перезрѣлой дѣвы, но, тѣмъ не менѣе, красавецъ возвращался домой съ какимъ-то внутреннимъ удовольствіемъ. Молодому человѣку льстило вниманіе свѣтской, по его мнѣнію, дамы, и такой успѣхъ долженъ былъ все таки возвысить его въ глазахъ всѣхъ прочихъ женщинъ. Возвратясь домой, Корнелій Егоровичъ надѣлъ халатъ и, приказавъ кухаркѣ поставить самоваръ, легъ на диванъ и предался разнымъ размышленіямъ, самымъ льстивымъ для его воображенія. Ему чудилась самая блистательная будущность, преисполнен-

ная успѣховъ всякаго рода. Въ княжнѣ Евгеніи видѣлъ Лучезарскій первую ступень той лѣстницы, которая ведетъ въ роскошные будуары, въ богатѣйшіе салоны съ раззолоченною мебелью. Подобную мебель видѣлъ Корнелій Егоровичъ въ лавкѣ купца Яковлева. Донъ Жуанъ нашъ раскаявался даже, что не скрѣпилъ будущей дружбы своей съ ея сіятельствомъ словомъ «ты»! Въ подобныхъ мечтахъ провелъ молодой человѣкъ время до самой полуночи. Въ этотъ же таинственный для мечтателей часъ, Корнелій Егоровичъ попробовалъ было прилечь въ постель и загасилъ свѣчу, но сонъ, этотъ врагъ мечтаній, какъ будто боялся посѣтить скромную спальню, и Лучезарскій снова зажегъ свѣчу, снова накинулъ на плечи халатъ, надѣлъ сапоги и вышелъ на крыльце, съ намѣреніемъ освѣжить свое разгоряченное воображеніе. Не имѣя въ услуженіи никого, кромѣ кухарки, ворчливой и старой, Лучезарскій объявлялъ ей обыкновенно о краткихъ и продолжительныхъ отлучкахъ своихъ, а уходя приказывалъ запирать квартиру. Поворчавъ и въ этотъ разъ на барина за поздній выходъ изъ дома, кухарка завалилась на лежанку и заснула крѣпкимъ сномъ. Когда же возвратившійся баринъ стукомъ своимъ прервалъ этотъ сонъ, ворчанье послѣдней повторилось въ большихъ размѣрахъ, а вторичный сонъ ея наступилъ гораздо медленнѣе. Вдругъ новый шумъ, новый трескъ дверей и чей-то громкій голосъ въ темныхъ сѣняхъ! Самъ Лучезарскій, услышавъ его, медленно привсталъ съ постели и протянулъ руку къ чубуку, а негодованіе старой служанки, пробужденной въ третій разъ, не имѣло границъ. Съ самыми кудреватыми словами, подбѣжала она къ наружнымъ дверямъ, и, голосомъ хриплымъ отъ досады и не совсѣмъ учтиво, освѣдомилась, кто ломится и за какимъ прахомъ?

— Отопри, тетка, отвѣчалъ кто-то въ сѣняхъ.

— Да кто же ты такой?

— Солонимскій... Баринъ твой знаетъ; онъ вѣрно не спитъ!

— Чего спать? до сна ли вашей братьи, полуночникамъ! прохрипѣла кухарка, отпирая замокъ....

— Стало быть только что вернулся Корнелій Егоровичъ? спросилъ Солонимскій, входя ощупью въ прихожую.

— И часу нѣтъ какъ легла, а ужь въ другой разъ подняли; давича баринъ бѣгалъ, а теперь вотъ вы.

Утвердившись въ той мысли, что красивый юноша уходилъ для свиданій своихъ съ Аглаей, Кондратій Захаровичъ, сбросивъ на полъ шинель, прибѣжалъ прямо въ спальню хозяина, уже освѣщенную стеариновымъ огаркомъ.

— Не открывайте такъ глазъ, сударь! воскликнулъ провинціялъ, подходя къ лежавшему Лучезарскому: и не дивитесь позднему моему посѣщенію. Кто подвизается на пути разврата и соблазновъ, тотъ долженъ быть готовъ на все. Повторяю: глазъ таращить вамъ не для чего; меня они и не озадачатъ и не испугаютъ; благодаря Создателя, не трусливымъ родился.

— Убей меня Богъ, ежели я понимаю хоть что нибудь изъ всего этого, что вы наговорили, Кондратій Захарычъ, отвѣчалъ удивленный молодой человѣкъ.

— Не понимаете?

— Богомъ клянусь!

— А на что изволите употреблять время ваше?

— Я?

— Да-съ; вы, вы!

— Мало ли на что.

— Хорошъ отвѣтецъ!

— Но вамъ какое дѣло до моего препровожденія времени, Кондратій Захарычъ?

— Мнѣ?

— Да; вамъ, вамъ!

— То есть, по какому праву вмѣшиваюсь, хотите знать?

— Хочу, очень хочу знать.

— Такъ знайте же, сударь, что благородный человѣкъ, изъ личнаго неудовольствія къ одному члену семейства, не мѣняетъ участія своего къ остальнымъ, а надъ тѣми, кого уважаетъ, ругаться не дозволитъ никому.

— Все таки ничего не понимаю!

— Полноте разыгрывать комедію; со мною хитрить мудрено, а удовольствія вамъ все таки не доставлю, и въ присутствіи кухарки жертвъ вашихъ называть не стану. Поймите просто, если скажу, что сегодняшнія ваши штуки знаю; знаю гдѣ были и зачѣмъ были; знаю у кого были... а пришелъ узнать, чѣмъ по вашему должно все это кончиться? Или вы полагаете, что нѣтъ у дѣвицы родныхъ, способныхъ защитить ее, такъ можно съ нею и то и се....

— Кондратій Захарычъ...

— Что, Кондратій Захарычъ? ну, что, Кондратій Захарычъ? Небось отопретесь, небось лгу я, и были не вы, а другой? Имя не нужно, вы очень хорошо знаете про кого говорю.

— Какъ не знать, помилуйте! но удивительнымъ кажется мнѣ, по какому случаю...

— Что по какому случаю?

— По какому случаю и изъ чего вступаться бы вамъ за....

— Она дѣвушка, и этого было бы довольно.

— Положимъ такъ, но въ ея годы....

— Женщина всегда ребенокъ, перебилъ Солонимскій.

— Согласенъ и съ этимъ, Кондратій Захарычъ, согласенъ съ вами во всемъ, однако же, позвольте замѣтить, чѣмъ же хуже я барона Кронбруншпица?

— Это дѣло не ваше!

— Про него говорилъ весь городъ.

— Говорили мерзавцы, подлецы!

— Всѣ говорили.

— А вамъ повторять слуховъ этихъ не позволю, и ежели вы тотчасъ же не дадите мнѣ клятвы окончить всѣ эти шашни, какъ то слѣдуетъ честному и благородному человѣку...

— А какъ бы я долженъ окончить то, что вы называете шашнями? спросилъ Корнелій Егоровичъ, не понимавшій изъ чего такъ горячо вступался провинціялъ за княжну Евгенію, съ которой дѣйствительно въ этотъ вечеръ онъ, то есть Лучезарскій, позволилъ себѣ въ первый разъ пококетничать.

— Какъ кончаютъ всѣ порядочные люди, отвѣчалъ Солонимскій.

— А именно?

— Бракомъ, сударь!

— Бракомъ?

— Да-съ, да-съ, да-съ!

— Вы шутите, Кондратій Захарычъ?

— Нѣтъ, ужь, право, совсѣмъ не шучу, и попробуйте сказать нѣтъ, попробуйте только!...

— Во первыхъ, если бы я и желалъ сдѣлать подобную глупость, то есть, простите меня, я выразился не такъ: подобную опрометчивость, хотѣлъ я сказать, то на бракъ этотъ не согласились бы ни родные, ни она сама....

— Родные нѣтъ, но она согласится.

— Не думаю, Кондратій Захарычъ; ни что не можетъ ей льстить въ подобномъ союзѣ.

— Сердцу женщины льститъ любовь, сударь, и это чувство ставятъ онѣ выше всего.

— Но она любитъ не меня, а барона!

— Вы лжете!

— Кондратій Захарычъ! только участіе ваше къ той особѣ, о которой говоримъ, оправдываетъ всю колкость выраженій; тѣмъ не менѣе подтверждаю, что, не позже какъ сегодня, я, собственными ушами, слышалъ отъ нея про любовь ея къ барону...

— Что же могло побудить ту же дѣвушку согласиться на тайное свиданіе съ другимъ человѣкомъ, то есть, хотя бы съ вами? спросилъ провинціялъ: ужь, конечно, не для того, чтобы говорить о чувствахъ своихъ къ постороннему? И зачѣмъ вы, сударь, напѣвали ей о собственныхъ чувствахъ?

— То есть, какъ напѣвалъ, Кондратій Захарычъ? Не напѣвалъ, а намѣкалъ только издали, стороной...

— Это все равно!

— И, божусь вамъ, никогда не помышлялъ я о бракѣ; да согласитесь сами, могла ли мнѣ придти такая несбыточная мысль? И наружность ея, и возрастъ, и...

— Такая мысль, по правдѣ, и не должна была бы приходить вамъ на умъ, молодой человѣкъ, а безъ честныхъ намѣреній благородные люди не завлекаютъ дѣвушекъ и не стараются имъ нравиться; разъ вы поступили такъ, разсуждать поздно. Иванъ Михайловичъ пустѣйшій человѣкъ, эгоистъ, честолюбецъ, и думаетъ только о себѣ. Положимъ, что весь городъ толкуетъ о баронѣ, но я знаю, что баронъ во всемъ этомъ чистъ, какъ стекло, и не позже какъ сегодня....

— Могло ли мнѣ придти на умъ, что простое и самое невинное свиданіе...

— Съ котораго бѣгутъ закутавшись въ шинель?

— Вотъ ужь это безъ всякаго намѣренія, Кондратій Захарычъ, перебилъ Лучезарскій: и шелъ я скоро оттого, что мнѣ холодно было.

— Знаемъ, знаемъ!

— Небомъ клянусь!

— Поздно, говорю вамъ! Я убѣдился, что не баронъ, а вы губите невинную, неопытную дѣвицу, ребенка, можно сказать.

— Хорошъ ребенокъ!

— Хорошъ или не хорошъ, а дѣвица сдѣлается женою вашею, молодой человѣкъ, и увезти ее помогу вамъ я.

— Увезти ее?

— Ее, и не позже какъ на будущей недѣлѣ, а до того времени не покушайтесь выходить изъ дому, и ожидайте, пока я не кончу всѣхъ нужныхъ приготовленій. Первое время можете провести у меня въ деревнѣ; тамъ кстати и обвѣнчаютъ васъ. О матеріяльныхъ потребностяхъ прошу не заботиться; найдется въ шкатулкѣ моей тысяча другая, найдется и побольше.

— Кондратій Захарычъ! вы истинно честный человѣкъ! Не слишкомъ ли далеко васъ завлекаетъ ваша честность? женить насильно!...

— Повторяю, что любитъ она не барона, а васъ, васъ; понимаете ли?

— Но я-то не люблю ея...

— Какъ? вы не любите этого восхитительнаго существа, созданнаго небомъ для счастія мужа, всякаго мужа, сударь!... Да знаете ли: согласись она, или подобная ей, взять меня, не только въ мужья, а въ слуги...

*

— Посватайтесь, Кондратій Захарычъ! пойдетъ и за васъ.

Бросивъ вмѣсто отвѣта презрительный взглядъ на Корнелія Егоровича, Солонимскій только что не плюнулъ ему въ глаза; но удержавшись, повторилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, чтобы онъ не оставлялъ квартиры своей до минуты отъѣзда въ деревню съ совершеннѣйшею изъ дѣвушекъ, и вышелъ отъ Лучезарскаго.

«Онъ вретъ», сказалъ самъ себѣ красавецъ, оставшись одинъ, «онъ вретъ, и жениться на княжнѣ Евгеніи не заставитъ ни какими пытками. Завтра же напишу ей о случившемся».

XVIII.

Ночь, послѣдовавшая за концертомъ, показалась очень длинною для многихъ дѣйствующихъ лицъ моего повѣствованія. Аглая не спала эту ночь, ожидая съ трепетомъ завтрашней помолвки своей съ барономъ. Барону снился графъ Семенъ Сергѣевичъ Волговодскій. Богдана Богдановича тревожило какое-то ожиданіе; Солонимскаго—мысль, что Аглая чувствуетъ къ нему отвращеніе. Корнелій Егоровичъ безъ ужаса не могъ вспомнить о княжнѣ, превращенной въ его супругу, и, наконецъ, самъ Иванъ Михайловичъ не скоро заснулъ послѣ ночнаго свиданія съ Солонимскимъ, а главное, послѣ странной перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ къ нему князя Половскаго.

Прежде всѣхъ всталъ на слѣдующее утро красивый Корнелій Егоровичъ. Пододвинувъ къ окну небольшой столикъ, въ родѣ ломбернаго, онъ положилъ на него нѣ-

сколько листовъ бумаги, и принялся сочинять письмо къ княжнѣ Евгеніи. Въ этомъ занятіи молодой человѣкъ провелъ часа съ два. Пока Лучезарскій писалъ, Богданъ Богдановичъ Герцфетъ занятъ былъ самымъ внимательнымъ чтеніемъ нѣмецкихъ писемъ, повидимому полученныхъ изъ за границы, потому что на конвертахъ ихъ чернѣлись штемпеля различной величины и формы. При этомъ занятіи, лице Герцфета принимало то веселое, то насмѣшливое, то злое выраженіе.

Кондратій Захаровичъ, употребившій остатокъ ночи на обдумываніе средствъ увезти Аглаю, для сочетанія ея законнымъ бракомъ съ Корнеліемъ Егоровичемъ, остановился на томъ, что въ дѣлѣ этомъ могъ быть ему полезенъ одинъ Кузьма Тихоновичъ Парѳенинъ, человѣкъ дѣльный и преданный дочери фонъ-Гарецкихъ. Одна Княжна Евгенія, проснувшись въ обычный часъ утра, напилась кофе, и, не причесанная, не умытая, въ кисейномъ, сомнительнаго цвѣта пеньуарѣ, суетилась вокругъ горничныхъ своихъ, суетившихся въ свою очередь вокругъ розоваго тарлатановаго платья, изготовленнаго для помолвки племянницы. Извѣстнымъ нарядомъ своимъ старая дѣва хотѣла показать жениху, то есть барону, какъ равнодушна она къ его непостоянству.

Въ десять часовъ утра князь Грибкинъ-Ослабушевъ получилъ печатное увѣдомленіе, въ которомъ Иванъ Михайловичъ и Олимпіада Аверкіевна фонъ-Гарецкіе имѣли честь увѣдомить родственника своего о помолвкѣ дочери ихъ, Аглаи Ивановны, и барона Адольфа Густавовича Кронбруншпица. Словесно же приказано было фонъ-Гарецкими посланному развезти билеты всѣмъ роднымъ и знакомымъ и просить ихъ пожаловать въ этотъ день откушать.

Подобное печатное приглашеніе получилъ въ это утро и князь Павелъ Дмитріевичъ Половской, который сначала нахмурился было, но, подумавъ, улыбнулся, и приказалъ сказать родственникамъ своимъ, что постарается быть. «Не убудетъ же меня отъ того, что поѣду къ этимъ скотамъ», подумалъ громко его сіятельство, и подумалъ это при камердинерѣ и двухъ слугахъ. Потомъ старый князь приказалъ воротить посланнаго и пресерьезно разспросилъ его, точно ли барышня помолвлена за барона?

— Безпремѣнно за барона, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ.

«Значитъ врали про молодца-то, и по ночамъ таскался не онъ», снова громко подумалъ старый князь.

Думая, что замѣчаніе его сіятельства сдѣлано въ видѣ вопроса, посланный фонъ-Гарецкихъ, очень обрадованный случаю поговорить съ такою именитою особою, доложилъ, что молъ знать про то господамъ, а слугамъ въ это дѣло входить не приходится и проч. и прочее.

Объѣхавъ почетныхъ родственниковъ господъ своихъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рѣпенина, посланный забѣжалъ къ Богдану Богдановичу, Корнелію Егоровичу и еще къ тремъ сослуживцамъ барина. Къ барону Кронбруншпицу посланъ былъ фонъ-Гарецкимъ самъ Климычъ, съ собственноручнымъ письмомъ будущаго тестя и будущей тещи.

У крыльца квартиры агронома, столкнулся слуга Ивана Михайловича съ горничною княжны Евгеніи Аверкіевны, съ Лукьяномъ Солонимскаго, и еще съ какимъ-то слугою.

Блѣдноволосому барону подали четыре письма вдругъ. Разумѣется, баронъ началъ съ главнаго, то есть съ посланія фонъ-Гарецкихъ.

«Любезнѣйшій баронъ и будущій родственникъ», писалъ Иванъ Михайловичъ. «Наконецъ осуществило Провидѣніе наипламеннѣйшее желаніе наше, и Аглаичка сегодняшняго числа изъявила свое добровольное согласіе вручить вамъ свою руку и сердце. Поспѣшите, любезнѣйшій сынъ (вы, конечно, позволите давать вамъ впредь это названіе), поспѣшите обнять насъ въ столь торжественную минуту и примите благословеніе отъ рукъ тѣхъ, которые не перестанутъ возсылать къ небу теплыя мольбы свои, дабы оно увѣнчало будущность вашу вѣнцемъ благополучія, мира, согласія и вожделѣннаго здравія. Искренно любящій васъ

Иванъ фонъ-Гарецкій.

«Любезнѣйшій баронъ»! приписывала Олимпіада Аверкіевна: «избытокъ чувствъ лишаетъ меня возможности выразить на бумагѣ, какъ я счастлива, что все у насъ кончилось по обоюдному желанію. Умоляю васъ не смотрѣть на грусть Аглаички; я точно такою была въ молодости, но только вышла замужъ, такъ все и прошло. Сегодня, къ четыремъ часамъ по полудни, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ какъ всѣхъ короткихъ, такъ и васъ, любезнѣйшій баронъ и безцѣнный родной нашъ».

Олимпіада фонъ-Гарецкая.

Съ самодовольною улыбкою отложилъ посланіе фонъ-Гарецкихъ торжествующій агрономъ, и взялся за записку ея сіятельства княжны Евгеніи. Она была слѣдующаго содержанія.

«Любезный баронъ!

«Вчера еще узнала я, отъ братца Ивана Михайловича и сестрицы Олимпіады Аверкіевны, объ изъявленіи согласія племянницы моей Аглаи вручить вамъ судьбу свою. Пользуясь такъ давно дружбою вашею, баронъ, я не могу лишить себя удовольствія отъ всего сердца и

первой поздравить васъ, и присоединить пламенное желаніе къ общему благополучію вашему. Надѣюсь, баронъ, что въ этомъ желаніи вы увидите ясно, какъ безкорыстны были чувства отъ глубины души преданной вамъ Евгеніи....»

— Вотъ чудо, вотъ диво! подумалъ агрономъ и принялся снова перечитывать записку ея сіятельства. Не уже ли строки эти писаны отъ души и безъ внутренней досады? повторилъ съ восторгомъ баронъ, не вѣря своему благополучію. Со стороны одной княжны и ожидалъ онъ въ рѣшительную минуту кое какихъ, ежели не препятствій, то сценъ, по крайней мѣрѣ....

Но любопытно знать, что могло такъ внезапно подвинуть и фонъ-Гарецкихъ къ такой поспѣшности объявить всѣмъ знакомымъ о помолвкѣ дочери, и княжну — показать такъ много сочувствія къ женитьбѣ любимаго человѣка. Еще наканунѣ, правда, взято было Иваномъ Михайловичемъ слово Аглаи, но мы видѣли, что, во время концерта, поведеніе барона не только удивило, но оскорбило супруга Олимпіады Аверкіевны, и только что не совершенно охладило его къ будущему зятю. Поспѣшность родителей дѣвушки, а равно и сочувствіе княжны къ браку агронома, можно объяснить двумя обстоятельствами, а именно слѣдующими. Едва окончилось ночное совѣщаніе фонъ-Гарецкаго съ Кондратіемъ Захаровичемъ, и послѣдній вышелъ изъ дому, какъ блѣдный и трепещущій Климычъ явился въ дѣвичью Олимпіады Аверкіевны, и приказалъ горничной доложить о себѣ барынѣ. Лице дворецкаго искажено было какою-то внутреннею тревогою. Супруга Ивана Михайловича вышла къ нему въ неглиже. Климычъ упалъ на колѣни и, опустивъ руки, произнесъ только что не гробовымъ голосомъ: «Матушка, судары-

ня! должность не снести мнѣ добромъ, не снести, матушка барыня, погибну, Олимпіада Аверкіевна! погибну, совсѣмъ погибну....

— Что ты, что ты это, дуралей? спросила Гарецкая. — Въ чемъ ты провинился? говори, говори скорѣе.

— Вины, сударыня, моей нѣтъ никакой, да чтобы за чужую-то вину не отвѣчать передъ милостью вашею.

— Толкуй яснѣе, толкуй яснѣе, простофиля!

— А вотъ, матушка, дѣло-то какое безобразное; такое дѣло, что и языку моему выговорить страшно...

— Дѣло? какое дѣло?

— Все то же, сударыня; новаго нѣтъ никакого, правда, да знаете ли вы его? а не знаете, лучше бы и не слыхать, матушка... Вѣдь точно по ночамъ-то должно быть жаловали къ намъ господа, Олимпіада Аверкіевна! правду намедни докладывать изволили....

— Разумѣется, если барыня говоритъ, такъ говоритъ правду....

— Да, да, матушка барыня, только доложу вамъ, прибавилъ дворецкій, понизивъ голосъ: полно, хорошо ли сдѣлали, что задержали того, Солонимскаго-то барина....

— Еще бы нѣтъ, глупый ты этакой!

— Охъ, сударыня! воля милости вашей, а по моему глупому разумѣнію, доложу вамъ... ворота бы на ключъ, да съ вечера ключъ-то и приносить къ вамъ, матушка; не лучше ли бы было?....

— Это еще что за новость?

— Еще какая новость, матушка барыня! ажно волосъ коломъ становится...

— Ты выпилъ?...

— И выпилъ бы, то есть вотъ какъ выпилъ бы, сударыня, Олимпіада Аверкіевна, съ горя-то, съ горя-то...

— Право, онъ хватилъ, гнѣвно произнесла фонъ-Гарецкая, собираясь выйдти изъ дѣвичей.

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, нѣтъ, барыня, я не пьянъ, и росинки во рту не было! воскликнулъ Климычъ: а горько слугѣ, обидно слугѣ безчестье господское, вотъ какъ обидно, матушка... Климычъ поднесъ кулаки къ глазамъ и зарюмилъ. Барынѣ же своей доложилъ дворецкій, послѣ множества безсмысленныхъ фразъ и прибаутокъ, что не дѣвки молъ выбѣгаютъ за ворота, а выходить изволитъ въ ночное время старшая барышня, и барышню видѣли собственными глазами и Климычъ, и дворники, выбѣжавшіе на лай собакъ... и видѣли они не лице, но мантилью съ капишономъ...

Снять показаніе съ дворниковъ не рѣшилась фонъ-Гарецкая прежде, чѣмъ не сообщила новости этой мужу; мужъ же предпочелъ предоставить изслѣдованіе будущему зятю, то есть будущему супругу дѣвушки, выбѣгающей, по словамъ дворецкаго, въ ночное время за ворота. Родителями даже положено было не возмущать спокойствія дочери, и сдѣлать видъ, будто бы и не подозрѣваютъ ея непозволительныхъ продѣлокъ.

Вотъ въ чемъ состояла причина, побудившая фонъ-Гарецкихъ поторопиться помолвкою. Что же касается до нѣжной княжны Евгеніи, то слишкомъ милостивое воззрѣніе ея на вѣроломство барона имѣло началомъ происшествіе столько же ею неожиданное, сколько и пріятно поразившее старую дѣву. Сидя за четвертою чашкою кофе, получила она, въ свою очередь, предлинное и прецвѣтистое посланіе отъ Корнелія Егоровича, никогда еще не позволявшаго себѣ такой короткости съ ея сіятельствомъ. Не оказавъ однако же большаго неудовольствія на молодаго чиновника, дѣва медленно сломила

печать, съ улыбкою развернула листъ синеватой почтовой бумаги и начала чтеніе...

Лучезарскій писалъ четко; останавливаться княжнѣ было не нужно, и она бѣгло прочла слѣдующее.

«Ваше сіятельство!

«Никогда мысль столь дерзновенная, писать къ вамъ, не могла бы придти мнѣ въ голову, но непредвидѣнный случай поразилъ меня до того, что беру на себя эту смѣлость. Помня священный долгъ и глубокое уваженіе мое къ особѣ вашего сіятельства, я съ чувствомъ искреннѣйшей благодарности осмѣлился явиться къ вамъ вчера, и милостивую ласку ко мнѣ почелъ за доброту сердца вашего сіятельства къ малозначащему существу, подобному мнѣ. Но посѣщеніе это, основанное единственно, какъ я уже имѣлъ честь увѣрить васъ, на чувствѣ благодарности, вмѣнили мнѣ въ тяжкое преступленіе, и г. Солонимскій, явившись ко мнѣ ночью, съ ожесточеніемъ осыпалъ меня горькими упреками, и объявилъ, что, питая къ вамъ неодолимую страсть, не потерпитъ такой дерзости съ моей стороны и требуетъ окончить это дѣло какъ слѣдуетъ благородному человѣку. На вопросъ мой: какъ понимаетъ Солонимскій окончаніе дѣла благороднымъ образомъ, онъ объявилъ, что требуетъ... Тутъ уже, ваше сіятельство, языкъ мой замираетъ, и я не знаю, въ силахъ ли буду преступить должное мое къ вамъ уваженіе, но не смѣю и не сообщить вамъ, княжна, что господинъ Солонимскій полагаетъ возможнымъ мнѣ, ничтожному еще существу, претендовать или надѣяться на полученіе руки вашей. Умоляю, княжна, не усомнитесь ни одной минуты, что на подобную дерзость я никогда способенъ не былъ, и ежели осмѣлился письменно повторить требованіе Солонимскаго, то единственно во избѣжаніе съ нимъ объясненій.»

Замѣтивъ, что за послѣднимъ словомъ слѣдовало: «съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью и проч.», княжна опустила посланіе, уставила глаза свои прямо противъ себя, и медленно поднесла руку къ сердцу.

— Какая дерзость! произнесла она наконецъ, но безъ гнѣва: онъ съ ума сходитъ, этотъ красивый юноша... Ему жениться на мнѣ? и онъ воображаетъ, что это возможно! прибавила дѣва, качая головою, и прибавила такъ нѣжно, такъ симпатично, что будь у печи языкъ, печь, находившаяся въ эту минуту противъ глазъ княжны, изъ жалости къ ней конечно сказала бы: «А почему бы нѣтъ, моя радость?»

Княжна, посовѣтовавшись съ собственнымъ сердцемъ, отвѣчала красивому Корнелію очень кратко, но не очень ясно, и такъ неясно, что красиваго Корнелія начала трясти лихорадка.

«Я, можетъ быть, должна была бы разсердиться на васъ, мой другъ, за странныя строки ваши, но чувства, внушившія ихъ вамъ, слишкомъ доступны натурѣ женщины, и въ отвѣтъ я подаю вамъ руку, какъ другу, и пусть ваше сердце объяснитъ настоящій смыслъ моего отвѣта.

Евгенія».

Минуту спустя, написала княжна и ту записку барону, которую онъ прочелъ въ своемъ кабинетѣ.

Но читатель вѣрно не забылъ, что барону оставалось пробѣжать еще два посланія. Почерку Солонимскаго улыбнулся агрономъ.

«Сію минуту (говорилъ въ письмѣ своемъ Солонимскій) узналъ я о предстоящей помолвкѣ вашей съ Аглаей Ивановною Гарецкою, дѣвицею достойною, но несчастною. Считая васъ благороднымъ человѣкомъ, спѣшу предупредить васъ, что дѣвица, на которой на-

мѣрены вы жениться, любитъ другаго, и любитъ давно. Самыя убѣдительныя доказательства могу представить въ кратчайшее время. Возвратите ей свободу, баронъ, и не налагайте на честь свою неизгладимаго пятна, которое повлечетъ за собою большія несчастія. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что предупрежденія мои останутся въ тайнѣ и невѣста ваша никогда не узнаетъ о нихъ. Прошу не считать меня ни соперникомъ, ни врагомъ вашимъ.»

— Ну, подумалъ баронъ: согласенъ оставить въ тайнѣ предупрежденія Солонимскаго; что же касается до свободы, то возвращу ее Аглаѣ послѣ вѣнца, когда приданое невѣсты сдѣлается собственностью мужа.

Объявивъ тремъ посланнымъ, что очень благодаритъ и ѳонъ-Гарецкихъ, и княжну, и Кондратья Захаровича, агрономъ принялся за послѣднее письмо. Въ началѣ чтенія баронъ сохранялъ всю свою веселость; онъ даже по прежнему улыбался; потомъ вдругъ выпрямилъ ротъ, сдвинулъ брови и всталъ, съ креселъ; потомъ руки его затряслись, лобъ наморщился, румянецъ исчезъ, лице покрылось влагою и взоръ барона сталъ выказывать страшное безпокойство. Окончивъ чтеніе, баронъ, шатаясь, подошелъ къ дивану, и не сѣлъ, а повалился на него, въ жестокомъ припадкѣ неподдѣльнаго отчаянія.

Не думайте однако же, чтобы прочитанный агрономомъ, мелко исписанный листъ бумаги написанъ былъ злодѣемъ или завистникомъ агронома, и не полагайте чтобы письмо было безъ подписи; напротивъ, почерка своего не скрывалъ авторъ; онъ былъ, не только не врагъ, а искреннѣйшій и преданнѣйшій изъ всѣхъ друзей барона, то есть былъ онъ просто Богданъ Богдановичъ Герцѳетъ.

Любопытно ли вамъ, читатель, знать, о чемъ увѣдомлялъ пріятель пріятеля? Читайте.

«Не взыщите, почтеннѣйшій и драгоцѣннѣйшій другъ, что я не явился лично обнять и поздравить васъ съ наисчастливѣйшимъ днемъ жизни вашей. Съ неизъяснимымъ чувствомъ радости прочелъ я печатное приглашеніе почтенныхъ фонъ-Гарецкихъ на оффиціяльную помолвку вашу съ прелестнѣйшею Аглаею Ивановною. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что бракъ этотъ содѣлаетъ васъ, другъ мой, совершенно благополучнымъ, и сколько прекраснаго сулитъ вамъ блестящая будущность! А я сегодницнее утро началъ сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ припадкомъ смѣха, который чуть не уложилъ меня въ постель. Вообразите себѣ, мой почтеннѣйшій другъ, что консулъ вашъ простеръ довѣрчивость свою до того, что повѣрилъ одной изъ безсмысленнѣйшихъ сказокъ и прискакалъ передать ее мнѣ, будто бы изъ участія, и, что всего забавнѣе, будто бы изъ участія къ вамъ, баронъ. Сказка эта состоитъ вотъ въ чемъ. Увѣдомляютъ сію минуту консула, что какой-то негодяй (фамиліи не помню), временно управляя помѣстьями одного богатаго владѣльца въ Виртембергѣ, объявилъ въ одну ночь, что на домъ его напали разбойники и отобрали всѣ наличныя деньги; что потомъ, пользуясь довѣренностью владѣльца, не арестовавшаго его по сильному подозрѣнію, бѣжалъ въ Австрію, и оттуда, съ добытымъ имъ у одного студента паспортомъ, пробрался въ Россію и проживаетъ нынѣ въ Петербургѣ, подъ вашимъ именемъ. «Но не съ вчерашняго дня знакомы мы съ барономъ Кронбрунншпицомъ», замѣтилъ я старику, помирая со смѣху. Но онъ отвѣчалъ, что и виртембергскій бѣглецъ ускользнулъ изъ рукъ правительства нѣсколько лѣтъ назадъ, а нынѣ хочетъ жениться, какъ

говорятъ, на богатой дѣвушкѣ, и помощью приданаго ея продолжать укрываться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Напрасно увѣрялъ я консула, что будь вы тотъ, про кого ему пишутъ, кто же бы помѣшалъ вамъ немедленно оставить Петербургъ, и написать, примѣрно, родителямъ невѣсты, что неблагопріятные слухи на счетъ дѣвушки и другія какія причины заставили васъ отказаться отъ руки ея и искать счастья въ другихъ краяхъ. «Можетъ быть у него нѣтъ денегъ», замѣтилъ старикъ, все еще сомнѣваясь. Что же пришло мнѣ въ голову, драгоцѣннѣйшій другъ мой, для его совершеннаго успокоенія? какъ вы думаете? Съ другой стороны боялся я болтливости старика, очень способнаго подозрительнымъ характеромъ своимъ поднять всю полицію на ноги. «Послушайте», сказалъ я консулу: «чтобы доказать вамъ неосновательность предположеній вашихъ, посылаю барону билетъ въ 5000 рублей, съ намекомъ о распространившихся слухахъ, и ежели онъ дѣйствительно негодяй, то, разумѣется, воспользуется этими деньгами и постарается тотчасъ же скрыться, противъ чего мѣры принять не трудно. Въ противномъ же случаѣ возвратитъ билетъ и станетъ надъ вами же смѣяться. Старикъ согласился сдѣлать этотъ опытъ, и въ эту минуту сидитъ у меня. Потѣшьте же меня, мой любезнѣйшій другъ, и немедленно пришлите обратно мой билетъ; но пришлите скорѣе: иначе забавная сказка консула, пожалуй, распространится по городу, и хотя не сдѣлаетъ вамъ положительнаго вреда, но все таки...»

Хотя пятитысячнаго билета въ запискѣ Герцфета, разумѣется, и не оказалось, но таковой носилъ постоянно въ бумажникѣ своемъ баронъ Кронбрушпицъ. Такъ какъ въ истинномъ и настоящемъ намѣреніи друга агрономъ не сомнѣвался, то и, не колеблясь ни минуты,

вложилъ онъ билетъ свой въ пакетъ, присоединилъ къ нему премилую и прешуточную записку, и дрожащими руками отправилъ его съ однимъ изъ вѣрныхъ слугъ дома, въ которомъ проживалъ безплатно. Баронъ, правда, никогда не былъ очень умнымъ человѣкомъ, но въ важныхъ случаяхъ разсудокъ не измѣнялъ ему, а въ доказательство приведу одну неоспоримую истину. Румяный агрономъ нашъ всегда отдавалъ надъ собою преимущество, какъ въ быстротѣ соображеній, такъ и въ находчивости вообще, почтеннѣйшему пріятелю своему, Богдану Богдановичу Герцфету.

XIX.

Всѣ описанныя происшествія окончились къ часу по полудни, а въ этотъ часъ домъ Кузьмы Тихоновича, или, лучше сказать, бельэтажъ его дома, приведенъ былъ въ самый блистательный видъ. По всѣмъ ступенямъ парадной лѣстницы прошли на четверенькахъ двѣ грязныя бабы, вооруженныя грязными тряпками, и привели лѣстницу въ опрятный видъ. Изо всѣхъ парадныхъ комнатъ восемь слугъ вымели недѣльную пыль и загребли ее въ переднюю, за ларь. Во всѣ лампы налитъ былъ свѣжій олеинъ; во всѣ подсвѣчники поставлены цѣльныя стеариновыя свѣчи, и съ мебели сняты чахлы. Всѣ эти приготовленія дѣлались подъ непосредственнымъ начальствомъ Климыча, разряженнаго съ позаранку въ темновишневый фракъ, бѣлый галстухъ, завязанный узломъ на затылкѣ, и въ жилетъ, не доходившій снизу до мѣдныхъ пуговицъ темныхъ крашеныхъ панталоновъ. Изрѣдка въ парадныхъ комнатахъ появлялся и самъ Иванъ Михайловичъ, и появлялся то въ халатѣ, то въ однихъ брюкахъ, то въ

брюкахъ и жилетѣ, но безъ галстуха. Наконецъ явился Иванъ Михайловичъ совершенно одѣтый. Лице его выражало полное удовольствіе, смѣшанное съ нестерпимою спесью. Фонъ-Гарецкій казался такъ счастливъ въ это знаменитое утро, что, скажи ему кто нибуь ошибкою: «ваше превосходительство», онъ не перенесъ бы своего благополучія и вѣрно сошелъ бы съ ума. Олимпіада Аверкіевна равнодушнѣе переносила радость, низпосылаемую ей небомъ, и гораздо болѣе занималась въ это утро дочерью, чѣмъ собственною особою. Переходя безпрестанно изъ бельэтажа въ третій, фонъ-Гарецкая то читала наставленія невѣстѣ, то бранила ее, то поправляла нѣкоторыя части туалета. Въ это же время Олимпіада Аверкіевна успѣвала заглянуть на кухню, перенюхать всю провизію, прибранить повара, дотронуться и до того и до другаго, сдѣлать нѣсколько замѣчаній Климычу и снова упрекнуть чѣмъ нибудь невѣсту, безмолвную и грустную, будто приговоренную къ казни. Трудно было опредѣлить, что было на сердцѣ у Аглаи: сражалась ли она съ несносною жизнью своею, или въ умѣ ея таилось какое нибудь скрытое намѣреніе, дѣлавшее ее по наружности спокойною, чтобы не сказать совершенно нечувствительною ко всему, ее окружавшему. Въ два часа раздался въ прихожей звонокъ. Иванъ Михайловичъ заглянулъ изъ залы въ щель дверей, и, отворивъ ее, назвалъ кого-то Петромъ Петровичемъ. То былъ одинъ изъ сослуживцевъ фонъ-Гарецкаго, состоявшій даже въ одномъ съ нимъ чинѣ, хотя и былъ годами пятью постарѣе хозяина. Онъ явился за полчаса до назначеннаго времени, чтобы успѣть, если понадобится, оказать почтеннѣйшему хозяину какую нибудь услугу.

— Ну, спасибо, спасибо вамъ, что не опоздали, ска-

залъ фонъ-Гарецкій, останавливаясь у дверей залы. — А у насъ содомъ идетъ съ утра! Однихъ увѣдомленій разослано не вѣсть сколько!

— Приносимъ искреннѣйшее поздравленіе, Иванъ Михайловичъ! проговорилъ Петръ Петровичъ, снимая шинель и медленно подходя къ хозяину дома. — Не то что мы, вамъ близкіе, Иванъ Михайловичъ, а всѣ знакомые порадовались живѣйшимъ образомъ...

— Ну, не то чтобы всѣ, Петръ Петровичъ, не то чтобы всѣ...

— Разумѣется, недоброму человѣку чужая радость доставляетъ досаду, отчасти зависть.

— И не одинъ такой у насъ.

— Такихъ много, Иванъ Михайловичъ. Но вѣдь они собственно сами доставляютъ себѣ сокрушеніе на счетъ....

— Справедливо; и Богъ съ ними!

— Истинно такъ, Иванъ Михайловичъ. Злому человѣку, что врагу...

— А дошелъ таки слухъ о сегоднишнемъ праздникѣ моемъ?

— Давно поговаривали. Вѣдь сначала поговаривали, Иванъ Михайловичъ, о Корнеліи Егоровичѣ; шибко поговаривали.

— Вздоръ какой!

— Вышелъ-то точно вздоръ.

— И въ помышленіяхъ не было!

— Точно, должно быть въ помышленіяхъ не было!

— Еще Богъ миловалъ отъ крайности выдавать дочекъ за голышей. И чинъ-то у Лучезарскаго какой!

— Ну, а вашъ будущій зятекъ чиновенъ, стало?

— Тамъ, въ томъ краю, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, отвѣчалъ съ увѣренностью фонъ-Гарецкій.

— У васъ крѣпкая рука.

— Кто же это такой?

— Хоть бы князь.

— Ну, князь самъ по себѣ, а и на собственныя достоинства крѣпкую надежду полагаю, Петръ Петровичъ.

— Зятька-то не опредѣлите ли въ службу, Иванъ Михайловичъ?

— Онъ объ этомъ мнѣ не говорилъ.

— Онъ не безъ достатка?

— Дочки не отдалъ бы за нищаго.

— И велико имущество ихъ, Иванъ Михайловичъ?

— Да, таки, слава Богу, жить будетъ чѣмъ. Онъ же у меня (чай, слыхали и вы, Петръ Петровичъ?) искуснѣйшій хозяинъ. Много пишетъ объ экономіи; издалъ знаменитыя сочиненія. Не уже ли не слыхали про барона Кронбрунншпица?

— Должно быть слышалъ, Иванъ Михайловичъ; прехорошее сочиненіе. Какъ не слыхать! кто нибудь вѣрно говорилъ; ужь такое дѣло....

— У него помѣстья обширныя, есть и острова....

— Стало и рыбная ловля есть?

— Вѣрно есть и рыбная ловля.

— Вотъ эта статья должно быть превыгодная, Иванъ Михайловичъ. Что ея истребляютъ въ одномъ Питерѣ, рыбы-то! Возьмите сельдяной буянъ: за четыре версты воняетъ.... а бочекъ-то, бочекъ!

— И кромѣ рыбы, любезный, найдутся у будущаго роденьки другіе доходы; есть у него и за̀мокъ.

— Какъ это-съ?

— Есть у него, говорю, и за̀мокъ.

— То есть, въ которомъ живутъ?

— Ну, да, въ родѣ нашихъ домовъ, только побольше

будетъ; прадѣдовскій; съ башнями, зубцами на стѣнахъ, съ арсеналомъ. Намъ съ вами, Петръ Петровичъ, и видѣть не приходилось такихъ....

— Признаться, всего-то и пришлось видѣть одинъ тюремный.

— Ну, отъ такихъ упаси насъ Господи, сказалъ фонъ-Гарецкій, поглядывая на часы. — Однако, прибавилъ онъ, отходя отъ гостя: скоро три часа, а ни кто не жалуетъ; странно!

— У всякаго свои занятія, замѣтилъ Петръ Петровичъ, слѣдуя за хозяиномъ.

Полчаса спустя прибыли еще двое сослуживцевъ фонъ-Гарецкаго; вслѣдъ за ними пожаловалъ и его превосходительство Исидоръ Елеазаровичъ Рѣпенинъ; съ нимъ обошелся Иванъ Михайловичъ и холодно и невнимательно. Фонъ-Гарецкій помнилъ концертъ, и помнилъ неготовность, оказанную Рѣпенинымъ уступить мѣсто свое дамамъ. Новый звонокъ въ передней возвѣстилъ князя Ослабушева, съ которымъ въ одно время пожаловалъ и Богданъ Богдановичъ. Первый, съ обыкновенною саркастическою улыбкою, освѣдомился у Ивана Михайловича о томъ, гдѣ намѣренъ онъ праздновать свадьбу дочери: въ Петербургѣ, или въ помѣстьяхъ барона, которыя, какъ слышно, очень обширны. Потомъ Грибкинъ оказалъ нетерпѣніе покороче познакомиться съ женихомъ. Богданъ Богдановичъ то со слезами умиленія бросался на шею фонъ-Гарецкаго, то съ чувствомъ хваталъ руки гостей, и каждому по очередно твердилъ о неосновательности городскихъ розсказней, о нелѣпости распространяемыхъ слуховъ, о томъ, какъ много страдаютъ иногда дѣвицы отъ праздныхъ языковъ, и прибавлялъ къ этому, что если бы баронъ оффиціяльною помолвкою своею не уничтожилъ всѣ ядовитыя выдумки

завистниковъ, то прелестная Аглая принуждена бы была нести на себѣ все бремя обвиненій.

Въ началѣ четвертаго часа дверь спальни отворилась, и въ гостиную вошли Олимпіада Аверкіевна, Евгенія Аверкіевна и Аглая. На матери невѣсты надѣто было шелковое платье, а на княжнѣ и невѣстѣ тарлатановыя. Лице будущей баронессы не уступало, ни бѣлизною, ни прозрачностью, восковой фигурѣ съ полинялымъ ртомъ. На шумныя поздравленія гостей, дѣвушка отвѣчала не улыбкою, не поклономъ, а дикими взглядами, и только что не истерическимъ рыданіемъ, подавленнымъ силою воли. Страшась полнаго припадка, Олимпіада Аверкіевна помѣстила дочь на диванѣ, между собою и княжною Евгеніею. Послѣдняя искала кого-то глазами. Сдѣлавъ по вычурному комплименту всѣмъ дамамъ по очереди, Герцфетъ будто вспомнилъ о чемъ-то, вдругъ бросился къ фонъ-Гарецкому и отозвалъ его въ сторону.

— Представьте себѣ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, воскликнулъ онъ: все утро думалъ, какъ бы не забыть, а пріѣхалъ — и изъ головы вонъ.

— Что такое, что такое?

— Сегодня будущій вашъ роденька, желая видно окончить какъ слѣдуетъ безпорядки холостой жизни, вздумалъ прислать мнѣ давнишній должекъ. Не имѣя, по правдѣ сказать, ни малѣйшей надобности въ деньгахъ, я и подумалъ: куда мнѣ съ ними? Въ Совѣтъ? Не стоитъ класть такой бездѣлицы. Постой, говорю, у дорогаго моего Ивана Михайловича начнутся пиры, авось не откажется пустить въ ходъ и мой билетишка! Я и захватилъ его съ собою.

— Экой штукарь какой! сказалъ радостно фонъ-Гарецкій, указывая пальцемъ на услужливаго гостя: а

самъ, чай, думалъ себѣ: одолжу-ка я его, вотъ какъ одолжу!

— Полноте, почтеннѣйшій, полноте, перебилъ Герцфетъ: вѣдь не сотня тысячь, а всего пять какихъ нибудь, такъ этакимъ вздоромъ васъ не одолжишь; небось и сегодня съѣдимъ да выпьемъ тутъ больше.

— Ну, ладно, ладно, подавайте сюда билетъ, и, чтобъ наказать пріятеля, не дамъ ему за него ни векселя, ни расписки. Вотъ и попались!

— Не трушу: не мое пропадетъ! и такъ увѣренъ въ этомъ, что если понадобится Ивану Михайловичу съ десятокъ такихъ лоскутковъ, сегодня же притащу.

— Вѣрю, вѣрю вамъ, мой рѣдкій, мой неизмѣнный Богданъ Богдановичъ! отвѣчалъ хозяинъ, обнимая Герцфета и укладывая въ пустой карманъ билетъ барона въ пять тысячь рублей.

Еще звонокъ: дверь прихожей распахнулась настежъ и въ ней показалась величественная фигура князя Павла Дмитріевича. Съ притворною радостью бросилась было къ нему на встрѣчу чета фонъ-Гарецкихъ, но вдругъ чета эта вскрикнула отъ изумленія, и стала какъ вкопаная. Старикъ Половской велъ за руку Солонимскаго, столько же похожаго на восковую фигуру, какъ и невѣста.

— Благодарите меня, дорогіе родственники, сказалъ князь: за то, что поправилъ ошибку людей вашихъ, не доставившихъ пригласительнаго билета почтенному Кондратью Захаровичу. Я убѣдилъ его, не смотря на вашъ промахъ, не отказаться раздѣлить нашу общую радость.

— Мы благодарны вамъ, дядюшка, проговорила съ гримасою Олимпіада Аверкіевна: и увѣрены, что....

— Погодите, моя милая Олимпіада Аверкіевна, пе-

ребилъ старикъ: прежде всего я долженъ объясниться съ Иваномъ Михайловичемъ.

— Со мною?

— Съ вами, мой любезный, съ вами!

— О чемъ же, князь?

— Объяснить послѣднюю встрѣчу нашу въ концертѣ.

— Стоитъ ли, Павелъ Дмитріевичъ?

— Какъ не стоитъ? очень стоитъ, напротивъ, и безъ этого не пойду къ внучкѣ, которую оскорбилъ я не хотя, а дѣло-то въ томъ, что не пришлите вы мнѣ сегодня оффиціяльнаго приглашенія на помолвку, признаюсь откровенно, ноги бы моей не было въ домѣ.... Вѣдь про вашъ-то домъ, друзья мои, носились по Петербургу такія розсказни...

— Охота была вамъ вѣрить, князь! замѣтила Олимпіада Аверкіевна.

— Чего тутъ не вѣрить, милая, когда люди самые близкіе, хотя бы, примѣрно сказать....

— Я, перебилъ Герцфетъ, улыбаясь.

— Ну, вотъ, вотъ!

— Знаемъ, знаемъ, князь, подхватилъ, равно улыбаясь, Иванъ Михайловичъ: и на досугѣ объяснимъ вамъ во всѣхъ подробностяхъ это недоразумѣніе; а теперь не угодно ли будетъ вашему сіятельству по родственному поцѣловать внучку вашу, и, какъ то водится, побесѣдовать съ нею....

— Гдѣ же она?

— Аглаичка, Аглаичка! сказала мать, обращаясь къ совершенно неподвижной дочери своей: или не видишь дѣдушки?...

Старикъ не допустилъ невѣсту встать и подсѣлъ къ

ней на диванъ, а княжна Евгенія, не спускавшая глазъ съ Солонимскаго, подошла къ нему.

Знатный родственникъ фонъ-Гарецкихъ сказалъ неправду, и вовсе не онъ упрашивалъ деревенскаго сосѣда раздѣлить общую семейную радость, а, напротивъ, провинціялъ убѣдительно просилъ князя взять его съ собою на помолвку.

Не переставая думать о странномъ письмѣ Корнелія Егоровича, въ которомъ красавецъ упоминалъ, между прочимъ, о давнишней страсти Солонимскаго къ ея сіятельству, старая дѣва рѣшилась разъяснить это дѣло, но съ какимъ намѣреніемъ, это было извѣстно ей одной. Впрочемъ, можно ли было вмѣнить въ преступленіе нѣжной Евгеніи непреодолимое желаніе ея выйдти замужъ? Провинціялъ, по совѣсти, не уступалъ очень, очень многимъ ни свѣжестью, ни мужествомъ, ни здоровьемъ, и будь онъ немножко поболѣе образованъ въ свѣтскомъ отношеніи, множество дѣвицъ пошло бы за него съ удовольствіемъ.

Подошедши къ самому Солонимскому и бросивъ на него испытующій взглядъ, старая дѣва въ полголоса попросила его сѣсть поближе къ дверямъ и рядомъ съ порожнимъ стуломъ. Не исполнить просьбы княжны было бы странно, и Солонимскій повиновался. Секунду спустя, порожній стулъ исчезъ подъ дѣвою и начался такой разговоръ, котораго, конечно, уже никакъ не ожидалъ деревенскій сосѣдъ.

— Я сегодня только узнала все, все, прошептала Евгенія, наклоняя головку къ провинціялу: Корнелій Егоровичъ измѣнилъ тайнѣ.

— Ежели Лучезарскій ошибся въ участіи вашемъ, княжна, то онъ дуракъ и больше ничего, отвѣчалъ Кондратій Захарычъ...

— Не онъ ошибся, а ошиблись вы въ своихъ предположеніяхъ и ревность ослѣпила васъ.

— Нѣтъ, я вижу ясно.

— Вы слѣпы, говорю вамъ.

— Къ несчастью слишкомъ не слѣпъ, Евгенія Аверкіевна.

— То, что показалось вамъ наклонностью, симпатіею, чтобъ не сказать чувствомъ, было только участіе..

— Съ чьей стороны?

— Богъ мой! какъ хотите вы чтобъ я назвала...

— Положимъ; не нужно именъ, скажемъ просто — она.

— Достаточно. И такъ, она никогда не любила Корнелія; понимаете ли: никогда не любила, повторила княжна, бросая на собесѣдника нѣжный, многозначительный взглядъ.

— Теперь поздно разбирать чувства.

— Это почему?

— Слишкомъ далеко зашла она, и не дальше, какъ вчерашнее свиданіе...

— Отелло вы этакой! воскликнула Евгенія съ страшнымъ кривляньемъ: не уже ли вѣтренникъ этотъ Корнелій былъ такъ наивенъ, что довѣрилъ ревнивцу...

— Довѣрять не нужно того, что знаютъ, въ чемъ убѣждаются собственными глазами.

— Брависсимо! вы убѣдились собственными глазами? стало, вы...

— Я случайно встрѣтился съ нимъ у воротъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Ну, что же изъ этого слѣдуетъ? И можно ли обвинять насъ, бѣдныхъ, слабыхъ женщинъ, въ маленькомъ кокетствѣ, когда вы, мужчины, подаете сами къ тому поводъ?

— Въ нашемъ разговорѣ, княжна, этотъ упрекъ не у мѣста, и ежели вы все знаете, станемъ говорить яснѣе.

— Очень рада.

— Послѣ вчерашняго поступка ея...

— Понимаю, понимаю.

— Она не можетъ и не должна иначе кончить, какъ благородно, и, по моему мнѣнію, со вчерашняго дня рука ея должна принадлежать Корнелію Егоровичу...

— Этому мальчику? Полноте! вы смѣетесь.

— Нѣтъ, вовсе не смѣюсь.

— Такъ, просто, сошли съ ума.

— Къ сожалѣнію и этого нѣтъ.

— Какъ же могли вы себѣ вообразить, что она, понимаете ли: *она*, вручитъ всю будущую участь свою подобному вѣтреннику?

— Повторяю, что въ настоящую минуту отступить невозможно... и ежели она считаетъ препятствіемъ претензіи барона...

— Новое подозрѣніе, мой Отелло, новая мавританская ревность, мой тиранъ! Но, повѣрьте же моему слову, клятвѣ моей, что она никого не любитъ изъ тѣхъ, кого вы назвали... напротивъ, ежели способна она избрать себѣ друга, защитника, мужа, наконецъ, то выборъ этотъ уже конечно падетъ скорѣе на... на...

— Я третьяго не знаю, княжна.

— А хотите знать?

— Мнѣ все равно.

— Право?

— Да, теперь называйте любаго; прежнее чувство...

— Ага! воскликнула радостно дѣва: проговорились, проговорились!

— Я не говорилъ никогда, слѣдовательно и не скрывалъ, Евгенія Аверкіевна.

— Скрывали, скрывали, сударь, и дурно дѣлали; скрывали потому, что сами любили ее...

— Лучезарскій подлецъ!

— Онъ поступилъ благородно, но вы, вы ревнивецъ...

Горячо разговаривавшая чета не слыхала ни новаго звонка, раздавшагося въ прихожей, ни шуму растворившейся двери, и ея вниманіе пробудилъ только громкій возгласъ вошедшаго Климыча, доложившаго Ивану Михайловичу, во всеуслышаніе, что какой-то человѣкъ желаетъ говорить съ нимъ.

— Кто онъ, и что ему нужно? спросилъ тотъ вставая.

— Онъ съ письмомъ отъ барона.

— Отъ барона?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ дворецкій, отстраняясь отъ дверей, чтобы пропустить барина.

Всѣ глаза направились на замѣтно взволнованнаго Ивана Михайловича, который скорыми шагами вышелъ изъ гостиной. Непродолжительное молчаніе всѣхъ присутствовавшихъ въ гостиной прервано было возвращеніемъ отца невѣсты, блѣднаго и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

— Что такое? воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Что онъ пишетъ? спросилъ старый князь.

— Что пишетъ? повторилъ глухимъ голосомъ фонъ-Гарецкій: что пишетъ? Да къ чему скрывать! читайте громко, князь, пусть полюбуются всѣ поступкомъ моего избраннаго зятя, и, порадуются моей радости... Онъ отказывается отъ руки дочери.

«Наконецъ!» подумалъ съ радостью Солонимскій. Лице невѣсты мгновенно прояснилось; она какъ будто ожила.

— Отказывается онъ, онъ! послышалось во всѣхъ углахъ гостиной, и, съ истиннымъ или поддѣльнымъ негодованіемъ всѣ гости окружили стараго князя Половскаго, за исключеніемъ Ослабушева, который, взявшись за бока, залился принужденнымъ смѣхомъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ развернулъ посланіе и громогласно прочелъ слѣдующее.

«Милостивый государь
Иванъ Михайловичъ!

«Съ истиннымъ и душевнымъ прискорбіемъ, долгомъ считаю сознаться вамъ, что, не смотря на все стараніе убѣдиться въ невинности дочери вашей, я въ ней убѣдиться не могъ послѣ слуховъ, распространившихся по всей столицѣ, а слѣдовательно и принять женитьбою этою на честь свою пятна»...

— Мерзавецъ! вскрикнулъ Солонимскій, вырывая съ неистовствомъ письмо барона изъ рукъ стараго князя. —Довольно читать—насталъ часъ расплаты... Господа! прибавилъ провинціялъ, обращаясь ко всему обществу: истинную причину отказа барона объясню я вамъ. Я здѣсь сегодня не по просьбѣ князя; нѣтъ, а явился чтобъ предупредить насильство и вырвать жертву изъ рукъ подлаго человѣка, вмѣстѣ съ его жизнью, если бы онъ, послѣ письма, написаннаго ему мною сегодня, осмѣлился еще преслѣдовать свою жертву. Да будетъ же стыдно тому изъ васъ, кто дастъ хотя минутную вѣру подлымъ, низкимъ его обвиненіямъ и вынесетъ хотя одно слово изъ этого письма. Иванъ Михайловичъ! опомнитесь, или много бѣдъ падетъ на совѣсть вашу!...

Съ послѣднимъ словомъ провинціялъ бросился къ дверямъ прихожей. Смятеніе въ гостиной сдѣлалось общимъ; большая часть гостей обратилась въ ту сторону,

гдѣ сидѣла невѣста. Богданъ Богдановичъ, будто желая предупредить бѣды, о которыхъ упомянулъ Солонимскій, скорыми шагами послѣдовалъ за нимъ.

Догнавъ его на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы, Герцфетъ спросилъ у Кондратья Захаровича, знаетъ ли онъ, гдѣ найдти барона?

— Хоть въ преисподней, а я найду его, отвѣчалъ тотъ.

— Не забудьте кстати и московскаго шоссе, перебилъ Герцфетъ, да не упоминайте въ распросахъ о титулѣ пріятеля. Онъ чуть ли во время путешествія не предпочтетъ инкогнито.

Сцена, послѣдовавшая за отказомъ барона Кронбрунщпица, была такъ ужасна, что описывать ее считаю излишнимъ. Замѣтивъ радость на лицѣ дочери, нѣжный родитель забылся до того, что, въ присутствіи постороннихъ лицъ, сталъ осыпать Аглаю самыми страшными упреками. Сначала называлъ онъ ее неблагодарною, непослушною, отравительницею всей его жизни, потомъ перешелъ къ выраженіямъ болѣе оскорбительнымъ, и наконецъ забылся до обвиненія въ распутствѣ, и во всеуслышаніе упомянулъ о ночныхъ свиданіяхъ съ любовниками.

До этого упрека дѣвушка не поднимала глазъ своихъ на раздраженнаго отца; когда же послѣднее обвиненіе коснулось ея слуха, она вздрогнула всѣмъ сердцемъ, подняла обѣ руки къ верху, и за мертво ринулась объ полъ.

Въ эту самую минуту Богданъ Богдановичъ торжественно выступилъ впередъ, и, подойдя къ фонъ-Гарецкому, произнесъ величественно:

— Иванъ Михайловичъ! дочь ваша невинна, и въ доказательство я, честный и благородный человѣкъ, прошу у васъ руки ея...

— Вы, вы? повторилъ фонъ-Гарецкій.

— Я, я, Иванъ Михайловичъ!

— Ты слышишь, Олимпіада? Вы слышите, князь? спросилъ родитель полумертвой Аглаи.

— Къ моему искреннему сожалѣнію, отвѣчалъ старый князь: я слышалъ здѣсь больше, чѣмъ желалъ, и то, чего бы, по мнѣнію моему, не должны были бы слышать не только посторонніе, но и самые близкіе родные. Ежели дочь ваша невинна, то вы, Иванъ Михайловичъ, обезчестили самого себя тѣми страшными упреками, которые привели бы въ ужасъ самую преступницу; но подобнаго предположенія мы сдѣлать не въ правѣ на вашъ счетъ, слѣдовательно Аглая виновна. А если она виновна, то предложеніе господина Герцфета оскорбительно было общей чести нашей. Подобныхъ сдѣлокъ не дѣлаютъ въ порядочномъ кругу, и въ такую грязь, мнѣ по крайней мѣрѣ, мараться не прилично. Не взыщите, родные, ежели я удалюсь отсюда, и въ случаѣ разспросовъ о сегодняшнемъ происшествіи, не скрою видѣннаго и слышаннаго... Прощайте!

— Педантъ! проговорилъ весело Ослабушевъ вслѣдъ ушедшему изъ гостиной старику: и кто проситъ его читать лекціи на помолвкахъ?

— Приберите ее отсюда, сказалъ послѣ краткаго молчанія фонъ-Гарецкій, указывая женѣ и своячеництѣ на лежавшую безъ дыханія дочь свою. — А отъ рѣзкихъ сужденій его сіятельства князя Павла Дмитріевича, прибавилъ съ насмѣшкою Иванъ Михайловичъ, мнѣ, право, ни жарко, ни холодно; Аглая не остается же въ дѣвкахъ, и Богданъ Богдановичъ коротко извѣстенъ всѣмъ вамъ, господа. Отнынѣ всякое оскорбленіе, сдѣланное его невѣстѣ, падаетъ уже, конечно, не на насъ стариковъ, а на него...

— Не всяко лыко въ строку, прошепталъ Петръ Петровичъ.

— Послушайте, господа! перебилъ очень спокойно и очень торжественно Герцфетъ, снова выступая на средину гостиной—Благословляя судьбу, ниспославшую мнѣ сегоднишнимъ случаемъ счастіе вступить въ семейство почтеннаго Ивана Михайловича, я однако же не потерпѣлъ бы ни тѣни сомнѣнія на счетъ невѣсты моей, и убѣдительнѣйше прошу, каждаго изъ васъ, откровенно объявить тутъ, во всеуслышаніе, кто въ чемъ можетъ упрекнуть Аглаю Ивановну? Обвиненіе это не только желаю слышать, но прошу произнести, умоляю.

— Ну, что—вздоръ, бездѣлица! сказалъ Ослабушевъ: и охота обращать вниманіе на слухи, когда есть внутреннее убѣжденіе въ ихъ несправедливости.

— Нѣтъ, нѣтъ, князь, и слухи могутъ имѣть основаніе.

— Право, Богданъ Богдановичъ, не стоитъ, и ежели баронъ щекотливъ, пусть его останется съ своими недостатками, а вы, обладая большею твердостью характера, можно сказать, благоразуміемъ...

— Все это лишнія прибаутки, князь, и ими я не удовольствуюсь.

— Ей ей, напрасно... къ тому же, взгляните на невѣсту: послать за докторомъ было бы дѣльнѣе.

— Она приходитъ въ себя, замѣтила въ полголоса Евгенія Аверкіевна, помогавшая сестрѣ и двумъ горничнымъ тереть спиртомъ виски и пульсъ дѣвушки, перенесенной съ полу на угловой диванъ.

— Тѣмъ болѣе слѣдуетъ прекратить всякія дальнѣйшія объясненія, продолжалъ князь Грибкинъ, намѣреваясь откланяться. Прочіе гости безмолвно послѣдовали было его примѣру и подошли къ нему поближе.

— Повторяю, князь, что весьма серьезно попросилъ бы всѣхъ васъ, господа, не страшась никакихъ послѣдствій, объясниться просто, въ чемъ обвиняютъ мою будущую супругу, повторилъ еще съ большею торжественностью Герцфетъ.

— Хотя я, право, ничего не страшусь, отвѣчалъ иронически женоподобный князь: но такъ какъ я не приготовился къ допросу...

— Это можетъ быть остро, но не кстати, позвольте замѣтить.

— Другаго ничего отвѣчать вамъ я не могу, Богданъ Богдановичъ, потому что никакихъ объясненій не дѣлалъ, и думаю приличнѣе было бы обратиться къ Ивану Михайловичу, который одинъ, кажется, упрекалъ невѣсту вашу въ чемъ-то...

— Я, я погорячился немного и раскаяваюсь, проговорилъ тотъ.

— Стало, и кончено! не правда ли? повторилъ насмѣшливо Ослабушевъ.

— Такъ нѣтъ, не кончено, и я попрошу почтеннаго Ивана Михайловича повторить отъ слова до слова все, имъ сказанное...

— Зачѣмъ, Богданъ Богдановичъ? вы видите, что Аглаичка раскрыла глаза, ей нуженъ покой...

— Покой безъ оправданья невозможенъ.

— Безъ оправданья? повторила слабымъ голосомъ, и силясь приподняться, Аглая: но по какому же праву говоритъ это...

— Другъ мой, спѣшилъ перебить фонъ-Гарецкій, подходя къ дочери: князь, вѣроятно, по праву родства...

— Не князь, папа, а говоритъ Богданъ Богдановичъ.

— Успокойся, моя милая, оправишься, тогда...

— Нѣтъ, сказала рѣшительно дѣвушка: не тогда, а

теперь, и сію минуту я должна и хочу, чтобы вы, папа, а не другіе объяснили мнѣ значеніе тѣхъ страшныхъ словъ, отъ которыхъ мнѣ казалось, что я умру. Давно доходятъ до моего слуха вещи для меня непонятныя. Убійственная мысль принадлежать барону заглушила во мнѣ всѣ чувства. При одной мысли этой я оставалась равнодушною ко всему и желала одного — умереть. Теперь Богъ избавилъ меня отъ угрожавшаго несчастія, и такъ какъ я сдѣлалась свободною...

— Свободною? повторилъ, будто бы удивленный, Грибкинъ-Ослабушевъ: стало...

— Что еще? спросила робко озираясь Аглая.—Папа! сжальтесь надо мною и не терзайте долѣе! Отчего удивился князь?

— Другъ мой, Аглаичка! проговорилъ Иванъ Михайловичъ запинаясь: тебѣ давно извѣстно то уваженіе, которое имѣли и я, и мать твоя...

— Теперь не время объясняться! перебила Олимпіада Аверкіевна.—Въ силахъ ты встать, Аглая? Я провожу тебя до твоей комнаты.

— Маменька!

— Довольно! сцена эта длится слишкомъ долго. Идемъ.

Супруга фонъ-Гарецкаго безъ церемоніи взяла подъ руку дочь и, подозвавъ мужа, только что не насильно вывела ее изъ гостиной.

Отсутствіе Аглаи возвратило только что смѣшавшемуся Герцфету всю его бодрость. Подойдя рѣшительно къ дверямъ залы, онъ сталъ къ ней спиною и вторично потребовалъ отъ всѣхъ присутствовавшихъ повторенія тѣхъ упрековъ, которые Иванъ Михайловичъ сдѣлалъ дочери въ то время, какъ онъ, Герцфетъ, выходилъ вслѣдъ за Солонимскимъ.

— Мы, кажется, господа, не кончимъ сегоднишняго

страннаго утра, сказалъ Ослабушевъ, обращаясь къ Рѣпенину, который, улыбнувшись, пожалъ плечами: и, какъ я вижу, прибавилъ князь, мнѣ придется съ большимъ неудовольствіемъ повторить Богдану Богдановичу слова вспылившаго Ивана Михайловича.

— Только объ этомъ и прошу васъ, князь.

— Право, не ловко какъ-то...

— Умоляю, князь!

— Ей ей, не ловко, Богданъ Богдановичъ.

— Стану на колѣни, если просьбы недостаточны.

— Зачѣмъ такое униженіе? и, ужь если вы непремѣнно хотите...

— Непремѣнно, непремѣнно хочу.

— Ну, ну! Назвалъ онъ, Богданъ Богдановичъ, невѣсту вашу, кажется, даже мерзкою дѣвчонкою.

— Слова эти лишнія.

— Вы желали.

— Да, но брань не обвиненіе.

— Обвинялъ же Иванъ Михайловичъ дочь свою въ распутствѣ, въ развратѣ...

— По какому праву? вотъ что главное.

— Поводъ, сколько я понялъ, были тайныя свиданія съ мужчинами. Кажется такъ, господа?

— Прекрасно, прекрасно! воскликнулъ обрадованный Герцфетъ: мнѣ только этого и хотѣлось.

— Хотѣлось вамъ, такъ чего же лучше?

— Опять остроты, князь!

— Вы говорите сами.

— Я говорю, что остроты въ дѣлѣ подобной важности не приносятъ чести.

— Но, кажется, рѣчь тутъ совсѣмъ не о ней? Къ тому же, Богданъ Богдановичъ, мы устали немного; пора по домамъ.

— Право, пора! повторили многіе, въ томъ числѣ и Елеазаръ Исидоровичъ, съ вѣчною своею улыбкою.

— И вы, ваше превосходительство!

— Клянусь, утомился, мой почтеннѣйшій Богданъ Богдановичъ; ногъ не чувствую.

— Каково же мнѣ, посудите, ваше превосходительство? Каково же ей, моей невѣстѣ, нести все бремя обвиненія, когда предполагаемыя ночныя свиданія были не что иное, какъ гнусные подлоги барона!

— Какъ барона? Не уже ли?...

— Всѣмъ клянусь вамъ, ваше превосходительство! и сообщницею его была...

— Позвольте! подхватилъ князь. — А давно ли вы, Богданъ Богдановичъ, узнали объ этомъ подлогѣ?

— Какъ давно ли? Только что узналъ нечаянно, сегодня утромъ, и какъ странно узналъ!

— До пріѣзда вашего сюда?

— То есть, какъ это до пріѣзда?

— Такъ, Богданъ Богдановичъ. Прежде письма баронова, или послѣ?

— Разумѣется, прежде! и сообщницу назову.

— Такъ постойте же, сказалъ, смѣясь, неотвязчивый Ослабушевъ: какъ же вы это, послѣ подобнаго открытія, могли выказать ту радость и тотъ восторгъ (которому были мы всѣ свидѣтели, Богданъ Богдановичъ), когда прибыли на помолвку подлаго человѣка съ дочерью друзей вашихъ? и зачѣмъ превозносили вы барона? Все это, согласитесь, очень, очень странно.

Герцфетъ заикнулся и вспыхнулъ, а въ гостиной послышался глухой смѣхъ нѣкоторыхъ изъ гостей. Поощренный этимъ смѣхомъ, Ослабушевъ усилилъ нападеніе свое на Герцфета, и совершенно сбилъ его съ толку. Веселость присутствовавшихъ перешла всѣ гра-

ницы благопристойности, и уже не насмѣшливыми взглядами, а громкимъ хохотомъ стали гости отвѣчать на возраженія Герцфета, переходившаго поперемѣнно отъ князя къ Рѣпенину, а отъ Рѣпенина къ князю. Привлеченный шумомъ, самъ фонъ-Гарецкій сошелъ съ третьяго этажа въ гостиную, но и его присутствіе не возстановило порядка, и князь кричалъ пуще прежняго, что готовъ повѣрить рѣшительно всему, лишь бы дозволили ему благополучно выбраться изъ дома. Короче, утро это окончилось, къ несчастью бѣдной Аглаи, самымъ неблагопріятнымъ образомъ для ея чести. Послѣдняя выходка, какъ видно, не всегда все предвидѣвшаго Герцфета, надѣлала и ему и несчастной дѣвушкѣ больше вреда, чѣмъ всѣ предосудительные слухи. День двойной помолвки положилъ начало новымъ отношеніямъ фонъ-Гарецкихъ со всѣмъ прежнимъ кругомъ ихъ знакомыхъ, или, лучше сказать, прекратилъ окончательно всѣ сношенія семьи Ивана Михайловича съ петербургскимъ обществомъ. Не только родственники, но и знакомые надменнаго фонъ-Гарецкаго не узнавали его болѣе, и не кланялись ему на улицахъ. Сильное нервное потрясеніе Аглаи превратилось въ тяжкую болѣзнь, уложившую ее въ постель. Она не знала еще о словѣ, данномъ за нее родителями Богдану Богдановичу, и, вѣроятно, потому только и не умерла. Богданъ Богдановичъ, вѣрный своему плану, не унывалъ, не показывался никуда, и, отъ ранняго утра до поздней ночи, не разлучался съ будущимъ своимъ тестемъ. Входя во всѣ подробности хозяйственныхъ дѣлъ и разсчетовъ Ивана Михайловича, предусмотрительный Герцфетъ вкрадывался постепенно въ полную довѣренность послѣдняго и опутывалъ его своими сѣтями: то ссудою незначительныхъ суммъ, то завлеченіемъ въ свои предпріятія. Однимъ

словомъ, въ самое короткое время Герцфетъ довелъ родителя невѣсты до полной готовности перевести большую часть имѣнія на его имя, будто бы для предохраненія имѣнія этого отъ продажи по взыскамъ, которые въ тайнѣ скупалъ Богданъ Богдановичъ. По его же совѣту сказался фонъ-Гарецкій больнымъ. Рапортовался больнымъ и красивый Корнелій, о которомъ, какъ и о Солонимскомъ, не только никто не интересовался въ домѣ Ивана Михайловича, но даже никто и не спрашивалъ. Одна всѣми забытая княжна Евгенія засылала изрѣдка узнать о здоровьѣ Адониса, и постоянно получала извѣстія самыя неудовлетворительныя. То заставали Лучезарскаго спящимъ, то принималъ Лучезарскій ароматическія ванны, то былъ такъ слабъ, что не могъ говорить; писать же и помыслить не смѣлъ.

Приказавъ Климычу не принимать никого, фонъ-Гарецкіе проводили дни довольно скучно, но спокойно. Одиночество это не оскорбляло самолюбія Ивана Михайловича, потому что онъ почиталъ его слѣдствіемъ собственной воли. Но послѣ мнимой болѣзни, первая встрѣча фонъ-Гарецкаго съ товарищами по службѣ нанесла первую и тяжкую рану надменному родственнику князя Половскаго. Равные фонъ-Гарецкому, въ томъ числѣ и бывшіе у него въ день помолвки, только что не отворачивались отъ него; а Петръ Петровичъ, этотъ смиренный, этотъ невозмутимый ни чѣмъ Петръ Петровичъ, на обыкновенное приглашеніе Ивана Михайловича поговорить съ нимъ, приказалъ сказать, что ему недосугъ, и что если господину фонъ-Гарецкому нужно, пусть потрудится пожаловать самъ.

— Ахъ онъ такой сякой! сказалъ послѣдній съ сердцемъ и отправился скорыми шагами къ Петру Петровичу.

Въ отдѣленіи пріятеля, то есть Петра Петровича, засталъ выздоровѣвшій Иванъ Михайловичъ директора, который не былъ съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ и не очень его жаловалъ. Фонъ-Гарецкій хотѣлъ было пройдти мимо, но директоръ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: отчего такъ давно не видать его?

— Я былъ очень нездоровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, кланяясь.

— А на васъ поступили бумаги.

— То есть ко мнѣ, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, не къ вамъ, а ко мнѣ; нѣсколько жалобъ отъ кредиторовъ.

— Кредиторовъ? повторилъ Иванъ Михайловичъ, вздрогнувъ.

— Да, и на значительную сумму.

— Странно, очень странно, ваше превосходительство.

— А главное, чрезвычайно непріятно для меня, прибавилъ начальникъ.—По новымъ постановленіямъ, жалованье чиновниковъ не обезпечиваетъ долговъ, превышающихъ окладъ ихъ, и удовлетворить заимодавцевъ должны вы собственными средствами.

— Не замедлю, ваше превосходительство.

— А есть они у васъ?

— Средства-съ?

— Да.

— Я, благодаря Бога, хотя и не считаю себя богатымъ, но... родовыя вотчины.

— Онѣ?... Ваше имѣніе описано.

— Описано?

— Я самъ читалъ.

При этой новости лице фонъ-Гарецкаго покрылось фіолетовымъ отливомъ. Дѣйствительно, въ это утро напечатано было въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ о на-

значеніи имѣнія Ивана Михайловича въ продажу, за неплатежъ въ Опекунскій Совѣтъ, и публикація эта была первая. Упавъ совершенно духомъ, еще недавно гордый и полный претензіи, фонъ-Гарецкій медленно и пѣшкомъ побрелъ домой. Въ глазахъ его первая публикація эта была первымъ шагомъ къ нравственному его упадку; говорю нравственному, потому что остановить продажу имѣнія онъ надѣялся съ помощью Богдана Богдановича, человѣка благороднаго, добраго и совершенно ему преданнаго. Но какъ объявить стыдъ свой будущему роденькѣ? «Положимъ, что безкорыстенъ какъ дитя достойный Богданъ Богдановичъ», думалъ Иванъ Михайловичъ: «положимъ, что одного намека достаточно будетъ, и сегодня же недоимку внесетъ онъ, а вѣдь все таки не ловко, ужасно не ловко! Не зайдти ли къ нему? Еще рано, меня же дома не ждутъ до четырехъ часовъ, и раннее возвращеніе, пожалуй, подастъ поводъ къ различнымъ заключеніямъ. Непремѣнно зайду»! повторилъ нѣсколько разъ Иванъ Михайловичъ, и зашелъ.

Нѣмца засталъ онъ углубленнымъ въ разнаго рода разсчеты, за продолговатыми лоскутками, исписанными цифрами. Рядомъ съ лоскутками лежали на столѣ передъ Герцфетомъ Петербургскія Вѣдомости. Бросивъ косвенный взглядъ на нумеръ, и узнавъ тотъ, въ которомъ содержалась роковая вѣсть, фонъ-Гарецкій состроилъ полуприскорбную, полунасмѣшливую гримасу, и, глубоко вздохнувъ, спросилъ у будущаго зятя, читалъ ли онъ?

— Что это?

— Ахъ, увы! мой позоръ.

— Не совсѣмъ понимаю.

— Ну, публикацію Опекунскаго въ этомъ нумерѣ!

— Да, да, публикація, сказалъ спокойно Герцфетъ: публикацію читалъ. Но вѣдь она первая?

— Разумѣется, первая, спѣшилъ повторить Иванъ Михайловичъ.

— И внесете вы долгъ послѣ второй, все таки не приступятъ къ продажѣ. Нѣтъ кредитора лучше Опекунскаго Совѣта, и, будь всѣ они таковы, я бы не занимался вотъ этимъ вздоромъ.

— Что же это такое?

— Кое какія соображенія, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, кое какіе разсчетцы. Вѣдь этимъ только и держится балансъ. Посредствомъ этого компаса только и не сбивается нашъ братъ съ торной дороги.

— Позвольте, позвольте, Богданъ Богдановичъ. Это что за имя написано у васъ... вотъ на этомъ листкѣ?

— Имя вамъ извѣстное, отвѣчалъ Герцфетъ, ухмыляясь: имя одного изъ пріятелей вашихъ.

— Но какъ же попало это имя къ вамъ, Богданъ Богдановичъ? спросилъ фонъ-Гарецкій, не безъ нѣкотораго замѣшательства.

— Очень просто, Иванъ Михайловичъ. Зная наши близкія отношенія, нѣкоторые изъ вашихъ кредиторовъ, не желая, вѣроятно, безпокоить васъ самихъ, обращались съ просьбами своими ко мнѣ, какъ къ ближайшему родному. Я сначала и удовлетворялъ ихъ по возможности...

— Какъ! и не говоря мнѣ о томъ ни слова? Рѣдкій вы человѣкъ!

— Не спѣшите хвалить, перебилъ Герцфетъ, смѣясь. — Рѣдкій-то человѣкъ началъ портиться, и вотъ уже дней пять, какъ не платитъ болѣе пріятелямъ вашимъ ни мѣднаго гроша...

— Видно, надоѣли?

— Не то чтобы надоѣли, и не сомнѣваюсь я въ васъ, мой почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ; что же касается до Аглаи Ивановны...

— А что? а что? Напроказила еще въ чемъ нибудь? то есть напроказила говорю въ томъ смыслѣ...

— И этого нѣтъ, и ничего нѣтъ; точно будто бы о намѣреніяхъ родительскихъ дочь не имѣетъ никакого понятія!

— Но вѣдь мы ей ничего еще не сказали, мой милый Богданъ Богдановичъ! но вѣдь мы ей ровно еще ничего не сказали, и это согласно съ вашимъ желаніемъ...

— Положимъ, положимъ, и осторожность во всемъ дѣло прекрасное... и если бы я только былъ увѣренъ, что дочь ваша, почтеннѣйшій, не повернется ко мнѣ спиною, не уже ли допустилъ бы я васъ до всѣхъ этихъ публикацій, и до прочихъ дѣлъ, хотя ничтожныхъ въ сущности, а все таки, а все таки непріятныхъ!

— Вотъ ужь этого не ожидалъ я отъ васъ, мой рѣдкій, мой любезный, мой дорогой...

— Что это, что это?

— Ужь никакъ не ожидалъ! повторилъ полушуточнымъ тономъ фонъ-Гарецкій.

— Да чего же не ожидали такого?

— Не ожидалъ, чтобы Богданъ Богдановичъ усомнился когда нибудь въ моемъ честномъ словѣ. Въ деньгахъ, положимъ, случаются обстоятельства непредвидимыя, которыхъ самъ человѣкъ уберечься никакъ не можетъ; но кромѣ денегъ...

— Я говорю про Аглаю Ивановну!

— А что такое Аглая Ивановна, позвольте спросить? А что такое она? Не родная дочь развѣ? Не зависитъ развѣ отъ меня?

— Все это прекрасно, Иванъ Михайловичъ, и если бы зависѣла она отъ васъ однихъ...

— Отъ кого же зависитъ?

— Отъ множества обстоятельствъ.

— Вздоръ! Позвольте вамъ сказать, Богданъ Богдановичъ, что вздоръ говорите! При твердой и непреклонной волѣ, обстоятельства не существуютъ и существовать не могутъ. Желая, такъ сказать, дать Аглаичкѣ отдохнуть, я отложилъ всякіе рѣшительные разговоры до нѣкотораго времени, полагая, что и вамъ, мой любезный, будетъ это все равно. Даже, могу сказать, думалъ, будетъ пріятнѣе жениться на дѣвушкѣ здоровенькой, бѣленькой, полненькой, чѣмъ жениться на скелетѣ, худомъ и желтомъ. Въ послѣднее время самимъ вамъ извѣстно, какъ она бѣдняжка похудѣла; и долго ли ей оправиться? Но знай я только, что медленность моя причинитъ безпокойство и сомнѣніе...

— Не сомнѣніе, почтеннѣйшій, избави Боже отъ такого низкаго чувства, а беретъ страхъ, Иванъ Михайловичъ, страхъ...

— Примѣрно?

— А примѣровъ много.

— Не знаю, не знаю, и придумать не могу.

— Во первыхъ, всѣ мы смертны.

— Правда; но умри я, у дочери останется часть.

— Что говорить намъ о непріятныхъ вещахъ! перебилъ Герцфетъ. — Захочетъ драгоцѣнный папа кончить всѣ недоумѣнія, недоумѣнія кончатся, и все пойдетъ прекрасно; а въ ожиданіи благополучнаго конца, покажу я вамъ кое какія вещицы, купленныя мною кое для кого.

Тутъ Герцфетъ выложилъ изъ ящика на столъ нѣсколько алыхъ продолговатыхъ коробочекъ, и, вынимая изъ нихъ золотыя женскія вещицы, подносилъ ихъ къ глазамъ фонъ-Гарецкаго, который корчилъ знатока, и, взвѣшивая вещи на рукѣ, дѣлалъ замѣчанія въ родѣ: «не дурно! вотъ эта вещица и камешекъ туда сюда!» и

тому подобное. Но если бы Иванъ Михайловичъ былъ истинный знатокъ и въ вещахъ, и въ людяхъ, онъ бы тотчасъ понялъ, что Герцфетъ самый фальшивый изъ всѣхъ предметовъ, которые онъ показывалъ, и что та цѣпь, которую Богданъ Богдановичъ не показывалъ, была гораздо опаснѣе самому Ивану Михайловичу, чѣмъ золотая, назначенная женихомъ для будущей невѣсты.

— Ну, когда же? спросилъ наконецъ фонъ-Гарецкій, укладывая послѣднюю просмотрѣнную и оцѣненную имъ вещь.

— Что это?

— Попируемъ.

— То есть у насъ, почтеннѣйшій?

— И мы не прочь!

— Объ этомъ долженъ былъ бы спросить я.

— По мнѣ, завтра.

— А по мнѣ, сегодня!

— Нѣтъ, шутки въ сторону, когда приступить бы намъ рѣшительнѣе, Богданъ Богдановичъ?

— Къ Аглаѣ Ивановнѣ?

— Ну, да, разумѣется къ ней одной, потому что жена давно за васъ.

— Попробуйте сегодня.

— А что вы думаете?

— Я думаю такъ.

— А такъ, такъ такъ!

— А я съ своей стороны призаймусь счетцами вашими, Иванъ Михайловичъ, и подведу итоги, вамъ не совсѣмъ повидимому знакомые, потому что въ послѣднемъ реестрѣ, полученномъ мною изъ вашей конторы, многіе, и то есть весьма многіе не помѣщены.

— Вѣрно, бездѣльные должишки какіе нибудь? замѣтилъ переминаясь фонъ-Гарецкій.

— Ну, не совсѣмъ бездѣльные. По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ деревень, одному Солонимскому задолжали и все на весьма нужное...

— Какъ Солонимскому? какому Солонимскому? воскликнулъ Иванъ Михайловичъ, сдвигая брови: я въ первый разъ слышу о новыхъ займахъ.

— Вы вѣрно не прочли писемъ?

— Скучны они, мой любезный.

— Согласенъ, однако же есть въ нихъ много очень важнаго; пожаръ, напримѣръ.

— Вы знаете?

— Знаю и о падежѣ и о прошлогоднемъ неурожаѣ, прибавилъ, злобно улыбаясь, Герцфетъ, которому страхъ хотѣлось намекнуть будущему тестю о полныхъ свѣдѣніяхъ своихъ въ разстройствѣ дѣлъ гордившагося богатствомъ своимъ фонъ-Гарецкаго.

— Ну, хвала вамъ, мой будущій распорядитель, и кому же приличнѣе хлопотать объ имуществѣ невѣсты, какъ не жениху.

— Когда будетъ женихъ настоящимъ женихомъ!

— Не безпокойтесь! завтра же будетъ.

— Дай Богъ!

— Слово даю, честное слово.

— Дай Богъ! повторилъ Герцфетъ съ меньшею увѣренностью, а главное съ меньшимъ противъ прежняго восторгомъ.

Какъ бы не замѣчая перемѣны въ Богданѣ Богдановичѣ, будущій тесть простился съ нимъ нѣжно, обнялъ, поцѣловалъ его, и вышелъ на улицу, съ твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ поставить хоть въ этомъ дѣлѣ на своемъ, и уже не внимать ни просьбамъ, ни даже слезамъ дочери.

XX.

Въ дѣлахъ, касающихся до финансовъ и болѣзни, чрезвычайно важную роль играетъ первое пособіе. Если оно благоразумно и скоро, то и другое исправляется, больной встаетъ на ноги, а финансовый балансъ приходитъ въ равновѣсіе. Въ дѣлахъ Ивана Михайловича перваго благоразумнаго пособія оказано не было; напротивъ того, самъ фонъ-Гарецкій слишкомъ долго оставался глухъ при намекахъ о раззореніи, и полагалъ всю надежду на мнимыя сокровища барона Кронбруншпица. Лопнули эти надежды, исчезъ агрономъ, но число кредиторовъ удвоилось, утроилось, учетверилось и стало осаждать ежедневно прихожую Ивана Михайловича. А кредиторы въ большомъ количествѣ вещь нестерпимая. Кредиторъ улыбается, и вамъ отъ этого не легче; кредиторъ ждетъ уплаты, дѣлаетъ всевозможныя снисхожденія, а вамъ все таки худо, и все таки настаетъ роковой день, въ который вы должны будете заплатить.

Иванъ Михайловичъ, возвратившись однажды домой, не снимая теплой бекеши, прибѣжалъ въ комнату дочери, и, не поздоровавшись съ нею, спросилъ: желаетъ ли она погибели и безчестія родителей?

— Вашей погибели, папа?

— Да, сударыня, моей и всего семейства, не исключая и васъ?

Болѣзненное лице Аглаи покрылось пурпуромъ, глаза ея выразили страшное безпокойство. Пользуясь этимъ, слишкомъ явнымъ испугомъ, нѣжный родитель не только не поспѣшилъ успокоить больную дочь свою, но

объявилъ ей, что все ихъ имущество описано, и даже явился полицейскій чиновникъ, съ строжайшимъ предписаніемъ забрать вещи въ квартирѣ.

— Выручить, спасти насъ всѣхъ, можешь ты одна, Аглаичка, сказалъ въ заключеніе отецъ трагическимъ, тономъ.

— Возьмите жизнь мою, папа! воскликнула дѣвушка, бросаясь на шею Ивану Михайловичу: но не оскорбляйте меня такимъ обиднымъ, такимъ унизительнымъ сомнѣніемъ. Не уже ли вы думаете, что нужно спрашивать готова ли я на все, на все?

— Аглаичка, другъ мой! жертва не касается жизни... и помощь мнѣ можешь оказать не собственно ты, и окажетъ другой, для тебя...

— Кто онъ, кто этотъ другой?

— Ты знаешь его, Аглаичка.

— Богданъ Богдановичъ?

— Да, мой другъ; онъ, онъ любитъ тебя, Аглаичка.

— Папа, папа! ужасна жертва!

— Мы гибнемъ, другъ мой.

— Страшная жертва!

— Нѣтъ для насъ другаго спасенія, и, откажи ты ему въ рукѣ своей, завтра же, кто знаетъ, потащутъ можетъ быть и меня самого...

— Согласна, согласна на все, и вотъ моя рука! вскрикнула дѣвушка, протягивая поледенѣвшую руку свою отцу, который въ первый разъ въ жизни поцѣловалъ ее, называя дочь всѣми нѣжными именами, какія онъ помнилъ. Черезъ полчаса явился съ парадааго подъѣзда дома Парѳенина Богданъ Богдановичъ, а съ надворнаго крыльца врачъ фонъ-Гарецкаго. Первый разсыпался въ сладкихъ изреченіяхъ благодарности передъ дѣвушкою, а второй, минуту спустя, приставилъ къ той

же дѣвушкѣ сорокъ піявокъ, и приказалъ уложить ее вторично въ постель.

Свадьбу отложилъ самъ Богданъ Богдановичъ до совершеннаго выздоровленія невѣсты; тѣмъ же временемъ занялся женихъ закупкою всѣхъ исковъ будущаго тестя и переводомъ ихъ, изъ предосторожности, на свое имя. Помогалъ Герцфету въ этомъ дѣлѣ знакомый намъ Матвѣй Ѳедоровичъ, человѣкъ очень способный. Корнелій Егоровичъ продолжалъ рапортоваться больнымъ и уклоняться отъ отвѣтовъ на записочки княжны Евгеніи. Послѣдняя ожидала, и тщетно ожидала возвращенія безъ вѣсти пропавшаго Солонимскаго.

Выждавъ дней съ пять, Иванъ Михайловичъ подалъ въ отставку.

Куда какъ тяжко пробужденіе несчастныхъ отъ сладкаго и роскошнаго сна! Горечь этого ощущенія довелось вкусить и супругу Олимпіады Аверкіевны. Куда дѣвалась его всегдашняя самонадѣянность? Откуда взялся этотъ унылый видъ, который поражалъ въ фонъ-Гарецкомъ не одного Кузьму Тихоновича Пареенина. Бывало, поклониться Ивану Михайловичу было любо домовладѣльцу; и не отвѣчаетъ, бывало, на поклонъ Иванъ Михайловичъ, а все отъ него и невѣжливость, и невниманіе лестны. Теперь же въ отставку подалъ и гостей не принимаетъ, и дворню распустилъ по оброку, и на кухнѣ готовятъ какихъ нибудь три блюда; а у подъѣзда, не то чтобы стояли кареты князей, нѣтъ, не останавливаются и извозчичьи сани! Прошли, видно, золотые дни! А по городу-то носятся какіе слухи! И раззорились фонъ-Гарецкіе, и обезславились-то фонъ-Гарецкіе, и связались-то они съ какимъ-то лысымъ Герцфетомъ! Видно, худо, когда почитаютъ за счастіе выдать старшую дочь, красавицу, за перваго встрѣчнаго жениха, за человѣка тем-

ненькаго, грязненькаго, за человѣка бывшаго чьимъ-то приказчикомъ! Вѣрно плохо! да еще вѣрно какъ плохо-то! А уйди этотъ Герцфетъ, не пошло ли бы въ домѣ Ивана Михайловича еще хуже. Вѣдь говорятъ въ городѣ, что Герцфетъ кормитъ всю семью невѣсты на свой счетъ, и одѣваетъ изъ своего кармана, и за все формально платитъ самъ. За то, куда громко поговаривать сталъ Герцфетъ съ тѣмъ же Иваномъ Михайловичемъ, съ тою же Олимпіадою Аверкіевною. Люди утверждали, что Герцфетъ покрикиваетъ и на самую барышню, и люди слышали какъ грозилъ Богданъ Богдановичъ уѣхать, ежели старый баринъ и барыня не согласятся сыграть свадьбу скорѣе. А людямъ лгать было не изъ чего; народъ они не наемный...

Въ сущности же народъ лгалъ немилосердо, потому что Богданъ Богдановичъ никогда не рѣшился бы кричать на почтеннаго Ивана Михайловича, прежде, чѣмъ уговорилъ бы Богданъ Богдановичъ Ивана Михайловича продать ему, Герцфету, свои 900 душъ, а получить въ уплату искупленныя имъ векселя и сохранныя и простыя расписки, по которымъ дѣйствительно произведена была уплата, даже добросовѣстная, то есть, по 70 коп. за рубль, по 50, и меньше, смотря по человѣку. Свадьбою же своею пересталъ торопиться Герцфетъ, ясно видя, что невѣста поразстроилась, какъ здоровьемъ, такъ и приданымъ. Про Солонимскаго все таки не было ни слуха ни духа, а изъ деревень фонъ-Гарецкихъ не писали о немъ бурмистры ровно ничего.

Глотая досаду и униженія, Иванъ Михайловичъ рѣшился скрыться въ четырехъ стѣнахъ квартиры, и не показываться вовсе на улицу. Напрасно приставалъ къ нему Онисимъ Ѳедоровичъ «Вамъ бы не мѣшало провѣтриться, почтеннѣйшій; взгляните на себя: вѣдь цвѣ-

томъ стали походить на полынь; не досидитесь до добра; занеможете серьезно». На это отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Михайловичъ: «нѣтъ, не покажусь людямъ, и не дамъ врагамъ случая радоваться. Попуталъ меня нечистый, накликалъ на себя мерзостей и сраму, такъ отсижу ихъ у себя подъ крышею, а ругаться поводу не подамъ». Изъ ста человѣкъ, накликавшихъ на себя мерзостей, какъ говорилъ Иванъ Михайловичъ, вѣроятно 99 помирились бы съ своимъ настоящимъ положеніемъ, и время взяло бы надъ ними свое. Но, къ несчастью фонъ-Гарецкаго, его натура не легко поддавалась измѣнчивости счастья, и голова упрямаго Ивана Михайловича не для того создана была, чтобы гнуться передъ его ударами. Скрывъ всю горечь въ неизмѣримой глубинѣ души своей, онъ страдалъ только внутренно, и ночи его, однѣ ночи могли бы засвидѣтельствовать передъ людьми о страшномъ отчаяніи супруга Олимпіады Аверкіевны. Оставаясь наединѣ съ самимъ собою, Иванъ Михайловичъ запиралъ дверь на ключъ и садился къ столу; по цѣлымъ часамъ грустилъ старикъ, бѣсился и проклиналъ всѣхъ. За кипу ассигнацій продалъ бы фонъ-Гарецкій, подобно Громобою, душу свою рогатому искусителю, продалъ бы души дочерей, жены, свояченицы; отдалъ бы въ придачу и князя Павла и самого Богдана Богдановича, прежнихъ друзей. И съ какимъ счастіемъ усадилъ бы онъ ихъ въ чугунный котелъ! съ какою радостью сталъ бы подкладывать дрова подъ этотъ котелъ! Онъ не накрылъ бы его крышею, и не изъ состраданья, а для того, чтобы вполнѣ насладиться дружескимъ лицезрѣніемъ, дружескими терзаніями. Вотъ для чего не покрылъ бы адскаго котла Иванъ Михайловичъ.

Въ одинъ изъ февральскихъ дней, рано утромъ, про-

глянуло февральское солнце. Его дня три съ нетерпѣніемъ ждалъ весь Петербургъ. На дворѣ была масляница, на Исакіевской площади стояли балаганы, пошатывались и записные гуляки, равнодушные къ столичнымъ туманамъ, но недоставало народу почище, экипажей побольше, да тѣхъ верховыхъ, что въ красныхъ мундирахъ, да съ бѣлыми перьями. Но въ это утро повѣяло весною, поголубѣлъ невскій ледъ, а дворники вышли на улицу не въ бараньихъ полушубкахъ, а въ красныхъ рубашкахъ, съ обнаженными головами и съ метлами въ рукахъ.

Пусть говорятъ себѣ врачи, что коварно февральское солнце, и что грѣетъ оно смертныхъ огнемъ болѣзни. Это дѣло ихъ, и книги имъ въ руки, а народъ видитъ ясное солнышко, вѣритъ теплу, и пошелъ онъ съ позаранку гулять себѣ на горы. Хочетъ идти съ нимъ хозяюшка, идетъ; хотятъ дѣтки, и дѣтки идутъ; про всѣхъ призапасена радость: кому нарядъ, а кому пряничны сусликъ; всѣмъ весело, всякому лестно позабавиться!

Фонъ-Гарецкому сдѣлалось еще грустнѣе отъ этого нежданнаго солнца, и еще мрачнѣе отъ этихъ ясныхъ золотыхъ лучей. Не въ чемъ было прокатиться Ивану Михайловичу по Исакіевской, не изъ чего было кивнуть головою скромному знакомцу, и блины, самый ничтожный признакъ масляной, не шли въ ротъ несчастному, убитому рокомъ фонъ-Гарецкому.

«Видно, наступилъ для меня послѣдній часъ, видно истощилась моя доля,» подумалъ онъ подходя къ окну.

Изъ растворенной форточки порхнулъ вѣтерокъ, и освѣжилъ разгорѣвшееся лице Ивана Михайловича. Между тѣмъ поклонился ему съ улицы какой-то очень опрятно одѣтый молодой человѣкъ.

«Кто бы это былъ?» спросилъ самъ у себя фонъ-Гарецкій. «Не кредиторъ ли? нѣтъ, быть не можетъ; къ тому же и наружность у этого не такая: слишкомъ весела».

— Какой-то магазинщикъ, что ли, желаетъ видѣть васъ, сударь, доложилъ Климычъ, входя въ кабинетъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю-съ! не сказываетъ.

— Ну, зови его сюда.

Черезъ двѣ минуты то же улыбающееся лице, которое поклонилось съ улицы, предстало въ кабинетъ, и объявило, что имѣетъ сообщить нѣчто важное.

Выславъ дворецкаго, Иванъ Михайловичъ приготовился выслушать.

— Вы изволили брать билетъ въ польскую лотерею? спросилъ вошедшій.

— Да, да, точно бралъ, точно бралъ.

— И онъ у васъ, этотъ билетъ?

— Разумѣется, у меня; что же дальше?

— Честь имѣю поздравить!

— Поздравить меня? съ чѣмъ, съ чѣмъ?

— Съ выигрышемъ 900,000 злотыхъ.

— Что вы говорите?

— Въ конторѣ нашей значится-съ, что выигралъ самую большую сумму Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій, повторилъ молодой человѣкъ.

— По-по-по-по-стой-те, по-по-по-стойте, вы... вы... вы не шу-шу-шу-ти-те-те?

— Какъ же бы я осмѣлился, помилуйте!

— Ну, ну, ну, такъ...

Молодой человѣкъ побѣжалъ за людьми и за водою, потому что Ивану Михайловичу сдѣлалось немножко дурно, то есть чрезвычайно хорошо.

*

XXI.

Возвратимся нѣсколько назадъ. Въ день разрыва фонъ-Гарецкихъ съ барономъ, Кондратій Захаровичъ Солонимскій выбѣжалъ отъ нихъ какъ можно скорѣе къ агроному. На вопросъ провинціяла: дома ли баринъ? слуги отвѣчали очень спокойно, что дома.

— Доложите обо мнѣ, сказалъ обрадованный гость.

— А какъ прикажете доложить?

— Солонимскій.

Одинъ изъ слугъ прошелъ изъ прихожей въ обширную залу, и возвратился черезъ минуту съ страшнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Что же? спросилъ гость.

— Барона нѣтъ въ кабинетѣ-съ.

— Какъ нѣтъ? Стало, онъ въ спальнѣ?

— И въ спальнѣ нѣтъ-съ.

— Ну, гдѣ нибудь да найдется же онъ.

— Нѣтъ нигдѣ, отвѣчалъ слуга, поглядывая съ недоразумѣніемъ то на гостя, то на товарищей своихъ.

— Вѣрно, не приказалъ принимать, шепнулъ ему другой слуга.

— Какое не приказалъ! Погляди самъ: все въ комнатѣ разбросано, всѣ шкафы отперты...

Второй слуга на цыпочкахъ прошелъ мимо Солонимскаго, и немедленно возвратился съ тѣмъ же извѣстіемъ, что барона нѣтъ дома, и прибавилъ, что баронъ, должно быть, вышелъ заднимъ крыльцемъ, забравъ съ собою большую часть пожитковъ и бумагъ; все остальное лежало на столахъ и на полу. Убѣдившись собственными глазами въ истинѣ сказаннаго, Солонимскій сталъ въ ту-

пикъ, и хотѣлъ уже возвратиться къ фонъ-Гарецкимъ какъ вдругъ пришли ему на память послѣднія слова Герцфета, совѣтовавшаго искать агронома на московскомъ шоссе.

Не теряя времени, провинціалъ заѣхалъ домой, вынулъ изъ шкатулки всѣ наличныя деньги, паспортъ и замѣнивъ фракъ сюртукомъ, шляпу шапкою, а шинель медвѣжьею шубою, бросился въ тѣ же извощичьи сани, и приказалъ, не теряя ни минуты, скакать до перваго ямскаго двора. Черезъ часъ лихая тройка домчала Кондратья Захаровича до Средней Рогатки. Никто въ гостинницѣ не видалъ въ этотъ день никакого барона, и та же тройка помчалась, какъ изъ лука стрѣла, по направленію къ Ижорѣ; но и тамъ Солонимскаго ожидалъ тотъ же отвѣтъ.

— Тьфу ты пропасть! подумалъ онъ: ну, какъ Герцфетъ да за одно съ этимъ барономъ? Нѣтъ, быть не можетъ! поѣду дальше!

Къ вечеру, Солонимскій считалъ за собою уже около восьмидесяти верстъ, а барона и слѣда не было. Въ смотрительскихъ книгахъ прописаны были три подорожныя: двѣ купеческія, еще раннимъ утромъ, и послѣдняя какой-то барыни, ѣхавшей въ Москву съ малолѣтными дѣтьми.

— Догоню барыню и разспрошу ее, подумалъ Кондратій Захаровичъ, садясь въ санки.—А тебѣ, извощикъ, цѣлковый на водку, коли повезешь хорошо, сказалъ онъ, обращаясь къ лихому бѣлокурому парню, лѣтъ восемнадцати.

Кони съ мѣста приняли во весь карьеръ, промчались вихремъ по всей слободѣ, но, поднявшись на гору, замѣтно умѣрили хода.

— Что же ты? задремалъ, что ли? крикнулъ Солонимскій.

— Чего дремать? кажись, ѣдемъ хорошо, отвѣчалъ ямщикъ.

— Какъ хорошо? Такъ-то вы ѣздите хорошо?

— Не зарѣзать же лошадей.

— Что?

— Не зарѣзать же лошадей, повторилъ парень, придерживая тройку.

— Пошелъ, пошелъ, говорю тебѣ! кричалъ Кондратій Захаровичъ,

Ямщикъ, показавшійся съ перваго взгляда лихимъ, не только сдерживалъ коней своихъ, но упорнымъ молчаніемъ выводилъ изъ себя вспыльчиваго сѣдока своего, и продолжалъ ѣхать рысью.

— Намъ-ста не въ первый разъ возить.

— Что, что?

— Ничего-съ; такъ говоримъ.

— На водку не хочешь?

— Дадите, спасибо скажемъ.

— Послушай: вѣдь ты, разбойникъ, нарочно это дѣлаешь?

— Эхъ вы, соколики! крикнулъ ямщикъ, махая кнутомъ.

Вмѣсто отвѣта, тройка, какъ бы очень довольная позволеніемъ пробѣжаться, снова пустилась скакать; но не долго длилась радость сѣдока; черезъ минуту тѣ же лошади пошли мелкою рысью и четырнадцать верстъ проѣхали часъ двадцать минутъ.

На жалобу Солонимскаго, смотритель новой станціи спросилъ у него: Да гдѣ же подорожная?

— Меня везутъ такъ, отвѣчалъ тотъ.

— Везли такъ, можетъ статься, потому что одного содержателя лошади; а я вамъ лошадей не дамъ, воля ваша.

— Возьмите двойные прогоны; мнѣ крайне нужно спѣшить.

— Ямщиковъ вольныхъ много; походите по яму, за двойные всякій повезетъ.

Недослушавъ рѣчи смотрителя, провинціялъ нашъ стремглавъ бросился на дворъ, и громкимъ крикомъ вызвалъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ.

Промучивъ довольно долго проѣзжаго, крестьяне разбрелись по дворамъ, и, послѣ долгихъ споровъ, пересудъ, бросили жребій, и наконецъ принялись закладывать мокрыхъ и кривоногихъ лошадей, только что возвратившихся съ гона.

— Куда же имъ довезти! кричалъ съ досадою Кондратій Захаровичъ. Да на нихъ и пяти верстъ не уѣдешь, на этихъ одрахъ! Да я, просто, лучше не по ѣду....

— Небось! вотъ еще какъ прокатятъ, баринъ, твер дилъ съ виду не лихой и далеко не молодой мужикъ, въ короткомъ тулупчикѣ и плоской шапкѣ, надѣтой на самый лобъ.

— Да вѣдь онѣ только что пришли?

— Съ часъ время будетъ.

— Смотри, не довезутъ; а мнѣ къ спѣху! повторилъ Солонимскій, поглядывая съ безпокойствомъ на мокрую тройку, которую между тѣмъ привязывало нѣсколько мужиковъ къ оглоблямъ и постромкамъ широкихъ лубочныхъ саней. Подъ мордами всѣхъ трехъ коней висѣло по огромному бубну; надъ шеей коренной возвышалась, въ видѣ полукруглыхъ воротъ, массивная, распис-

ная съ позолотою дуга. Потерявъ всякую надежду переспорить упрямыхъ крестьянъ, Кондратій Захаровичъ, ворча себѣ подъ носъ, усѣлся на глубокое дно саней, и сталъ уже раздумывать и спрашивать себя, не лучше ли вернуться, тѣмъ болѣе, что ни что не свидѣтельствовало о присутствіи барона на этомъ трактѣ. Купцы проѣхали первую станцію раньше бѣгства агронома изъ Петербурга, а въ барыню, путешествовавшую съ дѣтьми, агрономъ превратиться не могъ.

— Ну, баринъ, готова ли ваша милость? спросилъ старый ямщикъ, усаживаясь на облучекъ.

— Чего спрашивать! видишь сижу.

— А сидишь, такъ съ Богомъ, сказалъ тотъ, снимая шапку и крестясь.

Сани скрипнули, кони сами по себѣ свернули къ неглубокой канавкѣ, отдѣлявшей избы отъ шоссе, и, выѣхавъ на него, пошли рысью. Отъ рыси перешла мокрая тройка въ размашистый скакъ; бубны зазвенѣли, дуга заколыхалась, и быстро побѣжали назадъ и ямъ, и отдѣльно стоявшій кабакъ, и длинный плетень, и нѣсколько кузницъ; за ними мелькнулъ рядъ кустовъ, верстовой столбъ, а тамъ и забѣлѣлись по обѣимъ сторонамъ безконечныя поля. Ямщикъ не пѣлъ, не говорилъ, не подымалъ плети; онъ даже, казалось, не шевелился. Солонимскому стало легче. Быстрый и ровный бѣгъ коней возвратилъ ему, ежели не веселость, то, по крайней мѣрѣ, увѣренность не стать на большой дорогѣ. Пропустивъ верстъ съ десятокъ, онъ самъ заговорилъ съ молчаливымъ своимъ спутникомъ.

— А на коней-то твоихъ я наклепалъ, любезный; коньки добрые! сказалъ Кондратій Захаровичъ.

— Добрые, баринъ; Богъ съ ними! отвѣчалъ тотъ.

— Дорого заплатилъ?

— За нихъ-то?

— Да!

— Животы свои, доморощенные, батюшка, изстари ведутся...

— И много у тебя ихъ?

— Лошадокъ-то?

— Да.

— Съ жеребятками, троекъ пять будетъ.

— И все такіе?

— Тройка, что сынъ ѣздитъ, поисправнѣе.

— Дѣтей много у тебя?

— Двое женатыхъ, баринъ, да мальчишка есть.

— Зачѣмъ же ѣздишь ты самъ съ проѣзжими, когда дома есть молодые? продолжалъ спрашивать Кондратій Захаровичъ.

— Меньшаго мать не пускаетъ, а старшій только что повезъ какого-то барина, либо купца; да нѣтъ, прибавилъ ямщикъ подумавъ: долженъ быть не купецъ, а баринъ; одежда на немъ не такая.

— Давно ли онъ проѣхалъ, и куда?

— Баринъ-то? Баринъ тотъ намъ по пути; въ Москву, что ли ѣдетъ.

— И проѣхалъ сегодня?

— Часу не будетъ какъ проскакалъ.

— Ужь не онъ ли? воскликнулъ Солонимскій: вотъ бы штука была! Послушай, голубчикъ, толстъ онъ изъ себя, тотъ проѣзжій?

— Что повезъ Илюха?

— То есть сынъ твой.

— Да, баринъ толстоватъ.

— А волосы свѣтлы?

— Словно ленъ.

— Онъ, онъ, точно онъ, непремѣнно онъ! кричалъ Кондратій Захаровичъ.

— Видно, батюшка, сродственникъ милости вашей?

— И вѣрно торопился?

— Такъ, такъ.

— И вѣрно лихо даетъ на водку?

— Про эвто сказать не можемъ, а кони, что привезли съ послѣдней станціи, умаялись на порядкахъ.

— Послушай, голубчикъ: догони ты мнѣ этого барина, на водку не пожалѣю.

— Эхъ, баринъ! Да не выпади чередъ сыну, услужилъ бы милости вашей; ну, а тройки его обогнать, кажется, не возьмется никто. И коней убьешь, а далеко отстанешь; не такое дѣло...

— Сдѣлай милость, другъ мой! ну, ужь удружи, любезный, прибавь ходу, авось...

— Прибавить, почему не прибавить, а толку не будетъ, отвѣчалъ ямщикъ, подбирая вожжи.

По видимому, онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы понудить лошадей бѣжать скорѣе, онъ даже не крикнулъ, и руки не поднялъ, какъ кони, будто сговорились, приложили уши, и помчались во весь опоръ. Упершись локтями въ ребра саней, Кондратій Захаровичъ зажмурилъ глаза, и едва переводилъ дыханіе. На крутыхъ поворотахъ пошевни со всего размаха ударялись о столбы и перила мостовъ, становились ребромъ, и продолжали, подпрыгивая, мчаться впередъ, едва касаясь земли.

Хороши были и отцевскіе кони, но старикъ былъ правъ, хваля сыновнюю тройку, потому что послѣдній преспокойно уже возвращался въ обратный путь, когда первый въѣзжалъ въ ворота той избы, гдѣ имѣлъ привычку передавать сѣдоковъ своихъ. Прежде чѣмъ во-

шелъ Солонимскій въ темныя сѣни, онъ уже разспросилъ объ опередившемъ его проѣзжемъ, о его наружности, ростѣ, цвѣтѣ волосъ, одеждѣ, возрастѣ и проч. и прочемъ. По показаніямъ крестьянъ, Кондратій Захаровичъ не имѣлъ и тѣни сомнѣнія, что предметъ его преслѣдованія находится получасомъ впереди, и что щедрая плата приведетъ его наконецъ къ желанной цѣли. Отказавшись отъ обѣда, предлагаемаго толстощекою хозяйкою избы, Солонимскій наградилъ стараго ямщика и пригоровилъ новаго на двѣ станціи. Къ ночи прибылъ Кондратій Захаровичъ въ Новгородъ, приказалъ себя везти прежде всего въ ямскую слободу, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ былъ баронъ не остановиться, а только перемѣнить лошадей, но къ величайшей своей радости и удивленію узналъ онъ, что опередившій его господинъ преспокойно расположился ночевать въ одной изъ городскихъ гостинницъ, а лошадей заказалъ на завтра, къ утру. Какъ на любовное свиданіе поспѣшилъ провинціялъ нашъ въ указанную ему гостинницу. Пробѣжавъ ворота, крыльце, сѣни, онъ вошелъ, не снимая шубы, въ тотъ самый нумеръ, гдѣ, по словамъ половыхъ, остановился только что прибывшій баринъ. Но, о отчаяніе! на диванѣ противъ стола, уставленнаго чайнымъ приборомъ, хотя и сидѣлъ высокорослый толстякъ, бѣлокурый, краснощекій, но то былъ не баронъ Кронбрунштпицъ. Принявъ въ свою очередь Солонимскаго за помѣшаннаго или нетрезваго человѣка, незнакомецъ медленно приподнялся съ своего мѣста, и раскрылъ ротъ.

— Простите меня, ради Бога! воскликнулъ Кондратій Захаровичъ, снимая шапку: я ошибся, и, признаюсь вамъ, въ отчаяніи отъ моей ошибки. Вообразите, что догоняя васъ цѣлыя сутки, я былъ увѣренъ, что вы баронъ...

— Не могу претендовать за это, потому что, въ сущности, титуловъ не имѣю, отвѣчалъ, смѣясь, толстый и рослый господинъ: а, напротивъ того, долженъ благодарить васъ за высокое мнѣніе.

— Но онъ подлецъ, въ высшей степени подлецъ!

— Ба!

— И я преслѣдую его...

— Вѣроятно, изъ непріязни?

— Да-съ; ненавижу его по многимъ причинамъ.

— Въ такомъ случаѣ сердечно сожалѣю, что ошибка, вѣроятно, отвлекла васъ отъ настоящаго направленія.

— Право, есть отчего съ ума сойдти! проговорилъ Солонимскій съ досадою.

— Смотря по важности обстоятельства.

— Обстоятельство очень важное, милостивый государь.

— Похищеніе собственности?

— Нѣтъ-съ, хуже.

— Чести?

— Да-съ.

— Вы женаты?

— О, нѣтъ!

— Стало, есть сестрица?

— И того нѣтъ.

— Понимаю-съ.

— Нѣтъ, вы не понимаете и не можете понять.

— Что изволите говорить?

— Я говорю, что вы думаете совсѣмъ другое, а дѣло вотъ въ чемъ...

— Позвольте-съ, перебилъ незнакомецъ: прежде всего, не угодно ли вамъ будетъ освободиться отъ шубы и выкушать стаканчикъ чайку; на дворѣ препорядочная стужа, вѣтеръ пронзительный...

— Очень вамъ благодаренъ, но всякая минута...

— Повѣрьте, ничего не значитъ.

— Вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что въ прежніе годы случалось... то есть, такъ... пока кровь отъ молодости... знаете, представляются вещи въ этакомъ, не настоящемъ видѣ... Но прежде позвольте... Вы хотѣли...

— Я хочу, во что бы ни стало, доказать человѣку, оскорбившему одну изъ самыхъ чистыхъ, изъ самыхъ непорочныхъ...

— Сестрицу?

— Да нѣтъ, я сказалъ, что нѣтъ.

— И не супругу? Такъ стало свояченицу?

— И не супругу, и не свояченицу.

— Ну, теперь это становится ясно! замѣтилъ съ самодовольною улыбкою словоохотный господинъ, только что не насильно раздѣвая до крайности раздосадованнаго Кондратія Захаровича. — Повѣрьте совѣсти моей, продолжалъ господинъ: что всякое дѣло подобныхъ свойствъ, то есть этакого вида, требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія здравымъ умомъ. Сколько случаевъ могу представить.

— Мнѣ, право, крайне совѣстно.

— Ничуть-съ, и не должно быть никакой совѣсти. Опытъ въ нѣкоторые годы...

— Простите, что не успѣлъ еще спросить васъ объ имени.

— Помѣщикъ Каверзевъ: путешествую для удовольствія... Имѣніе уступилъ брату, а самъ, знаете, получаю отъ него родъ пенсіи; не женатъ, пользуюсь развлеченіями...

— Вы очень скоро ѣздите.

— Страсть! не могу... напоминаетъ молодость; мно-

жество знакомыхъ помѣщиковъ; заѣдешь къ одному, къ другому — жизнь летитъ, какъ стрѣла; совершенно счастливъ, благословляю судьбу...

— Еще разъ прошу васъ извинить меня, сказалъ Солонимскій, усаживаясь на пододвинутый незнакомцемъ плетеный стулъ: дорога такъ меня разстроила, что съ мыслями еще собраться не могу.

— Безъ привычки.

— Нѣтъ, а дѣло непріятное.

— Съ барономъ?

— Да, человѣкъ этотъ... Но исторія длинная, и васъ она интересовать не можетъ. Онъ искалъ руки одной...

— Родственницы вашей?

— Нѣтъ, но, все равно, близкой мнѣ по сердцу дѣвушки.

— По моимъ понятіямъ, сердце стоитъ всего прочаго и это все равно, что жена; по собственному опыту знаю.

— Напротивъ, перебилъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ Солонимскій: та дѣвица, о которой говорю, совершенно мнѣ чужда... Угодно вамъ выслушать меня?

— Слушаю, слушаю.

— Баронъ былъ помолвленъ на самой прелестной и добродѣтельной дѣвушкѣ; вдругъ отказался отъ руки ея, представляя письменно причины, оскорбительныя для чести женщины, самъ же поспѣшилъ скрыться, и, какъ мнѣ говорили, уѣхалъ изъ Петербурга подъ чужимъ именемъ. Находившись прежде въ очень короткихъ отношеніяхъ со всѣмъ семействомъ невѣсты, я почелъ долгомъ не оставить этого дѣла, и, не теряя ни минуты, послѣдовалъ за дерзкимъ оскорбителемъ, который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ былъ избрать эту дорогу.

— Вы напали на слѣдъ?

— Увы! нѣтъ еще.

— Что же вы намѣрены дѣлать теперь?

— Я? Ей Богу не знаю.

— Вамъ очень хочется его найдти?

— До невѣроятности.

— По моему, надо придумать хитрость.

— Какую же хитрость?

— Какую нибудь хитрость, потому что, по словамъ вашимъ, господинъ этотъ долженъ быть тонкая штука.

— Просто бестія, мошенникъ.

— Вотъ видите ли! а такого звѣря въ большомъ городѣ не выслѣдишь. Во первыхъ, гостинницъ и постоялыхъ домовъ здѣсь много; онъ, какъ по всему видно, на яму останавливаться не будетъ, а перемѣнитъ гдѣ нибудь лошадей, и на утекъ. Дѣло ваше замысловато!

— Что же дѣлать, что же дѣлать! воскликнулъ Кондратій Захаровичъ, только что не ломая себѣ рукъ отъ отчаянія.

— А вотъ что! сказалъ подумавъ новый знакомецъ его, вставая съ своего мѣста и подходя къ нему.—Пошлемъ сію же минуту за лошадьми; часа черезъ три я доставлю васъ къ Ананью Ананьичу Перемазову. Онъ держитъ станцію, и вольныя его же; бѣглецу вашему проскакать, ручаюсь вамъ, будетъ не легко, тѣмъ болѣе, что, слова два старостѣ, запретъ ямщикамъ не пропускать ни души, не предувѣдомивъ насъ, а тѣмъ временемъ издержекъ вамъ не предстоитъ большихъ; человѣкъ онъ простой, скупенекъ, да чортъ его возьми!

— Мысль ваша превосходна, но... Позвольте узнать объ имени вашемъ?

— Терентій Николаевичъ.

— Превосходная мысль, Терентій Николаевичъ!

кликнулъ Кондратій Захаровичъ, крѣпко сжимая руку Каверзева: и будь я только увѣренъ, что знакомый вашъ... Ананій Ананьичъ? да, Ананій Ананьичъ. Не попеняетъ ли онъ вамъ за привозъ къ нему незваннаго гостя? А то я бы, кажется, сію минуту...

— На этотъ счетъ отложите попеченіе. Я ѣхалъ въ эту же сторону, и катнемъ къ нему, не теряя времени. Кстати сбѣгаю я на станцію, пересмотрю подорожныя, поразспрошу о проѣзжихъ, и съ тройкою явлюсь за вами.

Благословляя въ душѣ своей случай, столкнувшій его съ услужливымъ незнакомцемъ, провинціялъ нашъ напился чаю съ большимъ аппетитомъ, заплатилъ въ трактирѣ какъ за себя, такъ и за новаго товарища своего, и черезъ часъ, въ сопровожденіи послѣдняго, выѣзжалъ уже изъ городской заставы, съ полною надеждою на скорое окончаніе предпріятія, начинавшаго утомлять его.

Проѣхавъ верстъ двадцать пять, Терентій Николаевичъ вдругъ спросилъ у Солонимскаго: не знакомъ ли ему Михайло Платоновичъ?

— Какой это Михайло Платонычъ?

— Михайло Платонычъ Златобыховъ, богатѣйшій человѣкъ, можно сказать; въ Петербургѣ собственный домъ, оконъ въ тридцать по улицѣ.

— Нѣтъ, не знаю и не слыхалъ, отвѣчалъ тотъ.— А что?

— Нѣтъ, ничего рѣшительно; такъ спросилъ; имѣніе-то, въ которое ѣдемъ, принадлежитъ ему.

— А не Ананью Ананьичу?

— Ананій Ананьичъ, изволите видѣть, нанимаетъ у него небольшой домишко; строеніе плоховато; была въ немъ вотчинная контора; построили новую, а старую

удержалъ Перемазовъ за собою; правда, не деньгами платитъ за постой, а навозомъ. Хозяинъ большой агрономъ; хлѣбомъ не корми, давай только удобреніе; все у него по новому манеру ведется, и весь сельскій порядокъ держитъ не по русски.

Новыхъ вопросовъ не дѣлалъ Кондратію Захаровичу толстый господинъ во время остальнаго пути, а, часу въ шестомъ вечера, тройка ихъ достигла наконецъ жилья содержателя станціи, и въѣхала въ узкія деревянныя ворота дѣйствительно очень ветхаго строенія, съ продолговатыми окнами, мелкія стекла которыхъ блистали всѣми цвѣтами радуги. Первый выскочилъ изъ саней Терентій Николаевичъ, и пока Солонимскій выходилъ изъ подъ волчьей полости и ковра, первый успѣлъ уже проникнуть во внутренность мрачнаго жилища Перемазова и отыскать хозяина.

Если бы богатый Михайло Платоновичъ Златобыховъ не любилъ агрономіи и не придавалъ назему такой высокой цѣны, онъ, конечно, не пустилъ бы на житье въ старую вотчинную контору свою Ананія Ананьевича, такъ непріятенъ онъ былъ съ виду. Многое и видалъ и встрѣчалъ въ свою жизнь Солонимскій; коротко знакомъ былъ ему и Кузьма Тихоновичъ Парѳенинъ, но камора Парѳенина казалась роскошнымъ будуаромъ, въ сравненіи съ тою горницею, которая служила и спальнею и столовою, и кабинетомъ, и пріемною Ананью Ананьевичу. Конечно, великій человѣкъ былъ Діогенъ, потому что жилищемъ своимъ сдѣлалъ бочку, грѣлся на солнцѣ, пилъ изъ собственныхъ рукъ и одѣвался въ рубище; но если бы кто нибудь перенесъ въ Новгородскую губернію Діогенову бочку, да вмѣстѣ съ мудрецомъ закопалъ бы ее въ снѣгъ, да вмѣсто солнца
бы на философа тотъ вѣтерок

лается совершенно неподвижною, да, сверхъ того, поручилъ бы Діогену содержать станцію, то онъ, безъ сомнѣнія, почелъ бы первымъ долгомъ одѣться потеплѣе, перейдти изъ бочки, пожалуй, хоть въ простую крестьянскую избу, но безъ просвѣтовъ и сложить въ ней печь пошире. Но Ананій Ананьевичъ былъ мудрецъ почище Діогена; онъ, по видимому, не обратилъ большаго вниманія на всѣ эти бездѣлки, и жилъ только что не въ рѣшетѣ. Окна и стѣны жилища его покрыты были толстымъ слоемъ инея и изъ всѣхъ щелей выглядывали мертвые тараканы. Доски криваго пола ходили подъ ногами, а изъ отдушника полуразвалившейся печки несло холодомъ, и на немъ торчалъ поношеный шерстяной чулокъ. Хозяинъ спалъ на двухъ ящикахъ, на космамомъ конскомъ коврѣ, безъ подушки. Кресла и стулья замѣнялись двумя опрокинутыми деревянными четвериками; столъ, сколоченный изъ трехъ сгнившихъ тесницъ, прислоненъ былъ къ простѣнку, и держался болѣе равновѣсіемъ, чѣмъ кривыми брусковыми ногами. Самого же Ананія Ананьевича облекла природа въ самую отвратительную оболочку. Онъ былъ низокъ, худъ, сухъ, желтъ, не бритъ, не вымытъ, прикрытъ фуфайкою, зеленоватыми панталонами, суконною манишкою, и женскими грубыми шерстяными чулками. На лицѣ Перемазова недоставало праваго глаза, переднихъ зубовъ, за то подъ подбородкомъ висѣло фунта три совершенно лишняго мяса. Привѣтственную рѣчь свою сказалъ онъ Солонимскому въ носъ и такъ невнятно, что рѣчь эту долженъ былъ пересказать гостю Терентій Николаевичъ. Выслушавъ потомъ о причинахъ, заставившихъ гостя пожаловать къ нему, Перемазовъ пригласилъ его расположиться безъ церемоніи въ единственномъ теплюмъ покоѣ бывшей конторы, и откушать чайку. Не

останавливаясь ни на одной станціи болѣе пяти минутъ, Кондратій Захаровичъ былъ такъ голоденъ, что принялъ предложеніе съ большимъ удовольствіемъ. Хозяинъ вышелъ въ коррядоръ, похлопалъ въ ладоши и возвратился. На зовъ этотъ явился рыжій мальчикъ, косой, въ длинной широкой курткѣ, и съ головою, остриженною подъ гребенку.

— А! ты опять здѣсь, негодяй! воскликнулъ Терентій Николаевичъ, увидѣвъ мальчика.

— Не тронь его, замѣтилъ съ явнымъ неудовольствіемъ хозяинъ холоднаго жилья, отворачиваясь отъ толстаго господина, который, закуривъ сигару, возлегъ на ящики. — А ты, Сенька, поставь чайникъ, да попроси у Савельича другой стаканъ; слышишь?

— Хорошо, отвѣчалъ рыжій, кивая головою и бросаясь со всѣхъ ногъ вонъ изъ комнаты.

До возвращенія его съ мѣднымъ чайникомъ и двумя стаканами, Ананій Ананьевичъ разспросилъ гостя, на какихъ онъ ѣдетъ, на вольныхъ ли или на почтовыхъ.

— А вы давно ли занимаетесь почтовымъ дѣломъ? спросилъ въ свою очередь Солонимскій.

— Лѣтъ восемнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— И выгодно вамъ?

— Какая же выгода! Только бы прокормиться самому, да мальчишку пропитать; цѣны сбили, ѣзда большая; овесъ вотъ какъ дорогъ сталъ.

— Изъ чего же вы хлопочете, Ананій Ананьичъ?

— Помилуйте! надобно же хлѣбъ добывать какимъ нибудь манеромъ.

— Труденъ хлѣбъ вашъ!

— Что дѣлать.

— Какъ же вамъ пришло въ голову заняться такимъ дѣломъ?

— Какимъ это?

— Станціею.

— Попалъ на торги, за мною и оставили; думалъ, анъ уступятъ, анъ нѣтъ, отстали, вотъ и взялъ; нечего дѣлать.

— Къ какому же концу приведетъ васъ предпріятіе, которое никакихъ выгодъ не доставляетъ? спросилъ Кондратій Захаровичъ, начинавшій уже сожалѣть о несчастномъ старикѣ, обреченномъ судьбою на такую страшную нищету.

— А къ какому же концу? Умремъ, вотъ и все, отвѣчалъ Ананій Ананьевичъ.

— Да что вы его тамъ слушаете? перебилъ лежавшій на ящикахъ Каверзевъ.—Поетъ онъ вамъ пѣсню, а вы и вѣрите. Спросите-ка лучше, каковъ домишко у него въ Новгородѣ? Пусть-ка поразскажетъ.

— Что въ домахъ-то? что въ домахъ? возразилъ хозяинъ съ сердцемъ.—Вѣдь только слава, что домъ. И съ домомъ наплачешься.

Солонимскій онѣмѣлъ отъ изумленія. Замѣчаніе Терентія Николаевича почелъ онъ значала за шутку, но, услышавъ отвѣтъ Перемазова, убѣдился, что истерзанный, полунагой старикъ былъ дѣйствительно владѣльцемъ дома. Изумленіе Солонимскаго удвоилось, когда рыжій мальчишка внесъ въ комнату не самоваръ, а просто мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, и два разнокалиберные стакана, съ одною оловянною ложкою, а Ананій Ананьевичъ досталъ откуда-то, въ синей бумажкѣ, щепотку самаго простаго чаю, высыпалъ его въ воду и отправилъ кипятить. Угощеніе заключилось тремя желтоватыми кусочками сахару, а освѣщено было сальнымъ огаркомъ, вставленнымъ въ плоскій измятый жестяной шандалъ. Весьма недовольный гостепріимствомъ Пере-

мазова, Кондратій Захаровичъ попросилъ рыжаго прислужника принести сѣна, покрылъ его полостью и, завернувшись шубою, легъ спать, разумѣется, простясь какъ съ хозяиномъ, такъ и съ Терентіемъ Николаевичемъ. Утомленный до нельзя, крѣпко заснулъ Солонимскій на скромномъ ложѣ своемъ, и только на слѣдующее утро въ полдень раскрылъ глаза, приподнялъ голову и извинился передъ хозяиномъ въ слишкомъ долгомъ снѣ.

— Почивайте на здоровье, отвѣчалъ, кисло улыбаясь, Перемазовъ. — Что и дѣлать, какъ не спать въ эту стужу.

— А новенькаго ничего нѣтъ?

— Чего, то есть, новенькаго?

— Касательно проѣзжихъ.

— Да, на счетъ того, кого ожидаете?

— Именно!

— Право, не знаю. Вотъ придетъ Терентій Николаевичъ, скажетъ.

— Куда же онъ ушелъ?

— Чай въ гостинницу.

— Какъ! тутъ есть гостинница? воскликнулъ съ радостью провинціялъ, который началъ уже сокрушаться о бѣдномъ своемъ желудкѣ.

— Какъ не быть!

— И можно найдти въ ней что нибудь?

— Конечно, повторилъ, улыбаясь, старикъ.—Провизія отмѣнная, а повару плачу дорого.

— Стало, содержите вы?

— Что же дѣлать! надо и себя и мальчишку прокормить чѣмъ нибудь; по неволѣ держать станешь...

— Помилуйте! да вы прекрасно дѣлаете.

Кондратій Захаровичъ стряхнулъ свою шубу, накинулъ ее на плеча и поспѣшно вышелъ изъ холодная

коя, не обѣщавшаго ему ничего, кромѣ ужаснаго чаю. Вышедши за ворота, Солонимскій пораженъ былъ роскошною постройкою деревни, по видимому только что сооруженной на новомъ мѣстѣ. Вокругъ высокихъ каменныхъ избъ одинаковой архитектуры, не видно было ни деревца, ни признаковъ огорода. Чинно тянулись избы по одной сторонѣ широкой дороги и раздѣлялись лишь крашеными воротами. Впереди красовался четырехъугольный прудъ, обнесенный сѣрыми надолбами. На обоихъ концахъ деревни возвышались два одинаковыя кирпичныя зданія; на дверяхъ ближайшаго читалась надпись: *контора*. Еще ближе высокаго зданія, Кондратій Захаровичъ разглядѣлъ соломенную продолговатую крышу, рядомъ съ нею нѣсколько тесовыхъ и передъ одною изъ нихъ два пестрые столба. Къ нимъ-то и направилъ шаги голодный провинціялъ. Дѣйствительно, подъ одною изъ тесовыхъ и почернѣвшихъ отъ времени крышъ, Кондратій Захаровичъ нашелъ новаго знакомца своего, Терентія Николаевича, уплетавшаго цѣлую миску тюри, приправленной какою-то красноватою рыбою, лукомъ и чернымъ ржанымъ хлѣбомъ. Вокругъ стола, занятаго Каверзевымъ, стояло съ полдюжины ямщиковъ. Всѣ они съ жадностью слѣдили за быстрыми движеніями Терентія Николаевича. Протянувъ дружески руку свою Солонимскому и предложивъ ему закусить что нибудь, толстый господинъ объявилъ, что въ прошлую ночь проѣхалъ одинъ только военный, два знакомые купца, отставная поручица съ дочкою, и, на своихъ, сосѣдній благочинный; что всѣхъ ихъ пересмотрѣлъ онъ самъ своими глазами, и ни въ одномъ не нашелъ ровно ничего схожаго съ тѣмъ, кого ожидалъ Солонимскій. Поблагодаривъ Терентія Николаевича за трудъ, провинціялъ нашъ освѣдомился о напиткахъ и

кушаньяхъ. Не нашедши въ реестрѣ первыхъ ничего, кромѣ горькой, спросилъ горькой и два наличные обѣда. За столомъ ямщики объяснили Кондратью Захаровичу, что Иванъ Платоновичъ Златобыховъ положилъ тысячь сорокъ на постройку деревни, которая хотя и построена назадъ тому три года, но для житья крестьянамъ служить не можетъ, потому что дома сыры, холодны, и скота помѣстить негдѣ. Огороды же на чистомъ пескѣ мужички и пробовали разводить, да не растетъ ничего, и поля всѣ поизгладили... Проговоривъ безъ умолку съ часъ времени и проглотивъ по двойной порціи затхлаго обѣда, Терентій Николаевичъ шепнулъ своему товарищу, что не мѣшало бы дать ямщикамъ на водку, а равно и служанкѣ такъ называемаго трактира, тридцатипятилѣтней дѣвкѣ, съ всклоченною головою и вздернутымъ къ верху носомъ. Отъ природы чрезвычайно деликатный, Солинимскій безъ всякаго возраженія опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ замшевый кошелекъ, открылъ его, засунулъ два пальца, пошарилъ, поймалъ какую-то монету, вытащилъ ее, но снова опустилъ, снова пошарилъ.

— Что это вы тамъ ищете? спросилъ толстый господинъ.

— Былъ лобанчикъ, да не найду.

— Завалился куда нибудь.

— Не мудрено.

— Или забыли куда издержали.

— И это можетъ статься, отвѣчалъ Кондратій Захаровичъ, убирая кошелекъ обратно въ карманъ и принимаясь за бумажникъ.

Послѣ обѣда Терентій Николаевичъ показалъ Солонимскому всю новую деревню Златобыхова, и новую контору, и новый хлѣбный магазинъ. Всѣ строенія были

истинно роскошны, но пусты. Крестьяне жили въ низкихъ клѣткахъ, приставленныхъ сзади къ великолѣпнымъ палатамъ. По словамъ Каверзева, богатый Михаилъ Платоновичъ началъ блистательно раззорять себя съ тѣхъ поръ, какъ слушаетъ совѣтовъ какого-то Голландца, пріѣхавшаго откуда-то издалека. До исхода дня Терентій Николаевичъ осмотрѣлъ еще нѣсколько проѣзжающихъ. Проигравъ до глубокой ночи въ дураки съ толстымъ господиномъ, и проигравъ ему около трехъ рублей серебромъ, Солонимскій возвратился къ Ананью Ананьевичу и по прежнему залегъ спать на сѣнѣ. На другой день Кондратій Захаровичъ принялся было снова за свой бумажникъ, чтобы заплатить за общій обѣдъ, но Терентій Николаевичъ не допустилъ его и посовѣтовалъ отложить расплату до послѣдняго дня. «Баловать же ихъ каналій не стоитъ», прибавилъ онъ: «ишь какою дрянью кормитъ!» Третій и четвертый день прошли какъ первый и второй, съ тою только разницею, что дураки постепенно становились Солонимскому дороже, а проѣзжающихъ осматривалъ Терентій Николаевичъ съ меньшимъ вниманіемъ; онъ даже пропускалъ иныхъ. Тѣмъ временемъ въ холодныхъ покояхъ Ананья Ананьевича произошелъ безпорядокъ. Черноволосый староста нанесъ въ одно утро содержателю почты оскорбленіе. Не потерпѣвъ обиды, старикъ пустилъ въ него полѣномъ и разбилъ окно. Положено было съ обѣихъ сторонъ войдти съ жалобами. Ананій Ананьевичъ грозился ревизоромъ, то есть лицемъ, ревизующимъ всѣ имѣнія богатаго Михаила Платоновича. Благодаря совѣтамъ перваго, и разстроивался послѣдній въ дѣлахъ своихъ.

Потерявъ наконецъ всякую надежду дождаться барона, Кондратій Захаровичъ, въ одно утро, объявилъ Каверзеву о намѣреніи своемъ пуститься въ обратный путь.

— Что такъ? спросилъ тотъ: или не весело вамъ съ нами?

— Холодновато, Терентій Николаевичъ, замѣтилъ деликатный провинціялъ, улыбаясь.

— А холодно у Ананья Ананьича, перейдемъ спать въ гостинницу; платить за постой все равно ему же. А куда вы намѣрены ѣхать?

— Назадъ въ Петербургъ.

— Жаль, что мнѣ не по дорогѣ, а то бы проводилъ охотно.

— Отъ души сожалѣю.

— Какъ быть!

Кондратій Захаровичъ отправился къ Ананью Ананьевичу, и безъ околичностей спросилъ у него, сколько именно остается ему долженъ за ночлегъ, сѣно, на которомъ спалъ, и сальный огарокъ, котораго ни разу не зажигалъ, возвращаясь поздно изъ гостинницы.

Старикъ пустился было въ чувствительныя объясненія, коснулся опять всѣхъ своихъ нуждъ, времени и проч. и прочее.

— И за это, сударь, денегъ за вами всего двѣнадцать рублей съ копѣйками; такъ копѣйки-то, Богъ съ ними, а съ рублей ничего уступить не могу, власть ваша.

Кондратій Захаровичъ пошелъ отыскать Терентія Николаевича.

— Что, батюшка, видно и ваша милость дорогонько поплатиться изволили, произнесъ кто-то позади Солонимскаго.

Послѣдній оглянулся; передъ нимъ стоялъ тотъ самый черноволосый староста, котораго видалъ онъ въ холодныхъ покояхъ содержателя почты.

— Да, братъ. Кто такой этотъ Перемазовъ?

— Кто онъ именно, доложить не могу; содержателя

отрекомендовалъ барину нашему ревизоръ. Наѣзжаетъ онъ не часто, правда, а за то, какъ пріѣдетъ, такъ и пойдетъ все словно въ котлѣ кипѣть. Ужь прахъ его знаетъ, якшается онъ съ Перемазовымъ, что ли, а горою за него стоитъ. Съ прошлой осени не жаловалъ; мужички было и зарадовались; нѣтъ, и въ запрошлую ночь прикатилъ съ коломенской вотчины.

— Однако дѣлать мнѣ здѣсь больше нечего, сказалъ Кондратій Захаровичъ: и пора бы ѣхать.

— А въ какую сторону ѣхать-то вамъ, баринъ?

— Въ Петербургъ, любезный.

— Ну, коли въ Питеръ, такъ сладиться бы вамъ съ ревизоромъ нашимъ. Заплатите половину прогоновъ, въ нѣсколько часовъ доставитъ.

— Стало, и онъ туда же? Прекрасная мысль!

— Что живетъ въ Питерѣ, то вѣрно знаемъ, и провизію ему сколько разъ поставляли на господскій домъ; въ нашемъ домѣ и квартирой стоитъ; все ему даромъ; житье отъ господъ куда хорошее; за хлѣбъ соль не платитъ ни алтына, а за то и здоровенный какой: что твой быкъ!

— Послушай-ка, любезный, сказалъ Солонимскій, ласково трепля старосту по плечу: не сходишь ли ты къ ревизору вашему, да не провѣдаешь ли отъ него....

— Нѣтъ, баринъ, нашему брату говорить съ нимъ не приходится; къ другому анаралу пошелъ бы смѣлѣе. А вашей милости самому бы, того; онъ съ господами ничего себѣ; подъ часъ и разболтается тамъ по своему...

— А какъ его зовутъ?

— Ревизора-то? постойте, батюшка, имя-то нѣмецкое, на памяти не держится.

— Ну, все равно, пойду самъ; безъ подорожной, пожалуй, никогда одинъ не доѣдешь, сказалъ Кондратій

Захаровичъ, направляясь къ новой конторѣ, въ которой, по словамъ старосты, останавливался обыкновенно ревизоръ. У крыльца затѣйливаго зданія стояло нѣсколько крестьянъ съ обнаженными головами; нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ своихъ палки съ мѣдными набалдашниками: то были сотскіе. Прошедши мимо ихъ, Солонимскій вошелъ въ нижній этажъ, занятый собственно хозяйственною канцеляріею. Въ одной изъ двухъ свѣтлыхъ и обширныхъ комнатъ, уставленныхъ столами и шкафами, суетилось нѣсколько писарей; въ другой, худощавый человѣкъ, въ синемъ поношеномъ сюртукѣ, принималъ деньги изъ рукъ двухъ сѣдовласыхъ стариковъ, вѣроятно, вотчинныхъ сборщиковъ; передъ каждымъ изъ нихъ возвышались на столѣ кучки ассигнацій и серебряныхъ денегъ. Кондратій Захаровичъ обратился къ человѣку въ синемъ сюртукѣ, и учтиво спросилъ его, можно ли видѣть ревизора?

— А по какому вы дѣлу? спросилъ въ свою очередь сюртукъ.

— По своему собственному.

— Ну, коли по своему, такъ теперь нельзя.

— Почему нельзя?

— Такъ; не велѣно никого пускать. Баронъ заниматься изволитъ.

— Баронъ? повторилъ съ недоумѣніемъ Кондратій Захаровичъ: какой баронъ?

— Извѣстно какой: баронъ Адольфъ Карловичъ; другаго здѣсь нѣтъ.

— Адольфъ Карловичъ Кронбрунншпицъ?

— Какъ же вы не знаете, до кого дѣло имѣете? замѣтилъ насмѣшливо синій сюртукъ, принимаясь снова за свои счеты и деньги.

Сохранивъ все свое присутствіе духа, Солонимскій

разспросилъ о томъ, когда и куда намѣренъ баронъ отправиться, по какой именно дорогѣ, и на почтовыхъ или вольныхъ лошадяхъ. На это отвѣчалъ ему сюртукъ, что Адольфъ Карловичъ заказалъ обывательскихъ къ полночи, а двѣ подставы отправилъ по московскому тракту, до вечера же будить себя запретили, и безъ доклада никого рѣшительно не приказали впускать. Подумавъ съ минуту, Кондратій Захаровичъ вышелъ изъ конторы, и не пошелъ, а побѣжалъ обратно въ жилище Ананья Ананьевича, но уже не съ сердитымъ, а, напротивъ, съ веселымъ лицемъ. Увѣренный наконецъ, что цѣль его неудачнаго путешествія ни въ какомъ случаѣ не ускользнетъ изъ рукъ его, онъ забылъ всѣ прежнія непріятности, и думалъ объ одномъ только: какъ бы достать хорошенькихъ лошадей. Съ этою мыслью и желаніемъ вбѣжалъ онъ въ комнату Перемазова, у котораго засталъ Терентья Николаевича.

— А я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою! воскликнулъ провинціялъ, обращаясь къ своему бывшему хозяину: одолжите мнѣ, ради Бога, лихую тройку, и не до первой станціи, а сутокъ на двое,

Старикъ было замялся, но Терентій Николаевичъ вдругъ схватилъ его за воротъ и приказалъ немедленно выполнить требованія гостя. Хозяинъ просилъ подождать до вечера.

— До сумерекъ, извольте, сказалъ весело Кондратій Захаровичъ: а васъ, Терентій Николаевичъ, приглашаю прокатиться со мною верстъ за пятьдесятъ, не далѣе, а завтра утромъ доставлю назадъ; хотите?

— Куда, то есть, душѣ вашей угодно, почтеннѣйшій, всюду готовъ слѣдовать. Что мнѣ? свободенъ, независимъ, имѣніе уступилъ брату, получаю отъ него въ родѣ пенсіи; съ одного достаточно; кучу, и

тахъ-тарарахъ, вотъ какъ-съ! Ты же, Ананій, пошевеливайся!

Солонимскій занялся укладкою своего чемодана, и осмотромъ двухъ одноствольныхъ пистолетовъ, тщательно запрятанныхъ между бѣльемъ и прочими предметами туалета. Кондратій Захаровичъ заперъ чемоданъ, пистолеты же незамѣтно переложилъ въ карманы своего пальто. Ровно въ семь часовъ Ананій Ананьевичъ предложилъ гостю своему лучшую тройку, съ разрѣшеніемъ пользоваться лошадьми хоть въ продолженіе цѣлой недѣли. Десять минутъ спустя, ухорскія почтовыя санки съ прешироками отводами стояли уже у воротъ; до нихъ проводилъ гостей своихъ самъ хозяинъ.

XXII.

Бываютъ нервическія потрясенія, въ которыхъ первые припадки такъ сильны, что лучшіе врачи, конечно, приписываютъ ихъ самымъ убійственнымъ и смертельнымъ ударамъ. Что дѣлать въ подобномъ случаѣ, какъ не разрѣзать жилы и не выпустить три четверти наличной крови? Этой участи подвергся бы неизбѣжно Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій, если бы кто нибудь изъ домашнихъ увидѣлъ его въ минуту полученнаго имъ извѣстія о выигрышѣ 900,000 злотыхъ. Языкъ его онѣмѣлъ, голова закружилась, руки замерли, ноги подкосились, но глаза поднялись къ потолку, и на устахъ выразилась улыбка неизмѣримаго счастія. Первою мыслью фонъ-Гарецкаго было: «Я богатъ, держитесь же у меня, любезные друзья! Теперь мы увидимъ, какъ-то не поѣдете вы къ Ивану Михайловичу, и какую рожу скорчите, услышавъ, что у Ивана Михайловича маленькій милліончикъ чистыми денежками, не сомнительный, какъ большая

часть невидимыхъ капиталовъ, а печатный, публикованный по всѣмъ концамъ Россіи, во всѣхъ вѣдомостяхъ; всѣ прочтутъ, всѣ узнаютъ. А баронъ-то, баронъ!... Воображаю его физіономію! то-то порадуется голубчикъ! Ночныя свиданія, слухи тамъ такіе сякіе; а 900,000 злотыхъ? Положимъ, и были свиданія, а девятьсотъ тысячь злотыхъ, сударь.... Ха ха ха!»

Иванъ Михайловичъ забылъ объ онѣмѣніи членовъ и позвонилъ изо всѣхъ силъ. Онъ приказалъ созвать всю семью, всю дворню, всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія. Молодой человѣкъ, принесшій извѣстіе о выигрышѣ, отправленъ былъ, хотя и безъ денежнаго награжденія, потому что въ это утро во всемъ домѣ фонъ-Гарецкихъ не отыскалось бы ни мѣднаго гроша, но все равно: радостному вѣстнику обѣщана была тысяча, а въ подобныхъ случаяхъ обѣщаніе стоитъ денегъ, и вѣстникъ отправился изъ дому счастливца въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. У крыльца столкнулся онъ съ Богданомъ Богдановичемъ, котораго зналъ прежде, и, разумѣется, порадовалъ его, какъ будущаго зятя фонъ-Гарецкаго. Герцфетъ не бросился къ нему на шею, и не крикнулъ, а повернулся налѣво кругомъ и отправился прямо въ самую контору, гдѣ все таки не оказалъ ни малѣйшаго восторга, пока не прочелъ въ книгѣ своими собственными глазами, противъ выигрышнаго нумера, имя Ивана Михайловича фонъ-Гарецкаго. Услышавъ же отъ самого хозяина книги, что двухъ Ивановъ Михайловичей фонъ-Гарецкихъ тотъ не знаетъ, Герцфетъ съ чувствомъ пожалъ ему руку, прослезился, и все таки не поѣхалъ прямо къ будущему тестю, а подумалъ, помыслилъ, сообразился съ новыми неожиданными обстоятельствами, и завернулъ домой. Только черезъ часъ вошелъ Богданъ Богдановичъ въ кабинетъ Ивана Ми-

хайловича, и, только что не рыдая, бросился въ его объятія. Перецѣловавъ ручки всему женскому полу, начиная съ Олимпіады Аверкіевны, княжны, которую уже нашелъ въ кабинетѣ, блѣдной и исхудавшей Аглаи, насильно сведенной въ кабинетъ съ верхняго этажа, и до маленькой сестры невѣсты, Герцфетъ повздыхалъ, и съ примѣрнымъ терпѣніемъ выслушалъ всеобщій длинный разсказъ о томъ, какъ и въ какую именно минуту принесено было извѣстіе о выигрышѣ. «Да нѣтъ, да ты постой, мой другъ!» кричалъ самъ Иванъ Михайловичъ, отводя рукою говорившую жену свою отъ Герцфета. «Надо начать съ того, что я, Богданъ Богдановичъ, провелъ сегодня самую адскую ночь, самую убійственную, и не случись со мною утромъ этого чуда, честью вамъ клянусь, не ручаюсь, и... и... Впрочемъ, что мнѣ вамъ-то, вамъ- то разсказывать! Сами знаете, въ какихъ обстоятельствахъ находились мы вчера; не всѣхъ же можно морочить. Конечно, переносилъ я испытаніе съ твердостію, за то, спросите у этихъ стѣнъ: онѣ видѣли, онѣ слышали... но дѣло не въ томъ...»

— Вотъ видишь ли, мой другъ, перебила супруга: самое-то интересное заключается въ томъ...

— Постой, постой, до самаго интереснаго не дошли; самое интересное...

— Я первая увидѣла того красиваго мужчину, проговорила, кривляясь Матрена Андреевна.

— Ну, ужь нѣтъ, извините!

— Клянусь вамъ, Иванъ Михайловичъ!

— Чего тутъ клясться!

— Ахъ, mon frère, да разскажите скорѣе; вотъ два часа, какъ вы спорите...

— Мѣшаютъ, сестрица! слова вымолвить не дадутъ.

— Все Матрена Андреевна, замѣтилъ Ваня, бара-

баня кулаками по груди бѣдной, но благородной дѣвицы. Дѣвица вскрикнула, ущипнула отрока, на котораго напала въ свою очередь княжна. Отрокъ лягнулъ тетку, и бросился подъ руку родителя, который прикрылъ любимца полою сюртука своего, унялъ всѣхъ недовольныхъ и началъ снова разсказъ свой, длившійся очень долго. Въ это время къ фонъ-Гарецкому подходили съ поздравленіями и дворовые люди, и кучера и дворники. При появленіи каждаго новаго лица, Иванъ Михайловичъ заносилъ руки къ карманамъ жилета, но, не находя въ нихъ чего искалъ, обращалъ взоръ на Богдана Богдановича, который тотчасъ же и съ улыбкою вынималъ изъ задняго кармана портмоне, прижималъ пружинку замка, и, вынимая мелочь, передавалъ ее будущему тестю. Часу во второмъ, счастливцу доложили о пріѣздѣ Исидора Елеазаровича, и еще нѣсколькихъ лицъ, которыя, однакожъ, не были приняты. Къ обѣду подали, взятыя въ долгъ, двѣ бутылки шампанскаго, и выходя изъ за стола пошатывались двое: родитель и Ваня; оба хватили черезъ край.

Странно, что между самыми близкими семейству фонъ-Гарецкихъ нашлось нѣсколько лицъ, почти недовольныхъ чрезвычайнымъ благополучіемъ Ивана Михайловича. Первая была княжна Евгенія, вторая Матрена Андреевна. Обѣимъ казалось, что фортуна поступила бы и справедливѣе и благоразумнѣе, пославъ выигрышъ этотъ имъ, хотя впрочемъ ни княжна, ни Матрена Андреевна билетовъ въ эту лотерею и не брали никогда. На лицѣ же Богдана Богдановича, отъ поры до времени, проскальзывали оттѣнки внутренняго безпокойства: его страхъ тревожила мысль, что, имѣя возможность уплатить ему долгъ, Иванъ Михайловичъ, пожалуй, вздумаетъ приказать людямъ вытолкать сего почтеннаго

господина Герцфета изъ дому, и тѣмъ опрокинуть всѣ подмостки, которыя такъ долго городилъ онъ чтобы приблизиться къ рукѣ прелестной Аглаи, а равно и къ мужичкамъ ея. Сама же Аглая улыбалась при отцѣ единственно изъ угожденія ему, но, во все остальное время дня и ночи, постоянно занята была какою-то сокровенною для всѣхъ мыслью. Грустила ли она по больномъ Корнеліи Егоровичѣ, сожалѣла ли она о баронѣ, казался ли ей противнымъ Богданъ Богдановичъ, сердилась ли она на Солонимскаго, неизвѣстно. Дѣвушки, притомъ хорошенькія, премудреный народъ: природа влагаетъ въ нихъ такъ много милыхъ несовершенствъ, а сами онѣ дѣлаютъ иногда такъ много очаровательныхъ глупостей, что не рѣдко и любишь ихъ, и бранишь, и сердишься и все забываешь.

Опьянѣвъ до той степени, въ которой буйная молодежь хватается безпрестанно за рукоятку сабли, шпаги, или просто за шандалъ, а пожилые люди начинаютъ, вспоминая молодость, говорить неблагопристойныя рѣчи, Иванъ Михайловичъ присѣлъ на диванъ и посадилъ рядомъ съ собою Богдана Богдановича. Ивану Михайловичу было такъ хорошо, что, попадись ему въ ту минуту Матрена Андреевна, онъ взялъ бы ее за талію, взялъ бы, пожалуй, и за пергаментную щечку. Но сидѣлъ съ нимъ рядомъ Богданъ Богдановичъ, и чувства свои излилъ фонъ-Гарецкій ему.

— Вотъ и урокъ добрымъ людямъ, вотъ и наука! проговорилъ, не совсѣмъ связно, супругъ Олимпіады Аверкіевны, трепля будущаго зятя по колѣну.—Не измѣнилъ другъ въ несчастіи, любо ему же, радость пополамъ! Приданое достанется чистенькое, а заложить захочешь, закладывай самъ, и деньги передъ тобою: дочь не обидишь, знаю, что не обидишь, добрый человѣкъ!

— Будущность въ вашей волѣ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, отвѣчалъ съ чувствомъ Герцфетъ: а подумать бы о настоящемъ.

— О чемъ же это подумать, мой милый?

— Мало ли о чемъ!

— Однако же? говори, а мы послушаемъ.

— Первое: подумать бы о томъ, что, пока получатся сотни тысячъ, надо бы пустить пыли въ глаза враговъ, и доказать имъ тѣмъ, что, кромѣ выигрыша, водятся свои рубли.

— Правда, сущая правда!

— А правда, такъ задайте-ка балъ, Иванъ Михайловичъ, да созовите всю столицу; позовите и князя Павла Дмитріевича. Пусть не говорятъ, что фонъ-Гарецкіе очень обрадовались случаю... пусть...

— Прекрасная мысль, будущій роденька, и сегодня же посылаю за всѣми ростовщиками; не пожалѣю возмездія, деньги въ виду.

— Обойдемся и безъ возмездія; о деньгахъ же подумалъ я, и вотъ онѣ, деньги.

— Можетъ ли быть?

— Возьмите все, что имѣю въ эту минуту, сказалъ торжественно Богданъ Богдановичъ, выкладывая кипы ассигнацій изъ всѣхъ своихъ кармановъ.

— Что это, что это?

— Средства къ пораженію враговъ и завистниковъ.

— Да тутъ капиталы!

— Тысячь пятьдесятъ ассигнаціями; понадобится больше — достанемъ.

— Упаси Господи! и этихъ станетъ. Ай-да зятекъ, ай-да догадливость! Вѣдь вотъ, подите, мнѣ на мысль, а онъ и дѣло... Вотъ спасибо, такъ спасибо!

Фонъ-Гарецкій одною рукою схватился за разно-

цвѣтныя пачки, а другою обнялъ шею Герцфета и привлекъ его къ себѣ; нѣжные поцѣлуи посыпались съ обѣихъ сторонъ. На полученную же сумму не было выдано будущимъ тестемъ будущему зятю не только ни одного законнаго акта, но даже и простой расписки.

Во время слѣдующаго гулянья подъ качелями, самый новый экипажъ и самыя суетливыя лошади принадлежали фонъ-Гарецкому.

Смѣялись надъ нимъ, показывали на него пальцами, звали дуракомъ, но, тѣмъ не менѣе, не было на всемъ гуляньѣ ни одного человѣка, который бы былъ такъ доволенъ собою и всѣмъ, какъ Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій.

Кому радость, а кому горе! Крѣпко горевалъ Кузьма Тихоновичъ Парѳенинъ, предчувствуя, что домъ его скоро лишится давнишняго жильца своего, потому что съ полумилліономъ, ужь конечно, не останется жить въ немъ Иванъ Михайловичъ фонъ-Гарецкій.

Новая выходка Богдана Богдановича упрочила за нимъ званіе жениха въ домѣ фонъ-Гарецкихъ, и на него возложены были Иваномъ Михайловичемъ хлопоты о скорѣйшемъ полученіи, откуда слѣдовало, 900.000 злотыхъ. Герцфетъ снова отправился въ контору, навелъ справки и узналъ положительно, что ближе мѣсяца всего капитала сполна собрать было невозможно, почему просили повѣреннаго г-на фонъ-Гарецкаго явиться съ билетомъ по прошествіи этого срока. Между тѣмъ помолодѣвшій духомъ Иванъ Михайловичъ ежедневно поражалъ домашнихъ своею щедростью, вкусомъ и роскошью. Въ недѣлю времени, супругъ Олимпіады Аверкіевны перемѣнилъ всѣ свои прежнія привычки. Русскаго стола онъ переносить болѣе не могъ; обыкновенныя столовыя вина швырялъ онъ подъ столъ; нанялъ двухъ Французовъ для услугъ; въ холодныя сѣни свои

поставилъ позолоченнаго швейцара, а кучеровъ обшилъ бобрами. Онъ заказалъ Оливье двадцать паръ платья, полагаясь въ выборѣ цвѣтовъ и фасоновъ на вкусъ самого портнаго; взялъ годовую ложу въ Большомъ Театрѣ, нарядилъ жену какъ куклу, а Ваничку совершеннымъ шутомъ. Короче, недѣли не прошло, какъ отъ пятидесяти тысячь, привезенныхъ будущимъ зятемъ, не оставалось въ карманѣ будущаго тестя и трети этой суммы, такъ что, для погашенія недоимокъ по имѣніямъ и всѣхъ просрочекъ, въ Совѣтъ долженъ былъ внести Герцфетъ собственныя свои деньги. За это, впрочемъ, женихъ ни мало не былъ въ претензіи, будучи, во первыхъ, увѣренъ въ скорой уплатѣ, а во вторыхъ, составляя счеты, которые фонъ-Гарецкій утверждалъ своимъ словомъ.

— Я вотъ, братецъ, что тебѣ скажу, замѣтилъ въ началѣ первой недѣли Богдану Богдановичу Иванъ Михайловичъ: всѣ хлопоты касательно угощенія, музыки, прислуги и прочаго, словомъ сказать, всего, до бездѣлицы, беру я на себя, а ты, любезный, похлопочи только о гостяхъ, то есть постарайся собрать ихъ побольше.

— Съ радостью, отвѣчалъ тотъ: все стараніе приложу; если нужно самъ поѣду съ приглашеніями; друзей всѣхъ на ноги подыму, а узнаютъ, что раутъ у васъ, просить себя два раза никто не заставитъ.

— Надѣюсь, замѣтилъ съ самодовольнымъ видомъ фонъ-Гарецкій, и съ того же вечера началъ онъ составлять проектъ предполагаемаго празднества, на которомъ должно было недоставать, какъ самъ онъ говорилъ, одного птичьяго молока.

Днемъ раута, по общему приговору, назначили вторникъ второй недѣли поста. Сложивъ съ себя работу приглашеній, супругъ Олимпіады Аверкіевны приступилъ прежде всего къ наружной отдѣлкѣ парадныхъ комнатъ,

и залу приказалъ оклеить бумажками, изображающими бѣлый мраморъ. Гостиную ему смертельно хотѣлось сдѣлать красную съ золотомъ, но княжна забила тревогу, и, согласно съ дамскимъ вкусомъ, сдѣлали гостиную свѣтлосинею; драпировки повѣсили оранжевыя, а люстры и бра изъ выбитой латуни, со стекломъ. Угловую или диванную комнату умоляла княжна драпировать кисеею и отдѣлать фальшивымъ плющемъ, но Иванъ Михайловичъ затопалъ ногами, прокричалъ «фи-фи-фи!» и, допустивъ плющъ, замѣнилъ кисею лиловыми глянцовыми бумажками, съ кружевными оборками и пунцовыми ленточками. Этотъ рисунокъ показался ему и деликатнымъ и граціознымъ. Остальная часть бельэтажа должна была остаться въ первобытномъ видѣ. Угощеніе и буфетъ вообше предоставилъ фонъ-Гарецкій знакомому кандитеру, а два хора музыки и хоръ цыганъ приговорилъ самъ, равно и фокусника, только что прибывшаго изъ Варшавы.

Узнавъ отъ горничной о роскошныхъ приготовленіяхъ къ какому-то торжеству, Аглая впала въ сильнѣйшую хандру, и рѣшительно слегла въ постель. Въ пылу своего благополучія, нѣжные родители дѣвушки почти не замѣтили страшной перемѣны, происшедшей въ ней въ самое короткое время, и къ одной Матренѣ Андревнѣ доходили черезъ служанокъ слухи, что барышнѣ случается громко бредить по ночамъ, и говорить такія странныя вещи, которыхъ никто себѣ растолковать не могъ. Напримѣръ, на другой день выигрыша, она будто бы уговаривала кого-то бѣжать, клялась кому-то, что не виновна ни въ чемъ, что Корнелія презираетъ, а за Богдана Богдановича ни за что не пойдетъ замужъ, и скорѣе умретъ. Въ другую ночь барышня много смѣялась во снѣ, протягивала свои ручки, увѣряла въ привязанности, и будто радовалась чьему-то приходу.

«Ужь не о баронѣ ли она жалѣетъ, не его ли любитъ?» думала Матрена Андреевна, и думала такъ громко, что объ этомъ предположеніи стали уже поговаривать не только въ кухнѣ дома Парѳенина, но и въ кухняхъ сосѣдственныхъ домовъ. Такъ какъ кухонныя вѣсти доходятъ иногда и до самихъ господъ, то и передала въ одно утро княжна Евгенія сестрѣ своей и передала за достовѣрное, что причиною болѣзни Аглаи совсѣмъ не простуда, а просто страсть къ барону, которую напрасно старалась племянница и скрывать и подавить, и что страсть эта наконецъ созрѣла и вышла наружу съ безсонницею и со всѣми своими терзаніями, физическими и моральными.

— Диковинное дѣло! замѣтила Олимпіада Аверкіевна.—Но зачѣмъ же было Аглаичкѣ такъ противиться замужеству, когда замужества этого желали и Jean, и я, и всѣ?

— Ахъ, ma soeur, какая ты, право, еще невинная! Не уже ли ты до сихъ поръ не поняла настоящей причины ея сопротивленія?

— Нѣтъ, признаюсь, не понимаю.

— Ну, какъ же мнѣ тебѣ сказать?

— Скажи просто.

— Просто? повторила жеманная княжна.—Тебѣ хорошо говорить «просто», а посуди, каково мнѣ?

— Еще меньше понимаю.

— Ахъ, какая ты странная! Ревность, ревность, ma soeur! Или не допускаешь ты этого чувства въ двадцатилѣтней дѣвушкѣ?

— Зачѣмъ же двадцатилѣтней? Аглаичкѣ всего восемнадцать, сухо замѣтила старшая сестра.

— Ну, восемнадцать! хоть и не совсѣмъ такъ.

— Нѣтъ, такъ.

— Положимъ, положимъ! Все таки въ эти годы серд-

це не дремлетъ болѣе, и очень хорошо знаетъ что значитъ имѣть соперницъ.

— Ахъ, Богъ мой, совсѣмъ изъ головы вонъ! И можно ли быть такой безпамятной! воскликнула, смѣясь, фонъ-Гарецкая.—Вотъ ужь часъ, какъ ты надрываешься, чтобы напомнить мнѣ о пассіи барона къ тебѣ, а я не догадываюсь! Но успокойся: дочь объ немъ не страдаетъ, и, повѣрь, никогда не страдала.

— Зачѣмъ же этотъ тонъ, ma soeur? Смѣяться не надъ чѣмъ, смѣшнаго тутъ ровно нѣтъ ничего, проговорила обиженная княжна: а говорить безъ основанія я, конечно, никогда себѣ не позволю, и Аглая любитъ барона, и любитъ его больше, чѣмъ вы думаете.

— На чемъ основываете вы ваше предположеніе? спросила сухо Олимпіада Аверкіевна.

— На томъ, что она во снѣ только и бредитъ имъ.

— Право?

— Да-съ.

— Ну, мы это узнаемъ сейчасъ, сказала фонъ-Гарецкая, отправляясь прямо въ комнату дочери.

Только въ этотъ приходъ замѣтила нѣжная мать перемѣну, происшедшую въ лицѣ больной, и худобу, и блескъ глазъ, и блѣдность недавно розовыхъ губокъ, и хриплость голоса, однимъ словомъ, перемѣну во всей особѣ дѣвушки, дышавшей съ трудомъ. Достаточно было бы одного взгляда на страждущую, чтобы смягчить любое сердце; сердце же Олимпіады Аверкіевны и безъ того не было слишкомъ жестко, почему и обратилась она къ дочери съ неподдѣльнымъ участіемъ и, запретивъ подыматься, почти нѣжно стала разспрашивать ее о томъ, что она чувствуетъ, на что именно жалуется, и не безпокоитъ ли ее какая нибудь мысль?

— Надѣюсь, Аглаичка, сказала ласково мать: что не предполагаемое замужество довело тебя, мой другъ, до

такого положенія. Ты не дитя и очень хорошо знаешь наши правила, тѣмъ болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ. Господь послалъ почти богатство; долги заплатятся, и вамъ еще останется кое что. Ни отецъ твой, ни я, конечно, принуждать тебя не будемъ; располагай собою и успокойся; это главное.

— Богданъ Богдановичъ мнѣ противенъ, ужасно противенъ.

— Ты, право, премудреная, Аглаичка, и стоитъ только мужчинѣ на тебѣ посвататься, чтобы тотчасъ же опротивѣть; примѣрно, баронъ....

— Что же баронъ, maman?

— И того сначала забраковала.

— Какъ сначала? Всегда, я думаю.

— Ну, ужь въ этомъ не старайся, мой другъ, меня увѣрить; теперь дѣло другое, и тотъ же баронъ...

— Самый непріятный человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю.

— Вздоръ, вздоръ!

— Но не уже ли вы сомнѣваетесь?

— Мало сомнѣваюсь — знаю навѣрно, что ты не правду говоришь.

— Ахъ, Богъ мой, maman, да это ужасно!

— Ужасно не ужасно, а ты просто больна по немъ, и во снѣ только съ нимъ и разговариваешь.

— Во снѣ? я?

— Ты, мой другъ, ты! Лгать не стану.

— Такъ я во снѣ говорю что нибудь? спросила больная, краснѣя.

— Вѣрно говоришь, когда слышатъ другіе, и сонъ только передаетъ настоящія мысли и чувства; притворяться спящій не можетъ, и, какъ хочешь запирайся, меня не увѣришь.

Аглая пристально посмотрѣла на мать, протяжно вздохнула, и молча опустила голову на подушки. На

дальнѣйшіе разспросы и увѣщанія отвѣчала она такъ не связно, и такимъ слабымъ голосомъ, что, принявъ это за усталость, первая благословила ее довольно нѣжно, сама покрыла теплымъ одѣяломъ, и на цыпочкахъ вышла вонъ изъ комнаты, отдавъ строгое приказаніе горничнымъ подслушивать сонъ больной и обо всемъ немедленно приходить съ докладомъ внизъ. Впрочемъ, мѣра эта не послужила ни къ чему, потому что Аглая стала съ этого дня засыпать позже приставленныхъ къ ней служанокъ, а просыпаться раньше ихъ.

Тѣмъ временемъ у почтеннаго Ивана Михайловича явилась новая привычка, обратившаяся въ необходимость, въ потребность души, какъ онъ говорилъ. Иванъ Михайловичъ не могъ болѣе садиться за столъ, не справившись предварительно, стоятъ ли передъ нимъ двѣ бутылки редерера, и не простаго, обыкновеннаго, а непремѣнно изъ Англійскаго магазина; другаго вина онъ проглотить не могъ. Благородная привычка эта дѣлала изъ почтеннаго фонъ-Гарецкаго, дважды въ день, весьма нетрезваго фонъ-Гарецкаго, и такого нетрезваго, что врачъ, страшась, довольно впрочемъ хладнокровно, за послѣдствія, строго предписалъ Ивану Михайловичу разводить шампанское зельцерскою водою, для чего и подавалась Ивану Михайловичу послѣ стола третья бутылка редерера.

— Не напрасно ли вы это дѣлаете? дозволялъ себѣ иногда говорить будущему тестю своему Богданъ Богдановичъ, и тогда получалъ въ отвѣтъ: «И знаю, что не хорошо, да, была не была! Покучу пока не соберу всѣхъ капиталовъ и не размѣщу ихъ какъ должно; а тамъ, братецъ, пристрою тебя; Ваньку въ кавалерію, а для остальныхъ найму съ полдюжины профессоровъ, и примусь копить деньгу. То-то заживу! славно, лихо, братецъ, заживу, и ни одинъ ско... ско... не.... не....» и за послѣднимъ

слѣдовало краткое молчаніе, и потомъ раздавались громкія и протяжныя всхрапыванія и дѣлался сильный отекъ вѣкъ, щекъ и всего лица.

Страшась чего нибудь скоропостижнаго, Богданъ Богдановичъ принялся увѣрять будущаго роденьку, что въ городѣ толкуютъ съ невыгодной стороны о затворничествѣ фонъ-Гарецкихъ, и что давно пора отворить двери для прежнихъ друзей, сотоварищей и знакомыхъ.

— Пусть себѣ отворяютъ, отвѣчалъ тотъ, и въ тотъ же день явился первымъ князь Грибкинъ.

Ко всеобщему удивленію, его сіятельство не только не осмѣялъ ничего въ возобновленномъ жилищѣ родныхъ, но превозносилъ цвѣтъ обоевъ, вкусъ дутыхъ мѣдныхъ вещей, и качество матерій, покрывавшихъ мебель, и даже жилеты хозяина.

— Да вы прелесть какъ устроились! Да это очарованіе, храмъ изящества! шепелялъ Грибкинъ, лорнируя поперемѣнно то родственниковъ, то прочіе предметы.

— А ты, князь, небось думалъ, что безъ твоего посредничества и не найдемся какъ справиться съ милліончикомъ? замѣтилъ Иванъ Михайловичъ, начавшій со дня выигрыша всѣмъ говорить *ты*.

— Ого, какой тонъ, mon cher parent! Да вы, просто, сдѣлались grand seigneur!

— Погоди! То ли еще будетъ!

— Воображаю!

— И вообразить себѣ не можешь.

— Слышалъ: праздникъ намѣрены дать.

— Стало, ужь поговариваютъ?

— Всѣ, mon cher parent, весь Петербургъ, отвѣчалъ князь, все таки не насмѣшливымъ тономъ.

Тутъ Грибкинъ обратился къ Герцфету, къ Олимпіадѣ и Евгеніи Аверкіевнамъ, и разсказалъ, конечно, вымышленные анекдоты, касательно эффекта, произведеннаго

на публику внезапнымъ богатствомъ Ивана Михайловича. Онъ предложилъ познакомить Аглаю съ самыми фешенебельными домами, и привезти на раутъ лучшихъ танцоровъ, увѣряя, что безъ танцевъ обойтись ни какъ нельзя, что всѣ гвардейскіе офицеры съ нетерпѣніемъ ждутъ этого праздника, и прочее прочее, все чрезвычайно лестное для всей родственной семьи.

Таялъ отъ счастія Иванъ Михайловичъ, слушая болтовню Грибкина, и если бы фонъ-Гарецкій не боялся уронить себя, онъ бросился бы цѣловать болтуна. Когда же послѣдній умолкъ, чтобы перевести духъ, счастливецъ громовымъ голосомъ велѣлъ подать шампанскаго и бокалы.

— Только меня ужь увольте! сказалъ испуганный Ослабушевъ.—Смерть боюсь этого яду.

— А боишься, такъ не нужно бокаловъ, а подавай стаканы, да выбери покрупнѣй, прибавилъ хозяинъ вслѣдъ выходившему Климычу, одѣтому въ новую, блестящую ливрею съ дворянскими гербами.

Къ великой досадѣ его сіятельства, пріѣхавшаго, конечно, не безъ цѣли, вслѣдъ за нимъ явились въ гостиную два чиновника, бывшіе сотоварищами фонъ-Гарецкаго. Съ ними обошелся онъ не только невѣжливо, но дерзко. На поклоны ихъ и поздравленія отвѣчалъ онъ краткимъ: «Добро, добро, добро! садитесь, да пейте; зла не помню!» Не толкни Богданъ Богдановичъ будущаго роденьку своего въ бокъ, не то еще сказалъ бы онъ чиновникамъ, имѣвшимъ несчастіе коситься на сослуживца, когда сослуживца постигло несчастіе.

Къ вечеру прибыло еще нѣсколько гостей, избѣгнувшихъ дерзости фонъ-Гарецкаго, благодаря редереру, расположившему амфитріона къ сладкому и непробудному сну. О больной дочери пьянаго хозяина въ продолженіе цѣлаго вечера не вспомнилъ рѣшительно никто. За часъ до ужина предложилъ Иванъ Михайловичъ, ради

скуки, составить ералашикъ по маленькой, то есть по рублю серебромъ, и, разумѣется, согласился играть, и то изъ угожденія, одинъ Богданъ Богдановичъ; третьяго же партнера насильно усадилъ Герцфетъ, предложивъ ему придерживать девяносто копѣекъ. Партія продолжалась довольно долго. Хозяинъ, все таки ради скуки, перебивалъ всѣ игры, кричалъ безкозырную; а послѣ безкозырнаго робера, не дождавшись разсчета, всталъ изъ за зеленаго стола, бросивъ на него пачку ассигнацій. Деньги будущаго тестя перешли въ карманъ будущаго зятя, а чиновникъ положилъ въ карманъ два золотыхъ, и всѣ трое остались очень довольны ералашемъ. За ужиномъ потребовалъ Иванъ Михайловичъ свѣжихъ фруктовъ, которыхъ въ домѣ не оказалось; почему и посланъ былъ немедленно за ними Климычъ, съ приказаніемъ отыскать и привезти ихъ, за какую бы то цѣну ни было. Князь Ослабушевъ выпросилъ позволеніе у Ивана Михайловича поговорить съ нимъ на слѣдующій день о весьма важномъ дѣлѣ, но безъ свидѣтелей, и въ первый разъ приложился, прощаясь, къ обѣимъ ланитамъ своего дорогаго родственника.

— Ну, какъ ты думаешь, Богданъ, каковы всѣ эти гости? сказалъ фонъ-Гарецкій, зѣвая и лѣниво протягивая руку свою Герцфету, когда въ гостиной остались только свои.

— Да, почтеннѣйшій, теплые ребята! отвѣчалъ Герцфетъ, качая головою.

— Ну, да провалъ ихъ побери! А хорошо, любезный, быть богатымъ, ей ей хорошо! Однако пора спать. Жена, веди меня.

(окончаніе въ шестой части.)

конецъ пятой части.

Stanford University Libraries
3 6105 025 826 848

